

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Беларускі дзяржыўны ўніверсітэт
Гістарычны факультэт
Кафедра гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў

Лістападаўскія сустрэчы – XV

Матэрыялы міжнароднай навуковай выкладчыцка-студэнцкай
канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава
Мінск, 15 лістапада 2023 г.

Мінск
2024

УДК 94(100)(06)
Л 636

Рашэнне аб депаніраванні вынес:
Савет гістарычнага факультэта
Пракол № 8 ад 27 лютага 2024 г.

Рэдакцыйная калегія :

І. А. Еўтухоў, доктар гістарычных навук, прафесар кафедры гісторыі старажынага свету і сярэдніх вякоў (адк. рэд.); А. В. Перзашкевіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі старажынага свету і сярэдніх вякоў; А. А. Прохараў, кандыдат гістарычных навук, прафесар кафедры гісторыі старажынага свету і сярэдніх вякоў.

Рэцэнзенты:

Палятаева Н. І., доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры эканамічнай гісторыі БДЭУ;

Шымак А. К., кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Расіі.

Лістападаўскія сустрэчы – XV : матэрыялы міжнар. навук. выкладчыцка-студэнц. канферэнцыі ў гонар акад. М.М. Нікольскага і У.М. Перцава, Мінск, 15 лістапада 2023 г. / БДУ, Гістарычны фак., Каф. гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў ; [рэдкал.: І. А. Еўтухоў (адк. рэд.) і інш.]. – Мінск : БДУ, 2024. – 319 с. : табл. – Бібліягр. у тэксце.

Прадстаўлены матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі «Лістападаўскія сустрэчы – XV», прысвечанай акадэмікам М. М. Нікольскаму і У. М. Перцаву, якая адбылася на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта 15 лістапада 2023 г. Разглядаюцца праблемы гісторыі старажытнага свету, сярэдніх вякоў, славян, рэлігіі, беларускай медыявістыкі.

Адрасавана навуковым супрацоўнікам, выкладчыкам і студэнтам устаноў вышэйшай адукацыі, усім, хто цікавіцца сусветнай гісторыяй.

АГЛАЎЛЕННЕ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА	5
<i>Перзашкевич О. В.</i> К вопросу о применимости классических комментариев к Ригведе в исторических исследованиях	5
<i>Миксюк А. С.</i> Семья и семейные отношения в Авесте.....	14
<i>Шелестин В. Ю.</i> Календарное значение церемоний в хесте	266
<i>Телепень С. В.</i> Наместник как усмиритель социальных волнений: военные и другие средства поддержания порядка в провинции (период Принципата).....	355
<i>Качан С. А.</i> Формула <i>ꝓꝓꝑꝑ</i> в votivных надписях римского Египта как проявление посреднической роли правителя между мирами людей и богов	47
<i>Козленко А. В.</i> Парфяне на римской военной службе	54
<i>Радченко М. Л.</i> Либаний как покровитель студентов риторической школы в Антиохии	60
<i>Артюшко Н. А.</i> Критерии знатности в римском обществе I–II вв. н. э.	66
<i>Багинский Н. В.</i> Время и место создания Кальпасутры	74
<i>Дежиц А. Д.</i> «Политическое животное» в философии Аристотеля.....	79
<i>Шао Ици</i> Анализ структуры центральной системы официальных должностей в трактате «Чжоу ли»	86
<i>Lu Weiran</i> The Changes of Social Concepts of Marriage and Love in Late Ming Drama	92
<i>Е Хуашен</i> Становление традиции мужчин-исполнителей женских персонажей китайской оперы	98
ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ	101
<i>Евтухов И. О.</i> Восприятие пространства в древнеанглийских поэмах «Беовульф», «Genesis A» и «Исход»	101
<i>Болгов Н. Н., Болгова А. М.</i> Городские частные элитные резиденции ранневизантийского Кипра	115
<i>Филиппов А. А.</i> Проблема теории смены власти в средневековом исламском мире на примере установления династии Аййубидов в Египте	122
<i>Черкасов Д. Н.</i> Борьба за Эно, Голландию и Зеландию в 1419–1432 гг.	132
<i>Ивонина Л. И.</i> Империи сквозь призму детерминации: «империи защиты» и «империи эксплуатации» в раннее Новое время	142
<i>Беляев М. П.</i> Юлих-клевское наследство.....	153
<i>Смирнова Е. Д.</i> История повседневности в зеркале зарубежной историографии	164

ИСТОРИЯ СЛАВЯН	171
<i>Довгялло М. С.</i> Аграрная экономика – главная сфера взаимодействия общества и природы на послепервобытных до капиталистических стадиях.....	171
<i>Сальков А. П.</i> Словенско-австрийские противоречия в Южной Каринтии (Словенской Корошке).....	177
<i>Репин В. В.</i> Чешские гуситы между лютеровской реформацией и папской курией в контексте политической борьбы в Праге в 1523–1525 гг.....	183
<i>Любы А. Ул.</i> Род Гальшанскіх у канцы XIV – XVI ст.: дзяржаўная кар’ера і дынастычныя амбіцыі	193
<i>Захарыч В. І.</i> Фундатары ордэна прапаведнікаў у Вялікім Княстве Літоўскім у XVII – XVIII стст.....	207
<i>Даўматовіч К. Дз.</i> «И с всем поспольством согадавши, урядили есмо так»: да пытання генезіса сойма Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XIV–XV стст.....	216
<i>Сямёнаў М. А.</i> Віленская базыліянская друкарня	224
ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ	231
<i>Лянцэвіч В. М.</i> Жанчына ў ерэтычных рухах антычнахрысціянскага перыяду.....	231
<i>Сидорович Е. А.</i> Литургический гимн «Tempore belli» как исторический источник изучения арабского вторжения на Пиренейский полуостров	239
<i>Пашков Н. О.</i> Опыт взаимоотношений Архиепископа Макариоса, первого Президента Республики Кипр и архиереев Русской Православной Церкви (1955–1977)	248
ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ	256
<i>Прохоров А. А.</i> Белорусская индоевропеистика: история и перспективы	2566
<i>Смирнова Е. Д.</i> Историческая антропология, история ментальностей и «новая историческая наука».....	271
<i>Шахзад Т. В.</i> Перевод аль-Бируни на арабский язык «Йогасутр» Патанджали	278
МАГИСТРАНТЫ И СТУДЕНТЫ	286
<i>Бейзер В. А.</i> Разбойничество в Иудее.....	286
<i>Спирида А. Д.</i> Наместник и прокуратор: взаимодействие на провинциальном уровне	290
<i>Гудень М. А.</i> Некоторые проблемы правовой системы Франкской империи (Майнцкий собор 829 г.).....	296
<i>Закрочинский Н. А.</i> Англоязычная историография Хроник Фруассара	309

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНИМОСТИ КЛАССИЧЕСКИХ ИНДИЙСКИХ КОММЕНТАРИЕВ К РИГВЕДЕ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

О. В. Перзашкевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, Perzashkevich@bsu.by*

Рассмотрение комментариев к Ригведе (*bhASA-bhASya*) представителей различных традиций и времен (прежде всего, Саяны) на примере отдельных фрагментов Ригведы дают основание полагать, что: 1) классические комментарии к Ригведе, без сомнения, очень часто, за счёт пояснений или толкований, облегчают как выбор значения отдельных слов, так и понимание смысла написанного. Прежде всего, это относится к языковым реалиям; 2) сохранившиеся до нашего времени комментарии, по крайней мере, в некоторых случаях, отражают понимание ситуаций или отдельных элементов ритуалов, которые известны не из Вед, а из *itihAsa* и более поздних текстов, что вполне понятно с учетом того, что комментаторы жили гораздо позднее сложения всех этих памятников; 3) классические и современные комментарии в равной степени отражают школы и традиции, к которым они принадлежат; 4) использование классических комментариев в исторических исследованиях Ригведы является уместным. Однако, все случаи дополнения комментаторами данных текста источника сведениями, которые в нем не содержатся, не должны быть основанием для выводов относительно ригведийских реалий, содержащих строгие утверждения.

Ключевые слова: Ригведа; комментарии (*bhASA-bhASya*); Саяна; Даянанда; традиции; исторический источник.

The revise of Classical comments to Rigveda (*bhASA-bhASya*) left by representatives of various traditions and times (and first of all, by Sayana) regarding selected fragments of Rigveda, gives us the basis to believe: 1) that the classical comments to Rigveda, because of their explanation or interpretation, very often helps to understand both separate words and the sense of written. Primarily, it concerns Vedic language realities. 2) The comments preserved until present times, at least, in some cases, reflect an understanding of realities or separate elements of rituals as not known from the Vedas, but from *itihAsa* and later texts. It is quite clear if we take into account that those commentators lived much after appearance of all those monuments; 3) The classical and modern comments equally reflect schools and traditions to which they belong; 4) Any use of classical comments in historical researches of Rigveda is pertinent. However, in all cases when the commentators added data to the text, the Rigveda itself does not contain, should not be the basis for conclusions on any Rigvedic realities, if those conclusions contain strict statements.

Keywords: Rigveda; Classical comments (*bhASA-bhASya*); Sayana; Dayananda; traditions; a historical source.

В Индии Ригведа считается Божественным Откровением и является объектом изучения и поклонения столько, сколько существует сама. За прошедшие три тысячи лет написано такое количество комментариев и толкований, что вряд ли возможно сосчитать.

При этом следует заметить, что в Индии, в большинстве случаев, исследователи Ригведы придерживаются правила, что понимание текста этого памятника без комментариев (т.н. *bhASA-bhASya*) невозможно.

Ситуация с комментариями, как нам видится, может быть представлена следующим образом.

1.1. Древнейший период (до Саяны).

В рамках этого периода обычно выделяются следующие школы комментаторов Ригведы [1, т. 1, с. 85–90]:

- этимологи — приверженцы толкования понятий, исходя из этимологии с разбором соответствующих контекстов во всех ведийских текстах. Основателем этого направления можно считать Яску – автора «Нигханту» и «Нирукты», жившего не позднее 500 г. до н. э. [2, с. 478];

- грамматики — сторонники орфографического и грамматического анализа текстов; наиболее известным из древних грамматиков является автор “Восьмикнижия” Панини, живший в V–IV вв. до н. э. [3, с. 6] и считающийся первым систематизатором и бытового и ведийского санскрита [1, т.1, с. 89];

- ритуалисты – сторонники толкования текстов, исходя из ритуала. Среди таковых можно назвать жившего в VII в. н. э. Скандасвамина [1, т. 1, с. 91] и жившего в X в. Венкату-Мадхаву [1, т. 1, с. 92];

- легендисты — сторонники толкования на основании легенд и преданий.

Все они, практически без исключения, исходят из непрерывности индийской традиции и принадлежности Ригведы и последующих произведений к единой культуре без какой бы то ни было серьезной качественной специфики, кроме того, что это самая священная из всех книг.

1.2. Период от Саяны до XVIII в.

Крупнейшим представителем периода является сам Саяна (1315–1387). Он использовал очень многое из разных предшествующих ему школ, особенно грамматиков, ритуалистов и легендистов. К несомненным достоинствам комментариев Саяны относятся:

- глубокое знание языка и ритуала [2, с. 478];

- реалистичное и, по возможности, буквальное толкование ригведийских реалий [4, т. 1, с. 53].

К сожалению, комментарии Саяны имеют и серьезные недостатки, которые делают их трудноприменимыми при решении исторических задач:

- приверженность Саяны своим семейным традициям понимания ритуала в духе Черной Яджурведы и Тайтрейя Самхиты [1, т. 1, с. 94];

- следование комментариям брахман [1, т. 1, с. 120;], которые несомненно являются по отношению к Ригведе гораздо более поздними;

- привлечение преданий и легенд, изложенных в Пуранах [1, т. 1, с. 119], создание которых обычно относят к началу нашей эры [5, с. 299];

- фактическое отрицание мифологического аспекта Ригведы [1, т. 1, с. 120].

1.3. Комментаторы XIX–XX вв.

Наиболее значительными фигурами этого периода, рассматривавшими проблемы социальной организации ригведийского общества, являются основатель «синтетического» направления Дайананда Сарасвати (1824–1883) и Шри Ауробиндо Гхош (1872–1950).

Основной особенностью подхода Дайананды к ригведийским реалиям является их толкование, исходя из многозначительности санскритских терминов. Дайананда давал каждому понятию как возможно более общее толкование, учитывая все частные случаи его употребления. К сожалению, он не успел закончить запланированный полный комментарий к Ригведе и дошел лишь до VI мандалы [1, т. 1, с. 107].

Комментарии Дайананды представляют для нас несомненную ценность как одна из первых попыток дать целостное определение ригведийских понятий, опираясь на все случаи их употребления в самом памятнике, а не на отдельные места и, тем более, на более поздние комментарии. Однако следствием такого «синтетического» толкования Дайананды явилась излишняя формальность или очевидная спекулятивность понятий, поскольку принципом синтеза являлась точка зрения автора о том, что ригведийские арии были монотеистами [4, т. 1, с. 53; 1, т. 1, с. 107].

Ауробиндо продолжил работу в рамках основанного Дайанандой «синтетического» направления. Указывая на необходимость целостного подхода к Ригведийским понятиям, он отстаивал возможность их понимания только посредством проникновения в себя и свое «я» и подсознание [1, т. 1, с. 112]. Таким образом, его толкования не могут быть использованы при анализе ригведийских текстов в интересующем

нас социально-историческом плане, поскольку они не учитывают ни временной, ни исторической специфики памятника.

Говоря о комментаторских традициях, вполне обоснованным видится и рассмотрение в этом же разрезе комментариев современных индийских ученых Свами Пракашвир Шастри и Сатьякама Видьяланкара. Основными их достоинствами являются прекрасное знание ведийского языка, ритуала и различных комментаторов, а также комментаторских традиций.

К сожалению, заметное, особенно в переводе, влияние «синтетического» подхода Дайананды (например, признание у ригведийских ариев монотеизма), преобладание натуралистических толкований над мифологическими и привлечение внеригведийских текстов [см., например, 1, т. 1, с. 37–47] накладывают серьезные ограничения на возможность использования работ С. Пракаша и С. Видьяланкара для подобных исследований.

Рассмотрим сказанное на примере нескольких фрагментов Ригведы, демонстрирующих, на наш взгляд, сказанное выше вполне наглядно.

IV 2, 17

sukarmANaH **suruco** devayanto 'yo na devA janimA dhamantaH |
zucanto agniM vavRdhanta indram UrvaM gavyam pariSadanto agman ||
*Хорошо действующие, хорошо сияющие, любящие богов, а́яс
словно, боги родословные раздувающие; очищающие Агни,
увеличивающие Индру, огромное коровье обсевшие подошли.*

Весьма показательное, что широко используемая в индологии трактовка написанного как очищение собственного рождения от нечистоты благими деяниями по аналогии с тем, как очищается *ayas* (т. е., скажем, выплавляется из руды) [например, 7, с. 190], следует не столько из оригинала, сколько из комментариев Саяны: *surucaH zobhanakSeptayaH devayantaH devAn kAmayanAmAH* (хорошо сияющие, превосходно высеченные, любящие богов, богами желанные) [6, т. 2., с. 510].

I 101, 5

yo vizvasya jagataH prANatas patir yo **brahmaNe** prathamo gA avindat |
indro yo dasyUMr adharAM avAtiran marutvantaM sakhyAya
havAmahe ||

*Который всех, что двигаются, дышат, хозяин, который **брахману**
первый коров отыскивал, Индра, который дасью покоренных сдувший,
сопровождаемого Марутами для дружбы призываем мы.*

Текст указывает, на *brahmán* как на того, для кого Индра искал коров (указание на миф Вала). Т. Я. Елизаренкова, вслед за Саяной, считает, что под брахманами здесь понимаются Ангирасы: *brahmaNaM*

brAhmaNajAnibhyo 'GgirosyaH (брахман брахманом рожденный, никому не прислуживающий, из Ангирасов) [6, т. 1, с.601; 207, т. 2, с.622], Дайянанда считал, что речь идет просто о брахманах как жреческом классе [8, т. 2, с. 515].

IV 9, 5

veSi hy adhvarIyatAm upavaktA janAnAm | havuA sa mAnuSANAm ||
Принимай же, да совершается жертвоприношение, упавактар,
рожденными, и возлияние – людьми.

IX 95, 5

iSyam vAcam upavakteva hotuH punAna indo vi SyA manISAm |
indraz sa yat kSayathaH saubhagAya suvIryasya patayaH syAma ||
Подгоняя речь, упавактарову словно, хотарову, о очищенная капля,
да направь разум; также и Индра, если вы двое правите для благости
лучшего из мужей, господами да будем мы.

Из этих текстов следует, что Агни в качестве *upavaktar* (который действует вместе с другими жрецами) был связан с жертвоприношением типа *havuA*, а также действием *adhvarIya-* («совершать жертвоприношение»), что следует из пояснений Саяны: *adhvarIyatAm yajJamicchatAM* (да совершается жертвоприношение = жертвоприношение да будет желанным) [7, т. 2, с. 546]. Можно предположить, что он сопровождал жертвенное возлияние какими-то речами (например, подпевая огню и хотару).

Следующий пример является, на наш взгляд, характерным для I мандалы. В ней очень часто указания на проводимый ритуал содержат аллюзии, которые поясняются комментаторами, исходя из реалий, которые в настоящее время известны из итихасы и более поздних текстах.

I 128, 4

sa sukratuH purohito dame-dame gnir yajJasyAdhvarasya cetati kratvA
yajNasya cetati | kratvA vedhA iSUyate vizvA jAtAni paspaze |
yato ghRtazrIr atithir ajAyata vahnir vedhA ajAyata ||
Тот могущественнейший пурохита в каждом доме, Агни
жертвенного обряда понимает [суть], могущества жертвы понимает
[суть]; могущества распределитель направляет стрелы, все
порождения видит; потому что жиром украшенный странник родился,
возница мудрый родился.

Для нас и, в данном случае, интересно действие пурохиты *iSUya-* («направлять стрелы»). То, что под стрелами, скорее всего, имеются ввиду лучи Агни (т. е. намек на космологическую функцию разделения пространства или создания его с помощью света), ничуть не препятствует указанию и на действия пурохиты, связанные со стрельбой

из лука как на ритуальное подражание действиям бога. Оговоримся, что рассматриваемое здесь понимание *iSUyate* (Denom. от *iSu* («стрела»)) признается не всеми исследователями памятника. Например, у Т. Я. Елизаренковой [8, т. 1, с. 623] предлагается иной вариант: «стремящийся к обряду», в т. ч. с указанием на следование Саяне. Однако Саяна исходит именно от *iSu* («стрелы»): *iSu 'yate* (стрела направлена) [6, т. 1, с. 822].

Во-первых, эта идея имеет продолжение в более поздней индийской традиции. В эпосе и пуранах есть лучники, которые были брахманами: например, Парашурама [например, 9, т. 3, с. 888] и Дрона, которого индийская традиция считает мастером Дханурведы [например, 10, с. 248; 9, т. 2, с. 512]. Во-вторых, сюжет о «покорении» пространства с помощью лука и стрел вообще нередок в индийской мифологии [11, с. 55, 155].

IV 17, 14-15

ayaM cakram iSaNat sUryasya ny etazaM rIramat sasRmANam |
A kRSNa IM juhurANo jigharti tvaco budhne rajaso asya yonau ||
asiknyAM yajamAno na hotA ||

*Тот колесо ускорил Сурьи, пестрого да удержал быстро
бежавшего;*

*темную, его, чей путь крив, [тот] низвергает кожу вниз, сумрак в
его утробу. В темных совершающий жертвоприношение, словно
хотар.*

В этом случае Индра выступает в роли *hotar*, и в этом качестве он определяет *hotar* как *yajamAna* («совершающего жертвоприношение»), и связывает с *asikni* («темные», что, исходя из вышесказанного о «черной коже», можно понимать и как поверженные «темные силы»), хотя Саяна предлагает видеть здесь ночное жертвоприношение и значение *rAtra* «ночь»: *asiknyAM rAtrau yajamAno* (в темных ночах совершающий жертвоприношение) [6, т. 2, с. 576]).

IV 21, 5–6

ura yo namo namasi stabhAyann iyarti vAcaM janayan yajadhyai |
RJjasAnaH puruvAra ukthair endraM kRNvIta sadaneSu **hotA** ||
dhiSA yadi dhiSaNyantaH saraNyAn sadanto adrim auzijasya gohe |
A duroH pAstyasya **hotA** yo no mahAn saMvaraNeSu vahniH ||

*Который, прославление в прославлении возносящий, поднимается,
речь порождающий [ee], чтобы приносить жертвы; прославляемый,
богатый на дары, гимнами Индру да закрепит средь седалищ хотар.*

*Премудростью если, премудростей желающие, да устремились,
сидящие на скале потомков Ушиджи, в убежище; то предваряющий
зарю дома хотар, который наш великий средь избраннейших возница.*

Гимн снова описывает Агни как *hotar*, и определяет его как *stabhAyant* («возносящего»), *janayant* («порождающего») и *RJjasAna* («прославляемого»), *mahAn saMvaraNeSu* («великим среди избраннейших») и *vahni* («возницей»); связывает с действиями *Ir-* («возносить») (*iyarti prerayati* «поднимается посылающий» согласно Саяне [6, т. 2, с.595]), *yaj-* («совершать жертвоприношение»), *kR-* («закреплять»), а также с *namas* («прославлением»), *vAc* («речью»), *ukthA* («гимнами»), *sadanA* («седалищами»), *dhiS* («премудростью»), *uSA* («зарей»), *pAstya* («домом»).

V 2, 7

zunaz cic chepaM niditaM sahasrAd yUpAd amuJco azamiSTa hi SaH |
 evAsmad agne vi mumugdhi pAzAn **hotaz** cikitva iha tU niSadya ||
*Шунахшепу ведь связанного от тысячи колонн ты освободил,
 постарался ведь он; как и мы, о Агни, распускает пути, о хотар
 внимательный, здесь ведь сидящий.*

Отрывок еще раз связывает с *hotar* бога Агни, определяя его как *cikitva* («внимательного»), связанного с действиями *sad-* («сидеть») и *vituc-* («распустить, распутать», что исходит из комментария Саяны: *vi tumugdhi vitosaaya* (распускает освобождающий) [6, т. 2, с. 727]); соотносит с *pAzA* («путами»).

VI 11, 2

tvaM hotA mandratamo no **adhruk** antar devo vidathA martyeSu |
 pAvakayaA juhVA vahnir AsAgne yajasva tanvaM tava svAm ||
*Ты хотар самый довольный, наш безошибочный изнутри бог,
 премудрость среди смертных; чистым языком, возница явился, о Агни, в
 жертву приноси ты тело свое собственное.*

Гимн в который раз определяет Агни как *hotar*, который соотносится с *adhruk* («безошибочным», что исходит из указаний Саяны: *adhruk adrogdhAsmadartha droharahito vA* (безошибочный = не несущий вреда, для нас полезный, также, свободный от угроз) [6, т. 3, с. 34]).

VII 42, 3

sam u vo yajJam mahayan namobhiH pra **hotA** mandro ririca upAke |
 yajasva su purvaNIka devAn A yajJiyAm aramatiM vavRtyAH ||
*Вместе ведь вашу жертву да возвеличили прославлениями, хотар
 довольный превзошел [всё] вокруг; приноси жертву, о лучший из
 многообразных, для богов, достойных жертвоприношения, без устали
 да обернулся бы ты.*

Агни снова обозначен как *hotar*, определенный в этом качестве *tandra* («довольным»), связанный с *namAMsi* («порославлениями»), *devA* («богами»), жертвоприношением типа *yajJa* и действиями *mah-* («возвеличивать»), *praric-* («превосходить», следуя *ririce anyebhyo*

hotrabhyo 'tiricyate «превозмошёл, всех других хотаров превосходит» Саяны [6, т. 3, с. 378]), *yaj-* («совершать жертвоприношение»), *vRt-* («оборачиваться, поворачиваться»); соотнесен с *supirvaNIka* («лучшим из многообразных»).

IX 95, 5

iSyān vAcam upavakteva **hotuH** punAna indo vi SyA manISAm |
indraz ca yat kSayathaH saubhagAya suvIryasya patayaH syAma ||

*Подгоняя речь, упавактарову словно, хотарову, о очищенная капля,
да направь разум; также и Индра, если вы двое правите для благости
лучшего из мужей, господами да будем мы.*

В данном случае *hotar* связан с *vAc* («речью»), *inda* («каплей»), *manISA* («разумом»), как следует из указаний Саяны: *manISAm buddhim* «разум, способность к восприятию» [6, т. 4, с. 195]), Индрой, *suvIrya* («лучшим из мужей») и действием *kSi-* («править»), соотнесен с *upavaktar* (упавактаром).

X 35, 10

A no barhiH sadhamAde bRhad divi devAM IDe sAdayA sapta **hotRRn**
|indram mitraM varuNaM sAtaye bhagaM svasty agniM samidhAnam Imahe ||

*На нашей священной траве, при совместном опьянении, внесенной в
небо, богов я восхваляю, я да усадил бы семь хотаров; Индре, Митре,
Варуне, одаривая, Бхаге, самому благому Агни разожженному следуем
мы.*

Здесь *hotAra* связаны с *barhis* («священной травой»), *mAda* («опьянением»), *dyu* («небом»), *devA* («богами»), Индрой, Митрой, Варуной, Бхагой, Агни и действиями *ID-* («восхвалять»), *sad-* («сидеть») и *sAt-* («одаривать», согласно Саяне: *sAtaye dhanalAbhAya* «одариваемый = дары получающий» [6, т. 4, с. 398]).

Таким образом, из всего описанного можно сделать следующие выводы.

1. Классические комментарии к Ригведе, без сомнения, очень часто, за счёт пояснений или толкований, облегчают как выбор значения отдельных слов, так и понимание смысла написанного. Прежде всего, это относится к языковым реалиям.

2. Сохранившиеся до нашего времени комментарии, по крайней мере, в некоторых случаях, отражают понимание ситуаций или отдельных элементов ритуалов, которые известны не из Вед, а из итихасы и более поздних текстов, что вполне понятно с учетом того, что комментаторы жили гораздо позднее сложения всех этих памятников.

3. Классические и современные комментарии в равной степени отражают школы и традиции, к которым они принадлежат. Использование классических комментариев в исторических

исследованиях Ригведы является уместным. Однако, все случаи дополнения комментаторами данных текста источниками сведениями, которые в нем не содержатся, не должны быть основанием для выводов относительно ригведийских реалий, содержащих строгие утверждения.

Библиографические ссылки

1. Rgveda - SaMhitA with English Translation by Svami Satya Prakash Sarasvati and Satyakam Vidyalankar, I – XIII. – New Delhi, 1977 – 1995. – 13 vol.
2. Елизаренкова, Т.Я. Ригведа – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I - IV. – М.: Наука, 1989. – С. 426 – 544.
3. Кочергина, В. А. Санскритско-русский словарь / В.А. Кочергина. – М.: Русский язык, 1996. – 944 с.
4. Радхакришнан, С. Индийская философия: в 2 т. / С. Радхакришнан. – М.: Миф, 1993. – 1354 с.
5. Бонгард – Левин, Г.М. Древнеиндийская цивилизация. – М.: Наука, 1980. – 333 с.
6. Rgveda SaMhitA with the Commentary of sAyaNAchArya: 4 vol. / ed. V.K. Rajwade [an ohters]. – Poona: vaidika saMzodhana maNDala, 1933–1946. – 4 vol.
7. Singh U. A History of Ancient and Early Medieval India: From the Stone Age to the 12th Century / U. Singh. – New Delhi: DK, 2008. – 704 p.
8. Ригведа. Мандалы I – X: в 3 т. / пер. и коммент. Т.Я. Елизаренковой. – М.: Наука, 1989 – 1999.
9. Sehgal, S. Encyclopaedia of Hinduism: 5 vol. / S. Sehgal. – New Delhi: Sarup & Sons, 2001. – 5 vol.
10. Mani, V. PurANic Encyclopaedia. A Comprehensive Dictionary with Special Reference to the Epic and PurANic Literature / V. Mani. – Delhi, MLBD, 1975. – 930 с.
11. Macdonell, A.A. Vedic Index of Names and Subjects / A.A. Macdonell, A.B. Keith. – Varanasi: MBLD, 1958. – 2 vol.

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АВЕСТЕ

А. С. Миксюк

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Беларусь, miksiukas@bsu.by*

В статье анализируется роль семьи в авестийском обществе. Семья в Авесте обозначается терминами *xvaētu-* и *demāna* (*nmāna*), которые вписаны в систему родоплеменной (вертикальной) организации общества. Авестийская семья может быть охарактеризована как «большая семья», которая включала 4–5 поколений родственников по мужской линии и их супруг. Прослеживается тенденция трансформации в «малую семью». Авестийской семье свойственны отдельное проживание и общее имущество, хозяйственные функции, рождение и воспитание потомства, взаимная ответственность членов семьи. Семья встроена в общие авестийские представления о мироустройстве, призвана решать задачи содействия силам добра и обладает определенными ритуальными функциями, реализуемыми главой (*nmānōpaiti*).

Ключевые слова: Авеста; авестийское общество; брак; Гаты; зороастризм; семейные отношения; семья.

The role of the family in Avestan society is analyzed in the article. The family in the Avesta is designated by the terms *xvaētu-* and *demāna* (*nmāna*), which are inscribed in the system of tribal (vertical) organization of society. The Avestan family can be characterized as a “large family” that included 4–5 generations of male relatives and their spouses. The tendency of transformation into a “small family” is traced. The Avestan family is characterized by separate residence and common property, economic functions, the birth and upbringing of offspring, and mutual responsibility of family members. The family is built into the general Avestan ideas about the world order, is called upon to promote the forces of good and has certain ritual functions implemented by the head (*nmānōpaiti*).

Keywords: Avesta; Avestan society; family relationships; family; Gathas; wedding; Zoroastrianism.

Обладая собственными исключительными функциями, семья является наименьшим и основным социально-экономическим структурным элементом общества, зависимым от внешнего социокультурного контекста. Соответственно, в семье происходит воспроизводство и отражение основных сторон жизни и социальных отношений: общих представлений о мире, принципов иерархии, норм поведения и этики, хозяйственных занятий и особенностей ведения быта. Таким образом, семейные взаимоотношения непосредственным образом связаны с тенденциями развития общества в целом. В этом контексте интересно изображение организации семьи и семейных отношений в

ранних письменных источниках и на примере обществ, которые описаны сравнительно небольшим объемом данных, поскольку реконструкция внутрисемейного взаимодействия позволяет не только получить информацию о собственно семье, но и провести параллели с другими общественными институтами, религиозными и общефилософскими представлениями о мире, хозяйственными занятиями.

Данная статья посвящена исследованию института семьи и семейных отношений на материале Авесты. Реалии Авесты соответствуют наиболее раннему этапу развития древнеиранского общества. Таким образом, социальные институты, изображенные в Авесте, существовали на протяжении достаточно большого периода времени: нижняя граница связана с распадом индоиранской общности и относится к началу II тыс. до н. э. [1], верхняя граница соотносится с созданием державы Ахеменидов в VI в. до н. э. Географический горизонт Авесты и авестийского общества достаточно широк, относится к восточным землям так называемого «Большого Ирана» и связывается современными исследователями с рядом археологических культур на обширной территории от Южного Урала до Афганистана и Индии: андроновской культурой [2], культурой Синташты [3], Бактриано-Маргианским археологическим комплексом (БМАК) [4]. Специфика хронологии и географии Авесты, таким образом, позволяет рассматривать ее в качестве важного исторического источника, содержащего уникальные данные по мировосприятию и социогенезу древних обществ.

В современном понимании семья представляет собой «союз лиц, основанный на браке, родстве, принятии детей на воспитание и характеризующийся общностью жизни, интересов, взаимной заботой» [5, с. 673]. Подобное понимание семьи универсально и в целом характерно и для древних народов. И хотя в Авесте, естественно, нет подобного определения, но оно может быть реконструировано на основе анализа текстов.

Прежде всего, следует определить место семьи в социуме. Семья, согласно Авесте, была вписана в родоплеменную (вертикальную) организацию общества. С учетом общепринятого условного деления источника по хронологии на Старшую Авесту (Гаты) и Младшую Авесту вертикальная организация может быть рассмотрена в динамике.

Так, в Старшей Авесте представлены две формулы вертикальной организации.

Первая формула (Ясна 46, 1): 1. *daṅyu* (*daiṅhu-*): союз племен (страна); 2. *airyaman-*: арийское сообщество; 3. *varəzāna-* (*vərəzāna-*): община; 4. *xvaētu-*: семья.

Вторая формула (Ясна 31, 18): 1. daḥyu (daiṅhu-): союз племен (страна); 2. šōiθra: поселение, область; 3. vīs: род; 4. demāna (форма от nmāna): дом (семья).

Вторая формула с некоторыми оговорками близка формуле родоплеменной (вертикальной) организации Младшей Авесты (Ясна 17, 18): 1. daḥyu (daiṅhu-): союз племен (страна); 2. zaṅtu (zantav-): племя; 3. vīs: род; 4. nmāna: дом (семья).

Как видим, термин хваētu- используется в стандартизированной формуле родоплеменной (вертикальной) организации Гат, термин nmāna/demāna используется в двух формах в формуле Гат и Младшей Авесты.

Термин хваētu- может обозначать как семью, так и принадлежность к чему-либо [6, p. 1858–1859]. В значении «семья» термин употребляется только в составе упомянутой формулы в Гатах (Ясна 32, 1; Ясна 33, 3–4; Ясна 46, 1; Ясна 49, 7), в связи с чем практически невозможно определить, что из себя представляла семья в понимании создателей источника.

Термин nmāna/demāna означает «дом» в значении «семья» (от инд.-евр. корня *dem-, *demə- со значением «строить», «возводить» и др.) [7, p. 198–199; 8, с. 198] и употребляется в тексте более широко как в составе формулы вертикальной организации, так и самостоятельно (Старшая Авеста: Ясна 31, 16; Ясна 31, 18; Младшая Авеста: Ясна 8, 7; Ясна 13, 1; Ясна 17, 18; Ясна 23, 1; Ясна 68, 5; Яшт 10, 17–18 и др.).

Семья или дом являются наименьшей единицей родоплеменной (вертикальной) организации авестийского общества. Отметим, что данные термины хорошо соотносятся друг с другом. На данное терминологическое соотношение и преемственность традиций, восходящих еще к арийским временам, указывал П. Тиме [9, p. 80]. Термины хваētu- и nmāna- (demāna) отражают разные стороны института семьи: хваētu- относится к социальным связям, а термин nmāna- (demāna) обозначает фиксацию социальной единицы в пространстве, тем самым, подчеркивая одну из ключевых характеристик семьи – отдельное проживание родственников.

При этом термин nmāna/demāna может использоваться как для обозначения места жительства семьи, так и в более широком контексте:

– для обозначения какого-либо жилища, строения: к примеру, ав. nmānəm gāvaуanəm, т. е. «дом для коров» (Видевдат 14, 14);

– как элемент сакральной лексики: место пребывания бога Ахуры Мазды на небе имеет название «Дом песни», ав. garō dēmāna (Ясна 45, 8; Ясна 51, 15), в «Дом наилучшей мысли» (ав. vaṅhēuš ā dēmānē manāṅhō) и в «Дом наихудшей мысли» (ав. acištahā dēmānē

manañhō) направляются души умерших сообразно их поведению при жизни (Ясна 32, 13 и 15).

Интересно отметить, что под упомянутым выше «домом для коров» вряд ли имеется ввиду хлев или сарай, поскольку строение имеет явно фантастические масштабы в девять хатр (ав. hāθra- предположительно равна тысяче шагов), а также постели с подушками для праведных мужчин (Видевдат 14, 14). По описанию данное строение скорее напоминает вару (ав. vara-), иранскую аналогию ковчега, которую Ахура Мазда приказывает построить легендарному царю древности Йиме (Видевдат 2, 25–42). С учетом того, что возведение «дома для коров» упоминается в контексте искупления убийства выдры, сакрального животного, представляется сомнительным, что такой дом действительно должен был (и мог) построить совершивший преступление. В. Ю. Крюкова справедливо указывает, что заведомо невыполнимое строительство грешником дома «скорее можно толковать как восстановление утраченной в результате убийства священного животного гармонии, воссоздание рая» [10, с. 157], т. е. в данном случае термин pñāna- используется не в обывательском, а ритуальном значении.

В Младшей Авесте встречается также термин nāfa- (nāfah-), т. е. «семейство», «семья», «родня», «родство» [6, р. 1062] однако его употребление эпизодично и связано с малоинформативными ритуальными формулами (Ясна 65, 7; Яшт 13, 66; Яшт 13, 87; Яшт 13, 120).

Таким образом, контекст употребления в Авесте терминов, связанных с понятиями «семьи» и «дома», не позволяет получить какой-либо значимой информации для определения состава семьи и счета родства, функций и роли данного социального института.

Анализ общеиндоевропейских терминов позволил исследователям установить патрилокальность семьи и патрилинейность счета родства: была реконструирована асимметричная односторонняя система терминов, обозначающих отношения «жены» к «родственникам мужа», но отсутствуют термины, обозначающие отношение «мужа» к «родственникам «жены», т. е. женщина, входящая в дом мужа, порывала связи со старой семьей и включалась в новую систему родственных отношений [11, с. 761–762].

Семья состояла из совокупности ближайших кровных родственников (мужчин и женщин) по мужской линии. Характерно, что порядок передачи сакральных знаний упоминает три способа и два из них связаны с кровнородственными узам: «от отца к сыну» или «от брата к кровному родственнику» (Яшт 14, 46):

zaraθuštra | aētəm maθrəm mā fradaēsayōiš | ainyaṭ | piθre vā puθrāi | brāθre
vā haḍō.zātāi | āθravanāi vā θrāyaone

*О Заратуштра, эту мантру пусть скажет отец сыну, брат –
кровному родичу, жрец – «защищающему».*

Термин θrāyaone трудно определим, является эпитетом, связанным с жречеством [6, p. 805] и, вероятно, обозначает ученика жреца.

Существует мнение, что во времена Авесты все еще существовала т. н. большая семья (семейная община), а в круг семьи входило четыре поколения [12]. Проверить данную информацию позволяет 12 фаргард Видевдата, в котором излагаются правила траура в случае смерти родственника. Текст содержит термины, обозначающие различных родственников, срок соблюдения траура, который зависит от степени кровнородственной близости, а также правила очищения дома после смерти. Исходя из этих данных можно сделать вывод о том, что все упомянутые люди могут проживать в одном доме и входить в состав семьи.

В Видевдате 12 упоминаются следующие родственники: отец (pitō) и мать (māta); сын (puθrō) и дочь (duṽḍa); брат (brāta) и сестра (xvaṇha); хозяин дома (nmānōraitiš) и хозяйка дома (nmānōraθni); дед (nyākō) и бабушка (nyāke); внук (narō) и внучка (narti); дядя (brātruṽ) и тетя (brātruye); двоюродные брат (tūiryō) и сестра (tūiryā); сын двоюродного брата (tūiryō puθrō) и дочь двоюродной сестры (tūiryā duṽḍa); «внук (tūiryā puθrō) или внучка (tūiryā duṽḍairi) двоюродного брата или сестры» (перевод по [13, с. 196]).

Длительность траура, соответственно, связана с близостью к умершему, а также зависит от того, был ли он праведным человеком или грешником (в отношении грешника траурный срок удваивается). Так, траур по хозяину или хозяйке дома длится от 6 до 12 месяцев (Видевдат 12, 7–8); по родителям, детям, братьям и сестрам – от 30 до 60 дней (Видевдат 12, 1–6); по прочим упомянутым родственникам – от 5 до 50 дней (Видевдат 12, 9–20). Вероятно, родственников, упомянутых в Видевдате 12, 1–8, можно обозначить термином *paḥānazdišta-*, т. е. «ближайший родственник» [6, p. 1040]. Данный термин упоминается несколько раз в источнике (Видевдат 4, 5–10), часто в составе стандартной формулы почитания фравашы – благих духов, в т. ч. душ умерших праведников (Ясна 1, 18; Ясна 4, 24; Ясна 23, 4; Ясна 26, 7; Ясна 59, 24; Ясна 67, 4; Яшт 13, 156).

Отметим, что в данном перечне нет ряда родственников – к примеру, не упоминаются племянники и племянницы. Возможно, это связано с тем, что термины *narō* и *narti* могли обозначать не только внука и внучку, но и племянников. Такое отождествление может иметь

место в случае наличия близкой кровнородственной связи между «дедом по отцу» и «дядей (братом матери)», которая была возможна при «дуально-экзогамной системе кросс-кузенных браков, при которой мужчина может жениться на кросс-кузине, дочери дяди по матери или дочери сестры отца, относящихся к другой дуальной половине» [11, с. 768]. Однако, нельзя исключать и того, что только лишь данным списком понимание авестийских родственных связей не исчерпывается.

Как видим, тезис о большой семье в целом находит подтверждение в рассматриваемом фрагменте, поскольку все упомянутые родственники могут проживать в одном доме. Этот тезис также косвенно подтверждается известной жалобой Заратуштры (Ясна 46, 1).

kām nēmōi zaṃ kuθrā nēmōi ayenī | pairī xvaētēuš airyamanascā dadaitī | nōiṭ
mā xṣnāuš yā vərəzēnā hēsā | naēdā daḫyēuš yōi sās̄tārō drəgvaṇtō | kaθā θβā
mazdā xṣnaoṣāi ahurā

В какую бежать землю, куда бежать идти? От семьи и сообщества отделил [меня], мною не довольна община, которой я следую, ни страны те правители лживые. Как тебя, Mazda, я сделаю довольным, Ахура?

В данной жалобе Заратуштра сетует на изгнание из «семьи и сообщества». Если учесть, что откровение Заратуштра получил уже в зрелом возрасте, то, вероятно, в рассматриваемом фрагменте речь идет о неприятии его проповеди старшими родственниками (отцом, братьями, дядьями), т. е. речь идет о большой семье.

Вместе с тем существуют единичные, но существенные противоречия данной системе. К примеру, это касается «перечня расценок» услуг лекаря, в котором есть только сам хозяин дома, его супруга и сын (Видевдат 7, 41–43). Таким образом, речь идет о малой (индивидуальной) семье, состоящей из родителей и детей. Принимая во внимание большую разницу по времени создания разных частей Авесты, можно говорить о том, что в источнике нашла отражение определенная эволюция семейных отношений и зафиксирован переход от большой семьи к малой.

В соответствии с перечнем родственников из Видевдата 12 в семье может насчитываться пять поколений: дед – отец – хозяин дома – сын – внук. Если учесть, что возраст совершеннолетия и вступления в брак равнялся 15 годам, то 40-летний человек мог иметь внуков при живых отце и деде. Однако с учетом более короткой продолжительности жизни и всевозможных опасностей, с которыми сталкивался человек древности, проживание в одном доме пяти поколений все-таки представляется сомнительным.

Интересно отметить, что в рассматриваемом нами перечне отсутствуют женщины, связанные с членами семейства брачными узами.

Они определенно должны входить в состав семьи своего супруга и проживать с ним в одном доме. Однако упоминается только хозяйка дома (Видевдат 12, 7–8), т. е. супруга главы семьи, и отсутствуют невестки. Вероятно, это связано с тем, что в перечень входят только родственники по крови (Видевдат 12, 21): ав. taoxman-, «семья», «росток», во множественном числе «родня» [6, р. 623].

Можно предположить, что в авестийском обществе существовали два способа заключения брака, известные в целом индоевропейским народам: «обмен»: заключение брака через достижение договоренности между семьями; «умыкание невесты»: практика похищения, насильственного увода девушки.

Существование первого способа подтверждается текстами Авесты, где одним из способов искупления убийства выдры является заключение брака родственницы с праведным человеком (Видевдат 14, 15):

āaṭ mraoṭ ahurō mazdā || xvaṇha vā duṇḍa vā nāmēni | maṭ gaoṣāvarə | pasca
raṇcadasīm sarəḍəm | nərəbyō aṣavabyō | nāiriθβana upavāθayaēta

Так сказал Ахура Мазда:

Или сестра, или дочь называемая, с серьгами, по достижении пятнадцати лет мужчинам праведным в жены пусть отдается.

К доказательствам существования практики умыкания Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов относят авестийскую терминологию и в частности взаимосвязь каузатива vāθayeiti («заставляет идти», «тянет»), глагола us-vāθaya- («похитить женщину», «увести силой») и существительного vāθū- («замужняя женщина») [11, с. 756–757]. В Гатах также есть обращение Заратуштры к «уводимым девушкам», ав. vazyamnābyō kainibyō (Ясна 53, 5), косвенно подтверждающее наличие данной практики, хотя, возможно, речь идет лишь о переходе девушки в дом жениха.

Как было указано выше, пятнадцатилетний возраст считался в авестийском обществе возрастом гражданской правоспособности. По достижении 15 лет мужчина должен был пройти обряд инициации, являвшийся актом приобщения к вере и полноправного «включения» в социум, актом начала самостоятельной жизни и участия в делах общины [14, р. 82]. По достижении этого возраста юношам и девушкам также дозволялось вступать в брак. В Авесте не упоминается о повторных браках, однако с учетом примера самого Заратуштры, очевидно, что они прямо не запрещались.

Возможность расторжения брака также не зафиксирована, развод известен лишь по более поздним источникам зороастрийского права, в частности по Сасанидскому судебнику или «Книге тысячи судебных решений» (глава XIX) [15].

Заключение брака освещалось нормами вероучения и являлось желательным, о чем многократно упоминается в Авесте. Характерные сюжеты Авесты – это дарование девушкам супругов Хаомой (Ясна 9, 23) и Ардви Сурой Анахитой (Яшт 5, 87), а также сравнение земли и женщины в контексте идеи плодородия – как земля стремится быть засеянной, так и девушка стремится обрести мужа и потомство (Видевдат 3, 24–25).

Наглядной иллюстрацией значения брака и семьи является следующий фрагмент (Видевдат 4, 47):

*И говорю тебе также, о Спитама Заратуштра! что человек,
имеющий жену, стоит при принесении клятвы
много выше человека воздерживающегося; человек, имеющий дом,
стоит много выше человека, не имеющего дома;
человек, имеющий детей, стоит много выше бездетного;
человек, имеющий богатство, стоит много выше человека, его не
имеющего.*

(пер. Э. В. Ртвеладзе, А. Х. Саидова, Е. В. Абдуллаева) [13, с. 106].

Из этого фрагмента можно вывести одну из главных функций семьи – рождение потомства. Многочисленное потомство рассматривается в Авесте как благо и награда. При изложении важных эпизодов священной истории зороастризма указывается на то, что смертные, приготовившие сакральный напиток хаому, получали в качестве награды знаменитых в будущем сыновей: это Вивангхвант и его сын Йима, Атвья и сын Траэтона, Трита и сыновья Урвахшая и Кэрэсаспа, а также Поурушаспа и Заратуштра (Ясна 9, 4–13). Далее, говорится о том, что божество Хаома дает роженицам «блистательных сыновей, а также праведное потомство», ав. хšaētō.puθgīm uta ašava.frazaiñtīm (Ясна 9, 22). И, в свою очередь, бездетность является проклятием:

(Ясна 11, 1):

θrāyō haiθīm ašavanō | āfrivacañhō zavaiñti | gāušca aspasca haomasca ||
gāuš zaotārəm zavaiti | uta buyā afrazaiñtiš | uta dēuš.sravā hacimnō | yō maṃ
xvāstam nōiṭ baxšahe || āaṭ maṃ tūm fšaonayehe | nāiryā vā puθrahe vā |
haoyā vā maršuyā

*Трое истинно праведных изрекающие зывают: корова, и лошадь, и
хаома. Корова к жрецу зывает: **и будешь ты бездетным** и
дурнословием сопровождаемым, [ты], который меня, приготовленную,
не отдаешь. Но меня ты откармливаешь для жены, или для сына, или
для своего живота.*

(Ясна 11, 6):

nōiṭ ahmi nmāne zānāite | āθrava naēda raθaēštā | naēda vāstryō fšuyas || āaṭ
ahmi nmāne zayānte | dahakāca mūrakāca | pouru.sarəda varšnāca

*В этом доме не родится ни жрец, ни воин, ни земледелец-скотовод.
Но в этом доме рождаются жалающие и слабоумные, и многих видов
дэвовские существа.*

Рождение сына и, тем более, многочисленное потомство рассматриваются как вклад человека в борьбу сил созидания с силами зла и, таким образом, вписываются в более широкий контекст дуальной мировоззренческой концепции мира. Тем самым, семья осуществляет важные сакральные функции по преумножению блага и содействию всему живому. Не случайно, вторым счастливым местом на земле Ахура Мазда называет *«то, где муж праведный дом строит с огнем, коровой, женой, детьми, добрыми стадами»*, ав. *yaṭ bā raiti nā aṣava nṁānəm uzdasta | āθravaṭ gaomavaṭ | nāirivaṭ puθravaṭ | hvaθβavaṭ* (Видевдат 3, 2). В данном фрагменте помимо ритуальных функций и воспитания потомства очерчиваются и хозяйственные функции семьи: отдельное проживание (дом), общее имущество (корова, стада). Данное положение соответствует общим представлениям о хозяйственной сущности большой семьи: «совместное владение землей, орудиями производства, домашним скотом и другим хозяйственным имуществом, совместное же производство и совместное же потребление» [16, с. 6].

Супружеская пара чаще всего называется *nar- + nāiri-* (*nāirikā-*), т. е. «муж и жена». При этом для обозначения «мужа» может использоваться и термин *raitī*, который также обладает значениями «господин» или «глава» [17], т. е. семантика обозначения супруга подчеркивает патриархальный характер семьи и главенствующее положение отца семейства. Так, следует отметить термин *nṁānōraitī*, т. е. «владыка дома», «хозяин дома», который упоминается в структуре иерархии власти наряду с лидерами других родоплеменных единиц и Заратуштрой как лицом, обладающим наивысшей сакральной властью (Ясна 9, 27). Кроме того, упоминается и женский вариант данного термина – *nṁānōraθnī*, т. е. «хозяйка дома» (Видевдат 12, 7). Глава семьи играл особую роль, поскольку был ответственен за поддержание порядка и стабильности в доме, следование общепринятым нормам и предписаниям, выполнял в рамках семьи широкие управленческие и ритуальные функции. Наиболее ярко эти функции проявляются в понятии «рату», ав. *ratu-*, которое соотносится с главой семьи/дома (Ясна 13, 1; Ясна 19, 16–18; Яшт 10, 115).

Данный термин многозначен и, как правило, переводится как «глава», «судья» («в каждом роде существ есть свой *ratu*») (словарь С. Н. Соколова) [18, с. 306]; «судья», «арбитр» (в т. ч. для Младшей Авесты: «духовный руководитель», «авторитет или глава в любой категории существ», «помощник жреца») (словарь Х. Бартоломэ) [6, р. 1497–1501];

«заступник», «покровитель», «патрон» (Ж. Дюмезиль) [19, с. 95]. Рату являлся руководителем, поставленным для наблюдения за подопечными в своей категории предметов или живых существ [20, с. 166].

Кроме того, рату являлся и своеобразным духовным лидером и наставником своей группы, обладающим ритуальными функциями. В этой связи важно отметить, что глава семьи мог самостоятельно выполнять некоторые простейшие повседневные ритуалы. Так, Огонь обращается к хозяину дома с просьбой совершить ритуал (Видевдат 18, 18–19). Первые в единицах родоплеменной структуры (в т. ч. «первый в доме», ав. *fratəmaṃ nmānanamca*) направляются Ахурой Маздой к вере в мыслях, словах и деяниях (Ясна 11, 14; Ясна 52, 7). Следовательно, глава семьи должен был обладать определенными ритуальными знаниями, которые в точности передавались из поколения в поколение: «от отца к сыну» или «от брата к родственнику» (Яшт 4, 9; Яшт 14, 46). При этом отмечается, что в случае нарушения установлений и правил главой семьи наказанию будут подвергнуты все члены семейства (Яшт 10, 18):

*yezi vā dim aiβi.družaiti | nmānahe vā nmānō.paitiš | vīsō vā vīspaitiš | zaṅtəuš
vā zaṅtupaitiš | daiṅhəuš vā daiṅhupaitiš | fraša upa.scaṇdayeiti | miθrō graṅtō
upa.ṭbištō | uta nmānəm uta vīsəm | uta zaṅtūm uta daḅyūm | uta nmānanam
nmānō.paitiš | uta vīsəm vīspaitiš | uta zaṅtunam zaṅtupaitiš | uta daḅyunam
daiṅhupaitiš | uta daḅyunam fratəmadātō*

Если его обманывает или в домах владыка дома, или в родах владыка рода, или в племенах владыка племени, или в странах владыка страны, дальше уничтожит Митра разгневанный, разозленный и дом, и род, и племя, и страну, и в доме – владыку дома, и в роду – владыку рода, и в племени – владыку племени, и в стране – владыку страны, и в стране главу данного.

Кроме того, все лица, входившие в семью, были связаны коллективной солидарностью и ответственностью. Любой проступок, совершенный человеком, наносил вред не только его душе, но и душам членам семьи. К примеру, в Видевдате говорится о том, что нарушение договора делает ответственным не только самого нарушителя, но и его ближайших родственников, ав. *naβānazdišta-* (Видевдат 4, 5–10).

О функциях, правах и обязанностях других членов семьи в Авесте ничего не говорится. Условная иерархия членов семьи устанавливается лишь через стоимость лечения: излечение хозяина дома соответствует стоимости малого быка, его супруги – стоимости ослицы, сына – стоимости дорогого быка (Видевдат 7, 41–43). Таким образом, наибольшее значение имеет сын хозяина дома, чье излечение приравнивается по стоимости к излечению главы племени, затем следует сам домохозяин и замыкает ряд его супруга, хозяйка дома. В целом это

вписывается в этическую систему Авесты, где чрезвычайно важным являлось проявление заботы о потомстве, в т. ч. в отношении детей, рожденных вне брака. Если отец ребенка не заботился о матери ребенка в период беременности, то эта обязанность возлагалась на общество в целом (Видевдат 15, 19).

Таким образом,

1) Семья в Авесте обозначается, как правило, терминами *xvaētu-* (семья) и *demāna* (дом в значении «семья») для Старшей Авесты и *pmāna* (дом в значении «семья») для Младшей Авесты. Данные термины вписаны в систему родоплеменной (вертикальной) организации общества, демонстрируют преемственность между различными хронологическими пластами Авесты и отражают разные стороны института семьи: *xvaētu-* относится к социальным связям, а *pmāna* (*demāna*) обозначает фиксацию социальной единицы в пространстве.

2) Во времена складывания Авесты существовала т. н. «большая семья», которая включала 4–5 поколений родственников по мужской линии, а также женщин, входивших в семью в результате заключения брачных союзов. Таким образом, можно говорить о том, что Авеста изображает достаточно древние социальные реалии. Единичные упоминания малой семьи, состоящей из родителей и детей (Ясна 11, 1; Видевдат 4, 47; Видевдат 7, 41–43), указывают на эволюцию семейных отношений и наличие большого временного отрезка между созданием разных книг Авесты.

3) Авестийской семье были свойственны следующие универсальные характеристики: отдельное проживание, общее имущество членов семьи, хозяйственные функции, совместное воспитание потомства, взаимная ответственность членов семьи. Глава семьи («глава дома», «хозяин дома»), ав. *pmānpōraiti*, в качестве руководителя своей группы отвечал за порядок в семействе, соблюдение норм и установлений Ахуры Мазды и выполнял простейшие ритуалы.

Институт семьи был вписан в общую религиозную картину мира и был призван содействовать упрочнению сил добра через преумножение благ и рода, поддержание жизни благих существ, проведение дозволенных на этом уровне ритуалов. Тем самым, на восприятие семьи проецировались общие дуальные представления о мире, а сама семья являлась важным элементом авестийского макрокосма.

Библиографические ссылки

1. Schmitt, R. Aryans / R. Schmitt // Encyclopaedia Iranica [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.iranicaonline.org/articles/aryans>. – Date of access: 04.11.2023.

2. Кузьмина, Е. Е. Арии – путь на юг / Е. Е. Кузьмина. – М. : Летний сад, 2008. – 560 с.
3. Зданович, Г. Б. Аркаим и «страна городов»: диалог культур / Г. Б. Зданович // Аркаим и «страна городов»: археологические очерки / под ред. Г.Б. Здановича. – Челябинск: Крокос, 2003. – С. 3–20.
4. Сариниди, В. И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане) / В. И. Сариниди. – М. : Старый сад, 2010. – 200 с.
5. Большой юридический словарь / сост. А. Б. Борисов. – М. : Книжный мир, 2010. – 848 с.
6. Bartholomae, C. Altiranisches Wörterbuch / C. Bartholomae. – Strassburg : Verlag von Karl J. Trübner, 1904. – 2000 p.
7. Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch / J. Pokorny. – Tübingen – Basel : Francke, 1994. – 1183 p.
8. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
9. Thieme, P. Mithra and Aryaman / P. Thieme. – New Heaven, 1957. – 96 p.
10. Крюкова, В. Ю. Наказание за убийство выдры / В. Ю. Крюкова // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа : сборник МАЭ РАН. – 2006. – Т. LII. – С. 148–159.
11. Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 т. // Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Тбилиси : Издательство Тбилисского университета, 1984. – 2 т.
12. Маковельский, А. О. Авеста / А. О. Маковельский. – Баку : Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, 1960. – 144 с.
13. Авеста. «Закон против дэвов» (Видевдат) / адаптированный перевод, исследование и комментарии Э. В. Ртвеладзе, А. Х. Саидова, Е. В. Абдуллаева. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – 301 с.
14. Snoek, J. «Initiations» in Theory and in Zoroastrianism / J. Snoek // Zoroastrian rituals in context / ed. by M. Stausberg. – Leiden – Boston : Brill, 2004. – P. 77–99.
15. Периханян, А. Г. Сасанидский судебник. «Книга тысячи судебных решений» / А. Г. Периханян ; отв. ред.: И. М. Дьяконов. – Ереван : Изд-во Академии наук Армянской ССР, 1973. – 576 с.
16. Косвен, М. О. Семейная община и патронимия / М. О. Косвен. – М. : Изв-во Академии наук СССР, 1963. – 219 с.
17. Dictionary of most common Avesta words // Avesta – Zoroastrian Archives [Electronic resource]. – Mode of access: <http://avesta.org/avdict/avdict.htm>. – Date of access: 03.11.2023.
18. Соколов, С. Н. Язык Авесты / С. Н. Соколов. – Л., 1964. – 415 с.
19. Дюмезиль, Ж. Верховные боги индоевропейцев / Ж. Дюмезиль. – М. : Наука, 1986. – 234 с.
20. Леманн, Э. Персы / Э. Леманн // Иллюстрированная история религий: в 2 т. / под ред. Д. П. Шантепи деля Соссей. – М. : Валаамский монастырь, 1992. – Т. I. – С. 121–214.

КАЛЕНДАРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦЕРЕМОНИЙ В ХЕСТЕ

В. Ю. Шелестин

Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия, vladimir-shelestin@yandex.ru

В статье анализируются церемонии хеттских сезонных праздников, проходившие в хесте — храме хтонического культа Лельвани. Зачастую исследователи рассматривают проводимый там в ходе весеннего праздника антахшум обряд с символом года как новогодний, однако анализ всех его описаний показывает, что этот обряд связан с погребением прежнего года, которое происходило уже после наступления нового года. Ключевую роль в этом обряде играли «люди хесты», ключевые функции которых выявлены в ходе данного исследования.

Ключевые слова: антахшум; календарь; Новый год; хеста; хетты.

The paper concerns the ceremonies of the Hittite seasonal festivals that took place in *ḫešta*, the temple of the chthonic cult of *Lelwani*. Researchers often consider the ceremony with the symbol of the year held there during the spring festival AN.TAḪ.ŠUM as a New Year's ceremony, however, an analysis of all its descriptions shows that this rite is associated with the burial of the previous year, which took place after the onset of the new year. The key role in this ceremony was played by the "people of *ḫešta*", whose key functions were revealed in the course of this study.

Keywords: AN.TAḪ.ŠUM; calendar; *ḫešta*; Hittites; New Year.

В описаниях хеттских сезонных праздников часто упоминаются церемонии, проходившие в *хесте* — храме хтонического культа Лельвани (ранее этот храм связывали с культом мёртвых [1, S. 113–122], но современные исследования не подтверждают такую связь [2, S. 362]). Особый интерес среди них представляет церемония проноса символа года, которая, согласно распространённому в историографии мнению [3, S. 792; 4, S. 243], могла быть новогодним праздником. Поскольку связь новогодних празднований с хтоническими культурами типологически редка, рассмотрим характер церемоний, проходивших в *хесте*, и место в их ряду проноса символа года.

Согласно базе данных [5], *хеста* и её служители («люди *хесты*») упоминаются в описаниях хеттских праздников 145 раз. Среди этих праздников большая часть упоминаний приходится на *антахшум* (×48), *килам* (×23), праздник для подземных богов (×13), *пуруллию* (×9) и праздник в *хесте* (×12). *Антахшум* известен как главный весенний праздник [4, S. 238; 6, р. 8], тогда как *пуруллия* и *килам* не имеют столь

чёткой календарной привязки: хотя большая часть известных обрядов *пуруллии* происходит весной, есть ряд указаний и на их проведение в течение всего года [7, с. 473], а описание праздника *килам* практически не содержит указаний на сезон, но в целом ближе к осенним праздникам [8, с. 132–133], и в конечном счёте этот праздник был интегрирован в осенний праздник *нунтариясха* [4, S. 97]. Фрагменты праздника для подземных богов и праздника в *хесте*, по-видимому, не образуют самостоятельных композиций, а являются элементами других праздников, и их тексты не содержат сезонных маркеров. Поэтому можно говорить, что церемонии в *хесте* могли проводиться как весной, так и осенью, и из хеттских сезонов с ней в данном корпусе текстов не ассоциируется только зимний (хотя в культовом инвентаре KUB 51.31 упоминаются 12-й месяц и хеста [11, с. 769–770], что может говорить и о зимней культовой активности в данном храме).

Название описания праздника	Число упоминаний <i>хесты</i>	Число упоминаний «людей <i>хесты</i> »
СТН 595 (весенний праздник, фрагменты)	1	
СТН 604 (<i>антахиум</i> , программа)	6	
СТН 608 (<i>антахиум</i> , 7-8-й дни)	1	2
СТН 609 (<i>антахиум</i> , 11-й день)	11	25
СТН 621 (<i>антахиум</i> , 1-я таблица)		2
СТН 625 (<i>антахиум</i> , фрагменты)	1	
СТН 626 (<i>нунтариясха</i>)	6	
СТН 627 (<i>килам</i>)	20	3
СТН 633 (<i>хассумас</i>)	3	
СТН 645 (праздник для подземных богов)	11	2
СТН 662 (описания местных культов)	2	
СТН 670 (фрагменты описаний праздников)	23	4
СТН 674 (<i>пуруллия</i>)	9	
СТН 675 (праздник в <i>хесте</i>)	7	5
СТН 682 (праздник для Божеств-Защитников)	1	

Таблица 1. Упоминания *хесты* в описаниях хеттских праздников.

Некоторые композиции, в частности, описания 7–8-го и 11-го дней *антахиума* уделяют больше внимания служителям *хесты*, чем ей самой. При этом служители *хесты* вообще не упоминаются в описаниях таких праздников как *нунтариясха*, *хассумас* и *пуруллия*. Рассмотрим функции этих служителей для лучшего понимания отличия церемоний в эти дни

антахиума от других праздников. Они рецитируют (СТН 621: КВо 23.99 I 19 + КВо 20.71 I 11, КВо 21.80 I 17), в т. ч. по-хаттски (СТН 627: KUB 44.25 II 9 + KUB 10.100 II 6; СТН 645: CHDS 5.18 V 4–5: [LÚ.M]EŠ^É *hé-eš-ta-a-ma* [xxx *ha*]-*at-te-li ma-al-di* «а люди *хесты* ... рецитирует по-хаттски»). Рецитации по-хаттски также свойственны таким участникам хеттских праздников как жрец-помазанник, шут, люди-*цилипурияталла* и певец [12, с. 133].

Служители *хесты* бегут перед царём (СТН 675: KUB 46.2 II 7–8: LÚ.MEŠ^h *hé-eš-ta-ia-aš-ši* GAM-*an a-x[xx] na-at* LUGAL-*i pé-ra-an hu-u-i-i[a-an-te-eš]* «И люди *хесты* под ним ... и они бегут перед царём»). Хотя для служителей *хесты* эта функция засвидетельствована только один раз, это довольно характерное действие для участников хеттских праздников — в качестве эскорта перед царём бегут придворные и дворцовые служащие, жрецы и храмовые служащие, служители культа, представители отдельных городов, чтецы, певцы и музыканты [13, S. 803–804].

Проверяя таким образом дорогу перед царём, они выполняют защитную функцию.

Во время хеттских праздников их участники постоянно передают друг другу культовые объекты и жертвы, не исключением здесь являются и служители *хесты*. Они получают из рук главного гвардейца похлёбку и толстые хлеба (СТН 675: КВо 23.79 II 1–3) и передают жрецу чистые объекты (СТН 675: КВо 23.79 II 6). Они берут у иностранцев разные виды выпечки и части тушек птиц (СТН 670: КВо 47.100а ЛС 5–8). Они поднимают руно и получают накидку (СТН 627: КВо 25.176 ОС 14–15, KUB 10.13 III 16–18).

Они держат факелы божества, чьё имя начинается на Алла, (СТН 670: КВо 43.182 ЛС I 10) – вероятно, Аллатум [14, S. 132], она же Аллани (подземная Солнечная богиня), или Алланцу (дочь Хепат). В том же тексте другие участники ритуала держат факелы Нергала, а люди-псы, дворники внешнего двора, чашники бронзовых чаш и люди Каменного Дома держат факелы каких-то других богов (СТН 670: КВо 43.182 ЛС I 8–20). Церемонии с факелами характерны для многих хеттских праздников [см. напр. 6, с. 70, 120], и иногда даже обозначались в текстах как «праздник факелов (EZEN₄ ^(GIS) *zuppari*)», который лучше всего засвидетельствован для Бога Грозы города Нерик [3, S. 601–602, 846].

В одной из церемоний «человек *хесты*» сначала встаёт в храме при жене жреца-помазанника и держит кушанье из бобовых в корзине, а затем держит 6 сосудов для опрыскивания (ранее считавшиеся растениями-*harnai*), как и начальник поваров, но, в отличие от него, не стоит, а сидит на корточках (СТН 645: КВо 17.40 IV 7–10). В другой

подобной церемонии начальник поваров передаёт сосуд для опрыскивания царю, чтобы тот прыснул из него в огонь, а «человек *хесты*» передаёт аналогичный сосуд с той же целью «чистому» жрецу (СТН 645: KUB 58.50 ЛС III 8–19). Церемония с сосудами для опрыскивания выделялась в отдельный праздник (EZEN₄ *ḫarnayaššar*) [13, S. 317]. Описания этой церемонии подчёркивают вспомогательную функцию служителей *хесты*, которые не взаимодействуют здесь с царём и пламенем напрямую.

Согласно рациону праздника *килам*, «люди *хесты*» получают живого барана и 3 грудинки, тогда как занимающие соседнюю позицию в перечне служители-*ципурияттали* получают барана с печенью (СТН 627: KBo 10.31 ЛС III 25–26). Поскольку в данном рационе разные группы получателей представлены иерархически [8, с. 167], для определения иерархического положения служителей *хесты* важно то, что они открывают группу получателей третьего дня, в которую, помимо них и служителей-*ципурияттали*, входили люди города Тиссарулия (которые на данном празднике разыгрывают церемонию своего подчинения хеттскому царю, с которым они первоначально отказывались разделить трапезу [15, с. 223–224]) и служители-*цинпумпури*. Данные категории участников праздников маргинальны, ни *ципурияттали*, ни *цинпумпури* не встречаются в описаниях других праздников.

Остальные упоминания служителей *хесты* описывают их действия в ходе празднования 11-го дня *антахшума*, где они выполняют многие другие функции и взаимодействуют с царём без посредников [1, S. 93], чего мы не наблюдаем даже в описании праздника в *хесте* (СТН 675). Если же не брать в расчёт церемонии 11-го дня *антахшума*, то эта категория участников хеттских праздников представляется периферийной, связанной с культами разных хтонических божеств хеттского пантеона, хотя её хаттская идентичность подчёркивалась как репликами на хаттском языке, так и помещением её в окружение других хаттских по происхождению категорий. Никаких сезонных коннотаций у служителей *хесты* не прослеживается, а их отсутствие в описаниях главного осеннего праздника *нунтариясхи* может компенсироваться их ролью в описании праздника *килам*, частично интегрированного в *нунтариясху* в новохеттское время. Отсутствие их упоминания в описаниях *хассумаса* может быть связано с желанием царя, провозглашающего на этом празднике престолонаследника, держаться в этот момент подальше от хтонических сил, с которыми находились в тесном контакте служители *хесты* — ведь основная роль *хесты* на этом празднике сводится к заточению выпоротого обнажённого слепого,

который явно выполняет функцию подмены царевича [16, р. 25]. Наконец, отсутствие упоминание служителей *хесты* в описаниях праздника *пуруллия* может быть случайным и объясняться фрагментарностью имеющихся у нас его описаний.

В описании 11-го дня *антахишума* служители *хесты* наиболее активны – например, здесь они танцуют, пьют за Лельвани сидя и поют (СТН 609: IBoT 3.1 лев.кр. 89). Даже в описании 7–8-го дней *антахишума* их функции ограничиваются держанием золотого божественного жезла-*калмуса* – царской или культовой инсигнии (СТН 608: KUB 41.40 ЛС I 8–10, Во 8811 3). Рассмотрим церемонии 11-го дня подробнее.

Сохранилось несколько различных описаний 11-го дня праздника *антахишум* на различных по типу и времени создания табличках. Как и все значительные хеттские праздники, *антахишум* был описан на программных табличках, в которых по дням кратко излагалась программа всего праздника, и на подробных табличках, описывавших во всех деталях церемонии отдельных дней праздника (а точнее, отдельные, зачастую также многодневные церемонии [17, р. 306–308]). Известны две программные таблички, различным образом описывающих 11-й день праздника – новохеттская по пошибу (XIV–XIII вв. до н.э.) KBo 10.20 и поздненовохеттская по пошибу (II пол. XIII в. до н.э.) VS NF 12.1. В более ранней версии говорится: «А наутро царь приезжает из Аринны в Хаттусу. В палатах – большое собрание. День 10-й. А наутро главный из придворных везёт [год] в *хесту*, и царь идёт позади него. Он собирается [ставить] беговых коней на дорогу» (KBo 10.20 II 8–13). В поздней редакции те же события описаны так: «А наутро царь уезжает из Аринны. Царь прибывает в Хаттусу на колеснице, выносят Цитхарию. Царь прибывает в дом Гаццимара. Царь с [...] идут. Праздничное [...] дают в палатах, и очищают год. А наутро главный из придворных [везёт] год в *хесту*. [Царь] следует [за ним]. Царь назад в дом [...] для Урцамассани и Палланулы идут царь, возлияние и [...]. И снова делают [...] в Аринне» (VS NF 12.1 I 4–14).

Как видим, важными инновациями поздней редакции являются очищение символа года накануне его перевозки в *хесту*, появление жертв для Урцамассани и Палланулы, и продолжение церемоний в Аринне, тогда как упоминание беговых коней исчезает.

Подробная табличка начинает описание церемонии с символом года с того, что служители *хесты* ставят серебряный сосуд для возлияний и поднимаются в *хиламну* (СТН 609: VS NF 12.5 I 7–9). Далее текст гласит: «А когда они поднимаются в *хиламну*, чистый жрец *хесты* и 3 человека *хесты* занимают место в верхней внутренней части *хиламны*. Начальник казначеев и начальник поваров встают с ними. Царь приходит из палат.

Царь садится на колесницу. Начальник казначеев и начальник поваров преклоняются перед царём. Человек *хесты* 1 раз даёт год начальнику казначеев, а человек *хесты* берёт сосуд-*таписана* с вином и передаёт царю. Царь протягивает руку издали, а человек *хесты* возливает. Танцор кружится» (СТН 609: VS NF 12.5 + Во 7374 I 10–24). Хотя программа праздника говорит о том, что символ года доставляет в *хесту* главный из придворных, в данном контексте он не упоминается, а символ года оказывается в руках служителя *хесты*, и затем – начальника казначеев. Другое важное отличие – если в программе праздника, а также в колофоне одного из фрагментов подробных табличек (СТН 609: IBoT 2.1 + Во 3243 OC VI 8–11: «Таблица 3-я. Когда везут год в *хесту* весной на празднике *антахиум*. Конец») подчёркивается, что кульминационное событие происходит в *хесте*, то здесь церемония начинается в *хиламне*, и никаких указаний на её перенос в *хесту* не наблюдается.

Впрочем, в другом фрагменте подробной таблички появляются и царь, и *хеста*, и главный из придворных: «Царь выходит из палат, главный из придворных даёт царю *калмус*. Царь на простой колеснице. Человек *хесты* и жрец *хесты* встают в верхней *хиламне* и бегут перед царём. Танцор (танцует) 1 раз. Дольщики, шуты бегут перед царём. Царь и царица идут в *хесту*» (СТН 609: IBoT 3.1 ЛС 8–13). После описания приготовлений в *хесте* следует описание встречи царя у ворот *хесты*, во время которой ему кланяются стоящие на большой дороге ремесленник и старейшина (СТН 609: IBoT 3.1 ЛС 14–20). Далее царь проводит обряды внутри *хесты*, в т. ч. во внутреннем помещении, которые завершаются тем, что начальник поваров вручает ему сосуд для опрыскивания, и он трижды прыскает из него в огонь (СТН 609: IBoT 3.1 ЛС 27–40 – также известная по СТН 645 церемония EZEN₄ *ḫarnayaššar*). Наконец, после этого символы года упоминаются среди нуминозных объектов – «мест божьих» [18, р. 320–321]: «Царь выходит из внутренней комнаты и садится на престол. Начальник поваров очищает тимьяном быка, барана и буханку, а царь отрезает. Начальник поваров, человек *хесты* преломляет буханку и кладёт перед Лельвани. 1 буханку – перед Богом Дня, 1 хлеб – перед Богом Солнца, 1 хлеб – перед Папайей и Истустайей, 1 буханку – для Хасамили, 1 буханку – Нергалу, а 1 буханку делают *харцацута*. Перед божеством, 1 – Ситарсуне, 1 – окну, 1 – дверному засову, 1 – Цаппе, 1 – очагу, а 6 буханок для **Годов** преломляет» (СТН 609: IBoT 3.1 ЛС 41–49, ср. KUB 41.27 OC V 1–5).

Как видим, хотя это описание прослеживает путь царя в *хесту*, оно не объясняет, как в ней оказываются символы годов, появляющиеся здесь в одном ряду с такими неотъемлемыми деталями интерьера как окно и дверной засов.

В продолжении первого фрагмента рассказывается, как символ года становится деталью интерьера: «Он преклоняется перед богом. Какой сосуд-кагаг находится перед богом, (у него он) соломину берёт. Старший придворный встаёт сзади. Начальник казначеев даёт год назад людям *хесты*. Его кладёт в ложе. Его освобождает. Начальник поваров и люди *хесты* 1 маленький колышек из [...] забивают. Длинный колышек [...] молотком забивают. Год берут, и его молотком прибивают. И начальник поваров трижды [...] серебряным молотком бьют» (СТН 609: VS NF 12.5+ CHDS 4.117 II 1–16). Другое описание подобной сцены более фрагментарно: «А начальник поваров год [...] освобождает, и его к [...] даёт, и его человек *хесты* [...] деревянный молоток, 2 [...] помещает [...] поворачивает [... ло]шади приезжают» (СТН 609: KBo 48.167 + KBo 49.210 OC 1–7). Вероятно, символ года каждый год прибывается в одной и той же части помещения, которая становится центром поклонения годам. Другие фрагменты запечатлевают обряды такого поклонения: «Преломляют большой толстый хлеб перед [...] и 13 хлебцов-хали кладут перед годами. Начальник поваров так обкладывает *антахишум* вокруг всех богов. И похлёбку так всем богам вручает по кругу. Начальник поваров 3 раза бьёт булавой барана по голове. Люди *хесты* вносят его в покои, и закалывают его перед богом» (СТН 609: KUB 41.27 IV 1–14); «[...] Цаппам [...] 1 раз, годам 1 раз возливает. Начальник поваров передаёт чёрный сосуд для возлияний, наполненный *валхи*, старшему придворному. Старший придворный протягивает руку издали» (СТН 609: KUB 41.27 V 3–9); «[...] очагу [... бух]анки – Цаппам, [...] 3 буханки кладёт перед годами. Главный из придворных простирается ниц и уходит. Закрывают» (СТН 609: IBoT 2.1 OC VI 1–7), на чём завершается описание праздника. Из *хесты* символ года не возвращается, поэтому исследователи давно отмечают, что в фокусе церемонии оказывается не новый год, а прежний [1, 100].

Главный осенний праздник *нунтариясха* во многом является отражением *антахишума*. Не стали здесь исключением и церемонии в *хесте*, которые, согласно одной из редакций программы этого праздника, проводились на его 10-й день. Программа описывает их так: «А наутро царь [идёт] в *хесту*. Большое собрание. А в храме Божества-Защитника умирает баран, праздник – его. А в храме Руна для Ци[тхари] в предшествующий день справляют праздник – человека, которого нарекают царём. День 10-й» (KUB 59.2 OC III 1–5). Хотя эта церемония, на первый взгляд, не имеет календарного символизма, она важна с точки зрения обеспечения стабильности царской власти, которую поддерживают подобные ритуалы подмены. Вероятно, церемония с символом года также является подменным ритуалом, в процессе

которого увозимый в *хесту* и прибываемый к другим символам лет символ года должен отвести беду от настоящего года.

Таким образом, анализ изображений церемонии выноса символа года в разных вариантах описания 11-го дня праздника *антахиум* показал, что люди *хесты* выполняют ключевые функции в обрядах с символом года, тогда как помещение, где происходила кульминация церемонии, названо *хестой* лишь в одном описании. В этом заключается ключевое отличие церемоний в *хесте*, происходивших на празднике *антахиум*, от церемоний в *хесте* на других ключевых календарных праздниках *пуруллия* и *нунтариясха*, где люди *хесты* не упоминаются. С другой стороны, большинство функций людей *хесты* наряду с ними выполняется и другими участниками хеттских праздников, за исключением специфически связанных со хтоническим культом. В связи с этим можно заключить, что церемония проноса символа года связана не с наступлением нового года, а с погребением прежнего года, которая проходила через несколько недель после наступления нового года и выполняла функцию защиты текущего года от неприятностей – своего рода ритуал подмены года.

Библиографические ссылки

1. Haas V., Wäfler M. Bemerkungen zu É ḫeštī/ā- (2. Teil) // Ugarit-Forschungen. 1977. Bd. 9. S. 87–122.
2. Cognetti C. Totenkult und Ahnenverehrung im hethitischen Anatolien. Vorstellungen, Rituale und Institutionen. Heidelberg: Winter, 2021 (Texte der Hethiter, 32).
3. Haas V. Geschichte der hethitischen Religion. Leiden: Brill, 1994.
4. Hutter M. Religionsgeschichte Anatoliens Vom Ende des dritten bis zum Beginn des ersten Jahrtausends. Stuttgart: Kohlhammer, 2021 (Die Religionen der Menschheit, 101).
5. HFR-Team. Das Corpus der hethitischen Festrитуале. Basiscorpus der Festrитуалtexte. URL: https://www.hethport.uni-wuerzburg.de/HFR/bascorp_intro.php (2021-12-31)
6. Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы Древней Анатолии. Москва: Наука, 1982.
7. Popko M. Towards a history of Hittite religion // Orientalistische Literaturzeitung. 1995. Bd. 90. P. 469–483.
8. Singer I. The Hittite KILAM Festival. Part 1. Wiesbaden: Harrassowitz, 1983 (Studien zu den Boğazköy-Texten, 27).
9. HFR-Team. Das Corpus der hethitischen Festrитуале. KUB 57.110+. URL: https://www.hethport.uni-wuerzburg.de/HFR/bascorp_xtx.php?d=KUB%2057.110%2B&o=CTH%20645
10. Torri G. Remarks about the transmission of festival texts concerning the cult of Lelwani (based on the fragment KBo 13.216 + KBo 56.89 (+) KBo 56.90) // Saeculum –

Gedenkschrift für Heinrich Otten anlässlich seines 100. Geburtstags (Studien zu den Boğazköy-Texten, 58). Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. P. 289-300.

11. Cammarosano M. Hittite Cult Inventories. CTH 526–530. 2021. URL: <https://osf.io/46uhq/>

12. Güterbock H. G. et al. The Hittite dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. L–N. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1989.

13. Friedrich J., Kammenhuber A. Hethitisches Wörterbuch. Zweite, völlig neu bearbeitete Auflage auf der Grundlage der edierten hethitischen Texte. Band III: H. Heidelberg: Winter, 1991–2012.

14. Otten H. Die Gottheit Lelvani der Bogazköy-Texte // Journal of Cuneiform Studies. 1950. Vol. 4. P. 119–136.

15. Bachvarova M. R. From Hittite to Homer. The Anatolian Background of Ancient Homeric Epic. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

16. Mouton A. Réflexions autour de la notion de rituel initiatique en Anatolie hittite. Au sujet de la fête haššumaš (CTH 633) // Journal of Ancient Near Eastern Religions. 2011. Vol. 11. P. 1–38.

17. Kryszewski A. In the Footsteps of the Hittites. Movement, Topography, and the AN.DAḪ.ŠUM Festival // Cult, Temple, Sacred Spaces. Cult Practices and Cult Spaces in Hittite Anatolia and Neighbouring Cultures / S. Görke, Ch. W. Steitler (eds.) (Studien zu den Boğazköy-Texten, 66). Wiesbaden: Harrassowitz, 2020. P. 305–316.

18. Steitler Ch. Offerings to the loci numinosi. Distinctive Features of Sacred Spaces and Cult Practices // Cult, Temple, Sacred Spaces. Cult Practices and Cult Spaces in Hittite Anatolia and Neighbouring Cultures / S. Görke, Ch. W. Steitler (eds.) (Studien zu den Boğazköy-Texten, 66). Wiesbaden: Harrassowitz, 2020. P. 317–343.

19. Haas V., Wegner I. Betrachtungen zum hethitischen Festkalender: Die Kulthandlungen des 11. und des 22. bis 26. Tages des AN.TAḪ.ŠUM^{SAR}-Festes // Hittite and Other Anatolian and Near Eastern Studies in Honor of Sedat Alp / H. Otten, H. Ertem H., E. Akurgal, A. Süel (eds.). Ankara, 1992. S. 245–257.

НАМЕСТНИК КАК УСМИРИТЕЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ВОЛНЕНИЙ: ВОЕННЫЕ И ДРУГИЕ СРЕДСТВА ПОДДЕРЖАНИЯ ПОРЯДКА В ПРОВИНЦИИ (ПЕРИОД ПРИНЦИПАТА)

С. В. Телепень

Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина,
ул. Студенческая, 28, 247760, Гомельская область, г. Мозырь, Беларусь,
telepen_serg@mail.ru

В статье рассматривается деятельность римского провинциального наместника по поддержанию правового порядка и обеспечению социальной стабильности в границах подначальной ему территории. На основе анализа различных письменных источников обнаруживаются конкретные тенденции в данной политике. Делается вывод о том, что основные усилия наместника были направляемы на поиск управленческих решений, цель которых – достижение консенсуса как минимум с верхушкой провинциального сообщества. Опираясь на местных магистратов, используя поддержку общинной знати, наместники стремились действовать в своих провинциях ненасильственным путем везде, где это было только возможно.

Ключевые слова: Римская империя; провинция; наместник; право; *latrones*.

The article examines the activities of the Roman provincial governor to maintain legal order and ensure social stability within the boundaries of the territory under his command. Based on the analysis of various written sources, specific trends in this policy are revealed. It is concluded that the governor's main efforts were aimed at finding management solutions, the purpose of which is to achieve consensus at least with the top of the provincial community. Relying on local magistrates, using the support of the community nobility, the governors sought to act nonviolently in their provinces wherever possible.

Keywords: Roman Empire; province; governor; law; *latrones*

В памятниках римского права подчеркивается, что наместник должен следить за тем, чтобы в провинции, которой он управляет, поддерживались мир и порядок. Для этого надлежало всячески оберегать провинцию от противников римской власти и ее установлений, т.е. от преступников (*Dig. I. 18. 13; XLVIII. 13. 4. 2*). Характеризуя последних, юристы используют выражение *mali homines*. Ульпиан объединил под этим общим определением разбойников (*latrones*), святотатцев (*sacrilegi*), похитителей людей (*plagiarii*) и воров (*fures*) (*Dig. I. 18. 13*). Римские правоведы подчеркивали, что преследование всех этих нарушителей законного порядка была основной обязанностью наместника (*Dig. I. 18. 3*). В «Кодексе Юстиниана» приводится письмо Гордиана III, в котором содержится требование поддержания законности

в провинциях (*CI. VIII. 40. 13*). Наконец, Тертуллиан в своем «Апологетике» подтверждает со своей стороны, что наместники имели от императора поручение (*mandata*) ловить и наказывать нарушителей закона (*Tert. Apol. 2. 14*). Значение, которое придавалось данной обязанности, видно из первого письма Цицерона Квинту. Автор хвалит своего брата за то, что тот установил мир во всей своей провинции, энергично подавляя разбой (*Cic. Q. fr. I. 1. 25*). Схожие мотивы присутствуют в письме Фронтона: готовясь отправиться в качестве проконсула в Азию, он обратился за услугами к некоему Юлию Сенексу, специалисту по поимке опасных преступников (*Fronto Ad Ant. Pium. 8. 1*).

Между тем силовые ресурсы, доступные наместнику для поддержания порядка, иногда были ограниченными. Во времена Республики количество войск в провинции зависело от военной ситуации. Так, будучи проконсулом Киликии, Цицерон имел под своим командованием два легиона (*Cic. Att. V. 15. 1*). Уже при Империи отдельные провинции имели на своей территории один, два и даже три легиона, но другие были демилитаризованы. Хотя римская аристократия и под властью императора сохраняла амбиции республиканской знати [1, с. 68, 71], однако проконсульские провинции теперь как правило не имели крупных воинских сил, за исключением Африки. Она представляла собой особый случай, поскольку там до правления Калигулы находился III Августов легион, остававшийся в распоряжении сначала проконсула, а затем – легата, подчинявшегося непосредственно императору. С 39 г. ни один наместник сенатской провинции не имел под своим командованием целого легиона. Тем не менее проконсулы обычно располагали несколькими когортами, свидетельства о которых, впрочем, довольно скудны [2, р. 52; 3, с. 247–252]. Мы знаем, например, что Плиний Младший, когда он был отправлен Траяном в качестве легата императора в Вифинию и Понт, провинцию, обычно управлявшуюся проконсулами, имел под своим командованием по меньшей мере две когорты вспомогательных войск (*Plin. Ep. X. 21. 1*). В той же Африке после 39 г. проконсулу ежегодно предоставлялась когорта III Августова легиона (*CIL VIII. 2532 = ILS 2487*), при этом в Карфагене размещалась городская когорта, насчитывавшая в общей сложности около тысячи человек [4, р. 153]. Таким образом, все наместники в ранге как проконсулов, так и императорских легатов имели под своим командованием по крайней мере одно или два воинских подразделения, состоявших из нескольких сот солдат каждое. Эти подразделения выполняли роль полицейских сил, что определенно зафиксировано в отношении гарнизонов Лугдуна (совр. Лион) и Карфагена [3, с. 315]. Также в случае крайней необходимости наместник имел возможность

вызвать на помощь солдат, дислоцированных в соседних провинциях. Надпись, датируемая примерно 176 г., свидетельствует о том, что отряды легионов Нижней Мезии были отправлены на юг в приграничную область с Македонией и Фракией против фракийских «разбойников» (*latrones*). Этой экспедицией командовал Марк Валерий Максимиан, всадник, являвшийся на то время прокуратором Нижней Мезии (AE 1956. 124). Если часть солдат размещалась в главном городе провинции, где они служили в охране ее главы, то другие были прикомандированы к должностным лицам, назначенным в подначальные наместнику области. Распоряжением императора Плиний должен был выделить определенное количество воинов Гавию Бассу, префекту понтийского побережья, и Вирдию Гемеллину, императорскому прокуратору. Первому было направлено десять бенефициариев, два всадника и центурион, второму – десять бенефициариев (Plin. Ep. X. 21. 1; 27). Остальные солдаты распределялись по *stationes*, постам, разбросанным по всей провинции, откуда они осуществляли наблюдение и (при необходимости) полицейские функции. По словам Тертуллиана, в каждой провинции имелся военный отряд, предназначенный для борьбы с разбойниками (Tert. Apol. 2. 8).

Однако количество солдат, о которых идет речь, представляло собой буквально горсть по сравнению с совокупным населением провинции. В пределах городских территорий основную часть обязанностей по обеспечению порядка выполняли местные власти. Последние, как и римская администрация, были заинтересованы в том, чтобы свести к минимуму разбой и насилие. В некоторых провинциях выслеживанием и поимкой преступников занимались специальные должностные лица, выборные либо назначаемые (см. ниже). Надписи из Ньюна (*colonia Iulia Equestris Nouiodunum*, иначе Новиодун) в Верхней Германии свидетельствуют о существовании в этой римской колонии магистратуры, называемой *praefectura arcendis latrociniis* (или *arcendo latrocinio*), назначением которой была борьба с разбоем. Известны два таких местных префекта – Квинт Северий Марциан и Гай Лукконий Тетрик, оба декурионы, которые впоследствии осуществляли дуумвират в этой колонии (AE 1978. 567; CIL XIII. 5010 = ILS 7007). Другие свидетельства о существовании той же магистратуры были обнаружены в Верхней Германии и Белгике (CIL XIII. 6211; AE 1978. 501 = 1982. 716). Когда эта префектура была создана, например, в Ньюне, точно не известно. Швейцарский эпиграфист и историк Регула Фрей-Столба предположила, что учреждение должности относится к концу II или началу III века. Должность была создана для наблюдения за дорогами и, возможно, Женевским озером, чтобы избежать в его акватории актов

пиратства [5, p. 47–49]. В колонии Немауз (совр. Ним) функция «префекта стражи и оружия» (*praefectus uigilum et armorum*) подтверждается несколькими надписями, в том числе эпитафией, прослеживающей карьеру одного из таких префектов, Гая Сергия Респекта (*AE* 1969/70. 376 = 1992. 1216).

Важной в означенном контексте представляется должность иренарха, то есть полицмейстера. Данная магистратура засвидетельствована в Малой Азии, Греции и Египте [6, p. 90–122]. Элий Аристид упоминает о том, что каждый город ежегодно представлял проконсулу список из десяти человек, выбранных из местной знати, а тот уже назначал одного из них на указанную должность (*Ael. Arist. Orat. sacr.* IV. 72). Отношения иренарха с наместником отражены в отрывке из труда Маркиана, включенном в Дигесты. Здесь сообщается, что, согласно эдикту, обнародованном Антонином Пием, когда тот был проконсулом Азии в 134/135 г., иренархам надлежало подвергать аресту преступников, допрашивать их, а затем отправлять под стражей к наместнику вместе с протоколом (*elogium*) допроса (*Dig.* XLVIII. 3. 6. 1).

Интересно, что наместник мог предложить кому-либо из знатных провинциалов принять на себя обязанность иренарха в качестве дружеской услуги. Так, проконсул Азии Гай Юлий Север, которого Элий Аристид просил не возлагать на него эту должность, уговаривал ритора принять на себя эти функции, используя формулу: «Я прошу, чтобы он вместе со мной принял участие в управлении провинцией» (пер. С.И. Межеричкой), выражение, которое указывает на тесное сотрудничество между иренархами и наместником (*Ael. Arist. Orat. sacr.* IV. 78).

Наместнику приходилось сотрудничать с местными магистратами, которые помогали ему преследовать воров и разбойников и проводили предварительное расследование, прежде чем передать их в руки наместнической судебной системы. Однако в ряде случаев источники не позволяют установить, кто отвечал за поимку разбойников. В письме Коммода, датированном 190 г., город Бубон в Ликии удостоился похвалы императора в связи с успехами по подавлению разбоя. Граждане Бубона отправились преследовать грабителей в близлежащую горную местность и убили некоторых из них, схватив прочих. Ликийская конфедерация (*κοινόν*) в качестве награды предоставила Бубону дополнительный голос в общем совете, меру, которую одобрил Коммод и которая должна была побудить другие города принять аналогичные меры, проявить такую же энергичность (*AE* 1979. 624).

С другой стороны, наместник мог решить по своей инициативе или по требованию города командировать центуриона или бенефициария для сотрудничества с местными властями. Таким образом, Плиний Младший

послал в Византий легионного центуриона для защиты привилегий города, хотя Траян и отказал в аналогичной просьбе гражданам Юлиополя, опасаясь наплыва обращений подобного рода (Plin. *Ep.* X. 77. 1–2). В Египте префект этой исключительно важной императорской провинции мог делегировать определенные задачи по обеспечению правопорядка стратегам номов. Луций Бебий Аврелий Юнцин, занимавший пост наместника провинции между 211 и 213 гг., повелевал стратегам номов Гептаномии и Арсинойского нома неукоснительно выслеживать разбойников (*P. Оху.* XII, 1408 = *Sel. Pap.* II. 224). В 154 г. решением префекта Марка Семпрония Либерала в распоряжение эпистратегов и стратегов для преследования разбойников были предоставлены солдаты (*BGU* II. 372).

Очевидно, что античные авторы приравнивают мир в провинции к устранению *latrones* – наиболее часто упоминаемых в качестве *mali homines*. Но кто подразумевался под *latro*, или его греческим эквивалентом ληστής? Нам представляется, что понятие *latro* следует толковать в более широком смысле, чем просто «разбойник». Ключом к более широкому значению данного слова является отрывок из Каллистрата, в котором уточняется, что, если знатный человек города был виновен в разбое или другом преступлении, караемом смертной казнью, наместник должен был держать его в цепях, сообщив о случившемся императору (*Dig.* XLVIII. 19. 27. 2). Однако трудно представить себе знатного человека в роли грабителя, поджидающего путника в темном лесу. Кроме того, в некоторых папирусах встречаются подобные выражения для обозначения лица, на которого истец подает жалобу. Здесь ответчика иногда обвиняют в том, что он действовал «по-разбойничьи» (ληστρικῶ τρόπῳ), что указывает не на то, что он действительно совершил действия, квалифицируемые как разбой, а на то, что его поведение не соответствует социальным стандартам [7, р. 28–29; 8, р. 60–61]. Более того, у политиков существовала тенденция называть своих противников *latrones*. Например, Цицерон характеризовал Верреса и его свиту как «когорту разбойников» (*cohors latronum*) (*Cic.* II. *Verr.* III. 55). Что касается Караузия, узурпатора, поднявшего мятеж против Карина и Диоклетиана в 286 г. и захватившего Британию, то в «Панегирике Констанцию» он был назван «архипиратом» (*archipirata*).

Тем не менее гораздо чаще слово *latrones* встречается не как эпитет политических противников или даже аристократических мятежников. Эпиграфика позволяет ознакомиться с конкретными случаями нападений *latrones*. Так, в трех дакийских эпитафиях, найденных близ Дробеты, уточняется, что погребенные «были убиты разбойниками» (*interfectus a latronibus*) (*CIL* III. 1579; *CIL* III. 1585; *CIL* III. 1559). Эта печальная

участь выпала едва ли случайным путникам, заблудившимся на незнакомых им дорогах, поскольку одна из жертв, Луций Юлий Басс, был декурионом и квестором в Дробете, а другой, Публий Элий Ариорт – кваттуорвиром (*quattuoruir*) Дробеты. Возможно, что эти случаи связаны с вторжениями языгов в Дакию в 167 году и что рассматриваемые *latrones* относятся к группам проникших варваров, а не разбойников в собственном смысле слова [9, p. 23–25].

Наряду с описанием мятежей и вторжений варваров использование понятие *latrones* было употребляемым для характеристики народных волнений, иногда перераставших в бунт. Беспорядки могли иметь разные причины и иметь различную направленность. Прежде всего отметим случаи внутренних движений внутри города. Большинство примеров связано с проблемами поставок. На основании более или менее обоснованных слухов того или иного состоятельного соотечественника порой обвиняли в том, что он накапливал запасы зерна с целью продать его по завышенной цене. Так, Дион Хрисостом в одной из своих «Бесед» жаловался на предвзятое к нему отношение со стороны жителей Прусы. Когда случились перебои с подвозом хлеба, толпа явилась к автору сообщения и чуть не подожгла его дом. Собравшиеся заподозрили Диона в том, что он был одним из спекулянтов, прятавших зерно, чтобы затем нажиться (Dio Chrys. *Or.* XLVI. 11). А в «Жизни Аполлония Тианского» Филострат описывает поведение своего героя во время беспорядков в Аспенде, что в Памфилии (юг Малой Азии). Народ возмутился богачами, которые прятали зерно, чтобы получить прибыль, продавая хлеб за пределами города. Перед лицом разъяренной толпы, Аполлонию удалось восстановить спокойствие, убедив хлеботорговцев уступить согражданам и не прятать зерно (Philost. *Vita Apoll.* I. 15). Этот эпизод, хотя и вымышленный, дает яркое представление о реакции, которая могла бы произойти в городе на греческом Востоке в случае нехватки продовольствия.

Но недовольство могло быть направлено также против самих римских властей. Таким образом, в некоторых провинциях мы наблюдаем бурную реакцию в связи с проведением переписи населения. Например, в Галлии в 12 г. до н. э. восстание вспыхнуло, вероятно, именно по указанной причине. Ливий и Дион Кассий подчеркивали результат переписи, которая делала систему сбора налогов более эффективной и, следовательно, более тяжелой для населения (Liv. *Perioch.* 139; Dio LIV. 32. 1). Шестьдесят лет спустя, в 48 г., Клавдий в своей речи счел возможным вспомнить об этом восстании (CIL XIII. 1668 = ILS 212). В Иудее также произошли волнения, спровоцированные переписью населения, которую в 6/7 г. проводил наместник Сирии

Публий Сульпиций Квирий (PIR² S 1018). По мнению Флавия Иосифа, они вспыхнули по наущению Иуды из Гамалы, и фарисея Саддока, оба были лидерами партии zelotim (Ios. Fl. Bell. Iud. II. 118; 433; VII. 253). Вероятно, этот протест имел не экономическую, а религиозно-политическую основу. Действительно, zelotim считали, что повиновение приказам Августа означало признание иудеями превосходства власти римлян над властью Бога [10, p. 77–81; 11, p. 362, 372–373]. Масштабы этого движения трудно определить, но, похоже, оно не имело серьезных последствий: заявления Иуды хотя и нашли широкий отклик в народе, но он был убит, а его последователи рассеяны (Ios. Fl. Bell. Iud. VII. 253). Как это произошло, точно не известно, при этом наши источники не упоминают о каких-либо крупных операциях против восставших.

В период принципата Александра Севера в Кесарийской Мавретании вспыхнуло восстание, которое было подавлено Лицинием Гиероклом. Надпись, называет это выступление как «самое отчаянное смятение толпы и бунт» (*desperatissima turba et factio*). Мишель Кристол предложил связать данные волнения опять-таки с проводившейся здесь в это время переписью населения [12, p. 263–266].

Персона наместника также иногда становилась объектом возмущений со стороны жителей провинции. Так, будущий император Веспасиан, тогда еще проконсул Африки, подвергся нападению толпы во время посещения Гадрумета. Причина этого остается тем более загадочной, что Светоний уточняет: Веспасиан выполнял свои обязанности безупречно (Suet. Vesp. 4. 3). Однако то, что Веспасиана горожане забросали репой, предполагает, что это имело отношение к проблемам с поставками продовольствия. Барбара Левик предложила связать движение в Гадрумете с проблемами, с которыми столкнулся в 62 г. сам Рим: шторм в порту Остии привел к затоплению двухсот кораблей, а еще сто сгорели во время пожара [13, p. 23–24]. Описанный случай с Веспасианом напоминает знаменитый эпизод, произошедший в Риме в 51 г., когда толпа на форуме бросала в Клавдия хлебные корки (Suet. Claud. 18; Tac. Ann. XII. 43).

В упомянутом выше эпизоде из «Жития Аполлония Тианского» кризис снабжения обернулся в Аспенде не просто волнениями – в рассказе Филострата показано, как в ходе этих беспорядков разгневанные жители восстали против правителя, готовые сжечь его заживо, в то время как он бежал к подножию статуй Тиберия [Philost. Vita Apoll. I. 15]. Вмешательство Аполлония спасло жизнь наместнику. Художественное преувеличение Филострата все-таки явственно указывает на то, с какой угрозой для власти ассоциировались у современников подобные *desperatissima turba et factio*.

Иногда выражение массового недовольства наместником и его администрацией носило ограниченный характер и было направлено лишь на то, чтобы привлечь внимание власти. В «Метаморфозах» Апулея рассказывается история жены коринфского лекаря, которая, поняв, что ее только что отравили, бросилась в дом, где остановился проконсул Ахайи. Ее крики привлекли толпу, своими негодующими криками заставившую наместника открыть дверь и впустить женщину. Едва получив аудиенцию, она скончалась у ног наместника, который приговорил отравительницу к смертной казни (Apuł. *Met.* X. 28. 3–5). Возмущение горожан здесь не выглядят как враждебное наместнику выступление, но лишь демонстрирует негодование народа произошедшим злодеянием.

Когда наместник отправлял правосудие, его решение могло вызвать гнев собравшихся граждан, особенно когда обвиняемым оказывался известный человек. По этому вопросу Модестин пишет о том, что предпочтительнее наказывать декурионов лишь после получения благосклонного мнения императора, если только восстание (*tumultus*) не может быть успокоено иначе, как немедленным исполнением приговора (*Dig.* XLVIII. 8. 16). Ульпиан, в свою очередь, приводит решение Марка Аврелия, касающееся случаев, в которых правитель мог отказаться передать апелляцию императору и приступить к немедленному исполнению приговора. Такая процедура была возможна, если наместник считал необходимым предотвратить риск «бунта» (*seditio*) и «кровавого заговора» (*factio cruenta*) (*Dig.* XXVIII. 3. 6. 9).

Действия наместника по поддержанию мира и спокойствия в провинции иногда можно обнаружить лишь в виде намеков. Цицерон в своем вышеупомянутом письме хвалит действия Квинта по поддержанию спокойствия в провинции, но ничего не говорит о конкретных мерах, предпринятых адресатом для достижения таких результатов (*Cic., Q. fr., I, 1, 25*). Иногда информация бывает более конкретной. Чтобы ограничить нападения разбойничьих банд или враждебных племен, наместник мог выстроить укрепления. Арриан в «Перипле Понта Евксинского» докладывает императору о своих решениях по этому вопросу, касающемся цитадели Фасис, расположенной на одноименной реке (совр. Риони), где были расквартированы четыреста солдат вспомогательной когорты. Стену окружали два рва, сложенных из обожженного кирпича и оснащенных боевыми машинами. Чтобы гарантировать безопасность лодок, стоящих на якоре, и той части за пределами цитадели, где жили ветераны и торговцы, Арриан решил вырыть третий ров, идущий к реке, чтобы укрыть форт и дома за стеной (*Arr. Peripl.* 9. 3–5). Усиленная таким

образом защита предназначалась для отражения возможных нападений со стороны племен, которых Арриан описывает как воинственных и враждебных, занимающихся разбоем (Агг. *Peripl.* 11. 1–3).

Наместники пытались избежать, не только внешних угроз стабильности и порядку, но и внутренних социальных конфликтов, связанных с массовым насилием. В 154 году распоряжением префекта Египта Марка Семпрония Либерала приказывалось всем, кто покинул свои дома во время недавних беспорядков, вернуться на условиях частичной амнистии. Префект предоставил отсрочку в три месяца после публикации указа и объявил, что, как только этот период истечет, любой, кто все еще скитается, отныне будет считаться «доказанным преступником» (κακοῦργος) (*BGU* II. 372). Этот указ затронул египтян, которые покинули свои поля во время восстания 153/154 г. Таким образом, префект умело использовал кнут и пряник, предоставляя амнистию и одновременно угрожая тем, кто не вернулся в свои дома в установленные сроки, но эффективность этих мер зачастую была лишь относительной, о чем свидетельствует их частое повторение.

Необходимо было устранить или хотя бы ограничить факторы, которые могли привести к восстанию. Римские власти с подозрением относились к любой объединению, которое могло в конечном итоге перерасти в вооруженное выступление. Местные ремесленники часто организовывались в коллегии, эквивалентом которых были гетерии в греческой части империи (*Dig.* XLVII. 22. 4). Однако эти коллегии имели неоднозначную репутацию и часто не без оснований рассматривались как угроза общественному спокойствию [14, р. 175–178]. По словам Тертуллиана, ограничения со стороны властей на организацию некоторых ассоциаций объяснялись заботой о поддержании общественного порядка и желанием римской администрации избежать разделения города на партии, которое могло бы нарушить работу комиций, собраний, курий (*Tert. Apol.* 2. 14). Недоверие римлян к некоторым формам самоорганизации провинциалов ясно заметно в переписке между Плинием Младшим и Траяном. Получив от своего наместника предложение создать в Никомедии коллегию пожарных (*fabri*), император выступил против, несмотря на заверения Плиния, утверждавшего, что он лично позаботится о том, чтобы пожарная команда не превратилась в опасное сообщество (*Plin. Ep.* X. 33. 3). По мнению Траяна, любая ассоциация такого рода должна рано или поздно выродиться в гетерию (*Plin. Ep.* X. 34. 1). Некоторое время спустя, в ответ на письмо Плиния, который хотел знать, следует ли ему разрешить ассоциации взаимопомощи (ἔρανοι) в Амисе, городе «свободном и союзном» (*libera et foederata*), Траян ответил, что в силу их статуса, если

их законы разрешают им иметь такое объединение, им не следует препятствовать, тем более если такое общество не станет провоцировать беспорядков и незаконных собраний. С другой стороны, добавляет император, в прочих городах такая практика должна быть запрещена именно для того, чтобы не допустить нанесения ущерба общественному порядку (Plin. *Ep.* X. 93).

Для ограничения возможных волнений объявить запрет было недостаточно, необходимо было еще сделать так, чтобы о нем знали и его соблюдали провинциалы. Так было в Вифинии, где христиане, по словам Плиния, утверждали, что отказались от своих собраний после издания указа, запрещающего гетерии (Plin. *Ep.* X. 96. 7).

Наместники принимали меры, направленные на ограничение риска восстаний путем устранения их причин. В 92 или 93 году н.э. легат Галатии Луций Антистий Рустик издал распоряжение, призванное отрегулировать цены на пшеницу, что было актуально для Антиохии Писидийской, пострадавшей из-за суровой зимы, приведшей к потере части урожая. Этот указ был воспроизведен на почетной надписи, найденной в этом городе. Легат сообщал, что он вмешался по требованию дуумвиров и декурионов колонии (AE, 1925, 126 b = 1926, 78). Комплекс мер, должно быть, оказался эффективным, поскольку граждане Антиохии благодарили наместника за его действия и даже объявили Луция Антистия Рустика своим «покровителем» (*patronus*), указав это в надписи, выгравированной на том же камне, что и эдикт (AE, 1925, 126 a).

Однако превентивных действий не всегда было достаточно для обеспечения общественного порядка, что объясняет, почему некоторые наместники прибегали к репрессивным мерам. Когда восстание уже вспыхнуло, то главным было сдержать его и не допустить распространения по всей провинции. Надпись из Эфеса, датированная II в. воспроизводит решение, принятое проконсулом Азии после волнений хлебопекеров. Булочники заявили претензии власти и прекратили всякую деятельность, что поставило под угрозу снабжение города. Проконсул запретил им собираться вместе и предупредил, что любой пекарь, который впредь будет уличен в посещении подобного собрания или в подстрекательстве к мятежу, будет строго наказан (SEG IV. 512).

Наместники могли попытаться избежать беспорядков, приняв силовые меры. Так, проконсул Вифинии Варен Руф после произошедших волнений на неопределенный срок приостановил работу народного собрания в Прусе (Dio Chrys. *Or.* XLVIII. 1). Репрессии представляли собой способ восстановить порядок. Известны случаи, когда нарушителей спокойствия приговаривали к распятию – наказание,

обычно предназначенное для рабов. Во время правления Нерона прокуратор Гессий Флор, раздраженный критикой жителей Иерусалима в свой адрес, приказал бичевать и распинать смутьянов, в том числе принадлежавших всадническому сословию (*Ios. Fl. Bell. Iud.* II. 308). Гай Уммидий Квадрат, наместник Сирии, также приказал распять бунтовщиков, чтобы подавить беспорядки во время прокуратуры Вентидия Кумана (*Ios. Fl. Ant. Iud.* XX. 129).

Возможность репрессивных мер была известна провинциалам и, несомненно, вызывала у них страх. Во время беспорядков, вызванных проповедью Павла в Ефесе, местному магистрату удалось усмирить толпу, угрожая вмешательством проконсула. Он настаивал на том, что эфесцам грозило обвинение в мятеже, поскольку не было никаких оснований оправдывать их самовольное собрание в театре (*Act. Apost.* 19. 23–40). В схожих обстоятельствах Дион из Прусы, не колеблясь, пригрозил вмешательством проконсула Вифинии и Понта, чтобы убедить своих сограждан прекратить ссоры (*Dio Chrys. Or.* XLIII. 11; XLVIII. 10).

Таким образом, памятники римского права, описывая различные ситуации и определяя наказание нарушителям, не сообщают о том, насколько часто и массово нарушался установленный правовой порядок. Упоминания о нападениях «разбойников» могли быть связаны как с внешними вторжениями, так и с криминальными действиями маргинальных элементов, не всегда явно отличимых не только от проникавших в провинцию варварских отрядов, но и покидавших порой свои поля крестьян. Легче идентифицируются в качестве источника волнений жители провинциальных городов, которые, тем не менее, могли становиться участниками беспорядков на улицах и площадях, но могли также пополнять ряды *latrones*, нападавших на путников в лесах и горах.

Очевидно, что наместники, сталкиваясь со всеми этими угрозами, пытались нивелировать факторы, которые вынуждали бы власти к репрессиям. У нас нет оснований утверждать, что проконсулы, императорские легаты, прокураторы, префекты использовали военную силу как главное средство усмирения социальных волнений и в целом поддержания мира и спокойствия. Основные усилия здесь были направляемы на поиск управленческих решений, цель которых – достижение консенсуса как минимум с верхушкой провинциального сообщества. Опираясь на местных магистратов, используя поддержку общинной знати, наместники стремились действовать в своих провинциях ненасильственным путем везде, где это было только возможно.

Библиографические ссылки

1. Смышляев, А. Л. Римский наместник в провинциальном городе: стиль управления в эпоху принципата / А.Л. Смышляев // *JVS ANTIQVVM*. Древнее право. – 2006. – № 17. – С. 65–72.
2. Sherk, R. K. Roman Imperial Troops in Macedonia and Achaea / R. K. Sherk // *The American Journal of Philology*. – 1957. – Vol. 78. – No. 1. – P. 52–62.
3. Ле Бож, Я., Римская армия Ранней Империи ; пер. с франц. М. Н. Челинцевой / Я. Ле Бож. – М. : РОССПЭН, 2001. – 400 с.
4. Hurllet, F. Le proconsul et le prince d'Auguste à Dioclétien / F. Hurllet. – Paris : Boccard, 2006. – 351 p.
5. Frei-Stolba, R. Recherches sur les institutions de Nyon, Augst et Avenches / R. Frei-Stolba // *Cités, municipes, colonies* ; éd. de M. Dondin-Payre et M.-T. Raepsaet-Charlier. – Paris : Éditions de la Sorbonne, 1999. – P. 29–95.
6. Brélaz, C. La sécurité publique en Asie Mineure sous le Principat (I^{er}–III^{ème} s. ap. J.-C.). Institutions municipales et institutions impériales dans l'Orient romain / C. Brélaz. – Basel : Schwabe, 2005. – xi, 530 p.
7. Grünwald, T. Bandits in the Roman Empire : Myth and Reality ; transl. from German by J. Drinkwater / T. Grünwald. – London : Routledge, 2004 – x, 230 p.
8. Kelly, B. 2011 : Petitions, Litigation, and Social Control in Roman Egypt / B. Kelly. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – xix, 427 p.
9. Popescu M. Quades et Marcomans contre Marc Aurèle / M. Popescu. – Clermont-Ferrand : Lemme Édition, 2011. – 101 p.
10. Paltiel, E. Vassals and Rebels in the Roman Empire. Julio-Claudian Policies in Judaea and the Kingdoms of the East / E. Paltiel – Bruxelles : Latomus, 1991. – 352 p.
11. Sartre, M. L'Orient romain. Provinces et sociétés provinciales en Méditerranée orientale d'Auguste aux Sévères (31 avant J.-C.-235 après J.-C.) / M. Sartre. – Paris : Seuil, 1991. – 638 p.
12. Christol, M. Les troubles en Maurétanie Césarienne sous le gouvernement de T. Licinius Hiéroclès / M. Christol // *L'Afrique, la Gaule, la Religion à l'époque romaine. Mélanges à la mémoire de Marcel Le Glay* ; éd. de Y. Le Bohec. – Bruxelles : Latomus, 1994. – P. 254–266.
13. Levick, B. *Vespasian*, London / B. Levick. – New York : Routledge, 1999. – xxiii, 310 p.
- 14 Mac Mullen, R. *Enemies of the Roman Order. Treason, Unrest, and Alienation in the Empire.* / R. Mac Mullen. – Cambridge : Harvard University Press, 1966. – xi, 370 p.

ФОРМУЛА ὕπερ В ВОТИВНЫХ НАДПИСЯХ РИМСКОГО ЕГИПТА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПОСРЕДНИЧЕСКОЙ РОЛИ ПРАВИТЕЛЯ МЕЖДУ МИРАМИ ЛЮДЕЙ И БОГОВ

С. А. Качан

г. Москва

В этом исследовании рассматриваются посвятельные надписи с формулой ὕπερ, которые составлялись «ради» императора. Эти тексты были направлены на обеспечение благополучия римского правителя, способствовавший спасению своих подданных и спокойствию в обществе, а также укреплению власти римского правителя, которому благоволят египетские боги. Несмотря на то, что выполнение ритуала, отраженные в вотивных надписях с формулой ὕπερ, фактически выполнял дедикант, сохранялось представление о том, что римский император как правитель Египта был главным исполнителем ритуальных действий, утверждающим Маат.

Ключевые слова: римский императорский культ; римский Египет; формула ὕπερ; вотивные надписи.

This study examines the votive inscriptions with the formula ὕπερ, which were compiled “in favour of” the emperor. These texts were aimed at ensuring the well-being of the Roman ruler, who contributed to the salvation of his subjects and peace in society, as well as strengthening the power of the Roman ruler, who was favored by the Egyptian gods. Despite the fact that the performance of the ritual, reflected in the votive inscriptions with the formula ὕπερ, was actually performed by the dedicant, the idea remained that the Roman emperor, as the ruler of Egypt, was the main performer of ritual actions, establishing Maat.

Keywords: Roman imperial cult; Roman Egypt; ὕπερ formula; votive inscriptions.

Формула ὕπερ (далее – Ἀυτοκράτορος и имя императора в gen.), имевшая латинский эквивалент pro salute (далее – imperatoris и имя императора в gen), была в посвятельных надписях направлена на обеспечения благополучия, здоровья римского правителя и членов его семьи. В этих надписях образ императора выступал в качестве посредника между богами и людьми. Изучая проблему формулы ὕπερ, С.Р.Ф Прайс указывает на «двусмысленность» в посвятельных надписях: часть из них на востоке Римской империи были сделаны «ради императора», другие вотивные тексты (в dat.) отражали идею о приношении жертв богам и императору, отождествленному с греческими божествами. Эти посвятельные надписи, по мнению автора, свидетельствовали о том, что римские правители были в положении младших богов, находящимися между мирами людей и божеств [12, p.

232–233]. П.П Иосиф говорит о том, что вотивные надписи (в dat.) были связаны с греко-македонским характером царской власти Лагидов в Египте, тогда как посвятительные тексты с формулой $\dot{\text{u}}\text{p}\grave{\text{e}}\text{r}$ отражали процесс «фараонизации» образа правителей долины реки Нил, начиная с Птолемея III и IV [7]. Обращая внимание на изучение вотивных надписей с $\dot{\text{u}}\text{p}\grave{\text{e}}\text{r}$, Д. Гладич обнаруживает, что египетским эквивалентом этой формулы стало египетское выражение – j.jr-ḥr («в пользу»), которое появилось в демотических документах под греческим влиянием [5]. С.Г. Канева, исследуя проблему посвятительных надписей императору и богам (в dat.) и формулы $\dot{\text{u}}\text{p}\grave{\text{e}}\text{r}$ в вотивных текстах, утверждает, что первые отражали богоравный характер образа правителей Египта, которым воздавали те же культовые почести, что и богам долины реки Нил, а вторые – способ коммуникации между дедикантом и социальной средой (общины или города), в которой он жил, или людьми более высокого социального ранга (вплоть до правителя). По мнению автора, вотивные надписи обеспечивали благополучие социальной среды дедиканта, данное богами и правителем, уравненным с божествами и выступавшим ритуальным посредником. С другой стороны, посвятительные надписи могли быть нацелены на обеспечение благополучия самого правителя и членов его семьи, что было проявлением лояльности дедиканта [4]. Ш. Пфайффер указывает на то, что, используя формулу $\dot{\text{u}}\text{p}\grave{\text{e}}\text{r}$ в вотивных текстах, дедиканты ставили правителя в качестве «прокси»-исполнителя ритуала, который выступал в роли посредника между богами и людьми и одновременно — реципиента божественной благодати [11]. Таким образом, авторы, исследовавшие формулу $\dot{\text{u}}\text{p}\grave{\text{e}}\text{r}$, обращали внимание на то, что центральной фигурой в вотивных надписях, имевших религиозно-культовое значение, выступал правитель. В греко-римском Египте таковыми были цари из династии Птолемея и римские императоры. Но исследователи не достаточно изучили вопрос влияния египетских религиозных представлений на вотивные надписи с формулой $\dot{\text{u}}\text{p}\grave{\text{e}}\text{r}$, которые позволяли правителю выступать в качестве посредника между богами и людьми. Итак, в данном исследовании будут рассмотрены следующие вопросы: какие египетские идеи могли быть связаны с формулой $\dot{\text{u}}\text{p}\grave{\text{e}}\text{r}$, которые представляли римского правителя как посредника между мирами богов и людей, какие особенности имели эти представления под взаимным влиянием греко-римских и египетских религиозных идей.

С самого начала египетской истории царь выполнял роль верховного жреца, обеспечивавший ритуал и устанавливавший справедливый порядок вещей – Маат. Это представление сохранилось в

римское время, когда императоры Рима стали правителями Египта. Одной из составляющих Маат было отсутствие восстаний и спокойствие населения. Эта идея отразилась в посвянительной надписи статуи Аписа, установленной в александрийском Серапионе в 122 г: (Διὶ Ἡλίῳ μεγάλῳ Σαράπιδι καὶ τοῖς συννάοις θεοῖς ὑπὲρ σωτηρίας Αὐτοκράτορος...ἡ πόλις) «Зевсу-Гелиосу, великому Сарапису и всем богам (из этого) храма ради спасения (благополучия) императора (Адриана)... город (посвятил)» [9, S. 149]. Установке статуи священного быка предшествовали беспорядки в Александрии, так как шли споры о месте расположения найденного после многолетних поисков Аписа (SHA. Nadr. 12.1), которого жрецы Птаха собирались поместить в традиционное святилище священного быка в Мемфисе (Diod. I. 85. 1–2). Но в результате вмешательства в спор императора Адриана (Dio Cass LXIX. 8. 1a) было решено установить статую Аписа в александрийском Серапионе – храме Сараписа, включавшего в свой образ черты Осириса и других божеств (Tac. Hist. IV. 84.5). При жизни Апис рассматривался в качестве живого воплощения Птаха и его вестником, а после смерти священный бык назывался Осирис-Апис или Апис-Осирис, отождествлялся с царем Загробного Царства [14]. Поэтому установка статуи священного быка в Серапионе было оправданным и соответствовало египетским религиозным представлениям, что, вероятно, привело к умиротворению населения Александрии. Необходимо отметить, что скульптурное изображение Аписа была воздвигнуто как преподношение синкретическому богу Сарапису-Гелиосу-Зевсу (Διὶ Ἡλίῳ μεγάλῳ Σαράπιδι) и другим членам александрийской триады, почитавшейся в храме этого бога, – Харпократу, Исиде и Анубису (τοῖς συννάοις θεοῖς), что отражалось в посвянительной надписи (в dat.). Установка статуи было сделано «ради спасения императора» (ὑπὲρ σωτηρίας Αὐτοκράτορος). Таким образом, сам император Адриан, «ради» (ὑπὲρ) которого была установлена статуя, становился получателем божественной благодати от Сараписа, способствуя благополучию своих подданных и умиротворяя их после длительного спора. При этом, он как правитель Египта соединял вместе мир божественный и человеческий, обеспечивая непрерывность ритуала [4, p. 147]. Адриан установил мир в обществе, отправив письмо александрийцам, где высказал им свое порицание, ибо (πλέον ἰσχύσει αὐτοκράτορος λόγος τῶν ὀπλῶν) «слово императора будет иметь больше силы, чем его оружие» (Dio Cass LXIX. 8. 1a) [1, с. 130]. Постановления императоров были обязательны для исполнения и связаны с представлением о справедливости решений римских правителей, освещенных божественностью их образов [2, p. 76–77]. Так, согласно греческому тексту 138 г. (P. Tebt. II. 286) жители

Египта (προσκυνεῖν ὀφείλοντες τὰς ἀναγνωσθείσας τοῦ θεοῦ Τραϊανοῦ καὶ τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἀδριανοῦ Καίσαρος Σεβαστοῦ ἀποφάσεις) «должны считать себя обязанными благоговейно поклоняться постановлениям бога Траяна и владыки нашего Адриана Цезаря Августа во время (их) оглашения». Итак, формула ὑπὲρ могла быть направлена на обеспечение благополучия императора, которому благодетельствует божество. Римский правитель, выступая в качестве посредника между мирами богов и людей, обеспечивает мир и спокойствие, утверждая справедливый порядок вещей.

Идея божественного покровительства, которое передается римскому императору, и связанное с этим обеспечение благополучия подданных отразилось в греческом папирусе: (ἐπὶ σωτηρία τοῦ σύνπλουτος ἀνθρώπων γένους ἴστε τὴν ἡγεμονίαν παρὰ τοῦ θεοῦ πατρὸς διαδεδέχθαι Αὐτοκράτορα Καίσαρα Τραϊανὸν Ἀδριανὸν Ἄριστον Σεβαστὸν Γερμανικὸν Δακικὸν Παρθικόν. εὐχόμενοι οὖν πᾶσι θεοῖς αἰώνιον αὐτοῦ τὴν διαμονὴν ἡμεῖν) «ради спасения всего человеческого рода познали мы (императорскую) власть, (которая) была передана от божественного отца императору Цезарю, Траяну, Адриану Превосходному, Августу, Германику Дакийскому, Парфянскому. Молим мы, таким образом, всех богов о вечности его (власти) для нас» (P. Оху. LV. 3781). Здесь император Адриан получает покровительство от своего обожествленного после смерти отца – Траяна (SHA. Hadr. VI.1), что способствует «спасению» всего рода человеческого и законному передаче власти от покойного правителя к живущему императору. Традиционно покойный царь отождествлялся с владыкой Царства мертвых – Осирисом, а живущий – с богом Хором, который совершает ритуал для своего почившего отца [6, p. 44–45]. Восхождение нового правителя воспринималось как победа добра над злом и торжество справедливого порядка – Маат (m³.t), который противоположен хаосу (jsf.t), поскольку царь «знает Маат» и правит в соответствии с ней [3, S. 1115]. Таким образом, спасение «всего рода человеческого» тесно переплеталось с идеей торжества справедливого порядка вещей, утверждаемый правителем, и передачей власти от покойного правителя к правящему владыке. Причем, вероятно, формула ὑπὲρ заменяется в P. Оху. LV.3781 на ἐπὶ.

Идеи спасения подданных императором обнаруживаются в образе Тиберия, которому присущ богоравный статус. Во время путешествия в Египет приемного сына императора – Германика, когда он открыл амбары с целью спасти население от голода (Tac. Ann. II. 59. 2), жители Александрии предложили ему богоравные почести, от которых Германик отказался, заявив: (τάς δὲ ἐπιφθόνους ἐμοὶ καὶ ἰσοθέους ἐκφωνήσεις ὑμῶν ἐξ ἄπαντός παραιτοῦμαι. πρέλουσι γὰρ μόνῳ τῷ σωτῆρι ὄντως καὶ εὐεργέτῃ

τοῦ σύνπαντος τῶν ἀνθρώπων γένους, τῷ ἐμῷ πατρὶ καὶ τῇ μητρὶ αὐτοῦ, ἐμῇ δὲ μάμμῃ) «Я отверг все ваши богоравные восклицания, которые у меня вызвали ненависть, потому что (они) приличествуют только спасителю и благодетелю всего рода человеческого, моему отцу (т.е. Тиберию), и его матери, моей бабушке (т. е. Ливии)» [8, р. 66]. В этом тексте Тиберий объявлен «спасителем и благодетелем всего рода человеческого», который равен богам и является законным правителем, утверждающим Маат. Таким образом, представление об императоре, который утверждает справедливый порядок вещей, соединяется с идеей о правителе, который, подобно божеству, может обеспечить спасение и благополучие подданных. Данное представление могло сочетаться с формулой ὑπὲρ, через которую император выступал как инициатор строительства храма, хотя реальным строителем выступал богатый подданный римского правителя в Египте: (ὑπὲρ Τιβερίου Καίσαρος Σεβαστοῦ (ἔτους) ιη' Ἐλεῖφ ια Κρόνωι θεῶι μεγίστωι Παρθένιωσ Παμίνεωσ προστάτης Ἴσιδος) «Ради Тиберия Цезаря Августа, в год 18, одиннадцатого Эпифа, Крону, великому богу, Парфеной, сын Пармина, простат Исиды (посвятил)» (SB V 8812) [11, S. 96]. Строительство храма воспринималось как торжество справедливого порядка вещей, а формула ὑπὲρ становилось проводником этого представление. При этом дедикант, который выступал реальным строителем храма, проявлял себя как представитель императора, фактически выполняя его функцию.

Во времена Клавдия появлялись посвятельные надписи с формулой ὑπὲρ, целью которых была пропаганда мира и согласия в обществе. Так, в Дендере представлена сцена предстояния императора Клавдия в образе египетского фараона, держащего цветки лотоса, перед богами Осирисом-Нефорхотепом и Гебом. Под этой сценой была высечена посвятельная надпись на греческо языке: (ὑπὲρ τῆς Τιβερίου Κλαυδίου Καίσαρος Σεβαστοῦ Γερμανικοῦ Αὐτοκράτορος εἰρήνης καὶ ὁμονοίας τοὺς προκεκμένους θεοὺς) «ради Мира и Согласия Тиберия Клавдия Цезаря Августа Германика, императора, (посвящено) выше находящимся богам» (OGIS II, 663) [10, S. 240]. Параллельной сценой выступала сцена предстояния Клавдия в образе египетского фараона перед богами Хором и Собеком, пожимающими друг другу руки. Появление этой надписи и изображений были вызваны урегулированием споров между жрецами номов, почитавших крокодила (Копт и Ком-Омбо) и сокола (Дендера и Диосполис Микро) [13, р. 424–426]. Итак, посвятельная надпись с формулой ὑπὲρ была направлена на обеспечение согласия в обществе и утверждения, таким образом, справедливого порядка вещей, который приносит император. Одновременно, появление этой посвятельной надписи было связано с

покровительством римскому правителю египетских божеств, представленных на сценах предстояния, которые утверждают не только Маат, но и Рах Romana, приносимый императором.

В демотических текстах формула $\text{ú}\text{ł}\text{è}\text{r}$ заменялась на $\text{j.jr-}\text{ħr}$ («в пользу»), а ритуал выполнялся ($\text{m-b}^3\text{ħ}$) «перед» божествами. Так, согласно трехязычного текста времени правления Августа, составленного Птолемеем, сыном Панаса, вотивное преподношение было сделано ($\text{ú}\text{ł}\text{è}\text{r} / \text{j.jr-}\text{ħr}$) «ради / в пользу» императора «перед» ($\text{m-b}^3\text{ħ} \text{Is.t} / \text{Ἰσιδῖ}$) Исидой [5, S. 122], в другой надписи – «перед» ($\text{m-b}^3\text{ħ} \text{H.t-}\text{ħr}$) Хатхор [5, S. 123]. Здесь стратег Птолемей выступает как представитель императора, совершая ритуальное действие, фактически заменяя собой римского правителя, при этом обеспечивается божественное покровительство владыке Рима со стороны Исиды/Хатхор.

Схожие представления обнаруживаются в египетских храмах римского времени. В храме Дендеры представлен император (картуши с его именем пусты) в образе египетского фараона: он стоит перед богиней Хатхор и преподносит ей фигурку богини Маат. Текст возле фигуры правителя гласит: ($\text{dj.tw}\text{≠k} \text{m}^3\text{.t m Iwn.t sj}^{\text{r}}\text{≠s jw nfr}=\text{t}$) «Дается тебе Маат, (которая) в Дендере, восходит она – поэтому прекрасна ты (т.е. Хатхор)». В ответ богиня Хатхор говорит: ($\text{dj.tw} \text{n}\text{≠k} \text{m}^3\text{.t m t}^3 \text{mr.w}\text{≠k} (\text{ħr}) \text{w}^3\text{.t ħm}\text{≠}(j)$) «Дается тебе Маат, (которая) в Земле, возлюбленной (т.е. Египет) тобой, на пути Величества моего». Здесь римский император совершает ритуал, обеспечивая, таким образом, справедливый порядок вещей, а богиня Хатхор в ответ оказывает божественное покровительство, утверждая Маат. Благодаря этому, укрепляется власть самого правителя, которому даруется ($\text{'nh} \text{w}^3\text{s nb n}\text{≠f mj R}^{\text{c}} \text{d.t}$) «Жизнь и власть вся для него, подобно Ра, вечно».

Итак, посвятительные надписи с формулой $\text{ú}\text{ł}\text{è}\text{r}$ могли быть направлены на обеспечение благополучия императора, что связано с установлением справедливого порядка вещей, приносимого римским правителем. Дедикант, составляя посвятительную надпись с формулой $\text{ú}\text{ł}\text{è}\text{r}$, функционально становился на место правителя, фактически выполняя ритуал. Совершение ритуала ($\text{ú}\text{ł}\text{è}\text{r} / \text{j.jr-}\text{ħr}$) «ради / в пользу» императора способствовало обеспечению благополучия и спасения подданных римского правителя, укрепляло его власть, которой покровительствуют боги Египта, и утверждало мир и спокойствие в обществе, что соответствовало Маат. Несмотря на то, что фактически ритуал, отраженный в текстах с формулой $\text{ú}\text{ł}\text{è}\text{r}$, выполнял сам дедикант, сохранялось представление, что император является исполнителем ритуальных действий, которые утверждают Маат и характеризуют римского правителя как посредника между мирами богов и людей.

Библиографические ссылки

1. Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV-LXXX / Пер. с древнегреч. под ред. А. В. Махлаюка; комментарии и статья А. В. Махлаюка. СПб. : Филологический факультет СПбГУ; Нестор- История, 2011.
2. Ando C. *Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire*. Berkeley, Los Angeles, California: University of California Press, 2000.
3. Beinlich H. Maat // *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. III / Hrsg. von W. Helck, E. Otto. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1980. S. 1110–1120.
4. Caneva S.G. Ritual Intercession in the Ptolemaic Kingdom: A Survey of Grammar, Semantics and Agency // *Erga-Logoi: Rivista di storia, letteratura, diritto e cultura dell'antichità*. 2016. №2. Vol 4. P. 117–154.
5. Gladic´D. «Für das Leben des Königs». Kultische Loyalitätsformeln im hellenistischen Vergleich // *Ägypten unter fremden Herrschern zwischen persischer Satrapie und römischer Provinz (Oikumene. Studien zur antiken Weltgeschichte. Bd. 3) / Hrsg. von S. Pfeiffer*. Frankfurt: Brill, 2007. S. 108–139.
6. Griffiths J.G. *Origins of Osiris and his cult*. Leiden: Brill, 1980.
7. Iossif P.P. La dimension publique des dédicaces «privées» du culte royal ptolémaïque // *Ἱδία καὶ δημοσία. Les cadres «privés» et «publics» de la religion grecque antique. Actes du IXe colloque du Centre International d'Étude de la Religion Grecque Antique (CIERGA), tenu à Fribourg du 8 au 10 septembre 2003 (Kernos, Suppl. 15) / Ed. by V. Dasen, M. Piérart*. Liège: Centre International d'Étude de la Religion Grecque Antique, 2005. P. 235–257.
8. Oliver J.H. *Greek Constitutions of Early Roman Emperors from Inscriptions and Papyri*. American Philosophical Society. Vol. 178. Philadelphia, 1989.
9. Pfeiffer S. *Der römische Kaiser und das Land am Nil. Kaiserverehrung und Kaiserkult in Alexandria und Ägypten von Augustus bis Caracalla (30 v. Chr. – 217 n. Chr.)*. (Historia, Einzelschriften. H. 212.) Stuttgart: Steiner Verlag, 2010.
10. Pfeiffer S. *Griechische und lateinische Inschriften zum Ptolemäerreich und zur römischen Provinz Aegyptus*. Berlin, 2015.
11. Pfeiffer S. Offerings and libations for the king and the question of ruler-cult in Egyptian temples // *The Materiality of Hellenistic Ruler Cults (Kernos Supplement 36) / Ed. by S.G. Caneva*. Liège: Presses Universitaires de Liège, 2020. P. 83–102.
12. Price S.R.F. *Rituals and Power. The Roman Imperial Cult in Asia Minor*. Cambridge, London, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1984.
13. Vandorpe K., Clarysse W. *Cults, Creeds, and Clergy in a Multicultural Context // A Companion to Greco-Roman and Late Antique Egypt / Ed. by K. Vandorpe*. Hoboken: John Wiley & Sons, 2019. P. 407–427.
14. Vercoutter J. Apis // *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. I / Hrsg. von W. Helck, E. Otto. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975. S. 338–350.

ПАРФЯНЕ НА РИМСКОЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

А. В. Козленко

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,, strator40@gmail.com

В эпоху империи в Риме находилось немало эмигрантов парфянского происхождения. Имея репутацию отличных воинов, они нередко служили в римской армии на временной или постоянной основе. По надписям I – III вв. нам известен ряд Парфянских ал и когорт в составе римской армии. Анализ известных имён их солдат свидетельствует, что в их составе действительно служили выходцы из Парфии или их потомки.

Ключевые слова: Римская империя; армия; вспомогательные отряды; парфяне.

There were many emigrants of Parthian origin in Imperial Rome. Having a reputation as excellent warriors, they often served in the Roman army. According to the inscriptions of the I – III AD, we know a number of Parthian ala and cohorts. Attested names of their soldiers indicates that they were natives of Parthia or their descendants.

Keywords: Roman Empire; army; auxiliary units; Parthians.

С момента первого драматического знакомства римляне чрезвычайно высоко оценивали военное умение парфян, отмечая их великолепные качества стрелков из лука («в этом, – пишет Плутарх, – они искуснее всех после скифов» (Plut. Crass., 24) и превосходных наездников. Учитывая столь высокую военную репутацию, римляне нередко стремились заручиться военной поддержкой парфян в тех войнах, которые они вели сами. Известно, что Помпей в 48 г. до н.э. обращался к парфянскому царю за помощью против Цезаря (Caes. В.С., III, 82). Позже парфянские всадники сопровождали Гая Кассия Лонгина в Сирии в 43 г. до н.э., а также, возможно, сражались на стороне республиканцев в 42 г. до н.э. в битве при Филиппах (App. В.С., IV, 8, 59). Римский эмигрант Квинт Лабие в 40 г. до н.э. во главе крупных парфянских сил захватил значительную часть римских владений в Малой Азии (App. В.С. V, 65; Dio Cass., XLVIII, 24, 5). В 69 г. н.э. парфянский царь Вологез I предлагал Веспасиану в борьбе за императорский титул 40 000 конных лучников, однако тот благоразумно отказался от такой поддержки (Suet. Vesp., 6, 4).

Парфяне не располагали постоянной армией. Согласно свидетельству Геродиана, войско собиралось по приказу царя зависимыми правителями, сатрапами и знатью (Herod., III, 1). Размеры

соответствующих контингентов определялось знатностью происхождения и богатством царских подданных. «Чем он был богаче, – пишет Юстин, – тем больше всадников давал своему царю во время войны» (Just. Ep., XLI, 2, 6). Наиболее могущественные парфянские роды Суренов, Каренов, Михранов и др. располагали собственными армиями, с которыми они могли самостоятельно вести войны. По словам Плутарха, в 53 г. до н.э. Сурена отправлялся в поход против Красса, ведя за собой 1000 тяжеловооружённых катафрактариев и ещё большее число конных лучников, так что общая численность войска доходила до 10 000 всадников (Plut. Crass., 21). Сопоставимыми по численности контингентами располагали другие знатные роды. «Несколько тысяч всадников» в 36 г. н.э. сопровождали месопотамского сатрапа Орноспада, а также знатных вельмож Синнака и Ардагеза (Tac. Ann., VI, 37; XII, 13) [1].

Менее знатные лица располагали менее многочисленными контингентами. Представление об их размерах даёт отряд из 500 конных лучников, сопровождавших некоего знатного иудея Замариса, около 20 г. до н.э. решившего переселиться вместе со своими родственниками из Вавилонии в Сирию. Возможно, Замарис стал жертвой конфликта с другими влиятельными еврейскими кланами Вавилонии, или пал жертвой придворных интриг вокруг трона Аршакидов. Римский наместник Сирии Гней Сентий Сатурнин предоставил ему земли для поселения в некой Валафе (близ современного Шхема). Затем царь Ирод пригласил его переселиться со всеми этими людьми в Батанею в Трахонитиде для установления контроля и усмирения волнений жителей на этой территории (Jos. Ant Iud., XVII, 2).

С первого момента своего существования Парфянская держава являлась непрекращающейся ареной борьбы за власть. Каждому последующему Аршакиду на троне приходилось отстаивать свою власть, сражаясь против других претендентов. Проигравшим в борьбе приходилось искать пристанища на чужбине. Римляне охотно принимали этих беглецов к себе, надеясь использовать их в качестве козыря в дипломатической игре против могущественного соседа. Красс для вмешательства в парфянские дела в качестве повода воспользовался бегством Митридата, согнанного с трона своим братом Ородом. Марк Антоний с той же целью принимал у себя знатного парфянина Монеза. Август в 30 или 29 гг. до н.э. предоставил убежище изгнанному правителю Абиабены Артавазду, а также узурпатору Тиридату, надеясь таким образом сделать царя Фраата IV более восприимчивым к своим доводам. Сами парфяне нередко рассматривали Рим как место почётной ссылки для лиц царской фамилии. Сюда около 10 г. до н.э. отправил

своих четверых старших сыновей Фраат IV, чтобы здесь держать их на безопасном расстоянии от политических интриг, опутавших двор Аршакидов. Многим из этих заложников приходилось жить в столице империи долгие годы. Со временем они сами и их потомки совершенно утрачивали связь с родиной и полностью романизировались к неудовольствию их сородичей [2].

Подобно вождям галлов и германцев, знатные парфянские изгнанники, оказавшись на римской территории, принимали участие в военных походах римлян, нередко во главе собственных отрядов, сформированных из числа последовавших за ними соплеменников. Пример такого рода военного сотрудничества даёт биография месопотамского сатрапа Орноспада, известная из краткого сообщения Тацита о событиях, предшествовавших воцарению в 35 г. в Парфии римского ставленника Тиридата III: «Первым в лагерь [претендента] – пишет Тацит, – явился со многими тысячами всадников Орноспад, некогда изгнанный с родины, потом отнюдь не бесславный сподвижник Тиберия при завершении им военных действий в Далмации, награжденный за это римским гражданством, и наконец снова достигший царского благоволения и почета и поставленный правителем тех земель, которые орошаются знаменитыми реками Евфратом и Тигром и носят название Месопотамии» (Тас. Ann., VI, 37).

Фразу «сподвижник Тиберия» (*Tiberio auxiliator*) следует понимать в том смысле, что Орноспад, ставший изгнанником ещё совсем молодым человеком, во главе вспомогательного контингента восточных лучников принимал участие в военных действиях на заключительном этапе Далматского восстания в 6 – 9 гг. н.э. Удостоившись наград за свою помощь и заручившись дружбой с римским командующим и наследником Августа, вскоре Орноспад смог вернуться на родину. Скорее всего это произошло в правление римского ставленника Вонона, правившего в Парфии между 7 и 12 гг. н.э. Здесь ему каким-то образом ему удалось найти общий язык с Артабаном III и даже возвыситься в его правление. Поддержав в 35 г. инспирированный римлянами переворот, Орноспад был в конечном итоге вынужден разделить судьбу Тиридата III. После короткого периода правления, он потерпел поражение Артабана III и вновь, по-видимому, стал изгнанником [2, с.146].

Ещё одним свидетельством парфянского военного участия в римском завоевании Далмации и Паннонии является найденная в Клиссе неподалёку от Салоны эпитафия, принадлежавшая Гаю Юлию Тиридату, декуриону Парфянской алы (*ala Parthorum*) умершему в 26 лет. «C(aius) Iul(ius) Th[*i*]ridat[*i*]s f(ilius) / dec(urio) ala Partho(rum) / an(nis) XXVI dom(o) / Roma h(ic) s(itus) e(st) / Sex(tus) Coelius...» (CIL III, 8746 = ILS

2532). Патронимик юноши свидетельствует о его принадлежности к семье знатных парфянских эмигрантов. Однако Гай Юлий Тиридат имел права римского гражданства и указал Рим в качестве места своего происхождения, что, скорее всего, позволяет его считать эмигрантом во втором поколении. Возможно, он являлся сыном или другим родственником того Тиридата, который в 26 – 25 гг. до н.э. при римской поддержке боролся за парфянский престол с Фраатом IV, но в конечном счёте потерпел неудачу. Должность декуриона не вполне подходит для царского отпрыска, лучше подходит боковое родство. Начертание букв и правила написания позволяют датировать эпитафию августовской эпохой, что делает весьма возможным участие Гая Юлия Тиридата в подавлении Далматского восстания. Интересно, что упомянутая в надписи Парфянская ала более не встречается в балканской эпиграфике, однако её можно сопоставить с более поздними формированиями римской армии, носившими то же имя [3, p. 522–523].

В Нойсе на Рейне было найдено серебряное кольцо, принадлежавшее декуриону Парфянской алы ветеранов, носившему обычное римское имя Публий Вибий Руф: *Decu(rio) alae / P(a)rt(h)or(um) vet(erana ?) / quoi prae(e)s[t] / P(ublius) Vibius Rufus*. (CIL XVI, 10024 = ILS 9147). Эпитет «ветеранов» в названии отряда скорее всего свидетельствует о том, что на территории той же провинции находилась еще одна «Парфянская ала». Скорее всего, этим «сестринским» отрядом являлась Парфянская и Арабская ала, известная по надписям из Майнца первой половины I в. н.э. «Двойное» название последнего подразделения является результатом объединения двух ранее независимо существовавших отрядов «Парфян» и «Арабов». Вопрос о том, какая из двух Парфянских ал оказалась упомянута в эпитафии из Салоны и в которой из них, соответственно, служил Юлий Тиридат, до сих пор остаётся открытым [3, p. 522].

Благодаря надписям I – III вв. нам известно о нескольких парфянских вспомогательных отрядах в составе римской армии:

1) *ala Parthorum veterana* – зафиксирована в надписи из Нойса времени правления Августа, возможно идентична «Парфянской але» эпитафии Юлия Тиридата из Салоны, также может быть идентична «Парфянской але» из Мавретании (№3) (CIL XVI, 10024 = ILS 9147).

2) *ala Parthorum et Araborum* – зафиксирована в эпитафии из Майнца периода правления Тиберия, также может оказаться идентична «Парфянской але» из Салоны (CIL III, 8746 = ILS 2532).

3) *ala I Augusta Parthorum* – хорошо документирована целым рядом надписей с территории Мавретании Цезарейской между 107 и 355 гг. (CIL XVI, 56; VIII, 21064; 21639; 21779; 9371 (= ILS 1355).

4) *ala Parthorum sagittariorum* – засвидетельствована по крайней мере двумя надписями II в., обе предполагают размещение этого отряда где-то в восточных провинциях (AE 1908, 200 = ILS 9013).

5) *ala I Parthorum* – известна только по тексту *Notitia Dignitatum*, которая размещает его в Ресайне в Месопотамии (*Not. Dig., Or. XXXV, 30*). Вероятно, появилась только в III в., хотя невозможно полностью отбросить вероятность идентификации с №4.

6) *cohors Parthorum* – засвидетельствована только в тексте неполной надписи из Мавритании Тингитанской, возможно датируемой концом II в. [3, p. 526–527].

В тех случаях, когда нам удаётся узнать имена солдат и офицеров, мы можем убедиться в том, что среди них в достаточной пропорции представлены носители «восточных» имён, характерных как раз для уроженцев Парфянской державы. Одним из наиболее интересных является надгробие из Майнца с эпитафией Мариса, сына Касита: «*Maris Casiti f(ilius) anno(rum) L / stip(endiorum) XXX ala Part(h)o(rum) et / Araborum turma / Variagnis Masicates / frater et Tigranus / posierunt*» (AE 1959, 0188; AE 1967, 0339). Надгробие датируется временем правления Клавдия, таким образом Марис вступил в ряды римской армии ещё в конце правления Августа и прослужил в её рядах 30 лет. Сам Марис, его брат Масикат и отец Касит носят имена семитского, наиболее вероятно, арамейского происхождения.

Скорее всего, все трое являлись арабами. Другие два имени, Вариан и Тигран, имеют армянское происхождение [4, p. 182].

Еще одна эпитафия из Майнца была оставлена воином, служившим в той же Парфянской и Арабской алы, но датируется более поздним временем: «*Antiochus, Antiochi f(ilius), Parthus, Anazarbaeus, eques ala(e) Parthorum et Araborum, euocatus triplicarius, stip(endiorum) X, donis donatus, Belessippus frater posuit*» (AE 1976, 495). Антиох, как и его брат Белесипп, носят греческие имена, также, как их общий отец Антиох. «Парфянин» в равной степени может являться его прозвищем или указанием на этническое происхождение. Аназарба является городом в Киликии, откуда происходила их семья. Интересно, что в 17 г. н.э. в киликийский Помпеополис был переведен из Сирии живший здесь в изгнании парфянский царь Вонон. После его смерти, возможно, здесь оставались лица, в прошлом относившиеся к их свите, а также их потомки, продолжавшие аттестовать себя в качестве «парфян». Следует вспомнить также филэллинизм Вонона, который может объяснить выбор греческих имён фигурантов надписи. Для этнических парфян такая практика выглядит редкой и необычной [4, p. 180].

Библиографические ссылки

1. Никоноров В. П. Вооружение и военное дело в Парфии / В.П. Никоноров. – Л., 1987. – 274 с.
2. Дибвойз Н. К. Политическая история Парфии / Н.К. Дибвойс. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 816 с.
3. Kennedy D. L. Parthian regiments in the Roman army / D. L. Kennedy // Akten des XI Internationale Limes Kongresses Ed. J. Fitz. – Budapest, 1978. – P. 521–531.
4. Herz P. Die Ala Parthorum et Araborum. Bemerkungen zur römischen Heeresgeschichte / P. Herz. // Germania 1982. – Bd. 60. S. 173–182.

ЛИБАНИЙ КАК ПОКРОВИТЕЛЬ СТУДЕНТОВ РИТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В АНТИОХИИ

М. Л. Радченко

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024; г. Белгород, Россия

Риторическая школа Антиохии являлась одной из известных школ IV века, а педагогическая деятельность ее основателя Либания не раз рассматривалась в трудах зарубежных исследователей. Одним из ключевых аспектов является восприятие Либанием своей ответственности за обучающихся у него студентов. Покровительство Либания распространялось не на всех его учеников, но если ритор и определял для себя фаворитов среди студенческого сообщества, то эти ученики могли рассчитывать по помощь и поддержку Либания не только на протяжении своего пребывания в школе риторики, но и в последующие годы.

Ключевые слова: Либаний; софистика; риторическая школа; Антиохия; студенты Либания.

The rhetorical school of Antioch was one of the famous schools of the 4th century, and the pedagogical activity of its founder Libanius was more than once considered in the works of foreign researchers. One of the key aspects is Libanius's perception of his responsibility for his students. The patronage of Libanius did not extend to all of his students, but if the rhetorician identified his favorites among the student community, then these students could count on the help and support of Libanius not only during their stay at the school of rhetoric, but in subsequent years.

Keywords: Libanius, sophistry, rhetorical school, Antioch, students of Libanius.

Рассматривая деятельность одного из наиболее известных риторов и софистов IV века Либания, можем отметить тот факт, что, будучи учителем, главой школы, Либаний не только стремился вырастить из своих учеников выдающихся ораторов, но и на протяжении всей своей педагогической деятельности оказывал поддержку и протекцию своим ученикам.

В историографии уже были отмечены письма ритора, которые он направлял чиновникам (нередко учившимся прежде у того же Либания), в которых ритор просил оказать поддержку какому-либо из студентов или принять его к себе на службу. Этому аспекту уделено внимание в работах П. Пети, Р. Крибиоре, А. Нормана. Так, в частности в монографии Поля Пети «Студенты Либания» [4] автор приводит интересные факты, раскрывающие отношения ритора и его учеников. Как было отмечено автором, опека Либания распространялась на

студентов, но нередко Либаний старался оказать поддержку не только ученикам, но и их родителям. Это могло проявляться в виде денежной помощи со стороны Либания или в отказе от полагающихся ему гонораров. Но были случаи, когда Либаний шел еще дальше, мог «вмешиваться в интересы родителей своих бедных учеников, чтобы облегчить их бремя, чтобы они могли содержать своих сыновей» [4, р. 147]. Заботился Либаний и о моральной составляющей своих учеников, поскольку проблема, связанная с «неприятной репутацией», была серьезной моральной проблемой и источником многих забот для родителей, чьи сыновья учились вдали от дома.

Разумеется, говорить о том, что все без исключения ученики Либания придерживались установленных им в школе правил, и посвящали бы все свое время обучению риторике, было бы неверно. Это отмечал и сам ритор в своих речах и автобиографии (*Orat. I*, 241–242). В самой школе часто проявлялась недисциплинированность, шум и крики во время уроков. Да и городская жизнь предоставляла много свободы и развлечений, отвлекающих от занятий риторикой. Лень студентов, их инертность и стремление к беззаботной жизни, безусловно, заставляли Либания быть очень внимательным к его ученикам, вовремя исправляя и направляя их.

В своей монографии П. Пети приводит один из таких отрывков: «Действительно, некоторые ученики довольно ленивы: это Дадухий (но он исправился!), Юлий II; Фемистий III ворчал перед работой, Летоя II пришлось принудить. Некоторые проявляют больше энтузиазма к упражнениям физическим, чем интеллектуальным, и более подвижны в ногах, чем в языке, как сын Антонина» [4, р. 148]. Тем не менее, Либаний, несмотря на имеющиеся недостатки у своих учеников, старался уточнить процесс их воспитания, направив их по пути овладения знаниями. Примечательно, что в его переписке с родителями практически отсутствуют упоминания о нарушении дисциплины или лени учеников. Вполне вероятно, что Либаний, наоборот, стремился приуменьшить в глазах родителей, которые быстро начинают беспокоиться и критиковать своих сыновей, те инциденты, которые могли случаться. Но поскольку родители студентов получали корреспонденцию не только от ритора, то вопрос о поведении студентов, так или иначе, выходил на свет.

Либаний же неизменно вставал на защиту своих учеников, на которых, по его словам, «всегда клеветают» [4, р. 149]. С осторожностью, с неизменным ироничным мастерством, которое было ему присуще, Либаний писал родителям своих учеников по большей части похвалы, отмечая в каждом из них высокий потенциал, который необходимо было

развивать (собственно, на что и была направлена деятельность Либания). Часто эти монотонные риторические восхваления были чрезмерны и принимались родителями как должное. Однако, учитывая те добрые отношения, которые Либаний потом долгое время поддерживал со многими из них, следует признать, что эти похвальные письма давали удовлетворение самому ритору.

Покровительствуя своим ученикам во время обучения, Либаний делал также ставку и на то, что дальнейшая их деятельность будет посвящена риторике. Поэтому он изначально стремился сделать из них образец для подражания. Среди таких учеников можно назвать Альбания, Фаустина, Диофанта III, Юлиана VII, Стратега II, Тициана [4, р. 151].

Итак, обучая своих студентов, Либаний рассчитывал на то, что часть из этих юношей выберут для себя в качестве занятий риторику. Но в ряде его писем можно увидеть сожаление по поводу ухода из школы многообещающих учеников и критику в адрес родителей, которые были не в состоянии обеспечить обучение сыновей или хотят много и стремятся как можно раньше извлечь выгоду из знаний, приобретенных их детьми. Но если в первом случае Либаний мог исправить ситуацию, оказав финансовую поддержку или отказавшись от гонорара, то во втором случае у него не оставалось никаких вариантов, кроме как сожалеть об ушедших студентах.

Здесь важно отметить примечательный факт. Даже в тех случаях, когда его ученик сам или под давлением родителей выбирал для себя не риторику, а иной вид деятельности после школы, Либаний все же и тут стремился оказать поддержку своему ученику, ходатайствуя за него и отсылая рекомендательные письма. Один из таких случаев связан с сыном Мариана, который отправил в школу Либания своего сына, но в то же время подал прошение об определении его на чиновничью службу. Когда пришло письмо безотлагательно приступить к служебным обязанностям, вышла неловкая ситуация. Либаний, разочарованный, так как надеялся сделать из сына Мариана хорошего ритора или преподавателя, прямо высказал все, что он думает об этом. Но при этом, он написал рекомендательное письмо, ходатайствуя за своего, теперь уже бывшего студента, перед чиновниками, куда был определен юноша [4, р. 152]. В целом же, рассматривая дальнейший путь учеников Либания, можно видеть, что не всегда Либаний мог добиться того, чтобы его взгляды на дальнейшую карьеру его студентов возобладали. Тем не менее, он всегда старался облегчить карьеру своим ученикам.

Если говорить о покровительстве Либания своим ученикам, то можно отметить и то обстоятельство, что, несмотря на стремление

содействовать многим своим студентам, были у ритора и свои фавориты. Эти ученики получали больше внимания ритора, и содействие им в карьерном росте могло быть более приоритетным для Либания. Но не всегда ученики-фавориты могли оправдать надежды своего учителя. В качестве иллюстрации можно привести истории двух учеников, которые пользовались особым расположением Либания – Диониса II и Гиперехия I. Под покровительство Либания нередко попадали ученики из бедных семей, чьи отцы не всегда могли обеспечить обучение своих сыновей. Дионис II, несомненно, был самым невезучим и самым обездоленным учеником Либания, что способствовало проявлению со стороны ритора заботы и покровительства. Родом Дионис II был из Исаврии, он рано потерял отца, а его мать жила с любовником, который обманом лишил Диониса наследства, из-за чего юноша остался ни с чем. Он вряд ли смог бы завершить свое обучение, если бы не внешняя поддержка. По окончании учебы Дионис обратился в коллегия адвокатов, так как перед ним стояла острая необходимость зарабатывать на жизнь и вернуть свое наследство. Своим панегириком Дионису удалось завоевать благосклонность губернатора Исаврии и, в конце концов, вернуть свое имущество. В это время Либаний, который хотел, чтобы Дионис стал адвокатом губернатора Палладия, рекомендовал его на эту должность. Но Дионис, который с таким трудом вернул свое имущество, предпочел праздную жизнь землевладельца и неоднократно отказывался от должности, на которую желал определить его Либаний [4, р. 162].

Желая выразить благодарность своему учителю, Дионис впоследствии отправил к нему своего сына Евматия I, «преодолев его колебания» [4, р. 162]. Несмотря на то, что Дионис не воспользовался предложением Либания, отвергнув рекомендуемую ему не раз должность, связь между учителем и бывшим учеником не была прервана и в дальнейшем. И когда Дионис попал в неприятную ситуацию, связанную с похищением людей, помощь ему оказал все тот же Либаний, ходатайствуя за Диониса перед губернаторами Исаврии Палладием (которому ранее рекомендовал Диониса в качестве адвоката) и Писидии Энтрехием, которые могли оказать содействие при решении дела Диониса. Несмотря на определенные сложности, дело было решено в пользу Диониса, и благоприятный исход дело свидетельствовал в большей степени о силе красноречия Либания, который упорно отстаивал своего бывшего ученика, нежели о беспристрастии правосудия [4, р. 163]. Основными аргументами, которыми оперировал Либаний, были тяжелые условия детства Диониса, неприглядный пример его матери, бедность, упорство Диониса в обучении и труде и преследующее его невезение.

Случай с Дионисом дает представление о характере Либания, понимании им происходящей ситуации, стремлении оказать помощь ученику, как во время обучения, так и на протяжении последующих лет. Представлено здесь и понимание Либанием чувства долга учителя, взявшего ответственность за ученика. И, несмотря на многократные отказы от помощи (от предлагаемой должности), Либаний не разрывает хорошие отношения с Дионисом и при необходимости готов оказать содействие своему студенту.

Интересный случай связан с учеником Гиперехием I, сыном Максима XII Анкирского. Гиперехий, будучи одним из фаворитов Либания, был из всех студентов-«любимчиков» наиболее последовательным и вдумчивым. Испытывал Либаний к студенту чувство привязанности и по другим причинам: отец Гиперехия был давним другом Либания, который часто принимал его в Анкире около 350–351 гг. (Ер. 298), а сестра его была замужем за другим любимым учеником Либания – Стратегом II. Сам же Гиперехий обучался у Либания довольно продолжительный период времени, с 349 по 360 г. [4, р. 163]. Вполне логично, что за это время у Либания сложились определенные планы на дальнейшую карьеру его студента. Но Гиперехий в конце своей долгой учебы был склонен выбрать карьеру государственного служащего, оказавшись зажатым между двумя противоречивыми влияниями, которые оказывали на него, с одной стороны отец, с другой учитель. Либаний желал определить его поверенным губернатора Галатии Экдикия. Но Гиперехий, испытывая на себе влияние отца, который к тому же передал ему часть своих земельных владений в управление, уже чувствовал себя в душе государственным служащим.

Но такая ситуация не вполне устраивала Либания, и он продолжал настаивать на своем, ориентируя Гиперехия направить прошение о приеме на службу к императору. Вскоре после этого, приняв официальный выбор ученика, он направляет ему в 362 г. письмо, в котором напоминает о том, что Гиперехий, теперь уже богатый человек, должен помнить советы и наставления своего учителя и посвятить свое состояние и свой талант городу, в котором он родился и проживал. Иначе считал отец Гиперехия, Максим, который желал дальнейшего развития карьеры сына, из-за чего хотел отправить его в Константинополь, в Сенат [4, р. 163]. Этому воспротивился ритор, считая, что в столице Гиперехий будет пребывать «в лени и сне» [4, р. 163], поэтому наставлял своего ученика сопротивляться советам отца относительно поездки в Константинополь и, если необходимо, обратиться к влиянию своей матери, которая «имеет здравый смысл» [4,

р. 163]. Сам же Либаний продолжает настойчиво рекомендовать Гиперехия сначала губернатору Галатии Акакию, затем поочередно губернаторам других провинций и, в конце концов – префекту Константинополя Модесту. Однако карьера Гиперехия имела все же иной характер, нежели желал для него Либаний. И при этом, судьба этого молодого человека была скорее трагична. Получив должность в столице, находясь все же при Модесте, вскоре после отставки последнего он был вынужден вновь вернуться к первоначальным истокам своей карьеры, готовый занять любую должность на гражданской службе.

Таким образом, очевидно, что история ученика Либания, восхождение его по карьерной лестнице и «откат» к истокам имеет печальный характер. И по сути, Либаний впустую потратил так много сил и красноречивых слов, прося за Гиперехия и пытаясь рекомендовать своим знакомым губернаторам.

Подводя итог, можем отметить следующее. Педагогическая деятельность Либания в его школе была направлена на обучение риторике студентов, подразумевая, что в дальнейшем его ученики продолжат путь освоения риторического искусства. Но по окончании риторической школы почти все студенты, включая и фаворитов Либания, выбирали гражданскую службу, на которой можно было быстрее добиться карьерного роста. Несмотря на разочарования в выборе своих студентов, Либаний еще долго продолжал заботиться обо всех выпускниках школы, кто разделял его труды, был заинтересован в социальном успехе. Обширная переписка Либания показывает, что вне зависимости от того, какую карьеру избрали его студенты, вокруг ритора регулярно складывалась и развивалась сложная сеть человеческих отношений. Либаний взаимодействовал практически со всеми своими учениками и выпускниками, их родителями, своими сокурсниками и друзьями. Он в любое время мог найти кого-либо из своих учеников, кого можно было бы порекомендовать знакомому губернатору или чиновнику на любую должность.

Библиографические ссылки

1. Речи Либания / Пер., вступ. ст. и прим. С. Шестакова. Казань, 1912-1916.
2. Cribiore R. The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton: Princeton University Press, 2007.
3. Norman A.F. Antioch as a Centre of Hellenic Culture as Observed by Libanius. Liverpool, 2000.
4. Petit P. Les etudiants de Libanius. Paris, 1956.

КРИТЕРИИ ЗНАТНОСТИ В РИМСКОМ ОБЩЕСТВЕ I–II ВВ. Н.Э.

Н. А. Артюшко

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nikolai.artyushko@gmail.com

В статье рассматривается трансформация дефиниции nobilitas («знатность») в римском обществе периода ранней Римской империи. Рефлексия в среде аристократического социума относительно староримских республиканских традиций и реалий новой политической системы, показывают начавшиеся изменения в системе ценностей senatorского сословия. Данные изменения особенно заметны в определении критериев принадлежности к высшему слою senatorского сословия – нобилитету. Нобилитет приспосабливается к реалиям новой политической системы в которой главную роль теперь играл император, а сенат постепенно теряет своё положение главного политического органа senatorской аристократии.

Ключевые слова: Древний Рим; Принципат; аристократия; нобилитет; система ценностей.

The article examines the transformation of the definition of nobilitas (nobility) in Roman society during the early Roman Empire period. The reflection within the aristocratic society regarding the old Roman republican traditions and the realities of the new political system reveals the emerging changes in the value system of the senatorial class. These changes are particularly noticeable in defining the criteria for belonging to the upper echelons of the senatorial class - nobilitas. Nobilitas adapts to the realities of the new political system where the emperor now plays a central role, while the Senate gradually loses its position as the main political body of the senatorial aristocracy.

Keywords: Ancient Rome; Principate; aristocracy; nobility; value system.

Одним из основных принципов, на котором строилась организационная система обществ в античном мире, была иерархическая структура. При этом существенную роль играла социальная мобильность, позволяющая сохранять устойчивость общества в изменяющихся политических, экономических и общественных условиях. Римское общество было одним из наиболее иерархических в истории человечества. В период ранней Империи под влиянием происходивших социально-политических изменений, связанных с установлением принципата, у римлян возникли наибольшая степень и разнообразие формальной социальной стратификации. Вместе с тем появилась наибольшая в Древнем мире степень социальной мобильности, имевшая консервативный и ограниченный характер. Несмотря на это, социальная мобильность в обществе Рима была гораздо больше, чем во многих других обществах античного мира. Она являлась особой

характеристикой римского государства, которая обеспечивала способность обновляться в соответствии с изменяющимися реалиями общественно-политических условий. Эта способность к адаптации обеспечивалась тем, что римская общественно-политическая система была «свободна» от концепции закрытой родовой аристократии [1, р. 275].

Сложная иерархическая структура социальных классов (часто разделённых на подгруппы), каждый из которых был наделён особыми привилегиями и внешними атрибутами статуса, определялась и регулировалась не только законами, но и символическим отношением к ним внутри римского общества. Особенно рельефно эти тенденции проявлялись в аристократической среде, которая с одной стороны была носителем консервативных, традиционных идеалов и ценностей римского общества, а с другой находилась в авангарде политической жизни Рима.

Таким образом, изучение критериев знатности в римском обществе позволяет подробнее изучить аксиологическую составляющую морально-нравственных ценностей в идеологии римского правящего слоя, а также корреляцию между изменениями функционирования общественно-политической системы и изменениями, происходившими в системе ценностей римского общества периода ранней Империи.

Как было сказано выше, критерии знатности в римском обществе в первую очередь связаны с аристократическим статусом. Сам термин *nobilitas* широко распространён в латиноязычных источниках римского времени. Он чаще всего выступает в качестве синонима аристократии. Нобилитет формируется в IV-III вв. до н.э. в результате борьбы патрициев и плебеев, вследствие которой последние получают доступ к государственным должностям [2, с. 84]. Таким образом, высший слой сословия плебеев слился с патрицианской знатью, что и привело к возникновению новой элиты – нобилитета (*nobiles*).

На это повлияли три фактора. Во-первых, завоевание Римом Италии и территориальная экспансия, т. е. политические и военные успехи в которых ковалось величие Рима. Во-вторых, важность *imperium* (как абсолютной власти высших магистратур) и магистратов с империем, а также чёткие правила избрания, которые обеспечивали устойчивость власти. В результате произошло формирование особой модели поведения и системы ценностей правящего класса – *mos maiorum*. Третий фактор – сенат, как институциональный центр общественно-политического порядка новой аристократической республики [2, с. 84].

Дискуссии в научной среде начала XX века, относительно содержания термина *nobiles* положило исследование М. Гельцера,

который, используя анализ текстов (преимущественно периода Республики), выдвинул предположение о том, что нобилиями римляне считали потомков консуляров республиканского времени [3; 4; 5]. Новый интерес к изучению термина *nobiles* появился у исследователей после публикации основных работ М. Гельцера посвящённых анализу *nobilitas* на английском языке в 1969 г. [6]. Р. Сиджер, автор перевода и комментариев работы М. Гельцера, поддержал основные выводы исследования М. Гельцера, согласно которым «пока ещё не зафиксировано ни одного неоспоримого примера, когда бы признаком *nobilitas* характеризовался человек, происхождение которого возводилось бы к консулярам периода триумвиров или более позднему времени» [6, XIV].

Тем не менее, вывод М. Гельцера, поддержанный Р. Сиджером оказался не столь однозначным и положил начало разгоревшейся в 70-80-х гг. XX века дискуссии относительно содержания термина *nobiles* в период Империи. В дискуссии приняли участие такие знаменитые историки-антиковеды, как Т. Барнес, П. Брант, Б. Кэмпбелл, Р. Сайм и др. [7 с. 214–215]. В настоящее время интерес к проблеме римского нобилитета (не только в узко филологическом, но и общеисторическом смысле) возвращается, что нашло отражение в публикациях как зарубежных (Ж. Вархейи и Д. Оконь) [8; 9], российских (А.Б. Егоров, К.В. Вержбицкий и др.) [10; 11], так и отечественных исследователей (С.В. Телепень) [12; 13]. В свою очередь в данной статье мы, подробно не останавливаясь на происхождении самого термина *nobiles* («знать»), опираясь на данные нарративных источников, предпримем попытку определения критериев, согласно которым римляне наделяли этим статусом.

Для определения критериев знатности, стоит обратить внимание на систему ценностей, сложившуюся в среде римской аристократии и римском обществе в целом.

В ранний период истории римской цивилизации возник своеобразный «моральный кодекс» (*mos maiorum*) – набор ценностей и норм, который стал фундаментом римской системы ценностей [14]. Этот кодекс поведения не был где-либо записан и опирался на консенсус, который был основан на *exempla* (примерах), чётко описывающих правильное или неправильное поведение в определённых ситуациях [15, с. 162]. *Mos maiorum* также включали в себя несколько ключевых добродетелей, тесно связанных между собой. Одной из таких добродетелей было «благочестие» (*pietas*), которое выражало почтительное отношение к богам и религиозным обрядам, а также уважение к культурным и религиозным традициям римского общества.

«Верность» (*fides*) представляла собой обязательства перед гражданской общиной и договорами между людьми. Она также означала верность богам, которые были связаны с общиной через религиозные обряды. «Серьезность» (*gravitas*) выражала ответственное и торжественное отношение к своим обязанностям и ролям в обществе. Эта добродетель требовала сдержанности и надежности в выполнении обязательств. «Твёрдость» (*constantia*) подразумевала устойчивость и постоянство в убеждениях и принципах. Она дополняла принципы верности и надежности. Ключевой добродетелью в этой системе была «доблесть» (*virtus*), объединявшая в себе военное мужество и ревностное исполнение гражданских обязанностей. *Virtus* отражала стремление к совершенству как в военной, так и в гражданской сфере жизни римского общества.

Таким образом, эти пять основные добродетели тесно взаимодействовали друг с другом, становясь фундаментом аксиологических установок и норм поведения в римском обществе. Верность гражданской общине была неотъемлемой частью этой системы ценностей и играла определяющую роль в сохранении стабильного состояния римской гражданской общины. Рамки, в которых находилось поведение каждого *nobiles*, были ясны: все они стремились поставить свои действия на службу *res publica* и повысить свою известность. Таким образом, римская аристократия, существовала как корпорация, объединённая вокруг государства и государственной службы [10, с. 123].

Поэтому неудивительно, что гражданские войны II-I вв. до н.э. в глазах римлян были вызваны именно «упадком нравов», который они видели в изменении ценностных ориентиров в обществе (в первую очередь в среде аристократии) от заботы о процветании римской *civitas* к стремлению личного обогащения и власти (Sall. *De Catil.* 10 (3)). Возникновение теории «упадка нравов» показывает кризис традиционной системы ценностей, основанной на полисном представлении о государственном устройстве, которая не отвечала запросам времени. Оттого в имперскую эпоху к традиционным римским добродетелям добавляется *clementia* – милосердие к побеждённым, показывающее в политическом смысле отношение к покорённым римлянами народам; а также *iustitia* – справедливость [16, с. 118].

Как говорилось ранее, важным критерием, определявшим статус *nobiles*, было благородное происхождение. Оно позволяло получить дополнительные стимулы для политической карьеры. Однако само по себе, без самостоятельной политической активности знатного римлянина, не было решающим для входа в круг *nobiles*. В эпоху Республики успешный политик на протяжении своей жизни последовательно проходил ряд магистратур начиная с квестуры и

заканчивая консульством [10, с. 124]. Достигнув высшей магистратуры, он сразу выделялся на фоне остальных аристократов и старался, пользуясь своим положением, добиться как можно большего авторитета и репутации.

Через год, когда его полномочия заканчивались, он пополняет ряды сенаторов, которые должны были контролировать амбиции молодых аристократов. Таким образом, в течении своей карьеры нобиль находился на вершине политической власти всего несколько лет, что не позволяло отдельным аристократам значительно возвыситься над остальными и узурпировать власть.

В период ранней Империи *cursus honorum* представителя сенаторского сословия практически не изменился относительно устоявшейся республиканской системы. Знатный римлянин на протяжении жизни должен был последовательно занимать следующие магистратуры: квестура – эдилитет – претура – консулат. Октавиан Август несколько изменил возрастной ценз для занятия квестуры (25 лет) и претуры (30 лет) [17, р. 154].

Ещё одним критерием знатности было богатство. Несмотря на то, что пишет А. Б. Егоров: «Римская идеология всячески подчёркивала незначительность материального фактора для успеха государственной карьеры или формирования аристократической элиты» [10, с. 126], политическая карьера требовала серьёзных вложений для поддержания популярности в народе. Поэтому наличие крупного состояния было одним из самых важных факторов, определяющих аристократический статус. Тем более, что в среде знати обладание большим состоянием имело моральное значение: «Ведь богачи не столько любят само богатство, как то, что за их богатство их называют счастливыми» (Lucian Nigrinus XXIII. – Пер. С. В. Мешковой-Толстой). Из этого также следует вполне определённое отношение в среде аристократии к источникам богатства. Оно должно было приобретаться «честным» путём, например, из эксплуатации земельных владений или в качестве военной добычи. Неблагородными считались занятия ростовщичеством, ремёслами, торговлей [18, р. 53–59].

Нобилитет играл важную роль в образовании и культуре, так как именно нобили имели доступ к частному образованию. Поэтому мы можем считать, что нобилитет, вероятно, был самой образованной частью римского общества. При этом демонстрировать свою образованность или навыки публично считалось не обязательным и даже могло осуждаться (Cic. De off. I. XL. 145, III. XIX. 75; Apuleus Apologia LXXXII). Образованность также предполагала наличие таких качеств как воспитанность, манеры, правильная осанка, речь и т. п. [19, р. 36–37].

Именно эти качества широко демонстрировались римскими аристократами «постоянно сверяя своё поведение с мнением других представителей знати» [12, с. 7].

Стоит отметить, что римский нобилитет, как и вся римская *civitas* особое внимание уделяли полководческому авторитету и вообще всему, что было связано с военным делом [20, р. 319–325]. Это проявляется в особом положении в системе ценностей качества, которое римляне называли *virtus* («мужество»). Такое положение сохраняется и в период империи несмотря на то, что большинством исследователей отмечается «узурпация» военной власти и военной славы императорами уже в самом начале империи. Тем не менее, нобилитет продолжал оставаться важным элементом военного руководства и, как отмечает М. Роллер, сохранил важные позиции в командовании [21, р. 99–100].

Так Тацит пишет о военной славе и полководческом авторитете представителей аристократии, подчёркивая уважительное отношение к их военным успехам: «Лентулу (Гней Лентул – Н. А.), помимо консульства и триумфальных отличий за победу над гетами... Домицию (Луций Домиций – Н. А.) придавала блеск громкая слава его отца, господствовавшего на море во время гражданской войны... Сам он (Луций Домиций – Н. А.), ..., в последствии переправился с войском через реку Альбис, проникнув вглубь Германии дальше, чем кто-либо из его предшественников, и за эти деяния был удостоен триумфальных отличий» (Тас. *Ann.* IV. 44 – пер. А. С. Бобовича). Кроме того, Тацит сообщает и о возможной зависти императоров к военным успехам своих полководцев (Тас. *Agric.* XXXIX).

Таким образом, критерии знатности в римском обществе I–II вв. н.э. были многообразны и включали в себя благородное происхождение, богатство (прежде всего основанное на земельном владении), образование и культуру, а также заслуги перед государством. Однако с развитием императорской системы правления роль императора и лояльность к нему становились все более важными для определения знатности. Эти изменения отражали новые политические реалии и постепенную потерю влияния сената как главного политического органа сенаторской аристократии.

Библиографические ссылки

1. Meyer, R. *Usurpation of Status and Status Symbols in the Roman Empire* / R. Meyer // *Historia : Zeitschrift für Alte Geschichte*, – 1971. – Bd. 20, Н. 2/3. – P. 275–302.
2. Артюшко, Н.А. К вопросу о происхождении римского нобилитета / Н.А. Артюшко ; науч. рук. Д.М. Толочко // *Дни студенческой науки : материалы XLVIII студенческой научно-практической конференции (Гомель, 14—15 мая 2019 года)* : в

2 ч. / ред. коллегия: Р.В. Бородич [и др.] ; М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – Ч. 2. – С. 84.

3. Gelzer, M. Regimentfahigkeit und Nobilitat der romische Republik / M. Gelzer. – Munschen: Teubner, 1912. – 42 s.

4. Gelzer, M. Caesar als Politiker und Staatsman / M. Gelzer. – Wiesbaden: F. Steiner Verlag, 1960. – 320 s.

5. Munzer, F. Romische Adelspartien und Adelsfamilien / F. Munzer. – Stuttgart, 1920. – 437 s.

6. Gelzer, M. Roman Nobility / M. Gelzer. – Oxford: Basil Blackwell, 1969. – XV. – 164 p.

7. Егорова В. А. Римские *nobiles*: термин и его значение (в свете данных латинской эпиграфики) / В. А. Егорова, Н. А. Артюшко // Язык и дискурс: лингвистические, методические и социально-гуманитарные исследования : сб. науч. ст. / УО МГПУ им. И.П. Шамякина ; редкол.: Т.Н. Талецкая (отв. ред.) [и др.]. Мозырь, 2017. – С. 214-219.

8. Varhelyi, Z The Religion of Senators in the Roman Empire: Power and the Beyond / Z. Varhelyi. Cambridge-New York: Cambridge University Press, 2010. XII. – 267 p.

9. Okon, D. Septimius Severus et senators: Septimius Severus Personal Policy Towards Senators in the Light of Prosopographic Research (193-211 A.D.) / D. Okon. – Szczecin: Wydawnictwo naukowe Uniwersitetu szczecinskiego, 2012. – 148 p.

10. Егоров, А. Б. Римская аристократия, её сущность и историческая роль / А. Б. Егоров // Нобилитет в истории Старой Европы / под ред. С. Е. Фёдорова, А. Ю. Прокопьева. – СПб. : Издательский дом СПбГУ, 2010. – С. 120-138.

11. Вержбицкий, К. В. Кружки интеллектуалов в ранней Римской империи как форма аристократической оппозиции Принципату / К. В. Вержбицкий // Нобилитет в истории Старой Европы / под ред. С. Е. Фёдорова, А. Ю. Прокопьева. – СПб. : Издательский дом СПбГУ, 2010. – С. 139-151.

12. Телепень, С. В. К вопросу о корпоративных связях и ценностях римского нобилитета (эпоха Принципата) / С. В. Телепень // Современная научная мысль. – 2016. – № 3. – С. 5-11.

13. Телепень, С. В. *Viri militares* – факторы карьерного роста (к историографии вопроса) / С. В. Телепень // Ученые записки Брестского государственного технического университета: гуманитарные науки = Scientific Proceeding of Brest State Technical University: The Humanities Sciences : сборник научных трудов / Министерство образования Республики Беларусь, Брестский государственный технический университет ; редкол.: М. В. Стрелец [и др.]. – Брест : БрГТУ, 2021. – Выпуск 3. – С. 81–89.

14. Linke, V. Mos maiorum. Untersuchungen zu den Formen der Identitätsstiftung und Stabilisierung in der römischen Republik / V. Linke // hrsg. v. M. Stemmler. - Stuttgart : Verlag Franz Steiner, 2000. – 319 s.

15. Артюшко, Н. А. Аристократическое соперничество в древнем Риме (эпоха Республики) / Н.А. Артюшко // Творчество молодых, 2019 : сборник научных работ студентов, магистрантов и аспирантов. В 3 ч. / редкол.: Р.В. Бородич [и др.] ; Министерство образования Республики Беларусь, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – Ч. 3. – С. 161-164.

16. Перфилова, Т. Б. Место образованности в аксиологической шкале римлян эпохи Принципата (по произведениям сатириков I–II вв.) / Т.Б. Перфилова, О.А. Сидло // Ярославский педагогический вестник. – 2004. – № 1-2. – С. 114–126.
17. Levick, B. M. Imperial Control of the Elections under the Early Principate: Commendatio, Suffragatio, and «Nominatio.Historia» / B. M. Levick // Zeitschrift für Alte Geschichte, – 1967. – Bd. 16, H. 2. – P. 207–230.
18. Finley, M. I. The Ancient Economy / M. I. Finley. – Berkley-Los Angeles-London:University of California Press, 1981. – 201 p.
19. Lendon, J. R. Empire of Honor: The Art of Government in the Roman World / J. R. Lendon. – Oxford: Clarendon Press, 1997. – 320 p.
20. Campbell, J. B. The Emperor and the Roman Army: 31 B. C. – A.D. 235 / J. B. Campbell. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – 468 p.
21. Roller, M. B. Constructing Autocracy: Aristocrats and Emperors in Julio-Claudian Rome / M. B. Roller. – NJ: Princeton University Press, 2001. Pp. xii + 319.

ВРЕМЯ И МЕСТО СОЗДАНИЯ КАЛЬПАСУТРЫ

Н. В. Багинский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Беларусь, n.v.baginski@gmail.com*

Кальпасутра – это текст канонических писаний Шветамбары и один из самых известных, самых фундаментальных джайнских священных текстов написанный в виде гимнов. Кальпасутра является одним из основных источников по истории тиртханкаров и ранних джайнских общин, которая написана на среднеиндоарийском языке (ардхимагадхи), распространённым в центральной части северной Индии, также этот язык используется для написания ранних джайнских и буддийских текстов. Целью в данной статье является выявление времени и места создания Кальпасутры.

Ключевые слова: Кальпасутра; джайны; джина; тиртханкар; раннеджайнская община.

Kalpasutra is a text of Shvetambara's canonical scriptures and one of the most famous, most fundamental Jain sacred texts written in the form of hymns. The Kalpasutra is one of the main sources for the history of the Tirthankar and early Jain communities, which is written in a Middle Indo-Aryan language (Ardhimagadhi) common in central north India, also the language used for early Jain and Buddhist texts. The purpose in this paper is to identify the time and place of creation of Kalpasutra.

Keywords: Kalpasutra; Jains; jina; tirthankar; early Jain community.

Кальпасутра – это текст канонических писаний Шветамбары и один из самых известных, самых фундаментальных джайнских священных текстов написанный в виде гимнов. Сам по себе джайнизм представляет собой религиозно-этическое учение, а именно древнеиндийскую дхармическую религию, сформированную в середине I тыс. до н.э. В дальнейшем произошло разделение джайнизма на два обособленных течения – Дигамбары («имеющие воздух своим одеянием», то есть ходящие совсем нагими) и Шветамбары («носящие белые одежды»), которые, вероятно оформились в III в. до н.э., окончательный «раскол» джайнизма обычно связывают с V–VI вв. н.э.

Одним из основных источников по истории тиртханкаров и ранних джайнских общин является Кальпасутра, которая написана на среднеиндоарийском языке (архимагадхи), распространённым в центральной части северной Индии, также этот язык используется для написания ранних джайнских и буддийских текстов. В джайнизме играют большую роль агамы, которые, как и буддийские питаки,

содержат проповеди основателей соответствующих учений. Это обширная литературная традиция, которая первоначально передавалась устно. Согласно джайнской традиции, устная кодификация некоторых из них была произведена уже через 250 лет после нирваны Махавиры на соборе в Паталипутре. Однако последняя кодификация агам имела место на соборе в Валабхи, проведенном через 980 лет (или 993 лет) после нирваны Махавиры (примерно 6 в. н.э.), обычно последнюю и нынешнюю редакцию Кальпасутры относят именно к этому собору. Сама же Кальпасутра стала частью канонической для шветамбаров Чеда-сутры. Судя по содержанию этих текстов, обычно Чеда-сутру называют «дисциплинарной сутрой», потому что она содержит правила личного поведения, которые должны соблюдаться монахами. Биографии джин являются по факту примерами поведения для достижения просветления.

Кальпасутра изложена в трех частях. Первые две части содержат подробности о жизни 24 джин, которые являются источником джайнских учений, и их ранних последователей, в частности повествуется биографии Махавиры, Паршванатхи, Неминатхи и Ришабхи. Третья часть устанавливает правила для монашеского поведения во время сезона дождей, который является исключительным периодом в религиозной жизни джайнских монахов.

Первая часть Кальпасутры называется «Джина-чаритра» или «Жизнь джин». Состоит она из биографий четырёх из 24 джин, которые являются основными фигурами «пуджа» (поклонения), а именно: Махавира (24-й тиртханкара), Парва (23-й тиртханкара), Неми (22-й тиртханкара), Шабха (1-й тиртханкара). Жизнь оставшихся 20 джин очерчены гораздо более кратко и ближе к очертаниям ключевых событий, чем к рассказам. В канонических писаниях Шветамбары «Джина-чаритра» может быть описана как единственный полный текст, посвященный этой теме таким систематическим и тщательным образом. Другие канонические писания напротив, просто дают ключи к жизненному пути джин.

Вторая часть Кальпасутры называется «Стхавиравали» или «Строка Старейшин». В основном в стихах, он дает историю ранних джайнских глав общих (учителей). Он предоставляет подробный список имен и кратких характеристик последовательности монахов начиная с учеников Махавиры. Как часто в индийских религиях, в этом списке есть больше, чем кажется на первый взгляд. Перечисление имен влиятельных учителей показывает почтительное уважение. Действительно, последние 13 строк «Стхавиравали» демонстрируют высокую степень почтения к старшим. Взяв первого человека в форме

«Я преклоняюсь перед...». Таким образом, «Стхавиравали» является гимнами, которую должны пропевать верующие (особенно монахи), чтобы признать их предшественников.

Третья часть Кальпасутры называется «Самакари» или «правильное монашеское поведение». Этот раздел посвящен не монашескому поведению в целом, а монашескому поведению в сезон дождей. Это обычно длится в течение четырех месяцев, и называется катурмаса – «четыре месяца» - и эквивалент комаса (это месяцы с июля по октябрь). Сезон дождей является критическим периодом года, потому что растительность и насекомые всех видов процветают в это время. Разделение календарного года на сезон дождей и сухой сезон является основополагающим для всех религиозных общин Индии.

Среди исследователей впервые обращает внимание на Кальпасутру Г. Кольбрук, который отмечает её важность и авторитетность среди джайнов. В дальнейшем появляются попытки перевода Кальпасутры, и по итогу Дж. Стивенсон публикует перевод Кальпасутры в 1847 г. [1]. Хотя он и не очень надежен, он примечателен тем, что является первым переводом любого джайнского текста на английский язык. Уже позже за изучение Кальпасутры берётся немецкий санскритолог Г. Якоби, который в 1879 г. он опубликовал свое критическое издание текста, а в 1884 г. последовал его перевод на английский язык [2]. Именно этот перевод является актуальным по сей день.

По поводу авторства Кальпасутры писал ещё Дж. Стивенсон, ориентируясь на уже устоявшуюся традицию он заключает, что это был один человек и его звали Бхадрабаху [1]. Это мнение продолжит своё существование и последующих работах, связанных с Кальпасутрой, датируя создание текста III в. до н.э. Во многом это обусловлено традиционным верованием в то, что Кальпасутра была создана по прошествию 150 лет (или 170 лет) после нирваны Махавиры. Определить автором конкретного человека довольно проблематично, однако всё же представить автором части посвящённый джинам определённого человека вполне представляется возможным, т. к. эта часть Кальпасутры имеет единый стиль и структуру. Но, всё же Кальпасутра не едина, «Правила монашеского поведения», которые стилистически отличаются от «Жизни Джин» точно являются разными произведениями, поэтому можно утверждать, что они были объединены позднее. Поэтому тут можно согласиться с мнением М. Винтерница, который заключил, что один автор в лице Бхадрабаху не мог существовать [6, с. 461]. Так же Дж. Стивенсон заключил о месте и дате создания Кальпасутры в её современном виде, а именно в начале V в н.э. (411 г. н.э.) на территории Гуджарата [1]. Якоби продолжает эту

тему и так же ссылается на первое публичное чтение Кальпасутры (спустя 12 лет после создания Кальпасутры), и, комментаторов XIV-XV вв., которые относят создание Кальпасутры спустя 980 (или 993) лет после нирваны Махавиры [2]. В целом, что касается появления Кальпасутры в современном виде, и, в принципе, появление первых рукописей, то можно утверждать, что это случилось в первой половине VI в. н.э., во время правления Дхрувасена I. Дхрувасен I был третьим сыном Бхатарки и младшим братом Дронасимхи. Он царствовал в 519-549 гг. н.э. Во время его правления Яшодхармана из Мальвы, одержал победу над Харисеной из династии Вакатака, а также над королем Михиракулой (в 528 г. н.э., об этом даёт информацию Гвалиорская надпись и надписи Мандсаура на столбе Ясодхармана). Дхрувасена, был вынужден признать владыкой Ясодхармана [3, с. 31].

В источниках отец Дхрувасены и его старшие братья описываются как «великие Махисвары», которые являются последователями Шивы, а самого Дхрувасена называют «Парамабхагавата», великий Вайшнав. Его имя упоминается в 535 г. при постройке буддийского храма в Валлабхи. Так же он упоминается правитель, поддерживающий брахманов в городе Вандрагар [3, с. 34]. Существуют и другие датировки, связанные с Дхрувасеной и Кальпасутрой, в частности, К. Джайн датирует годы царствования Дхрувасены 526-540 гг. н.э., отталкиваясь от традиции джайнов [4, с. 2]. Однако можно подытожить, что время создания современной редакции Кальпасутры приходится на первую половину 6 в. н.э.

Вероятнее всего именно в годы правления Дхрувасены состоялся Совет джайнов в Валлабхи (современный Гуджарат). Многие комментаторы Кальпасутры упоминают первое публичное чтение текста источника, организовал его Совет джайнов в поддержку Дхрувасены в связи с потерей сына. Что же касается Джайнских советов, то есть несколько советов, упомянутых в джайнских текстах, связанных с пересмотром и редактированием джайнских агам. Первый совет состоялся в Паталипутре. Второй совет, вероятно, проводился и Валлабхи. Третий совет был проведен в Валлабхи под покровительством Деварддхигани Кшамашрамана, когда были записаны тексты. Определенные даты проведения соборов в текстах до «Сандехависаусади» Дзинапрабамуни (1307 г. н.э.) не упоминаются. В более поздних комментариях к Кальпасутре говорится, что последний Валлабийский собор состоялся через 980 или 993 года после смерти (Нирваны) последней Тиртанкары Махавир, комментаторами были: Винаявиджая (1559 г.), Дхармасагара (1571 г.), Самаясандара (нач XVII в.), Лакшмиваллаюха (1835 г.) [5, с. 64]. По поводу того факта, что

Кальпасутра была создана в первой половине VI в. н.э. говорит то, что уже упоминаемый Деварддхигани Кшамашрамана фигурирует в тексте Кальпасутры, а именно во второй части источника («Стхавиравали»). Получается текст «Стхавиравали» окончательно сформировался не ранее Третьего совета джайнов в Валлабхи.

По вышесказанному так же можно и предположить место создания Кальпасутры в её современном виде вплоть до точного места (Валлабхи). В пользу версии о создании Кальпасутры на территории современного Гуджарата говорят многие факты, во-первых, это распространённость копий Кальпасутры на территории Гуджарата, во-вторых это возникновение традиции, именно с территории Гуджарата пошла шветамбарская традиция Парьюшана (который пошёл от Кальпасутры).

Библиографические ссылки

1. Stevenson, J. The Kalpa sutra and Nava tatva: two works illustrative of the Jain religion and philosophy. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://archive.org/details/kalpasutranavata00stevrich/mode/2up> Дата доступа: 13.11.2023.

2. Jacobi, H. The Sacred Books Of East Vol 22 Of 50 Jain Sutras Part 1 Of 2. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://archive.org/details/wg922/mode/2up> Дата доступа: 13.11.2023.

3. Virji, Krishnakumari J. Ancient history of Saurashtra: being a study of the Maitrakas of Valabhi V to VIII centuries A. D. / Krishnakumari J. Virji. – Bombay: 1952. – 354 p.

4. Jain, K.C. History of Jainism: Historical survey and spread of Jainism / K. C. Jain. – New Delhi: D.K. Printworld, 2010. – 1283 p.

5. Wiles, R. "The dating of the Jaina councils: Do scholarly presentations reflect the traditional sources?". In Flügel, Peter (ed.). Studies in Jaina history and culture: disputes and dialogues / R. Wiles. - London and New York: 2006. - 61–84 p.

6. Winternitz, M. A History of Indian Literature Vol. 2. / M. A. Winternitz - Motilal Banarsidass Publishe: 1996. – 601 p.

7. Dundas, P. The Jains / P. Dundas. - London: 2002. - 368 p.

8. Kalpa-sutra of Bhadrabahu.[Электронный ресурс]/Режим доступа: https://www.hinduwebsite.com/sacredsceipts/jainscripts/kalpa_sutra.asp#mahavira- Дата доступа: 13.11.2023.

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЖИВОТНОЕ» В ФИЛОСОФИИ АРИСТОТЕЛЯ

А. Д. Дежиц

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, Scorpion972510@mail.ru*

Сущность человека, согласно философии Аристотеля, можно рассматривать только в его завершенном состоянии, в реализации всех способностей его души, заложенных природой. Таковая возможна только в рамках политического общения, обеспечивающего людей внешними и внутренними благами, добродетелями. Природа Аристотеля предопределила возникновение государств и социальное расслоение в них, поставив менее способные души в услужение высшим для достижения последними своей целевой причинности, наилучшей деятельности согласно добродетелям.

Ключевые слова: Древняя Греция; Аристотель; философия; антропология; политика; социальное неравенство.

The essence of man, according to the philosophy of Aristotle, can only be considered in its completed state, in the realization of all the abilities of his soul from nature. This is possible only in political communication, which provides people with external and internal benefits and virtues. Aristotle's nature predetermined the emergence of states and social stratification, placing less capable souls in the service of the higher ones, in order for the latter to achieve their «what it is to be», the best activity according to virtues.

Keywords: Ancient Greece; Aristotle; philosophy; anthropology; politics; social inequality.

Важность политической составляющей в определении сущности человека в философии Аристотеля является, по-видимому, общеизвестным фактом. Именно этот философ ввел знаменитое определение человека как *πολιτικὸν ζῷον* – политическое животное. Однако данное выражение не является лишь остроумным афоризмом философа, но находится в строгом соответствии с его онтологическими и «психологическими» воззрениями.

Аристотель отделял живых существ от неживых ввиду наличия у первых души – определенных способностей к каким-либо самостоятельным действиям. Человек был наделен как растительными способностями души – ростом, питанием и размножением, так и чувственными (они же принадлежат всем животным). Но то, что делает человека особенным существом, – это разумная способность души. Разум позволяет вести человеку счастливую жизнь, основанную не на

стремлениях чувств, но на стремлениях, данных рассуждением, а именно на добродетелях. В конце первой книги «Никомаховой этики» Аристотель разделяет данные добродетели на этические (связанные с характером и аффектами) и дианоэтические (интеллектуальные, не связанные с чувствами) [1]. Первые добродетели ввиду их связи с аффектами являются разумными регуляторами деятельности, связанной с ощущениями, чувствами и исходящими от них стремлениями. Вторые от них не зависят. Данные добродетели, понимаемые как блага, Аристотель называл внутренними, они появляются у человека через привычку и воспитание. Но внутренние блага для своего проявления нуждаются во внешних как в средствах. К ним относятся пища, имущество, дружба, признание и т. д. Но добиться для себя наибольшего количества внешних благ при наименьших затратах человек способен скорее с помощью общения и взаимодействия с другими людьми, чем в одиночку. «Те, кто в силу своей природы живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» [2, с. 17]. И это также не афоризм Аристотеля. Человек вне государства либо подобен животному, так как он не реализует природное назначение своей души – деятельность, согласно добродетели, которая возможна только при политическом общении. Либо же он сверхчеловек, так как не нуждается ни в каких внешних благах и не испытывает аффектов, на которые стоило бы направить нравственную добродетель, но полностью реализует лишь добродетель дианоэтическую (таковы боги).

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что назначение человека реализуется в полной мере только в государстве. Данное суждение основано на телеологическом характере природы Аристотеля. Он определяется тем, что цель любого явления предшествует самому этому явлению, если не хронологически, то логически. Аристотель не раз говорит, что «природа ничего не делает напрасно», а значит, у всего сущего есть причина, причем целевая причина (так как та причина, которую Аристотель именуется «откуда начало движения» все же может быть случайной). Целевая причина содержится во всем сущем в возможности (задумана природой), а когда реализуется в действительности, то это сущее достигает своего завершения. «Природа каждого объекта – то его состояние, которое получается при завершении его развития» [2, с. 17]. И она как цель и как возможность предшествует реализации, также и реализовать можно только то, что дано природой каждому сущему как возможное. И то, что люди объединились в государство, по Аристотелю, и есть реализация тех их возможностей-целей, заложенных природой. В начале трактата «Политика» дается определение государства как общения, которое своей целью имеет

высшее из всех благ [2, с. 15]. Далее идет объяснение для чего человек вступает в различные виды общения. Так, например, он создает семью для реализации растительной способности своей души – размножения. Семьи объединяются в селения ради «обслуживания своих кратковременных потребностей» [2, с. 16]. Селения объединяются в государства. Аристотель также находит еще одно подтверждение тому, что объединение в государства людям уготовано самой природой. Человек один из живых существ наделен речью, и именно такой речью, которая «способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и несправедливо» [2, с. 17]. Поэтому именно в государстве человек находится в своем завершенном состоянии, задуманном природой. «Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части» [2, с. 17]. «Итак, очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к целому» [2, с. 18]. Поэтому и в «Политике» и в предшествующей ей «Никомаховой этике» человек определяется как политическое существо. Не из-за того, что его жизнь становится счастливой или несчастной в зависимости от государства, но ввиду того, что природа задумала завершенный образ человека именно в политической жизни. Государство как цель и как возможность существовало в природе изначально и до любого человеческого общения. И так как человек может реализовать себя только в направлении, задуманном природой, то его путь к политике уже предопределен. Существ же, которые не достигли своей полной формы (у человека форма и цель одно и то же) Аристотель во всей своих трактатах именуют «уродливыми» и «не достойными рассмотрения» [6].

Можно обнаружить некоторую преемственность в политической антропологии Аристотеля и его учителя Платона. Так, например, социальная иерархия у обоих определялась в соответствии с душевными качествами людей. Трехчастная структура души Платона подразумевала доминирования одной из частей, что и определяло сущность человека и его место в социуме [8]. У Аристотеля основными способностями души являются: растительная, чувственная и разумная. Однако ни у кого из людей растительная способность доминировать не будет. Основную разницу между ними он видит в способности к разумной деятельности. Некоторых, например, рабов, он считает причастными к разуму лишь в малой мере. Наиболее же рассудительные люди, согласно его политической теории, должны стоять во главе государства. Чем больше

их, тем лучшим будет государство. Если Платон объясняет эволюцию политических режимов порчей нравов (переходом от монархического человека к демократическому), то Аристотель в политической истории видит наоборот нравственный прогресс. «Если правление нескольких людей, всех одинаково хороших, следует считать аристократией, а правление одного лица – царской властью, то аристократия для государства оказалась бы предпочтительнее царской власти. ... Может быть, в прежние времена люди управлялись царями именно вследствие того, что трудно было найти людей, отличающихся высокими нравственными качествами... А когда нашлось много людей, одинаково доблестных, то, отказавшись подчиняться власти одного человека, они стали изыскивать какой-нибудь общий вид правления и установили политию» [2, с. 103]. Однако причиной наличия плохих государственных устройств Аристотель также объявляет порчу нравов: политика вырождается в олигархию, та – в тиранию, последняя в демократию. Как и Платон, он считает демократию плохим государственным устройством. Объясняется это исходя из цели, которую должно преследовать государство, – общественного блага.

При демократии большинство преследует личное благо, точно так же как олигархи или тираны. «Итак, ясно, что только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих – все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей» [2, с. 84].

Таким образом, если Платон видел лучшей формой правления монархию или аристократию, то Аристотель аристократию или политию как правление достойных людей (обладающих добродетелью), имеющее своей целью общее благо – воспитание достойных граждан путем привития им добродетелей и внешнее обеспечение их счастливой жизни. Разница здесь в том, что Платон считал способными к высшей добродетели лишь немногих избранных, Аристотель же утверждал, что таковых может быть больше. Более того, еще в «Этике» Аристотель объявил лучшей жизнью ту, что придерживается в деятельности и аффектах середины [1]. В «Политике» он также говорит, что «наилучшей жизнью будет именно средняя жизнь», такая, «при которой середина может быть достигнута каждым» [2, с. 127]. Поэтому основой благополучного государства у Аристотеля становится так называемый «средний класс». Эти люди наиболее обладают добродетелью, а также срединные условия их существования дают возможность как властвовать, так и подчиняться. А в государстве людей свободных и

равных, наилучшем по Аристотелю, каждый должен уметь как то, так и другое. «Государство более стремится к тому, чтобы все в нем были равны и одинаковы, а это свойственно людям средним. Таким образом, если исходить из естественного, по нашему утверждению состава государства, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный строй» [2, с. 128]. Человек наиболее реализует себя через свою «срединную» добродетель именно в таком «срединном» государстве. Это относится к людям равным и свободным, равенство же и свобода людей определяются исходя из способностей их души. Не равными между собой будут, например, раб и гражданин, так как первый обладает малой способностью к разумной деятельности и не свободен. Гражданином же Аристотель называет того, кто имеет право на участие в народном собрании и суде [2, с. 74].

Также в вопросах гражданства важную роль играет происхождение человека, которое у Аристотеля напрямую связано со способностями его души. Душа же, согласно философу, «есть некий смысл и форма» [4, с. 50]. То есть она является формальной причиной живого существа [5]. Еще в трактате «О возникновении животных» философ говорит о том, что сущность человека, его форма, переходит к нему от отца. «Тело их происходит от самки, душа же, от самца, так как душа есть сущность известного тела» [3, с. 412]. Таким образом, у Аристотеля происхождение чисто биологически определяет способности человека, а значит и его место в политической структуре.

В «Политике» Аристотель объясняет, каким образом правильное государство помогает достойным людям реализовать себя, то есть устроить свою жизнь согласно добродетелям. Это осуществляется через воспитание и привитие правильных привычек с помощью законов. Однако для всего этого граждане должны обладать достаточным количеством свободного времени, досугом. «Общепризнано, что в том государстве, которое желает иметь прекрасный строй, граждане должны быть свободны от забот о предметах первой необходимости» [2, с. 59]. Досуг также нужен и для последующей реализации добродетелей в деятельности, причем деятельности прекрасной самой по себе, а не являющейся средством для чего-либо. Поэтому в состав граждан Аристотель не включает ремесленников и земледельцев, не обладающих достаточным досугом, и занятых «второстепенной» с точки зрения блага деятельностью. Их существование и деятельность, как и существование и деятельность рабов, является только средством для счастливой жизни граждан.

Этот иерархический общественный порядок, по Аристотелю, также определен природой, где все низшее существует ради высшего [2].

Положение же того или иного человека в обществе будет определяться способностями его души.

Философская система Аристотеля, в чем наиболее заметно его расхождение с Платоном, помещает благо и счастье человека полностью в рамки «земного существования». Жизнь, в соответствии с добродетелью не сулит какого-либо будущего счастья в «ином мире», но и есть счастье сама по себе. И целью государства является именно забота о счастье граждан здесь и сейчас. Политический аспект сущности человека в философии состоит скорее в том, что его полная реализация как такового возможна только в государстве. Завершённым человек становится, когда реализует все способности своей разумной души согласно добродетели, которую в этическом смысле следует понимать как «золотую середину». Поэтому изначально правильное государство Аристотеля выглядит менее иерархичным, нежели знаменитая утопия Платона. Наилучшая деятельность возможна именно в государстве равных и свободных людей. Для истинного счастья Аристотель не требует от людей жизни философов, но именно срединной жизни, не столь сложной в реализации. Но на самом деле свободными и равными философ объявлял совсем немногих, большинством они должны были быть только среди граждан. Вхождение в разряд оных в своей «Политике» он ограничил серьезным цензом. Целью существования всех остальных становится не личное счастье, но блаженство данных граждан. Сама «Политика» с первых страниц постулирует, что «все худшее существует в природе ради лучшего» [2, с. 16]. Так определяется целевая причина существования большинства людей у Аристотеля.

Аристотель, как и его учитель, в своих воззрениях на человеческое общество исходил из того, что сложившееся в нем социальное и политическое неравенство имеет не случайный или временный, определенный эпохой, но естественный характер.

Более того это неравенство находило в их философских системах онтологическое и рациональное оправдание. А, значит, для определения политической концепции человека в философии Аристотеля недостаточно знания о его «человеке вообще». Следует также обращаться к категориям людей, выделяемых философом, исходя из их сущностных различий.

Библиографические ссылки

1. Аристотель. Никомахова этика / Пер. Э. Радлова, Т. Миллер – М.: АСТ, 2020. – 416 с.
2. Аристотель. Политика / Пер. С.А. Жебелева – М., 2015. – 318 с.

3. Аристотель. О возникновении животных / Пер. В.П. Карпов – М.: Изд. АН СССР, 1940. – 217 с.
4. Аристотель. О душе / Пер. П.С. Попова – М.: АСТ, 2022. – 135 с.
5. Аристотель. Метафизика / Пер. А.В. Кубицкого – М.: Эксмо, 2006. – 608 с.
6. Жебелев, С.А. Греческая политическая литература и «Политика» Аристотеля // Аристотель. Политика – М.: Академический проект, 2015 – 318 с.
7. Звиревич, В. Т. Античная антропология: от героя-полубога до «человечного человека» / В.Т. Звиревич – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2011. – 244 с.
8. Платон. Государство / Пер.А.Е. Егунова // Полное собрание сочинений в одном томе – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2020. – 1311 с. – С. 748-971.

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОЛЖНОСТЕЙ В ТРАКТАТЕ «ЧЖОУ ЛИ»

Шао Ици

*Чифэн, Внутренняя Монголия (КНР); Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,*

В данной статье исследуется система государственных должностей в центральном аппарате Китайской империи в том виде, в котором она представлена в трактате «Чжоу ли». Цель этой работы – определить вклад этого древнего памятника китайской политической мысли в формирование политической системы Китая. Автор рассматривает историческое происхождение «Чжоу ли», особое внимание уделяет влиянию данного произведения на политическое развитие Китая и соответствующие академические исследования в последующие периоды, проводит детальный анализ структуры, функций и особенностей отдельных должностей, представленных в произведении. Статья показывает, что многие правители использовали «Чжоу ли» в качестве образца при разработке собственной системы государственных должностей и стратегии политического развития.

Ключевые слова: Китайская империя; конфуцианство; государственные должности; «Чжоу ли»; политическая система.

The article reviews the system of the state posts in central government of the Chinese empire in the way the book of "The Rites of Zhou" presents it. The purpose of this work - to define the contribution of this ancient monument to the Chinese political thought, and to formation of political system of Chinese Empire. The author reviews a historical origin of "The Rites of Zhou", with a special attention to influence of the text on political development of China and corresponding academic researches during the subsequent periods, carries out the detailed analysis of structure, functions and features of the particular posts presented in the book. The article shows, that many rulers used "The Rites of Zhou" as the pattern for working out their own systems of the state posts and a strategy of political development.

Keywords: Chinese Empire; Confucianism; state bureaucracy; "The Rites of Zhou", political system.

«Чжоу ли» (кит. trad. 周禮, упр. 周礼) – это произведение классической конфуцианской литературы. Первое упоминание о «Чжоу ли» в литературе содержится в «Ши цзи» (кит. trad. 史記, упр. 史记, или «Исторические записки») – труде историографа империи Хань (206 до н. э. – 220 н. э.) Сыма Цяня (45 год до н. э. - 86 год до н. э.), созданном между 109 – 91 годами до н. э., когда «Чжоу ли» носило название «Цзю гуань» (кит. trad и упр. 周官)⁰. Впоследствии, ученые, включая Лю Синя (кит. trad. 劉歆, упр. 刘歆, 50 – 23 гг. до н. э.), провели редакцию

произведения, переименовав его в «Чжоу ли»⁰, и в эпоху Сун (примерно с 1127 по 1279 гг.) «Чжоу ли» был включен в число Тринадцатикнижия (кит. трад. 十三經, упр. 十三经) – собрания авторитетнейших памятников древнекитайской мысли, канонизированных конфуцианством.

Изложенные в «Чжоу ли» политические реалии, включая государственные институты и должности, конечно были отражением развития самого китайского как структуры. Однако, уже с момента появления «Чжоу ли» в эпоху Хань, шли споры относительно того, когда это было написано, кем, и что именно отражалось в этом памятнике.

Есть все основания считать, что отражение политической системы наиболее явно проступает в «Чжоу ли» в описанной системе государственных должностей. Каждая китайская династия имела свои характерные особенности в этой области политического знания, которые соответствовали современному автору (или авторам) уровню социально-экономического развития и социокультурной жизни. Китайский специалист по конфуцианскому канону Лю Синь, живший в начале нашей эры, считал, что, поскольку «Чжоу ли» содержит описание государственного устройства эпохи Чжоу (1045 – 221 гг. до н. э.), памятник должен был быть составлен и опубликован Чжоу-гун Данем (кит. трад. упр. 周公旦. в ещё XI века до н. э.)⁰.

Тем не менее, это мнение было оспариваемо другими учеными конфуцианцами вплоть до того момента, как сам труд был включён в Тринадцатикнижие и был самими конфуцианцами признан бесспорным авторитетом в области того, что он отражал. Тем не менее, и до сегодняшнего дня не удастся окончательно установить его авторство и датировку. В то же время, нет сомнения, что содержание «Чжоу ли» не совпадает с фактической системой государственных должностей, действовавшей во времена Чжоу⁰.

Несмотря на существующие споры, нельзя недооценивать влияние произведения «Чжоу ли». Эта книга систематически описывает бюрократическую систему от центра до регионов, устанавливая четкую и высоко профессиональную систему государственных должностей, а также содержит политическую и управленческую мысль. В политическом плане книга завоевала признание и внимание правителей и ученых, как минимум, после периода Хань. Многие правители династий использовали его структуру и смысл в качестве модели для разработки системы государственных должностей чиновников и административных процедур, а некоторые политики реформировали реальную политику, руководствуясь идеальной моделью, изложенной в этом памятнике⁰.

«Чжоу ли», в основном, рассматривает систему управления от центра до отдельных местностей, предоставляя собой детальное

планирование и всестороннюю систему социального управления. В книге описывается идеализированное устройство государства, но при этом предоставляется обширная информация о политике, праве, экономике, культуре и других аспектах. В тексте все содержание, в согласии с древней традицией, разделено на шесть частей, получивших космологические заглавия, четко указывается, что создаваемые функции должностных лиц с распределением обязанностей и полномочий направлены на установление правил и норм для всего населения. В настоящем случае, основное внимание уделено центральному государственному аппарату в том виде, как он представлен в «Чжоу ли».

Структура книги включает шесть глав, каждая из которых посвящена отдельному ведомству. В начале каждой главы размещено введение, раскрывающее общую значимость создания данного ведомства, а также представляющее обязанности соответствующего должностного лица. Каждый тип должности начинается с упоминания его названия, ранга и численности чиновников, после чего следует более детальное описание его функций⁰.

Согласно «Чжоу ли», у людей с квалификацией чиновников есть три ранга: Цин (卿) - высший ранг, дайфу (大夫) - чиновничий ранг и ши (士) - младший ранг. Каждый ранг также разделен на три степени: шандафу (上大夫, верхний дайфу), чжундафу (中大夫, средний дайфу), сядафу (下大夫, нижний дайфу); шанши (上士, верхний ши), чжоуши (中士, средний ши), сяши (下士, нижний ши). Каждому из указанных уровней цин, дайфу и ши соответствуют различные государственные должности. «Чжоу ли» называет 6 ведомств, включая: тянь гуань (天官, небесные чиновники), ди гуань (地官, земные чиновники), ся гуань (夏官, летные чиновники), цю гуань (秋官, осенние чиновники), дун гуань (冬官, зимние чиновники). Раздел «Дун гуань» был утерян и примерно в III в. н.э. заменён аналогичной по содержанию книгой «Као гун цзи» (кит. трад. 考工記, упр. 考工记, Записки о ремёслах)⁰. По структуре книги каждая глава содержит введение, поясняющее общую значимость создания данного ведомства, а также представление о обязанностях, структуре этого ведомства, его должностях и т. д. В основном тексте относительно каждого чиновника изначально указаны его название, ранг, количество чиновников, а затем детально описываются их обязанности.

Тянь гуань (天官) . Тянь гуань (天官) представляет собой верхний орган управления, также известный как Чжи гуань (治官), что означает «государственная администрация». Тянь (天) – Небо, верховная власть, поэтому Тяньгуань обязан содействовать Тянь-цзы (天子, Сыну

Неба, правителю) в решении всех политических вопросов на всей подвластной ему территории⁰. В то же время, Тянь-гуань также управляют внутренними делами во дворце, включая жилище, питание, напитки, одежду, медицинское обслуживание и другие аспекты. Высшим руководителем является Чжун-цзай (冢宰 или 大宰) – Первый министр, премьер, канцлер, и ему подчинены 63 должностных лица. Обязанностью Цзунь-цзая является руководство своими подчиненными для управления делами по всей территории страны с целью оказать помощь Тянь-цзы в управлении государством. Его положение эквивалентно должности Ли-бу шань-шу (吏部尚书) и Цзай-сян (宰相), что подчеркивает его высокий статус в сравнении с другими чиновниками.

Ди гуань (地官). Ди гуань, известные как «воспитательные чиновники», так как ди (地) обозначает "рост, размножение, процветание". Их обязанности включают в себя заботу о земельных вопросах и управление ими, управлению, образованием (воспитанием и просвещением) людей и сбор налогов на землю⁰. Сыту (司徒) - это начальник Приказа воспитания и просвещения в ведомстве Ди гуань, ответственный за управление образовательными делами государства. Его цель – помощь правителю в обеспечении стабильности в стране, и ему подчинены 78 должностных лиц. Дасыту (大司徒) управляет реестром домовладений и учётом земель и земельных угодий, принадлежащих населению страны. Сяосыту (小司徒) управляет делами в столице, а также земельными владениями населения и налоговыми обязательствами в четырёх окрестностях⁰.

Чунь гуань (春官). Чунь гуань – чиновник, назначенный в подражание весне (象春所立), потому что весна порождает множество вещей. Для этого Сын Неба назначает цзунбо (宗伯) и ему подчинены 70 чиновных лиц для управления порядком в стране. Как считалось в «Чжоу ли», люди следовали за волей небес и осуществляли свои дела. "Чунь (春, весна)" – время пробуждения всего живого. Среди торжественных церемоний служение духам считается важнейшим, а также цзунбо должен постоянно напоминать жителям Поднебесной о благодарности предкам. Цзунбо не называют «управляющим», потому что души людей, небесные духи и духи земли высоко уважаются, и поэтому люди не осмеливаются ими распоряжаться. Дацзунбо (大宗伯) управляет генеалогией, вопросами наследования и религиозными церемониями для Сына Небо и всех чжухоу (诸侯). Сяоцзунбо (小宗伯) управляет деревянными табличками для поклонения предкам и обрядами в Таймяо

(太廟, храм основателя рода). По этой причине в последующие периоды либушаньшу 礼部尚书 (министра ритуалов) называли дацзунбо или цзунбо, а либушилань 礼部侍郎 (заместителя министра ритуалов) – сяоцзунбо.

Ся гуань (夏官). Ся гуань – военные начальники. Ся (夏, лето), и его обязанности созданы в соответствии с имитацией природных явлений лета. В древнекитайском сельском обществе лето - это сезон, когда всё живое растёт и размножается, поэтому необходимы различные сельскохозяйственные мероприятия, включая прополку (вспашку), борьбу с вредителями и поливку почвы для стимулирования роста сельскохозяйственных культур. Символика лета представляет собой порядок и гармонию, где всё подчинено законам и имеет свой порядок. Тянь-цзы учреждает должность сыма (司马) с целью содействия правителю посредством руководства военными делами, который в состоянии усмирять чжухоу и укреплять порядок в стране. Начальник Ся гуань называется дасыма (大司马) и ему подчинены 69 различных чиновных лиц. Согласно Шу цзин (尚书), в период династии Ся, сыма специализировался на вопросах обороны, в то время как в эпоху династии Инь эта должность отсутствовала. Впоследствии, в эпоху династии Чжоу, сыма не только занимался вопросами обороны и сопутствующими административными делами, но также был ответствен за сбор налогов и военные расходы.

Цю гуань (秋官). Цю гуань (Осенние чиновники) – ведомство, ответственное за управление наказаниями, созданное как отражение значимости осени. Тянь-цзы назначает сыкоу (司寇), чтобы он управлял наказаниями в стране, и целью наказаний является изгнание позора и зла, направление людей по пути добра. Осень (秋цю) ассоциируется с божественными силами, проявляющими силу и собирающими энергию, что символизирует упорядоченный и систематический сбор и сохранение полученного урожая. В период Вёсен и Осеней (период 春秋 Чуньцю, 722 – 481 гг. до н. э.) на территории Чжоу и владениях князей существовала должность сыкоу. Однако в период Сражающихся царств (戰國時代 Чжаньго, 480 – 221 гг. до н. э.) должность сыкоу существовала только на территории царства Чу (楚国), а в Царстве Цинь (秦国, 771 – 221 гг. до н. э.) была создана должность тин вэй (廷尉), примерно аналогичная сыкоу. Вплоть до периода Цинь и Хань (221 г. до н.э. – 220 г. н.э.), должность тин вэй постепенно сменила сыкоу, и название «сыкоу» было упразднено, поскольку коу (寇) по-китайски означает

вора, агрессора или врага, и сыкоу могло восприниматься не только как «управляющий делами воров и разбойников», но и как «предводитель воров и разбойников».

Дун гуань (冬官). Дун гуань (зимние чиновники) были ответственны за хозяйственные и инженерные вопросы. Согласно записям, в «Чжоу ли» должность сыкун (司空), главного инженера, или управляющего свободным временем изначально была упущена, но, по данным оракулов, она была названа «сыгонь» (司工). В период Чжоу сыкун руководил землеустроительными, инженерными и строительными проектами по всей стране.

Библиографические ссылки

1. 丁鼎. 《周礼》的行政制度设计及其对后世政治的影响[J]. 山东省社会主义学院学报 (День Дин. Структура административной системы «Цжоу ли» и ее влияние на политику в последующие периоды) // Журнал Шаньдунской академии социализма. – 2021. – № 03. – С. 14 – 22.
2. 丁进; 杨化坤. 论《周礼》学的内容、流派和发展阶段[J]. 商丘师范学院学报 (День Цзин, Ян Хуакун. Содержание, направления и этапы развития изучения «Чжоу ли») // Журнал Шанцинского университета. – 2020. Вып. 36 (08). – С. 38–42.
3. 杨天宇. 周礼译注[M]. 上海古籍出版社 (Ян Тианью. Перевод и комментарии к «Чжоу ли»). – Шанхай: Издательство старых книг, 2004. – 758 с.
4. 许结. 尊天法地: 中国古代职官制度 (一)[J]. 古典文学知识 (Сюй Цзиэ. Почитание Неба, Законы Земли: Китайская система древних должностных лиц. Часть 1. Знание о классической литературе). – Шанхай: Издательство старых книг, 2001. – С.112-118.
5. Установления династии Чжоу (Чжоу Ли): Раздел 1. Небесные чиновники. Цзюань 1 / Пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прил. С. Кучеры. – М.: "Восточная литература" РАН, 2010. – 496 с.
6. 阚明娜. 小议《周礼》及周制[J]. 作家天地 (Кань Минна. Краткое обсуждение «Чжоу ли» и системы Чжоу). – Шанхай: Мир писателей, 2019. – 83 с.
7. 丁进. 《周礼》职官与官府辨析[J]. 阜阳师范大学学报(社会科学版) (День Джин. Должностные лица и административные органы в «Чжоу ли»: анализ) // Журнал Фуянского университета. Отдел социальных наук. – 2022. – № 05. – С. 126–137.
8. 后天八卦: 体现的是周人一年中农业劳作“春种夏忙秋收冬藏”过程 (Процесс сельскохозяйственных работ жителей Чжоу за год: «весенний посев, летняя занятость, осенний сбор урожая и зимнее хранение») [Electronic resource]. – Mode of access: https://k.sina.cn/article_1716733000_6653444800100ckek.html – Date of access: 23.11.2023.

THE CHANGES OF SOCIAL CONCEPTS OF MARRIAGE AND LOVE IN LATE MING DRAMA

Lu Weiran

Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue, 220030 Minsk, Belarus

Under the impact of economic development and social ideological trends, the social concepts of marriage and love, expressed in drama works of the late Ming Dynasty, became very different from those of the previous times. These drama works affirmed the love and independent choice of spouse between men and women, reflecting the breakthrough of the concept of independent choice of spouse by young men and women in the late Ming Dynasty, as well as the awakening of women's independent consciousness. In addition, love dramas in the late Ming Dynasty also showed changes. They broke through the shackles of traditional thinking, contained the inevitable trend of social development, and had considerable transformation of consciousness towards the modern one.

Keywords: Chinese drama; late Ming Dynasty; concept of marriage and love; society; transformation; public conciseness.

Под влиянием экономического развития и тенденций в идеологии общественных отношений, социальные представления о браке и любви, выраженные в драматических произведениях поздней династии Мин, стали сильно отличаться от представлений предшествующего времени. Эти драматические произведения констатировали любовь и независимый выбор супруга и для мужчины, и для женщины, что отражало торжество концепции независимого выбора супруга юношами и девушками в конце династии Мин, а также пробуждение у женщин независимого сознания. Кроме того, любовные драмы поздней династии Мин также претерпели изменения. Они разорвали оковы традиционного мышления, отразили неизбежную тенденцию общественного развития в сторону значительной трансформации сознания в сторону современного.

Ключевые слова: китайская драматургия; поздняя династия Мин; концепция брака и любви; общество; трансформация; общественное самосознание.

At present, there is no generally accepted chronology that accurately separates the late Ming Dynasty, and its beginning and end periods are still under debate. Academic circles mostly regard it as the period from Wanli (萬曆, 1573–1620 CE) to the end of the Ming Dynasty (1644 CE). However, some scholars believe that the late Jiajing period (嘉靖, 1522–1566 CE) was the beginning of the late Ming Dynasty. In this article, we regard the former version, i.e. the Wanli period as the beginning of the late Ming Dynasty.

In the early Ming Dynasty, because the rulers adopted a centralization strategy, increased ideological control, and adopted more restrictions on drama creation, the latter was relatively dull, and most of the works were “educational dramas” that promoted traditional principles:

凡樂人搬作雜劇戲文，不許裝扮曆代帝王後妃忠臣烈士先聖先賢神像，違者杖壹百；

官民之家，容令裝扮者與同罪；其神仙道扮義及夫節婦孝子順孫勸人爲善者，不在禁限。[1. p. 11].

When the Ming Dynasty entered the Yingzong period (英宗, 1427–1464 CE), and great political changes took place. From that time on, the supreme ruler became increasingly extravagant and corrupted, eunuchs began to interfere in the government's affairs, and political crises occurred everywhere. Emperor Wanli ascended the throne in 1572, and his reign lasted for 48 years. It was from that period that the emperor ignored government affairs all day long, domestic conflicts became increasingly acute, and the Ming Dynasty began to decline. Until the Chongzhen era (崇禎; 1628–1644 CE), the Ming Dynasty completely declined in fact.

Although the politics of the late Ming Dynasty were so corrupted, the trend of development within the time changes did not stop. After long-term growth and development, the social economy of the Ming Dynasty reached an unprecedented level in the middle and late periods, i.e. the Jiajing and Wanli periods. The unprecedented prosperity of the commodity economy brought the development of the city, with the number of the bourgeoisie continued to grow, together with the citizens' awareness. At the same time, due to the prosperity of commerce and trade, the proliferation of money power, the prevalence of Wang Shouren's Xinxue (王守仁心學) and the Taizhou School (泰州學派), and the rise of luxury fashion, the entire society has formed a new situation where personal desires became to matter seriously more than before. In the late Ming Dynasty, everyone, from a scholar to an ordinary citizen, nakedly pursued the hedonism of instant gratification, and it became fashionable to boast about luxury. The Fan Lian's (範濂) "Yunjianjumuchao·Recording Customs (雲間據目抄·記風俗)" recorded that idea regarding the Ming Dynasty: 風俗自淳而趨于薄也，猶江河走下而不可返也，自古慨之矣。吾松素稱奢淫黠傲之俗，已無還淳挽樸之機。兼以嘉隆以來，豪門貴室，異奢導淫，博帶儒冠，長奸長傲，日有奇聞疊出，歲多新事百端。牧豎村翁，竟爲碩鼠；田姑野媪，悉戀妖狐。倫教蕩然，綱常已矣 [2, p 43].

In that sense, the philosophical thought of the late Ming Dynasty provided theoretical support for that materialistic social atmosphere. In the early Ming Dynasty, the rulers vigorously promoted Cheng-Zhu Neo-Confucianism (程朱理學) as the ruling ideology in order to strengthen their autocratic rule. In the middle and late Ming Dynasty, Xinxue and Taizhou School emerged and gradually replaced them, and those social concepts began to attach importance to people themselves. Perceptual emotions broke through the philosophical concepts and ethical dogma of the early Ming Dynasty.

The shift from «preserving natural principles and destroying human desires (存天理，滅人欲)» to «natural principles are both human desires (天理既人欲)» meant the disintegration of Cheng-Zhu Neo-Confucianism and, during the Jiajing and Wanli years, brought about a vibrant ideological emancipation movement.

Due to the tremendous changes in society, philosophy and other aspects, various arts have flourished. The self-consciousness and humanistic spirit of seeking and discovering oneself brought a new look to the art of the late Ming Dynasty. Under such a large historical background, drama creation at that time would also be under great affect. Playwrights did not avoid describing personal feelings anymore, and a large number of "love plays" began to appear. The drama stage was filled with stories about the life and

death of talented people and beauties, which vividly expressed inner natural emotions of the heroes and heroines. Those plays affirmed human nature, liberated individuality, universally praised enjoyment and joy, and yearned for the freedom and equality of individual personality. They usually have a fixed pattern: almost all of them fell in love at first sight, and then the hero and heroine started dating privately. For example, several plays by playwright Wang Tingne (汪廷讷) all had that kind of plot. In *Zhong Yu Ji* (種玉記), Huo Zhongru (霍仲孺) met the girl Wei Shaoer (衛少兒). They fell in love at first sight, and then they secretly dated and made their lifelong commitment [3]. In *Tou Tao Ji* (投桃記), Pan Yongzhong (潘用中), the son of the magistrate of Yangzhou, met Huang Shunhua (黃舜華), the daughter of the minister of the Ministry of War. The two expressed their love by wrapping walnuts in handkerchiefs, and eventually they got married [4]. In *The Story of ship* (彩舟記), Jiang Qing (江情) and Wu Nu (吳女) happened to dock their boats together, and they fell in love at first sight. Jiang Qing made an appointment with her with a poem, and went on a date on Wu Nu's boat at night. Unexpectedly, Wu Nu's family boat sailed, and Jiang Qing failed to return to his boat. After being discovered by Wu Nu's father, he had no choice but to agree to the marriage [5]. In addition, in *Strange Dreams* (異夢記), Jinling scholar Wang Qijun (王奇俊) passed by a garden, found it beautiful, and went to enjoy it. He met a beauty Gu (顧雲容) in the flowers, and they fell in love at first sight [6]. In *Huai Xiang Ji* (懷香記), the talented Han Shou (韓壽) and the girl Jia Wu (賈午) fell in love at first sight [7].

In a large number of dramas in the late Ming Dynasty, the heroes and heroines put aside traditional marriage concepts such as the rules of their parents and the words of matchmakers, and put love first, driven by personal feelings. This approach goes against traditional concepts:

不待父母之命，媒妁之言，鑽穴隙相窺，逾牆相從，則父母、國人皆賤之 [8, p. 110].

At that time, all the rules and regulations seemed to have lost their binding effect. Choosing a spouse on their own seemed to have become an inevitable choice for young men and women. They abandoned the traditional way of concluding marriage and took the power of finding a partner into their own hands. Many people no longer cared about the disparity in family status, but found out whether they liked each other first. More people hoped to choose their life partner by understanding the other person's talent, character, and appearance.

For example, in Wu Bing's (吳炳) *Lu Mu Dan* (綠牡丹), the heroine Che Jingfang (車靜芳) was a talented and independent woman. When she saw Liu Xiqian's (柳希潛) poems, she was so impressed by the author's talent to fall in love with him. However, she did not know that Liu Xiqian's poem was written by Xie Ying (謝英) for him. After reading Liu Xiqian's poems, Che Jingfang wanted to know more about his character. After contacting him, she discovered that Liu Sheng turned out to be an ugly and vulgar person, so she tried him again, and had seen Liu Xiqian's «true colours», and Che Jingfang finally got married the real poet Xie Ying [9.].

Those drama works shows us another phenomenon worth noting but greatly increased proportion of women choosing their own spouses. One can say, that the changes in marriage in the late Ming Dynasty reflected the enhancement of women's awareness of independence. Women changed from being accessories of “obeying the father before marrying, obeying the husband when married, and obeying the son after the death of husband (未嫁從父、既嫁從夫、夫死從子)” to having their own independent will. Women's

independent personality awareness of self-esteem, self-love, and self-improvement increased, and it gradually became a trend to affirm and praise women's talents.

Although women at that time were not completely able to break through traditional concepts and make their own marriages, they began to do everything possible to obtain more freedom to choose their life partners.

Xie Zhaozhe (謝肇制), a naturalist of the Ming Dynasty, in his Biography of Women (列女傳) of the Wuzazu (五雜俎), marked that the history books of the past dynasties only included women of chastity, and he believed that that had been inappropriate, and that talented women were to be included in the biographies also. In the middle and late Ming Dynasty, many thinkers and writers strongly protested against the social concepts that restrained and persecuted women [10]. Lu Kun (呂坤) pointed out the unequal restraint of men and women by traditional ethics in Volume 5 of Shen Ying Yu (呻吟語), Xingdao (行道), and believed that ethics are stricter than women's chastity but less strict with men's indulgence of sexual desire (嚴于婦人之守貞 □而疏于男子之縱欲). That was «the bias of the saints (聖人之偏)» [11].

With the awakening of women's consciousness, the «concept of chastity» shown in the drama, became also under transformation. For example, in Huan Sha Ji (浣紗記), Fan Li (範蠡), an official of the Yue Kingdom (越國), made a lifelong contract with the beautiful girl Xi Shi (西施). When the Yue Kingdom fell, in order to destroy Wu (吳國) and restore the Yue Kingdom, Fan Li decided to ask Xi Shi to go to the Wu Kingdom to confuse the King of Wu. After Fan Li sent Xi Shi to the Kingdom of Wu, the King of Wu became so admired with Xi Shi's beauty, her singing and dancing, that he continued to get busy with her and ignored the government. Xi Shi cleverly managed to separate the king and ministers of the state of Wu. After the Wu Kingdom fell, Fan Li and Xi Shi fell in love again [12]. Xi Shi sacrificed her body in order to restore her country. Both the author and the audience understood and affirmed that behavior and concept.

In Xu Zichang's (許自昌) Ju Pu Ji (橘浦記), San Niang (三娘), the daughter of the Dragon King of Dongting Lake, was abused by her husband after her marriage. She wrote a letter, hoping that someone could send it to Dongting Lake, and her father and brother could come to rescue her. That time Liu Yi (柳毅), a scholar who had failed in the exam, passed by, and her letter was sent with him. After San Niang had been rescued, she proposed Liu Yi to marry to repay Liu Yi's kindness. Liu Yi did not refuse or despise her because of she had been married before [13]. These works took off the traditional concept of chastity in favour of personal choice.

Furthermore, «transactional marriages» became a fashion in the late Ming Dynasty. In the early Ming Dynasty, frugality was advocated, but by the time of late Ming Dynasty, marriages concluded for money and interests, became abound, which seemed to make an irresistible trend. In the middle and late Ming Dynasty, the development of the commodity economy greatly stimulated people's desire to get more money, and money obtained extraordinary charm. In the plays of the late Ming Dynasty, people no longer denied their passion for money, and drama plots did the same. Therefore, love became often associated with «profit», and the women seemed to consider that issue more carefully and saw it more profoundly.

As the imperial examination method became as a standard at that time, some intellectuals of lower social levels started to expect to gain fame and fortune through examinations. Therefore, families with daughters to be married often turned their attention to those scholars who possessed their potential “to rise in value”, and, in order to obtain greater benefits in the future, those families hoped to establish good relationship with those fellows before they would become officials in the court. That kind of psychology was a common phenomenon of that time. That time manuscripts

reflected that tendency, which seemed to make two types of plots. One type was a girl who originated from a poor family, but hoped to be successful one day through the bet of marriage. For example, Dong Guo Ji (東郭記) profoundly depicted the mentality of that type of women:

妹妹“俺看王孫公子,結駟連騎,好不繁華,俺與姐姐適人,須是這般人兒方好。”

姐姐：“妳所言正合我心,但俺門戶荒涼,姓氏未著,恐富貴者不免棄之。惟擇壹孤窮而倜儻者,正自有富貴之時爾。”[14, p.16]

Another example is the Xiu Ru Ji (繡襦記), where the prostitute Li Yaxian (李亞仙) took Zheng Yuanhe (鄭元和) as her aim to marry, and made huge sacrifices to encourage Zheng Yuanhe to study further. In the end, Zheng Yuanhe won the first prize (狀元) and Li Yaxian lived a wealthy life [15].

The other type was a girl, who came from a wealthy family and was willing to marry a poor scholar, who had been unequal to her, hoping that the talented scholar would one day become successful and keep her fancy mode of life longer. For example, in Cai Lou Ji (彩樓記), Liu Qianjin (劉千金), the daughter of the prime minister, was looking for a husband in Cailou. For that purpose, she threw the colored ball to the hungry and poor scholar Lu Mengzheng (呂蒙正). Her reason of that deed was that Liu Qianjin, before choosing her husband, had dreamed of dragon (龍), leaning on the railing the night. On the day of choosing her husband, she happened to see Lu Meng leaning on the railing. That was why she had chosen him. Despite her parents' dissuasion, Liu Qianjin insisted on marrying Lu Mengzheng, because she knew that as long as she would be able to survive those few years, a brilliant future would be waiting for her. Later, Lu Mengzheng really won the first prize [16].

Drama works on that theme accounted for a large number in the late Ming Dynasty. It shows that that type of work became very popular with the audience at that time and obtained a huge market. Those phenomena show that people took a very utilitarian side when choosing marriage, and that concept depicted the social customs and philosophical thoughts of that time. From those works, it is not difficult to see that the concept of marriage and love in late Ming society has undergone many changes compared with before, some of which seems to be of the qualitative ones. Those changes contained the inevitable trend of social development and have already acquired features of modern consciousness. The various changes in the concept of marriage in the late Ming Dynasty drama works made not an isolated phenomenon. They took place in a specific historical milieu. It was such an era when the commodity economy had been under development. The social consciousness was active and chaotic, the old value system had been broken, and the new value system had not find its form yet. To get it real the society would have been re-regulated and integrated the ruins.

Therefore, it was a period of time, when the gap had separated two moral concepts.

1. The old moral code had been lost and people's self-worth and personal consciousness lost its integrity,

2. The understanding of marriage was to be changed, and the role of personal desires should take its increase and development.

References

1、元明清三代禁毀小說戲曲史料. Wang Liqi. Historical materials on novels and operas banned in the Yuan, Ming and Qing dynasties. – Shanghai: Shanghai Ancient Books Publishing House, 1981. – 430 p.

- 2、云间据目抄·记风俗. Fan Lian(Ming Dynasty). Yunjian Jumuchao. – Yangzhou: Jiangsu Guangling Ancient Book Engraving Society, 1995. – 125 p.
- 3、種玉記. Mao Jin (Ming Dynasty).Sixty kinds of music/Zhong Yu Ji. – Beijing: Zhonghua Book Company, 1958. Vol.X. – 72 p.
- 4、投桃記. The Editorial Committee of the Ancient Chinese Opera Series. The second volume of the Ancient Chinese Opera Series / Huancui Tang Yuefu Tou Tao Ji. – Beijing: The Commercial Press, 1955. – 175 p.
- 5、彩舟記. The Editorial Committee of the Ancient Chinese Opera Series. The second volume of the Ancient Chinese Opera Series/Huancui Tang Yuefu /The Story of ship. – Beijing: The Commercial Press, 1955. – 199 p.
- 6、異夢記. Wang Yuanshou. Kui Wen Cuizhen/Strange Dreams. – Beijing: Cultural Relics Publishing House, 2023. – 174 p.
- 7、懷香記. Ming Lucai. Huaixiang Ji. – Tianjin: Tianjin People's Fine Arts Publishing House, 2008. – 67p.
- 8、孟子注疏. Zhao Qi. Commentary on Mencius. – Shanghai: Shanghai Ancient Books Publishing House, 1990. – 522 p.
- 9、綠牡丹. Wu Bing (Ming Dynasty). Lu Mu Dan. – Beijing: Huaxia Publishing House, 2014. – 236 p.
- 10、五雜俎. Xie Zhaozhe (Ming Dynasty)/edited by Zhang Yiping. Wuzazu/Notes of the Late Ming Dynasty. – Harbin: Central Bookstore, 1935. – 368 p.
- 11、呻吟語.Lv Kun (Ming Dynasty)/Compiled by Ke Jiming. Shen Ying Yu. – Harbin: Northern Literature and Art Publishing House, 2018. – 541 p.
- 12、浣紗記. Mao Jin(Ming Dynasty).Sixty kinds of music/Huan Sha Ji.– Beijing: Zhonghua Book Company, 1958. Vol. – 162 p.
- 13、橋浦記. Xu Zichang (Ming Dynasty).The first volume of the Ancient Chinese Opera Series/Jupu Ji (Part 1 and 2). – Beijing: The Commercial Press, 1955. – 192p.
- 14、東郭記. Mao Jin (Ming Dynasty). Sixty kinds of music/Dong Guo Ji. – Beijing: Zhonghua Book Company, 1958. Vol. X. – 620 p.
- 15、繡襦記、Mao Jin (Ming Dynasty).Sixty kinds of music / Xiu Ru Ji.– Beijing: Zhonghua Book Company, 1958. Vol. VII. – 112 p.
- 16、彩樓記. The Editorial Committee of the Ancient Chinese Opera Series. The second volume of the Ancient Chinese Opera Series/Huancui Tang Yuefu / Cai Lou Ji. – Beijing: The Commercial Press, 1955. – 129 p.

СТАНОВЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ МУЖЧИН-ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ЖЕНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ КИТАЙСКОЙ ОПЕРЫ

Е Хуашен

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, 827385183@qq.com*

В древнем Китае женские роли в операх традиционно исполняли мужчины, которых называли «мужчина герой» (男旦). Эта традиция уходит корнями в глубокую древность, является продуктом особого исторического периода и долгое время была неотъемлемой чертой китайской оперы.

Ключевые слова: «мужчина герой»; китайская опера; женские персонажи; женские роли.

In ancient China, female roles in operas were traditionally performed by men, called “male dan” (男旦). This tradition, dated back to ancient times, is the product of a special historical period and was an important feature of Chinese opera.

Keywords: “Male dan”; Chinese opera; female characters; female roles.

Истоки традиции исполнения женских ролей в опере мужчинами относятся к периоду династии Северного Чжоу (557–581). Основатель династии, император Сюань Ювэнь Юнь (559–580), инициировал этот процесс. Так, известный ученый, писатель и каллиграф позднего периода династии Цин Ю Юэ (1821–1907 гг.) в своей книге «Комната ароматов чая Цунчао», в частности, в главе, посвященной музыкальным произведениям эпохи династии Суй, писал, что император Сюань, когда взошел на трон, отдал приказ о переодевании молодых и красивых юношей в женскую одежду. Они должны были исполнять в городе песни и танцы [1, с. 77]. Это переодевание изначально носило ритуальный характер. Так было положено начало традиции «фальшивых женщин» *цзянюрэн* (弄假妇人).

В то время театральные постановки представляли собой просто песни и танцы, проводившиеся под открытым небом, на улице. В таких постановках женские роли исполнялись исключительно мужчинами [1, с. 78].

«Фальшивые женщины» начали приобретать популярность в период правления династии Суй (581–618 гг.). Так, в книге выдающегося государственного деятеля, мыслителя, литератора и историка начала династии Тан Вэй Чжэна (580–643 гг.) "Жизнеописание Суйского шу Лю Юя", посвященной периоду Суй, отмечалось проведение спектакля в

честь празднования первого полнолуния года – 15-й день полной луны, известного как праздник фонарей. В частности, в книге упоминались наряды с масками животных и переодевание мужчин в женские одежды [2, с. 149].

В период правления династии Тан искусство переодевания в женскую одежду стало называться *чжуань дан* (装旦) – это касалось театрального жанра *цзачжу* – общего термина, использовавшегося для обозначения всех видов театрального искусства, кроме песен и танцев, например, акробатики.

Во времена династии Сун (960–1279) представление о «фальшивых женщинах» уже широко распространилось. В Южной опере, сформировавшейся с конца правления Сун и на протяжении правления династии Юань облачение актеров-мужчин в женскую одежду уже закрепилось в жанре *чжуань дань се* (妆旦色). Этот жанр южного Китая оформился между XII и XIV веками.

Во времена династий Юань и особенно Мин влиятельные и богатые люди держали в своих домах знаменитых и красивых актеров, которые исполняли любые прихоти своих благодетелей – ведь актеры в традиционном обществе Китая относились к низшей социальной категории [2, с. 150].

В период династии Цин востребованность мужчин-актеров еще более возросла. Власти установили четкое правило, согласно которому всем чиновникам, евнухам и титулованным особам запрещалось посещать увеселительные дома с женщинами. В качестве альтернативы частным образом создавались места для удовольствий и увеселений – «тайные места» (私坊). В этих заведениях основным персоналом, развлекающим богатых людей, были молодые мужчины, обаятельные и грациозные, которых называли *сянгу* (相公) или *сянгу* (相姑), то есть «мужчина-актер». О *сянгу* сохранилось очень мало сведений. В романе драматурга Чжэнь Сэня "Драгоценное зеркало любования цветами» (品花宝鉴) периода правления императора Даогуана династии Цин (1821–1850 гг.) изображена любовная жизнь знаменитостей и мужчин-актеров, исполняющих женские роли. Этот роман явился самым ранним художественным произведением на тему мужской проституции в Китае, описывающим жизнь оперных актеров.

В первые годы Китайской республики Юй Цзюшэн, Тан Синьпэй, Тянь Цзыюнь и некоторые другие известные актеры и актрисы настойчиво требовали отмены системы *сянгу*. 1 мая 1912 г. пекинское правительство издало циркуляр, строго запрещающий *сянгу*. Так завершилась историческая судьба мужчин-актеров, исполняющих

женские роли. В дальнейшем, в 1930 г. статус актеров – «фальшивых женщин» – пережил сильную трансформацию, избавив мужчин-актеров от негативного восприятия обществом. Большую роль в этом сыграл известный китайский актер, исполнитель женских ролей, Мэй Ланфан, который посетил США и получил почетную докторскую степень.

С начала 1950-х гг. женщины-актеры, исполняющие персонажей Пекинской оперы, стали символом социального «прогресса». Такая трансформация театральных ролей имела и негативный аспект: техника исполнения «фальшивых женщин» на сегодняшний день практически утеряна [3, с. 119.]

Таким образом, феномен «фальшивых женщин», возникший как определенный ритуал, стал неотъемлемой частью традиционного китайского театрального искусства на протяжении многих веков.

При этом эти «мужчины-герои» имели, как и все актеры, низкий социальный статус. Ломка социальной структуры Китая в XX веке обусловила изменение в китайском обществе отношения к актерскому мастерству в целом, и к «фальшивым женщинам», в частности. Процесс эмансипации в театральном искусстве, развернувшийся с 1950-х гг., привел не только к ликвидации категории мужчин-актеров исполнителей женских ролей, но также к потере техники исполнения такой традиции китайского театрального искусства, как «фальшивые женщины».

Библиографические ссылки

1. Лю, Хунлинь (刘鸿麟). Взлет и падение мужчины-героя (男旦的兴衰史) / Хунлинь Лю // Китайская пекинская опера (中国京剧). – 2020 г. – №10. – С. 76-83.
2. Вань, Ичэн (万一成). Интерпретация художественного феномена "мужского героя" (对“男旦”这一艺术现象的解读) / Ичэн Вань // Популярная литература и искусство (大众文艺). – 2017г. – №20. – С. 149-151.
3. Чэнь, Вэй (陈伟). Мужской танец Пекинской оперы на грани исчезновения (濒临消失的京剧男旦) / Вэй Чэнь // Звук Желтой реки (黄河之声). – 2017г. – №13. – С. 118-119.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ПОЭМАХ «БЕОВУЛЬФ», «GENESIS A» И «ИСХОД»

И. О. Евтухов

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, Ewtuhov@bsu.by

В статье анализируется восприятие пространства в трех древнеанглийских поэмах: «Беовульф», «Genesis A» и «Исход». Поэзия была важным способом вербальной реализации восприятия пространства. При этом использовались знакомые для аудитории понятия: граница, зал. Указанные понятия, взятые вместе, составляют систему, отражающую восприятие пространства англосаксами. Автор статьи доказывает, что рассмотренные поэмы в качестве начального пункта отсчета существования окружающего пространства признают зафиксированное в Библии творение мира, неотъемлемой частью которого является мир людей, или *middangeard*, противопоставленный миру чудовищ. В статье показано, что составляющие *middangeard* страны имеют систему границ (внешняя и внутренние). Пересечение границ приводит к поэтапной легитимации чужака. В восприятии пространства появляется система центров (залов), связанных не только с людьми, но и с прочими обитателями земных и подземных миров. Во всех трех упомянутых в поэме «Беовульф» залах находятся сокровища. Но если в мире людей сокровища находятся либо в динамике (раздаются в качестве наград, дарятся), либо изымаются (похороны Скильда), в жилище Гренделя и пещере дракона сокровища имеют явно выраженный статичный характер. Более того они прочно привязаны к месту своего нахождения и не могут быть использованы в мире людей, хотя происходят именно оттуда (от древнего меча из сокровищницы Гренделя осталась только рукоятка, клад, добытый в пещере дракона был сожжен в погребальном костре Беовульфа). Система пар: горизонтальная (*heahsele-eorðsele*) и вертикальная (*heahsele-grundsele*), может указывать на равнозначность центральных элементов противоположных пространственных структур.

Ключевые слова: менталитет; раннее средневековье; англосаксы; пространство; древнеанглийские поэмы; «Беовульф»; «Genesis A»; «Исход».

The article analyzes the perception of space in three OE poems: *Beowulf*, *Genesis A* and *Exodus*. According to the author, poetry was an important way of verbal realization of the perception of space. At the same time, the concepts familiar to the audience were used: border, hall. These concepts, taken together, constitute a system that reflects the perception of space by the Anglo-Saxons. The author proves, that the poems as a starting point for the existence of the ambient space recognize Bible records about creation of the world, an inseparable part of which is the human world, or *middangeard*, opposed to the world of

monsters. The article shows that the countries that make up middangeard have a system of borders (external and internal). Crossing borders leads to the gradual legitimation of the alien. In the perception of space, a system of centers (halls) appears, connected not only with people, but also with other inhabitants of the earth and underground worlds. All three halls mentioned in *Beowulf* contain treasures. But if in the world of people the treasures are either dynamic (distributed as rewards, given), or withdrawn (Skild's funeral), in the dwelling of Grendel and the cave of the dragon, the treasures are clearly static. Moreover, they are firmly tied to their location and can not be used in the world of people, although they come from there (from the ancient sword from the treasury of Grendel, only the handle remained, the treasure obtained in the cave of the dragon was burned in the funeral pyre of Beowulf). According to the author, the system of pairs: horizontal (heahsele–eorðsele) and vertical (heahsele–grundsele) can indicate the equivalence of the central elements of opposite spatial structures.

Keywords: mentality; early middle ages; Anglo-Saxons; OE poems; *Beowulf*; *Genesis A*; *Exodus*.

Кодексы с древнеанглийскими поэмами. Cotton Vitellius A XV British Library, ок. 1000. Кодекс пергаментный, состоит из двух частей. Часть коллекции антиквара сэра Роберта Брюса Коттона. Обозначение кодекса указывает на то, что он находился в шкафу с изображением императора Вителлия. Первая часть относится к XII в. и включает в себя «Избранные изречения Августина» в переводе короля Альфреда, «Евангелие от Никомеда», «Соломон и Сатурн», фрагмент из 17 строк, посвященный христианским мученикам. В состав 2-й части кодекса, относящейся к концу 10 в., вошли древнеанглийские переводы: «Житие святого Христофора» (ff. 94–98, без начала), трактат «Чудеса Востока» (ff. 98v–106v) с цветными иллюстрациями, «Послание Александра Аристотелю о чудесах Индии» (ff. 107–131v). За ними следуют поэтические произведения – начинающееся строкой *Hwæt we gardena in geardagum*, более известное как «Беовульф» (ff. 132–201v, два листа, 131 (правильно 147A) и 197 (правильно 189A), перепутаны местами, 3 182 строк) и «Юдифь» (без начала). Первые произведения и строки 1–1935 «Беовульфа» написаны одной рукой. Второй писец добавил 1247 строк «Беовульфа» и поэму «Юдифь». По мнению К. С. Кернана «Беовульф» первоначально был отдельным кодексом [1, р. 146]. После пожара 23 октября 1731 г. обгорели края рукописи, страницы стали осыпаться.

Кодекс оцифрован с высоким разрешением и выложен в интернете (<http://www.bl.uk/manuscripts>).

Junius 11, Bodleian Library, Oxford, ок. 1000. Кодекс пергаментный. В 1651 г. его получил ученый Франциск Юниус от архиепископа Армага Джеймса Ашера. Кодекс находится в прекрасном состоянии. При его переписывании планировалось, что он должен был украсить собой

монастырскую (?) библиотеку, однако первоначальные намерения оказались выполненными не до конца. Первая половина кодекса богато иллюстрирована, во второй же иллюстрации отсутствуют, хотя для них и оставлены пустые места. В 1655 г. Юниус опубликовал кодекс в Амстердаме, чем было положено начало изданию древнеанглийских поэтических памятников. Юниус завещал кодекс Оксфордскому университету, где он хранится в настоящее время (в Бодлеанской библиотеке). Открывает кодекс поэма «Бытие» (Genesis), состоящая из 2936 строк. Строки 235–851 являются очевидной интерполяцией. Соответственно, они обозначаются как «Genesis B» (встречается также название «Грехопадение»), а остальной текст поэмы – «Genesis A» (строки 1–234 и 852–2936). Изложение ветхозаветных сюжетов доходит до жертвоприношения Аврамова.

Продолжают кодекс незавершенные поэмы «Исход» (590 строк) и «Даниил» (764 строки), написанные на соответствующие библейские сюжеты. Заключительные 729 строк кодекса включают в себя поэтическое описание жалоб павших ангелов, сошествия Христа в ад после крестной смерти, возмездие за искушение Христа Сатаной. Данные сюжеты объединены под условным названием «Христос и Сатана» и, возможно, являются одной поэмой.

Кодекс оцифрован с высоким разрешением и выложен в интернете (<https://digital.bodleian.ox.ac.uk/inquire/Discover>).

При работе над статьей поэма «Беовульф» использовалась по изданию Роберта Фалька [2, р. 85–295], поэма «Genesis A» – по изданию в ASPR [3, р. 1–142], поэма «Исход» – по изданию, подготовленному по материалам Джона Рональда Руэла Толкиена [4]. Все переводы с древнеанглийского языка являются авторскими.

Ошибка! Источник ссылки не найден. Время записи поэм остается дискуссионным вопросом, причем разброс предлагаемых датировок весьма широк, от конца VII в. до начала XI в. Из высказанных в последнее время мнений, наибольший интерес научной общественности привлекла концепция профессора Р. Фалька, предложившего свое решение вопроса о хронологической последовательности «больших» англосаксонских поэм. Позиция исследователя основана на анализе практически всего сохранившегося древнеанглийского языкового материала VII–IX вв. (поэзия, проза, надписи, глоссы, законы, хартии, легенды монет). В итоге Роберт Фальк датировал «Беовульф» промежутком между 685–825. Если поэма была создана в Мерсии, то возможна дата до 725 г., если поэма была создана в Нортумбрии, то возможна дата до 825 г.

Поэмы «Genesis A» и «Исход» относятся, соответственно, к IX веку

[5, p. 390–392].

Историография. Исследование «Беовульфа» имеет весьма долгую историю. Отдельные публикации, особенно из числа вышедших в последние два десятилетия, затрагивают проблемы, связанные с восприятием пространства.

Маргарет Геллинг в статье «Ланшафт в Беовульфе» рассмотрела древнеанглийские обозначения отдельных элементов ландшафта. Признавая, что последний в поэме является выдуманным конструктом (a *fantasy construct*), исследовательница, тем не менее считает неслучайным использование тех или иных терминов для обозначения отдельных элементов: холмов, долин, родников [6, p. 7]. Стефан Юрански в статье «Беовульф 73: “общественная земля”, германский эгалитаризм и филология XIX века» подробно рассматривает историографию имеющего прямое отношение к восприятию пространства термина *folcscare* [7]. Вопрос о престоле конунга (*gifstol*) и его роли проанализировал Мюррей МакГилливрэй в статье «Что это за место престол Хротгара?» [8]. Стюарт Элден рассмотрел три значимых для сюжета поэмы локации: места сражений с Гренделем, его матерью и драконом в статье «Символика места и земельная политика» [9].

Вопрос об отражении пространства в поэмах «Genesis A» и «Исход» в исследовательской литературе не затрагивался. По-крайней мере в специально посвященном сборнике статей из кодекса Junis 11 [10] эта проблематика никак не обозначена.

Постановка проблемы и исследовательская гипотеза. Образ мира играет важную роль для понимания жизни общества. Современные англичане живут приблизительно в тех же природных условиях, что и их далекие предки англосаксы, но воспринимают окружающую природу совершенно иначе. Одним из способов вербального воплощения восприятия окружающего пространства была поэзия. При этом использовались знакомые для аудитории понятия: граница, зал. Указанные понятия, взятые вместе, составляют систему, отражающую восприятие пространства англосаксами.

Методы анализа. В статье использованы следующие методы исследования: *кластеризация* (формирование кластера вербальных реализаций концепта пространство: локуса *middangeard* и его составных частей) и *историко-семантический анализ* объектов, включенных в кластер (граница, зал).

Создание мира. Самое общее представление про образ мира дает песня скопа о его творении, сохранившаяся в составе «Беовульфа»:

«...всемогущий землю создал, прекрасносияющую долину, которую вода окружает, создал торжествующий солнца и луны свет, чтобы

светить жителям Земли, и украсил Земли поверхность ветвями и листьями; жизнь также создал рода каждого, который, живой, движется» (ст. 92–98).

В строке 93 автор определяет землю как окруженную водой долину, частью которой является созданный для жителей земли (*landbuendum*) мир обитаемый. Следует особо отметить, что жители земли не отождествляются с людьми. Люди, точнее род людской, определяется в «Беовульфе» термином *mancunne* (ст. 110). Им противостоит род чудовищ, представитель которого «правитель болот = *se þe môras heóld*» (ст. 103) Грендель, вступает в конфликт с людьми. Он пришел из края, где живет род водяных чудовищ (*fifelcynnes eard*) (ст. 104). Там же обитали отделенные после братоубийства Каина от рода человеческого великаны (*eotenas*), эльфы (*ylfe*), орки (*orcneas*), восставшие против бога гиганты (*gi[ga]*****) (ст. 112–113).

Такие существа как ётуны и орки хорошо известны по скандинавской средневековой литературе, противопоставляющей мир людей и мир чудовищ. Наличие эльфов осложняет картину тем, что в более поздней англосаксонской традиции они не выступали в качестве отрицательных персонажей, что видно из составных имен: Эльф-рик (известный проповедник X в., автор грамматики древнеанглийского языка), Эльф-ред (король Уэссекса Альфред Великий). По мнению Аларика Холла, посвятившему эльфам в англосаксонской традиции специальную монографию, проблема может быть решена, если эльфов «Беовульфа» позиционировать как языческих богов, противостоящих совместно с библейскими гигантами христианскому миру [11, р. 74]. Данный вариант представляется возможным, но искусственно сконструированным, ибо порядок перечисления обитателей мира чудовищ оснований для такого вывода не дает.

Еще одно описание творения мира содержит «Genesis A», парафраз ветхозаветной книги Бытия.

Начинается дискурс с воздания хвалы богу, который определяется как «глава всех высоких созданий» (*heafod ealra heahgescefta*), «бог всемогущий» (*frea ælmihtig*), «не наступит конца вечному правителю» (*ne nu ende cymþ ecean drihtnes*) (ст. 3b–6a). Далее рассказывается о создании божьим могуществом обширного Небесного царства, предназначенного для обитания ангелов, хранителей душ (*gasta weardum*) (ст. 8b–12a). Тут обитали чистые, не знающие греха и зла ангелы, поющие хвалу Богу (12b–28a). Однако часть ангелов во главе с Сатаной подняла восстание против Бога, поставив себе целью создание трона (*heahsetl*) и собственного царства небесного (*heofena rices*) для северной части (*norðdæle – ds*) неба (ст. 32–34). Восставшие ангелы

потерпели поражение и были низринуты с небес в созданный богом дом страдания (*witehus*) для их ссылки (*wræcna*) (ст. 39), где им суждено находиться в вечной ночи, бедствиях, окруженные огнем и пронзительным холодом, дымом и пламенем (ст. 41b–45a). После изгнанных ангелов остались обширные пустующие владения (ст. 86b–91). Видимо поэтому некоторое время спустя бог решил заселить эти пустующие территории душами людей. Для этой цели он сначала создал землю (*eorðe*), окруженную водой (ст. 99–119). Несколько строками ниже в поэме вновь сообщается о творении земли и неба (*heofon and eorðan*) (ст. 113), обширной земли (*rume land*) (ст. 114), окруженной океаном (*garsecg*) (ст. 117).

Только после этого автор поэмы направляет свое изложение в русло библейского повествования – рассказывает о создании света, отделении света от тьмы, отделении дня от ночи (ст. 119–143). Далее излагаются события второго и третьего дней – создание свода небесного, разделение вод на две части: над небесами и под ними (ст. 143–153), собрание поднебесных вод в моря, суша названа землею (ст. 154–168). После этого в манускрипте следует обширная лакуна, охватывающая не менее одного листа. Автор рассказывает о создании Евы из ребра адамова, благословении Адама и Евы на заселение земли и владение ею (ст. 169–205). И вновь обширная лакуна, после которой приводится описание рая, которое доходит до перечисления четырех рек (ст. 206–234). При этом авторское изложение выходит за библейские рамки. Во 2-й главе книги «Бытие» приводится достаточно лаконичное описание рая: *plantaverat autem Dominus Deus paradisum voluptatis a principio in quo posuit hominem quem formaverat* = И насадил Господь Бог рай желанный с самого начала, в котором поместил человека, которого создал... *et fluvius egrediebatur de loco voluptatis ad inrigandum paradisum qui inde dividitur in quattuor capita.* = Для орошения рая из места желанного выходила река, которая потом разделялась на четыре части» (Быт. 2: 8–10).

В поэме предлагается более детальное описание рая: «Рай лежал приятный и привлекательный (*gâstlic* – духовный), лишенный жадности, изобильный. Яркий блеск освещал, а родники поили эту землю = *Neorxnawong stod gôd and gastlic, gifena gefylled fremum forðweardum. Fægere leohte þæt liðe land lago urnende, wylleburne*» (ст. 208a–212a). Весьма интересно выглядит информация поэмы о четырех райских реках. Сказано, что они вытекают из «этого **нового** рая» (*þam niwan neorxnawonge*) (ст. 217).

После грехопадения Адам и Ева были изгнаны из рая на землю. Новое место обитания прародителей выглядело достаточно комфортным, автор пишет про «украшенный небосвод» (*hyrstedne hrof*), «ширь земных

полей» (*grundwelan ginne*) (ст. 956–957). Ситуация коренным образом изменилась уже во втором поколении людей, представленным сыновьями Адама и Евы Каином и Авелем. Акценты, расставленные в латинском тексте Библии и в поэме не совпадают. Вульгата приводит следующие слова бога, обращенные к братоубийце Каину: «Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле – *cum operatus fueris eam non dabit tibi fructus suos vagus et profugus eris super terram*» (Быт. 4: 12). Поэма дополняет эту угрозу словами: «От тебя свои удовольствия скроет и свое сияние зеленая земля – *forþon heo þe hroðra oftihð, glæmes grene folde*» (ст. 1017–1018).

Предложенная в поэме картина интересна введением термина *middangeard*. В поэме слово встречается семь раз, обозначая: сотворенную землю (ст. 136), место убийства Каином Авеля (ст. 986), место жизни Еноха (ст. 1206), землю, заселенную до потопа (ст. 1244) и после потопа (ст. 1536, 1554). В поэме «Исход» слово *middangeard* встречается четыре раза, обозначая место обитания людей (ст. 2, 48, 286, 541) без какой-либо связи с процессом творения. Созданный мир обозначен словом *woruld*: «*hu þas woruld worhte witig drihten* = как этот мир сделал мудрый господь» (ст. 25).

Т. е. в поэмах, привязанных к библейским сюжетам слово *middangeard* последовательно соотносится с двумя близкими, но несовпадающими семантическими полями: «земля, созданная богом и переданная им людям для расселения» и «местообитание людей».

Middangeard. Выборка информации из поэмы «Беовульф» по термину *middangeard* привела к следующему результату. Слово встречается в тексте 4 раза (ст. 75, 504, 751, 1771), во всех случаях оно обозначает заселенный людьми мир, т. е. обозначает часть пространства, определенного ранее как *landbuendum*. Исходя из этого можно предположить, что название локуса *middangeard* используется в своем прямом значении: *middan* – средний и *geard* – огороженное место (ограда), жилище, т. е. место за оградой, призванной защитить от чудовищ.

Текст «Беовульфа» показывает, что *middangeard* омывает мировой океан *garsecg*, известный в скандинавской традиции под таким же названием. Именно к его пределам была отправлена ладья с телом умершего Скильда Скефинга: «Еще они ему поставил стяг золотой высоко над головой, позволили морю нести, отдали гарсекгу. Их была печальна душа. Грустит душа» (ст. 47–50). Путь в загробный мир мог лежать не только по морю, но и по воздуху: через дым, поднимающийся вверх от погребального костра. Так было совершено погребение брата и

сына Хильдебург и самого Беовульфа.

Страна Хротгара. Уменьшенной моделью локуса *middangeard* выступает входящая в его состав страна Хротгара на границе с дикими необжитыми владениями Гренделя, который «*moras heold fen ond fæsten fifelcynnes eard* = болотами правил, топью и твердыней, **ВОДНЫХ ЧУДОВИЩ СТРАНОЙ**» (ст. 103–104).

Страну ограничивали внешние границы: естественные и установленные в ходе войн с соседями. Самое общее представление о границах можно составить при помощи поэмы «Исход», автор которой сообщает, что при выходе из Египта Моисей «*oferfor ... mid þy folce fæstena worn* = прошел ... с народом **укрепления** многие» (ст. 56), «*fela meoringa, fyrde gelædde* = (через) многие препятствия войско провел» (ст. 62). Обращает на себя внимание слова *fæsten* («укрепленное место, пригодное для отражения нападения» [12, Suppl., p. 201]).

Относительно топографии страны Хротгара можно сказать немного. Находится она на морском берегу и имеет хорошо налаженные связи с землей геатов. Когда Беовульф со своим отрядом собрался отправиться к нему на помощь, то неназванный по имени «опытный в море человек» (*lagucræftig mon*) показал береговую линию (*landgemyrcu*) (ст. 209). Очевидно, что речь в данном случае может идти о каботажном плавании, причем информация о маршруте (береговой линии) хранится в исходном пункте. Фиксироваться информация может как в вербальной или знаковой форме, так и в их сочетании. Путь под парусом занял менее двух дней (ст. 217–219). Первое, что бросилось прибывшим воинам в глаза это «*brimclifu blican, beorgas steape, side sænæssas* = морские утесы яркие, горы высокие, широкий мыс у берега» (ст. 222–223).

Как показали дальнейшие события границу страны охраняли не только естественные преграды, но и возведенные людьми. Рядом с местами, удобными для высадки, на некотором расстоянии от них и на возвышении устанавливались укрепленные стенами посты стражи, среди которой был старший в отряде и его подчиненные – «юные тэны» (возможно, более молодые по возрасту дружинники). Из текста поэмы (строки 229–319) видно, что при прибытии чужеземцев старший стражник в отряде испытал любопытство, а не враждебность, так как создававшаяся ситуация (высадка на берег вооруженного отряда) прямой угрозы не представляла, но потенциально могла быть опасной. Цель стражника – выяснить ситуацию и оценить степень угрозы. Он прискакал к прибывшим, потрясая при этом копьём. Копье – наступательное оружие, так что этот жест можно расценить как предупреждающий, демонстрирующий серьезность намерений.

Приблизившись к отряду, стражник задает «обязательный вопрос»

(*meþelword*). Данный композит основан на слове *meþel*, которое встречается в поэме три раза или отдельно, или в составе других композитов и переводится как «гордые в совете», «место собраний», «официальное слово», то есть везде обозначается действия официального характера.

Вопрос структурно распадался на две части. В первой из них стражник очерчивает свои функции и обязанности: охрана морской границы от потенциальной угрозы (попытка врагов с флотом навредить стране или без разрешения пробраться в нее). Во второй части стражник интересуется происхождением пришельцев. Для того, чтобы попасть в страну данов, им необходимо либо иметь пароль, либо «согласие родичей в стране данов», либо провести самопрезентацию, рассказать о цели прибытия и доказать свою неопасность.

При ответе прибывший Беовульф определяет себя по цепочке: род (людей) – народ (геатов) – господин (отряд Хигелака) – отец (Эггтеов, описывает его доблесть и известность, и через это показывает свою неопасность для данов). После ответа стражник разрешает дружине взять оружие и показывает дорогу. Из этого следует прибывшие признаны неопасными для данов.

Таким образом можно прийти к выводу, что охрана внешней границы страны сопряжена с исполнением стражником ряда функций и реализацией полномочий. К функциям относятся: 1) оценка ситуации на предмет ее опасности для охраняемой им территории, 2) проведение первого уровня легитимации прибывших: Беовульф и его спутники были признаны отрядом (т. е. группой воинов с предводителем). К полномочиям – право на предоставление прибывшим возможности свободного продвижения вглубь страны.

Холл. Материал поэмы «Genesis A» показывает, что центральной постройкой поселения должен быть зал (холл). Излагая перипетии жизненного пути библейского патриарха Аврама, автор поэмы в целом ряде случаев дополняет библейскую информацию, чтобы прояснить тот или иной образ для англосаксонской аудитории, и потому использует понятную данной аудитории лексику.

Первый пример: описание Египта. В тексте Библии оно просто отсутствует. Тут говорится более чем лаконично: «Когда же он приближался к Египту, то сказал Саре, жене своей» (Быт. 12: 11). Автор поэмы сообщает, что Аврам увидел «*hornsele hwite and heabyrig beorhte blican* = залы (украшенные) рогами прекрасные и высокие бурги яркие сияющие» (ст. 1821–1822). В данном случае использованы вполне узнаваемые англосаксонские термины *horn-sele* и *heah-burh*, правда, во множественном числе. Говоря о возвращении Аврама из Египта, Библия

сообщает: «И продолжал он переходы свои от юга до Вефиля, до места, где прежде был шатер его между Вефилом и между Гаем, до места жертвенника, который он сделал там в начале; и там призвал Аврам имя Господа» (Быт. 13: 3–4). В поэме же предлагается несколько иная картина, дающая общее представление о топографии формирующегося англосаксонского поселения: «Затем они начали строить здесь и свой бург возводить (*heora burh ræran*) и дома устанавливать (*sele settan*) и восстанавливать залы (*salo niwian*). Люди установили алтарь (*wibed setton*) недалеко от того, который Аврам ранее посвятил своему господу, когда он пришел на Запад (*þa westan com*)» (ст. 1880–1884).

Аналогичная ситуация присутствует при описании переселения Аврама, получившего новое имя, Авраам, в Вирсавию. Книга Бытие сообщает: «И насадил [Авраам] при Вирсавии рощу и призвал там имя Господа, Бога вечного. И жил Авраам в земле Филистимской, как странник, дни многие (Быт. 21: 33–34). Англосаксонский рассказчик вновь детализирует картину: «Там этот святой высокий вознес ввысь (*heah steapreced*) бург (*burh*), и вырастил рощу, воздвиг алтарь (*weobedd worhte*) и на священном камне жертву посвятил (*on þam glædstede gild onsægde*)» (ст. 2840–2844).

В стране Хротгара к центральному поселению вела мощенная камнем дорога (ст. 320), которая маркировала находящиеся на ней объекты как неопасные для местных жителей. В конце пути перед отрядом открылось величественное зрелище зала, который был «украшен и покрыт золотом = *geatolic ond goldfah*» (ст. 308), «сверкал этот луч света над землями многими = *lixte se leoma ofer landa fela*» (ст. 311). Это был Хеорот, построенный Хротгаром для своей дружины. Праобразом Хеорота выступает открытая археологом Брайоном Хоп-Тайлером в ходе раскопок 1953–57 и 1961–62 гг. королевская резиденция в Иверинге, относящаяся к VII в. [13].

Здесь Беовульф пересек еще одну границу. На этот раз межзональную. После того как воины положили свои щиты и копья на скамью, к ним с вопросами (*oretmeccas*) обратился Вульфгар.

Как и в случае со стражником на берегу обращение можно поделить на две части: самопрезентацию (озвучивание своего имени и функций – «посланник и слуга Хротгара» (*ar ond ombiht*), и вопросы к пришельцам: откуда они и какова цель их прибытия. При этом он также называет возможные варианты этих целей: «для гордости и отваги» или «для изгнания». Функция идентификации пришельцев сохраняется, но меняются вопросы. Нужно выяснить не степень опасности, а конкретную цель их прибытия.

В центре (?) Хеорота находился престол (*gifstol*), с которым связано

одно из так называемых «темных мест» поэмы. Речь идет о строках 168–169: *no he þone gifstol gretan moste, // maþðum for Metode, ne his myne wisse.*

Перевод В. Г. Тихомирова: «...только места высокого, освященного Богом, не касался поганый, не смел осквернять трона кольцедарителя» [14, с. 37]. Следует отметить, что, введя отсутствующее в тексте поэмы слово «поганый», В. Г. Тихомиров перенес акцент на Гренделя и тем самым исказил источник. Примечание к этим строкам поддерживает сделанный акцент: «В подлиннике эти строки плохо понятны и, может быть, речь идет не о троне конунга, а о Божьем престоле и о том, что милость Господня не была дана Гренделю, или о том, что, хотя Грендель и проводил ночи в зале, он не стал ближе к трону, т. е. не разделил судьбы остальных ратников Хродгара, или о том, что Хродгар не смел подойти к своему трону» [14, с. 636].

Подстрочный перевод указанных строк: «он не мог ни приблизиться к трону, украшенному Творцом, ни насладиться им», допускает четыре интерпретации: 1) Хротгар не мог приблизиться к трону и насладиться им; 2) Хротгар не мог приблизиться к трону и насладиться Творцом; 3) Грендель не мог приблизиться к трону и насладиться им; 4) Грендель не мог приблизиться к трону и насладиться Творцом. Каждый из вариантов не противоречит правилам грамматики и является равно доказуемым.

Автор статьи поддерживает первый вариант интерпретации с опорой на следующее наблюдение: Хротгар сохранил **частичный** контроль над Хеоротом, что **уменьшало** его достоинство правителя и воина, являясь тяжелым позором (*heardra hynða*) (ст. 166). Возникшее противоречие могло быть решено только военным путем. При этом Беовульф, прибывший на помощь к Хротгару, должен был получить официальный статус защитника Хеорота. В противном случае поединок с Гренделем смысла не имел. В результате Хротгар торжественно передал Беовульфу контроль над Хеоротом ровно на одну ночь: «Никогда я никому ранее (не) доверял с тех пор как я руку и щит поднять мог величественное здание данов кроме тебя ныне. Имей ныне и храни дом лучший. Помни (о) славе. Храбрость покажи. Стереги против врага» (ст. 655–660). По мнению Давида Дэя вместе с контролем над Хеоротом Беовульф также получил функцию коннунга [15, р. 324].

Частью Хеорота является зал (*sele*) *heah ond horngeap* (= высокий и имеющий большое расстояние между коньками, т. е. длинный) (ст. 81–82). С залом, видимо, соседствует дом (*husa*) (ст. 146), с местами отдыха (*ræste*) для воинов. Вместимость места отдыха не менее 30 кроватей – именно столько воинов унес Грендель во время своего первого ночного визита в Хеорот (ст. 122–123). На то, что места отдыха находились на

некотором расстоянии от зала можно указывают следующие строки поэмы: «Шли многие люди сильные разумом в зал высокий, удивительное чудо (т. е. оторванную Беовульфом руку Гренделя) увидеть. Также сам конунг из супружеской спальни, сокровищ хранитель, вышел славный с отрядом большим лучшим известным. И его супруга с ним путь в медовый холл держала (с) прислужниц сонмом» (ст. 918–924).

Основным предназначением древнеанглийского холла было проведение пиров дружины конунга. Именно это показывает включенный в состав «Беовульфа» фрагмент (часть песни скопа), известный как «Финнсбургский эпизод». После стычки между племенем данов и фризов предводитель данов Хнэф был убит. После этого был заключен договор победителя с побежденной дружиной: дружина переходила Финну, но получала себе свой собственный холл и такие же дары, которые будет получать фризская дружина Финна (ст. 1091–1094).

Земля Гренделя. Описание находящегося неподалеку от Хеорота местообитания Гренделя и его матери в поэме содержит следующую информацию.

Во-первых, жилище определяется при помощи слова *nidsele* (либо враждебный зал, либо зал для битвы). Вторая часть композита указывает на то, что Грендель являлся правителем территории, первая часть композита маркирует его враждебность по отношению к Беовульфу.

Второе определение жилища Гренделя – *hrofsele* (зал под кровлей). Т. е. зал Гренделя сближается с Хеаротом, в результате чего намечается пара *heahsele–hrofsele*, маркирующая возможную равнозначность элементов. Аргументом в пользу равнозначности служат строки: «*fyrleoht geseah, blacne leoman beorhte scīnan* = пламени увидел яркий свет лучистое сияние» (ст. 1517b–1518), указывающие на то, что жилище Гренделя отнюдь не было темной заброшенной лачугой. Залы Хротгара и Гренделя в пространстве размещены симметрично по отношению друг к другу. Правда, это выявляется несколько позднее: в рассказе о своем подвиге вернувшийся на родину Беовульф употребляет термин *grundsele* = зал внизу, на дне (ст. 2140). В результате мы получаем аргумент в пользу равнозначности залов: *heahsele–grundsele* (зал-вверху – зал-внизу).

Очертания локуса *middangeard*, в рамках которого разворачивается действие поэмы «Беовульф», становятся более четкими. Каждая деталь находит свое место. Горизонтальный срез пространства имеет вид, который можно условно представить в виде двух концентрических кругов. Самый большой из них (*land, folde*) охватывает всю землю и окружен океаном, следующий (*landbuendum*) охватывает обитаемый мир.

Последний является совокупностью отдельных созданных людьми государств (геатов, данов), земель великанов и подводных (подземных) областей, заселенных чудовищами (Грендель и его мать, дракон). Центром каждой из территорий является пиршественный зал. Последний вывод сделан на основе информации о зале, в котором обитал Грендель. Но как складывается ситуация с драконом из завершающей части поэмы? Вполне ожидаемо его жилище (пещера) в поэме трижды определена через образ зала – *eorðsele* (ст. 2232, 2410, 2515).

Выводы.

1. Рассмотренные поэмы в качестве начального пункта отсчета существования окружающего пространства признают зафиксированное в Библии творение мира, неотъемлемой частью которого является мир людей, или *middangeard*, противопоставленный миру чудовищ.

2. Составляющие *middangeard* страны имеют **систему границ** (внешняя и внутренние). «Исход» указывает на приграничные укрепления. Пересечение границ приводит к поэтапной легитимации пришельца, в «Беовульфе» этот процесс прослеживается на примере отряда геатов во главе с главным героем.

3. В восприятии пространства появляется **система центров (залов)**, связанных не только с людьми, но и с прочими обитателями земных и подземных миров. Во всех трех упомянутых в поэме залах находятся сокровища. Но если в мире людей сокровища находятся либо в динамике (раздаются в качестве наград, дарятся), либо изымаются (похороны Скильда), в жилище Гренделя и пещере дракона сокровища имеют явно выраженный статичный характер. Более того они прочно привязаны к месту своего нахождения и не могут быть использованы в мире людей, хотя происходят именно оттуда (от древнего меча из сокровищницы Гренделя осталась только рукоятка, клад, добытый в пещере дракона был сожжен в погребальном костре Беовульфа).

4. Вертикальная связь залов Хротгара и Гренделя (*heahsele–grundsele*) может указывать на равнозначность центральных элементов противоположных пространственных структур, на некую симметрию. Сказать по этому поводу что-либо более детальное пока не представляется возможным.

Библиографические ссылки

1. Kiernan, K. S. *Beowulf and the Beowulf Manuscript* / K. S. Kiernan. – Detroit: UMP, 1997 – 360 p.

2. Fulk, R. D. *The Beowulf Manuscript: Complete Texts and the Fight at Finnsburg* / R. D. Fulk. – Harvard University Press, 2010. – 374 p.

3. The Junius Manuscript. The Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. 1. – N. Y.: Columbia University Press, 1931. – lviii, 247 p.
4. Tolkien, J. R. R. The Old English Exodus / J. R. R. Tolkien. – Oxford: Clarendon Press, 1982. – 85 p.
5. Fulk, R. D. A History of Old English Meter / R. D. Fulk. – Philadelphia, 1992. – 457 p.
6. Gelling, M. The landscape of Beowulf / M. Gelling // Anglo-Saxon England, 2002. – Vol. 31. – P. 7–11.
7. Jurasinski, St. Beowulf 73: “Public Land”, Germanic Egalitarianism, and Nineteenth-Century Philology / St. Jurasinski // The Journal of English and Germanic Philology, 2004. – Vol. 103. № 3. – P. 323–340.
8. McGillivray, M. What Kind of a Seat is Hrothgar’s gifstol? / M. McGillivray // Studies in Philology, 2008. – Vol. 105. № 3. – P. 265–283.
9. Elden, St. Place symbolism and land politics in Beowulf / St. Elden // Cultural Geographies, 2009. – Vol. – 16. P. 447–463.
10. The Poems of Ms Junius 11. Basic Reading. – N. Y.; L.: Routledge, 2002. – 328 p.
11. Hall, A. Elves in Anglo-Saxon England: Matters of Belief, Health, gender and identity / A. Hall. – Woodbridge: The Boydell Press, 2007. – 226 p.
12. An Anglo-Saxon Dictionary: Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth, D.D., F.R.S. – Oxford, 1898 – xii, 1302 p.
13. Yeavinger: An Anglo-British Centre of Early Northumbria. – English Heritage, 2010. – 276 p.
14. Беовульф / Пер. В. Г. Тихомирова // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: «Художественная литература», 1975. – С. 27–180; 631–659.
15. Day, D. D. Hands across the Hall. The Legalities of Beowulf's Fight with Grendel / D. D. Day // The Journal of English and Germanic Philology. – 1999. – Vol. 98, No. 3. – P. 313–324.

ГОРОДСКИЕ ЧАСТНЫЕ ЭЛИТНЫЕ РЕЗИДЕНЦИИ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО КИПРА

Н.Н. Болгов¹⁾, А.М. Болгова²⁾

¹⁾Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015, Белгород, Россия, bolgov@bsu.edu.ru

²⁾Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015, Белгород, Россия, bolgova@bsu.edu.ru

В работе предпринимается попытка выделить категорию городских частных элитных резиденций ранневизантийского Кипра на примере Пафоса и Куриона. Эти резиденции были известны и ранее. Но здесь они впервые интерпретируются как материальное отражение исторического процесса элитаризации муниципального строя города и проникновения в него внешних могущественных людей, связанных с центральным или провинциальным управлением, а также церковью. Именно им и могли принадлежать подобные резиденции. В свою очередь, появление таких резиденций было частью процесса византинизации позднеантичного города в Восточном Средиземноморье. Городские элитные резиденции богато украшены мозаиками на полах, что было призвано репрезентировать богатство и культурный уровень хозяина, а также сложные культурно-идеологические смыслы переходной эпохи. Точных аналогов кипрским памятникам мало, они известны лишь в Сагалассе, Афродисии и Гиераполе Фригийском.

Ключевые слова: Ранняя Византия; Кипр; византинизация; город; элита; резиденция; мозаика.

The work attempts to highlight the category of urban private elite residences of early Byzantine Cyprus using the examples of Paphos and Kourion. These residences were known earlier. But here they are interpreted for the first time as a material reflection of the historical process of elitism of the municipal system of the city and the penetration into it of external powerful people associated with the central or provincial government, as well as the church. It was they who could have owned such residences. In turn, the appearance of such residences was part of the process of Byzantinization of the late antique city in the Eastern Mediterranean. The city's elite residences are richly decorated with mosaics on the floors, which was intended to represent the wealth and cultural level of the owner, as well as the complex cultural and ideological meanings of the transitional era. There are few exact analogues to.

Keywords: Early Byzantium; Cyprus; Byzantinization; city; elite; residence; mosaic.

Отличительная особенность позднеантичного (ранневизантийского) Кипра состоит в наличии в нем ряда крупных городских усадеб – частных резиденций с сохранившимися мозаичными комплексами.

Большая часть из них открыта в Пафосе и Курионе. Пафос – столица провинции (совпадавшей с островом), поэтому наличие таких резиденций на нем вполне объяснимо [1, р. 3]. Но Курион (Курий) – лишь один из 10–12 кипрских городов регионального значения. Поэтому наличие там таких комплексов весьма показательно.

Часть из них восходит еще к «эре благоденствия» в Римской империи – II–III вв. Но большая часть относится к ранневизантийскому периоду IV–VI вв. Их характерная особенность на Кипре – обилие мозаичных полов, образующих как декоративные композиции, так и смысловые программы. Это позволяет сделать важные заключения не только социально-экономического, но и культурно-идеологического плана.

Подобные кипрским городские усадьбы являются материальным отражением процесса элитаризации муниципального строя городов Ранней Византии. Такие резиденции могли позволить себе поддерживать могущественные граждане, потомки городской элиты II–III вв., но для вновь построенных с IV в. более вероятно – «новая знать», связанная с имперской или провинциальной администрацией, а также могущественные магнаты, «отставники» государственной и военной службы, которые могли поселиться на муниципальной земле (хоре) города. Такой процесс в данное время достаточно активно шел.

В империи, скорее всего, это были резиденции членов относительно недавно появившейся в городе суперэлиты, состоящей из принципалов, *honorati*, а также епископов. Превосходя старых куриалов по власти и богатству, они использовали свои частные дома, а не общественные здания, для демонстрации своего положения в обществе. Дворцовые черты усадьбы были усилены роскошными декоративными элементами, такими как мозаичные полы, настенные росписи и скульптуры. Тщательно подобранные декоративные программы подчеркивали образование и уровень культуры владельца дома. В то время как члены городского совета и муниципальные магистраты по-прежнему несли весьма обременительные финансовые обязанности своей должности, члены этого нового высшего слоя получили освобождение от налогов, служба в администрации провинции, приобретая крупные (эксимированные) земельные владения за пределами своих родных городов.

Пафос. Одной из первых известных городских усадеб на Кипре был *Дом Диониса* в Пафосе [2, с. 3]. Это была частная городская усадьба, вероятно, принадлежавшая очень состоятельному гражданину. Она датируется 2-й пол. II в. и получила название из-за частого изображения бога на мозаичных полах. Раскопки дома начались в 1962 г. Общая

площадь комплекса составляет 2000 кв. м., из них площадь мозаик 556 кв. м. Основной вход в помещение был на юго-западе. Всего в комплексе 34 комнаты. Большой зал с мозаикой сцен сбора урожая имеет центральную панель «Триумф Диониса» [1, р. 11–45; 3, р. 38–47]. Вилла функционировала до IV столетия. В заключительный период ее истории она должна была принадлежать представителю элиты провинции или города, сохранявшему традиционное язычество.

Дом Орфея – ещё одно здание городской усадьбы, руины которого находятся ближе к морю (юго-запад городища), в плане напоминает дом Диониса: небольшой атриум окружён множеством комнат [1, р. 46–52]. Комплекс, открытый ещё в 1940-х гг., был построен в конце II в. Системные археологические раскопки объекта были начаты в 1982 г. В северной части открыты термы и гостиные. Полы большей части комнат были земляными, лишь три комнаты в северной части дома были украшены напольными мозаиками. На самой большой из мозаик, по которой дом получил своё название, изображён играющий на лире Орфей; его окружают дикие животные, зачарованные музыкой. В верхней части мозаики греческими буквами выложено имя владельца дома, Тита Гая Пинния Ресститута. Усадьба продолжала использоваться и в IV в.

Дом Тесея [1, р. 52–63; 4, р. 228–243] был, скорее всего, и частной усадьбой, и резиденцией римского губернатора провинции Кипр. Он был назван в честь мозаики с изображением Тесея, убивающего Минотавра, которая была найдена в доме и датируется IV в. Дом расположен недалеко от гавани (в 260 м) и в 100 м к югу от дома Диониса. Главный вход находится на востоке, а главная комната – в южном крыле вместе с банями Ахилла, которые датируются V в. Большинство мозаик в целом относятся к концу III – V вв. Общая площадь – 1400 кв. м. Раскопки начались в 1965 г. польской экспедицией. Комплекс существовал до начала VII в., когда был занят новыми поселенцами, разбившими его на ряд отдельных жилищ в хозяйственных целях [5, р. 258–259]. Такое явление характерно в целом для ранневизантийского города в процессе его медиевализации. В плане комплекс делится на 4 крыла и 93 помещения. Из мозаик наиболее важны мозаика Тесея (пом. 36), Посейдона (76), Ахилла (39–40) [3, р. 48–51].

Также важны и выразительны статуи, открытые в комплексе. Скульптурный ансамбль Виллы Тесея включает в себя статуи хтонических божеств с сильным чувством тайны, инициации и искупления. Значение этих статуй вряд ли было религиозно нейтральным. Их присутствие на вилле Тесея является намеком на сохранившееся язычество высшего класса на раннехристианском Кипре.

Если понимание классической традиции в VI в. применимо и к скульптурному ансамблю, то статуи, вероятно, были убраны, когда элитарные владельцы здания отказались от них [4, р. 235].

Напротив дома Тесея находятся руины *дома Айона (Эона)* [1, р. 63–71; 3, р. 52–55]. Раскопки здесь начались в 1983 г. польской экспедицией. Большая часть комнат была украшена напольными мозаиками с простым геометрическим узором. Лишь в центральной комнате дома, служившей столовой и гостиной, была размещена мозаика с мифологическими сюжетами, датированная 2-й пол. IV в. Стены дома были украшены фресками. Дом назван по центральному изображению Эона – бога вечности. Мозаика из Дома Эона исключительна по своей форме и иконографической программе, поскольку ее создание тесно связано с полемикой между язычниками и христианами на тему человеческой жизни и судьбы души после смерти [7, р. 421–438]. Это аллегореза благочестивой языческой человеческой жизни и, возможно, здесь имеет место латентная антихристианская полемика [6, р. 207–239]. Ухудшение положения языческой веры и разочарование в ней элиты города привели к тому, что созданные в то время изображения приобрели новый, скрытый смысл. Мозаика из Дома Эона была заказана богатым язычником, который гордился своей культурой и языческим миром, к которому принадлежал. Он был представителем высшего слоя общества, с высшим философским образованием.

Курион также имеет несколько крупных сохранившихся городских резиденций.

Дом Ахилла расположен на северо-западной окраине акрополя. В древности он располагался за стенами недалеко от предполагаемого места Пафосских ворот. Дом Ахилла с его открытым внутренним двором, окруженным комнатами с обеих сторон и портиком с колоннами на северо-востоке, датируется примерно 1-й половиной IV в. Он был истолкован как общественный зал приемов для имперских и провинциальных сановников. Его точная функция остается неизвестной. Помещения расположены вокруг центрального двора перистилия, его северо-восточный портик имеет мозаичный пол. Самая важная из этих мозаик изображает узнавание Ахилла Одиссеем при дворе Ликомеда Скиросского, когда его мать, Фетида, спрятала его там среди женщин, чтобы его не отправили на войну против троянцев. Здание было разрушено в результате землетрясений IV в., вероятно, землетрясения 365/370 г.

Дом гладиаторов расположен к югу и востоку от Дома Ахилла. Этот дом датируется 2-й половиной или концом III в. Дом был расположен в непосредственной близости от городской стены к востоку

от Дома Ахилла. Строение интерпретировалось как элитная частная резиденция или, что более вероятно, как общественная палестра. Вторая интерпретация подтверждается отсутствием многих комнат, подходящих для жилых помещений. Главное крыло сооружения расположено вокруг центрального двора перистилия. Северный и восточный портик атриума содержат две панели, изображающие гладиаторов в бою; это единственные подобные мозаики на Кипре. Дом не избежал разрушительного землетрясения 365 г.

Дом Евстолия, расположенный на гребне южных скал прямо над театром, в восточной части городища, был построен в конце IV в. на остатках строения, разрушенного в середине IV в. Таким образом, это пример городской элитной резиденции уже после христианизации Кипра. Он расположен к северо-востоку от театрального комплекса и в своем нынешнем виде, вероятно, был возведен после разрушения театра.

В первые годы V в., вскоре после завершения строительства дома, вдоль северной стороны дома был построен банный комплекс из более чем 30 комнат [8, с. 145–146]. В комплекс входили с запада, посетитель проходил в прямоугольный двор. Приветственная надпись в вестибюле за передним двором гласит: «Войдите на счастье дома». Помещения располагались к северу и югу от этого переднего двора и вестибула, в том числе двор-перистиль на юге в его восточной части. Южный перистиль был устроен вокруг центрального бассейна и является центральным элементом дома, его портики украшены искусной мозаикой.

Мозаичная надпись на восточном портике идентифицирует здание как дом Евстолия, который построил это сооружение, чтобы облегчить страдания населения Куриона, предположительно из-за серии землетрясений середины-конца IV в. Надпись определяет Евстолия как христианина и упоминает «почитаемые символы Христа». Сопутствующая иконография включает фигурные изображения рыб и птиц (серого гуся, цесарки, сокола, куропатки и фазана). Имя Евстолия не встречается в иных источниках [9, р. 18–23]. Банный комплекс устроен вокруг центрального прямоугольного зала и включает фригидарий с предбанником, тепидарий и кальдарий. Фригидарий вымощен мозаикой, изображающей олицетворение Ктисис (Творения) в виде женской фигуры, держащей линейку архитектора. Комплекс использовался до его разрушения в середине VII в. Дом, вероятно, первоначально был построен как частная элитная резиденция, но в начале V в. его часть была преобразована в общедоступную купальню.

Комплекс Евстолия в Курионе переносит нас в мир сложных богословско-философских идей и практик. Мозаики иллюстрируют

богатство предметов и богословских концепций Кипра поздней античности. Мозаики дома Евстолия вызвали вопросы о том, является ли он христианским комплексом, языческим или чем-то иным. Раскопки дома Евстолия проводились в 1935 г., а затем с 1948 по 1950 г. (полностью не опубликованы).

В комплексе Евстолия сохранилось шесть надписей на мозаиках, одна из которых фрагментарна и не подлежит какой-либо реконструкции. Остальные пять мозаичных надписей говорят о пространстве комплекса Евстолия. Они предписывают, как грамотному зрителю воспринимать пространство, предоставляя своего рода беглый комментарий и стремясь убедить зрителя-читателя рассмотреть идентичность здания и свою идентичность внутри него [8, с. 147].

Первая довольно неповрежденная мозаика с черными буквами в красном, коричневом и сером венке приветствовала посетителя, когда он / она входил. Она гласит: «Войдите на счастье дома».

Вторая мозаика, найденная в северной комнате с апсидой (фригидарии терм), к востоку от тепидария и кальдария, содержит слово Κτίσις, которое окружает голову женской фигуры в медальоне. Она смотрит направо, глядя на инструмент архитектора, вероятно, римский фут. Κτίσις комплекса Евстолия должна относиться к основанию самого комплекса. Мозаичная программа в целом может относиться и к Божьему творению. Это изображение Κτίσις своим олицетворением «творения» возвеличивает роль благодетеля, основавшего комплекс. Аналогии такому изображению есть в Антиохии и Кирене.

Третья надпись носит основной мировоззренческий смысл и находится в восточном портике. В ней упоминаются Евстолий, Феб (Аполлон) и Христос одновременно: «Евстолий, увидев, что курионцы, прежде очень богатые, пребывают ныне в крайней нищете, не забыл города своих предков, но, подарив бани городу, он тогда позаботился о Курионе, как некогда Феб [Аполлон], и построил это прохладное убежище, защищенное от ветра», которое «опоясалось почитаемыми символами Христа» [8, с. 148]. Четвертая мозаичная надпись, разрушенная в центре, находится у входа в южные помещения пристройки в восточной части раскопанного комплекса. В целом мозаичные надписи V века иллюстрируют довольно странную двойственность для такой поздней даты. Возвращение эвергета (благодетеля) Евстолия в его родной Курион, вызванное его бывшим покровителем – Аполлоном, сочетается с христианским благочестием, обозначенным символами Христа [9, р. 23]. Это демонстрация атмосферы терпимости, которая наводит на мысль о постепенном переходе от язычества к христианству, а, возможно, и некоего двоеверия.

Насколько нам известно, таких элитных частных городских комплексов с мозаиками на большинстве известных памятников Малой Азии, Сирии, Палестины – немного. Ближайшие аналогии кипрским представляют лишь Дом дорического двора в Гиераполе Фригийском (Памуккале), Дом Северного Теменоса в Афродисиаде (Кария) и городской особняк («дворец») в Сагалассе (Писидия).

Учитывая все это, кипрские городские усадьбы являются если не уникальным, то весьма важным материальным памятником происходивших в позднеантичном городе изменений в процессе византинизации города в Восточном Средиземноморье [10, с. 10–15].

Библиографические ссылки

1. *Daszewski W.A., Michaelides D.* Guide to the Pathos mosaics. Nicosia: Bank of Cyprus Cultural Foundation, 2009.
2. *Элиадис Г.С.* Вилла Диониса. Вилла мозаик в Новом Пафосе. Пафос, [б.г.].
3. *Christodoulides Ch.* Paphos: history – archaeology – mythology. Nicosia, 2010.
4. *Panayides, Panayiotis.* Villa of Theseus, Nea Paphos: Reconsidering its Sculptural Collection // *Approaching Cyprus: Proceedings of the Post-Graduate Conference of Cypriot Archaeology (PoCA) held at the University of East Anglia, Norwich, 1st-3rd November 2013* / Eds. Richard Maguire, Jane Chick. Cambridge: SP, 2016. P. 228–243.
5. *Pawlik K.* Stone Artefacts from Late Roman Occupation Phases in Nea Paphos // *Études et Travaux.* XXXI. 2018. P. 235–260.
6. *Olszewski, Marek T.* The iconographic programme of the Cyprus mosaic from the House of Aion reinterpreted as an anti-Christian polemic // *Et in Arcadia Ego. Studia memoriae professoris Thomae Mikocki dicata* / Ed. W. Dobrowolski, T. Płóciennik. Warsaw: Institute of Archaeology, University of Warsaw. Warsaw, 2013. P. 207–239.
7. *Olszewski M.T.* Uwagi na temat mozaiki z Domu Aiona w Nea Paphos (Cypr) [The immortality of the human soul and the Dionysiac mysteries in the 4th century allegory in connection with the interpretation of the mosaic from the ‘House of Aion’ at Paphos in Cyprus] // *Meander.* 9–10. 1987. P. 421–438.
8. *Болгов Н.Н., Болгова А.М. Денисова И.В.* Древний и византийский Кипр. Белгород: Эпицентр, 2023.
9. *Christou D.* Kourion: A Complete Guide to Its Monuments and Local Museum. Nicosia: Filokipros, 1986.
10. *Болгов Н.Н.* Пути византинизации позднеантичного города в Восточном Средиземноморье // *Византия и византийское наследие в Причерноморье и Восточной Европе.* СПб.: Алетейя, 2023. С. 10–15.

ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ СМЕНЫ ВЛАСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ИСЛАМСКОМ МИРЕ НА ПРИМЕРЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ АЙЙУБИДОВ В ЕГИПТЕ

А. А. Филиппов

Белорусский государственный университет культуры и искусств, ул. Рабкоровская, 17, 220007, Минск, Беларусь, , alexfilippov1983@gmail.com

В статье на примере прихода к власти династии Аййубидов рассматривается проблема теории власти в исламском мире. Основной акцент сделан на концепции мульты, основания его получения и передачи. В качестве базового источника выступает хроника Ибн аль-Асира «Аль-Камил фи ат-Та'рих».

Ключевые слова: Египет; Аййубиды; Салах ад-Дин; Ибн аль-Асир.

Based on the example of the Ayyubid dynasty's ascent to power the article considers the issue of the power theory in the Islamic world. The main emphasis is made on the concept of mulk, the grounds for its obtaining, transfer and delivery. The chronicle 'Al-Kāmil fi al-Ta'rikh' by Ibn al-Athir serves as the basic source for the article.

Keywords: Egypt; the Ayyubids; Salah al-Din; Ibn al-Athir.

Проблематика власти и механизмов ее смены в контексте развития исламской политической теории принадлежит к числу слабо изученных аспектов в исламоведении и арабистике. Еще более сложным обстоит вопрос с воззрениями на правильный / желательный vs неправильный / нежелательный процесс смены власти в конкретных регионах исламского мира и в конкретные исторические периоды. Ведь западная историография, во многом следуя одному из течений в развитии исламского политического дискурса, основное внимание уделяет вопросу о характере личности и полномочий имама, практически полностью игнорируя вопросы осуществления власти на более низких уровнях [1].

Основным источником для написания настоящей работы стала хроника историка Изз ад-Дина Ибн аль-Асира (1160-1233) «Аль-Камил фи ат-Та'рих» («Полный свод истории»). Это труд считается одним из важнейших для описания истории мусульманского мира второй половины XII – начала XIII вв. [2, с. 3].

Историческая канва прихода к власти Салах ад-Дина. Не очевидным является вопрос и о том, с какого именно момента следует рассматривать приход к власти Салах ад-Дина. Сама канва событий, приведшая его к трону, хороша известна. В 564 г.х. (1169 г.) полководец

правителя Халеба и Дамаска Нур ад-Дина Махмуда ибн Зенги Асад ад-Дин Ширкух предпринял очередной поход в Египет. Этот поход был организован на фоне вторжения крестоносцев и поступивший от фатимидского халифа аль-Адида просьбы оказать содействие в отражении агрессии.

Как повествует Ибн аль-Асир, одно только появление Асад ад-Дина Ширкуха, дяди Салах ад-Дина, заставило крестоносцев покинуть Египет. После этого Ширкух организовал убийство Шавара, везира халифа аль-Адида, и занял его место: «А Асад ад-Дин направился во дворец аль-Адида, и тот даровал ему одеяние везирства, дал прозвище малик аль-Мансур, эмир армий» [3, с. 15]. Вскоре после своего триумфа, когда, по меткому выражению историка, «... не осталось у него целей» [3, с. 15], Асад ад-Дин умер. Новым маликом стал его племянник, Салах ад-Дин .

После того, как Салах ад-Дину в 564 г.х. (1169 г.) был дарован лакаб (титул) аль-малик ан-Насир (Побеждающий малик) Ибн аль-Асир попытался представить это событие в панораме исламской истории, отмечая что «я видел многих, от кого началось правление (мульк), переходящее государство (дауля) от него к кому-то из его людей и его родичей» [3, с. 17]. Последовательность эта выглядит следующим образом [3, с. 17–18]:

1. Муавия бен Абу Суфйан, первый из маликов людей своего дома.
2. Сыновья Мервана из сыновей его (Муавии – А.Ф.) дяди по отцу.
3. Ас-Саффах, первый из маликов из Бану Аббас.
4. Его брат аль-Мансур.
5. Саманиды, первым деспотом из которых был Наср бен Ахмад.
6. Его брат Исмаил бен Ахмад и его отпрыски.
7. Йакуб ас-Саффар, первый из маликов людей своего дома.
8. Его брат Амр и его потомки.
9. Имад ад-Дауля бен Бувейх, первый из маликов своих людей.
10. Его братья, Рукн ад-Дауля и Изз ад-Дауля.
11. Потомки Рукн ад-Дауля и Муизз ад-Дауля.
12. Потомки Муизз ад-Дауля.
13. Сельджукское государство, первым маликом из Сельджуков был Тогрул-бек.
14. Дети его брата Дауда.
15. Ширкух.
16. Потомство его брата Аййуба.
17. Салах ад-Дин, основавший государство (дауля).
18. Потомки его брата аль-Адиля.

Понятие «мульк». Важен термин, используемый Ибн аль-Асиром по отношению к тому, что переходит – «мульк». В «Энциклопедии

ислама» мульку посвящена относительно небольшая статья [4, с. 546–547], в которой он определяется как «царская власть». Термин достаточно часто употребляется в Коране относительно Господа, которому принадлежит весь мульт. Подробно об этом рассказано в суре с соответствующим названием – Сура 67 «Мульт» (обычный перевод на русский язык – «Власть»). Например, аят 1 этой же суры: «Благословен Тот, в руках Которого власть и Который властен над всякой вещью» [5]. Мульт может быть дарован Господом. В Коране содержатся многочисленные примеры, как он был дарован различным деятелем домусульманской эпохи – как праведным (Адаму, Ибрагиму), так и неправедным (Фирауну).

Как видим, в представленном Ибн аль-Асиром списке переходов мульт так минимум один его обладатель – основатель династии Саманидов Наср бен Ахмад – прямо назван «правившим деспотично». Автор хроники использовал глагол «'istabadda», хороший знакомый в современной арабской политической жизни, но требующий пояснения относительно средневековых реалий. В Коране данный термин не упоминается. «Энциклопедия ислама» переправляет со статьи «'istibdād» [6, с. 252] на статью «zūlm». Сам термин «zūlm» в значении «неправильное поведение, деспотия, тирания, угнетение» множество раз упоминается в Коране в исключительно негативной коннотации.

Однако знак равенства между понятиями «'istibdād» и «zūlm» в рассматриваемый период, на наш взгляд, требует аргументации. Исходя из имеющихся данных, сложно утверждать, что Ибн аль-Асир хотел подчеркнуть неправедность правления Саманидов.

Но, очевидно, что «мульт» у земных правителей напрямую не связан и с праведностью – обращает на себя внимание отсутствие в списке четырех праведных халифов, передача мульт в исламской истории начинается с Муавии бен Абу Суфйана и правления Омейядов, отношение к которым в мусульманской традиции неоднозначное.

Значительно более важным представляется отсутствие в списке Фатимидских халифов. В исторической литературе отмечалось то обстоятельство, что Салах ад-Дин находился в весьма непростой ситуации – его власть в Египте была легализована шиитским Фатимидским халифом Аль-Адидом Лидиниллахом [1160–1171], фактическим соперником суннитского Аббасидского халифа [7]. Можно предположить, что в эпоху Салах ад-Дина Фатимиды не упоминаются, как и Аббасиды, потому что де-факто у них уже нет мульт. Но проблема в том, что Фатимиды не упоминаются вообще. По-видимому, мультком в исламском мире для Ибн аль-Асира могут обладать только суннитские правители. Однако христианские короли именуется как «малики».

В описании последовательности мульков Ибн Аль-Асир делает акцент на то, что мультк существует / наследуется по нисходящей родственной линии, от отца к сыну. Приход к власти любого другого близкого родственника, даже родного брата, означает новый мультк. На практике, конечно, это было натяжкой, так как уже на уровне Мерванидов эта схема давала сбой – халиф Сулейман ибн Абд аль-Малик [715–717] был младшим братом, а не сыном предшественника, халифа Валида I [705–715]. Однако нам важен вот этот акцент – желательность наследования от отца к сыну. Мультк, как явствует из текста, имеет у себя кровнородственную составляющую по мужской линии.

Получения мультка Салах ад-Дином. Что же является основанием для получения мультка? На примере Салах ад-Дина можно выделить следующие элементы:

1. Божественное предопределение. Первоначально, как повествует Ибн аль-Асир, Салах ад-Дин не собирался в поход в Египет и даже противился своему участию в нем, говоря: «Господи! Даже если бы Ты дал мультк [над] Египтом, я бы не отправился туда» [3, с. 17]. Во главе похода стоял его дядя Асад ад-Дин Ширкух, и Салах ад-Дин вынужден был подчиниться настоятельной просьбе старшего родича, а также велению Нур ад-Дин Зенги, которому служил его род [3, с. 17]. Ибн аль-Асир подчеркивает это предопределение, цитируя следующий аят Корана: «А может быть, вы ненавидите что-нибудь, а оно для вас благо, и может быть вы любите что-нибудь, а оно для вас зло» (2: 216).

2. Воля фатимидского халифа аль-Адида (Абу Мухаммад Абдуллах ибн Юсуф аль-Адид Лидиниллах), который назначил Салах ад-Дина своим везирем вместо умершего дяди Асад ад-Дина Ширкуха. Важно, что Нур ад-Дин Зенги этого назначения не признал, продолжая рассматривать Салах ад-Дина и его войско как находящихся у него на службе. В переписке он обращался к нему как к исфахсалару.

3. Поддержка «нурийских эмиров» (то есть, эмиров Нур ад-Дина Зенги), в том числе, дяди Салах ад-Дина по матери Шихаб ад-Дина Мухаммада аль-Харими. Следует отметить, что судя по всему, Салах ад-Дин был единственный на тот момент родственник Асад ад-Дина по мужской линии, находящийся в Египте, что предопределило его выбор как наследника.

4. Грамотные действия Салах ад-Дина по расстановке своих людей на ряд ключевых позиций (его поддержал факих Иса аль-Хаккари [3, с. 17], оперативно на управление делами халифа был назначен белый евнух Баха ад-Дин Каракуш, а «суданская / чернокожая» партия при дворе халифа аль-Адида была практически вырезана [3, с. 19]).

5. Строительство в 566 г. х. шафиитского медресе, увольнение всех шиитских кадиев и назначение на их место шафиитских кадиев.

В этих элементах интересны две особенности:

1. Практически отсутствуют символические, формальные действия или составляющие.

2. Очевидный акцент на обладание фактическим военным могуществом, реальным контролем над положением.

Своего рода кульминацией и завершением установления мультка Салах ад-Дина стало «восстановление Аббасидской хутбы в Египте и пресечение Алидского государства» [3, с. 33] в 567 г. х. (1171 г.). Этот шаг выглядел бы вполне логичным, так как приверженность Салах ад-Дин суннизму ставила его в двусмысленное положение при шиитском халифе. Однако Ибн аль-Асир представляет ситуацию в несколько необычном свете.

Согласно ему, прямой приказ на восстановление Аббасидской хутбы, то есть, упоминания в хутбе багдадского халифа аль-Мустади, поступил от Нур ад-Дина Зенги [3, с. 33]. Однако Салах ад-Дин опасался недовольства египтян и уклонялся от выполнения этого приказа. Нур ад-Дин настаивал и, наконец, по мнению Ибн аль-Асира, страх перед Нур ад-Дином перевесил для Салах ад-Дина страх перед недовольством египтян [3, с. 33].

Принятию этого решения способствовала и тяжелая болезнь аль-Адида. Халиф вскоре умер, так и не узнав, что его имя перестало упоминаться в хутбе, а Салах ад-Дин вступил в полное владение его дворцом и казной [с. 34].

Халиф аль-Мустади наградил и Нур ад-Дина, и Салах ад-Дина жалованной одеждой, а также прислал в Египет черные знамена [3, с. 35].

После всех этих событий и при активной поддержке родственников Салах ад-Дина, находившихся с ним в Египте, в частности, отца и дяди по матери, тот фактически разорвал отношения с Нур ад-Дином, однако смог избежать прямого военного столкновения.

Другие примеры передачи мультка. В этом контексте интересно посмотреть, как Ибн Асир характеризует другие овладения мультком в обозримой временной перспективе (в 562-567 гг. хиджры / 1166-1172 гг.):

Год хиджры	Овладение мультком	Сопутствующие обстоятельства
562	Асад ад-Дин Ширкух в Александрии	Разбив египтян и франков у аль-Бабина, Асад ад-Дин отправился в Гавань Александрии. В деревнях по пути он собрал налоги. Ширкух прибыл в Александрию и взял ее с помощью ее жителей, которые

		сдали ему город. Он оставил там наибом Салах ад-Дина, сына его брата, а сам вернулся в Верхний Египет, где правил, собирал налоги и пребывал до наступления рамадана. По итогу Александрия была передана египтянам.
562	Нур ад-Дин [Зенги] в Сафите и Урайме (Ариме)	Войска мусульман шли в их страны справа по северу, сменяя и разрушая страны, захватили Урайму (Ариму) и Сафиту и вернулись в Хомс.
562	Шамла, сахиб Хузистана, требовал у Багдадского халифа часть земель	Тот же оправдывался тем, что Илдегиз и султан Арслан Нашах выделили ему в качестве икты тот мульк, который у него.
563	Аксункур аль-Ахмадили, сахиб Мараги, просил у Багдадского халифа санкции на свои владения, которые оспаривал Шамс ад-Дин Ильдегиз	В этом году Аксункур аль-Ахмадили, сахиб Мараги, отправил посольство в Багдад с прошением, чтобы читалось хутба на тот мульк, который у него... И был дан положительный ответ, дабы смягчить его сердце. Это известие дошло до Ильдегиза, сахиба страны, и разозлило его
564	Нур ад-Дин Зенги в крепости Джаабар	В этом году Нур ад-Дин Мухаммад бен Занги овладел крепостью Джаабар. Он взял ее от ее сахиба, Шихаб ад-Дина Малика бен Али бен Малик аль-Акли. Крепость находилась в его руках и в руках его предков со времен султана Малик-шаха
564	Асад ад-Дин Ширкух в Египте	1) однако Всевышний Господь сделал так, как они (франки – А.Ф.) сделали, «чтобы решил Господь дело, которое было свершено» (8:44); 2) приглашение халифа ал-Адида; 3) разгром франков. 4) убийство Шавара 5) назначение везирем, сделанное халифом аль-Адидом.
564	Шамла в Фарсе	Приглашение от жителей Фарса в связи со злоупотреблениями их правителя. Разгром войска Зенги бен Дукла, сахиба Фарса.
564	Зенги бен Дукла в Фарсе	Злоупотребления Шамлы.
564	Илдегиз в Рее	Разгром войск Шамлы. Разгром войска правителя Рея. Повод для вторжения – невыплата обещанных Илдегизу денег.
565	Сайф ад-Дин Гази в Мосуле	Мулк по завещанию был передан его старшему брату, Имад ад-Дину Зенги, но затем под влиянием Фахр ад-Дина Абд аль-

566	Нур ад-Дин в Мосуле. Восстановление мулька Сайф ад-Дина в Мосуле.	Масиха передан младшему сыну. 1. Нур ад-Дин решил взять под контроль дела потомства его брата (умершего Кутб ад-Дина Маудуда). 2. Военное превосходство и поддержка со стороны эмиров в Мосуле. 3. Получение жалованных одежд от нового багдадского халифа – аль Мустади би-амрил-лахи [1170-1180]. 4. Заявления, что он освобождает мусульман от гнета (зульма). 5. Сайф ад-Дин остался маликом в Мосуле, но под контролем доверенного лица Нур ад-Дина.
567	Йусуф бен Абд аль-Муамин в Мурсии, Валенсии и других землях восточного аль-Андалуса	По завету своего отца, Мухаммада бен Саада бен Марданиша вступил в союз с эмиром Абу Йакубом, сдал ему страну и женился на его сестре.

Во всех рассмотренных случаях основной составляющей было применение военной силы и фактический контроль над той или иной территорией. В тех случаях, когда заинтересованные лица чувствовали слабость своих позиций, они пытались заручиться санкцией халифа – как, например, Аксункур аль-Ахмадили против мощи Шамс ад-Дина Ильдегиза, Асад ад-Дин, отправляясь в поход в Египет против вторгнувшихся туда крестоносцев, Нур ад-Дин при установлении своего контроля над Мосулом.

Мульк может быть унаследован. Судя по всему – от отца к старшему сыну, но может передаваться в целом внутри рода по мужской линии.

Как и в случае с Салах ад-Дином, в истории Асад ад-Дина Ибн аль-Асир указывает на Божественное провидение: франки, думая, что действуют в своих интересах, вторгаясь в Египет, на самом деле способствовали победе мусульман и приходу к власти в Египте Асад ад-Дина.

Согласие эмиров не упомянуто прямо нигде, хотя рассмотренные случаи позволяют предполагать наличие внутренней поддержке у правителей.

Мульк может быть краткосрочным, как, например, в овладении Асад ад-Дином Александрии.

В качестве дополнительного (и желательного) основания мулька рассматривались аналоги легальности и легитимности в современной политологии. Лучшей легальностью выступала санкция халифа, а

надежная поддержка со стороны элит и населения снижала риски утраты мульты. В этом контекст приводимый Ибн аль-Асиром пример перехода мульты в Фарсе (564 г. х.) от Зенги бен Дуклы к Шамле, а затем назад представляет очевидный интерес. В тексте отмечается недовольство жителей Фарса злоупотреблениями сначала Зенги бн Дуклы, а затем Шамлы, которое приводило к их обращениям, соответственно, к сопернику текущего правителя. В истории исламской политической мысли легитимность обычно связывается с личностью имама [8]. Относительно подчиненного населения, то исламская литература (включая и трактаты по управлению, как например, «Сиасет-намэ» Низам аль-Мульты или «Насихат Китаб аль-Мульты» Абу аль-Хасана аль-Маварди) с опорой на Коран полна предписаний правителю творить благо и избегать угнетения, но не проводит прямой связи между настроениями среди населения и рисками утраты власти. В принципе, это находится в полном соответствии с доктриной Божественного характера власти. Как, например, утверждал аль-Маварди: «Воистину, Господь сделал маликов Своими наместниками (халиф) в Своих странах» [9, с. 51].

Энтони Блэк в известной монографии «История исламской политической мысли. От Пророка до современности» ссылается на сочинение Ибн аль-Мукаффы (сер. VIII в.), автора одного из первых трактатов в истории исламской политической мысли «Risala fi-l-Sahaba», указывает, что Ибн аль-Мукаффа связывал успешность правления с поддержкой людьми курса правителя [1, с. 23]. Действительно, подобные идеи присутствуют в указанном сочинении [10, с. 310–311], однако ничего не говорится про обратную связь – риска лишиться власти в случае отсутствия поддержки со стороны подданных.

Понятно, что легитимность у Ибн аль-Асира не имеет ничего общего с европейской концепцией легитимности, сложившейся в Новое время, и утверждающей право подданных на смену правителя. Однако высказанная Ибн аль-Асиром идея о связи между настроениями среди подданных и рисками для власти заслуживает внимания и прослеживается далеко не у каждого мусульманского автора.

Значительно более важным обстоятельством для Ибн аль-Асира выступает характер отношений между мамлюками и их господином (сахибом). В рассматриваемый период нас интересует два инцидента:

1. В 564 г. х. во время войны Илдегиза с правителем города Рей, последний укрывался в крепости Тобрук. Илдегиз щедрыми посулами склонил на свою сторону мамлюков правителя Рея, которые убили его и сдали крепость. Однако Илдегиз не выполнил своих обещаний, отметив, что «подобные им неизбежно не будут служить» [3, с. 20]. Мамлюк,

непосредственно совершивший убийство, попытался поступить на службу к хорезмшаху, однако тот «распял его в наказание за то, что тот сделал со своим господином» [3, с. 20].

2. Решение Салах ад-Дина и его эмиров в 567 г. х. не подчиняться Нур ад-Дину Зенги. Отец Салах ад-Дина и его дядя по матери Шихаб ад-Дин, поддерживая решение Салах ад-Дина не подчиняться Нур ад-Дину, выступили решительно против военного столкновения с ним. Их основной аргумент, по словам Ибн аль-Асира, как раз и сводился к тому, что они – мамлюки Нур ад-Дина и не могут поднять меч на него [3, с. 32]. Однако Нур ад-Дин, согласно тексту, сам отказался от того, чтобы давить на Салах ад-Дина [3, с. 32].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Ключевым элементом в понимании Ибн аль-Асиром смены власти является «мульк». Несмотря на частое использование, автор не дает определение этого термина, однако по контексту можно предположить, что речь идет о некоторой возможности распоряжаться всеми делами на географически определенном пространстве. Само это пространство не всегда определяется автором (как например, при перечислении династий). Присутствует идея о том, что можно назвать универсальным мульком в исламском мире, обладание которым идет по относительно непрерывной линии через сменяющие друг друга династии. Нормальным механизмом передачи мулька является наследование от отца к старшему сыну. Исключения в порядке наследования возможны, но нежелательны, особенно если они нарушают родовые иерархии. Родство по женской линии значения не имеет. Так как высшая власть принадлежит Господу, то нормальной является и передача мулька от одного мусульманского правителя другому мусульманскому правителю в ходе завоевания / использования военной силы. Как правило, новые обладатели мулька осознают (по крайней мере, в интерпретации хрониста), что выступали орудием Божественной воли лишь постфактум, а не в процессе подготовки или осуществления военного похода. В случае смены династии желательным (но не обязательным) элементом в закреплении власти является получение санкции халифа, а также поддержка подданных. Гораздо более весомым является характер личных обязательств между правителем и его окружением (например, его мамлюками), к нарушению которых отношение резко отрицательное.

Библиографические ссылки

1. *Daszewski W.A., Michaelides D.* Guide to the Pathos mosaics. Nicosia: Bank of Cyprus Cultural Foundation, 2009.

2. *Элиадис Г.С.* Вилла Диониса. Вилла мозаик в Новом Пафосе. Пафос, [б.г.].
3. *Christodoulides Ch.* Paphos: history — archaeology — mythology. Nicosia, 2010.
4. *Panayides, Panayiotis.* Villa of Theseus, Nea Paphos: Reconsidering its Sculptural Collection // *Approaching Cyprus: Proceedings of the Post-Graduate Conference of Cypriot Archaeology (PoCA) held at the University of East Anglia, Norwich, 1st-3rd November 2013* / Eds. Richard Maguire, Jane Chick. Cambridge: SP, 2016. P. 228-243.
5. *Pawlik K.* Stone Artefacts from Late Roman Occupation Phases in Nea Paphos // *Études et Travaux.* XXXI. 2018. P. 235–260.
6. *Olszewski, Marek T.* The iconographic programme of the Cyprus mosaic from the House of Aion reinterpreted as an anti-Christian polemic // *Et in Arcadia Ego. Studia memoriae professoris Thomae Mikocki dicata* / Ed. W. Dobrowolski, T. Płóciennik. Warsaw: Institute of Archaeology, University of Warsaw. Warsaw, 2013. P. 207-239.
7. *Olszewski M.T.* Uwagi na temat mozaiki z Domu Aiona w Nea Paphos (Cypr) [The immortality of the human soul and the Dionysiac mysteries in the 4th century allegory in connection with the interpretation of the mosaic from the 'House of Aion' at Paphos in Cyprus] // *Meander.* 9–10. 1987. P. 421–438.
8. *Болгов Н.Н., Болгова А.М. Денисова И.В.* Древний и византийский Кипр. Белгород: Эпицентр, 2023.
9. *Christou D.* Kourion: A Complete Guide to Its Monuments and Local Museum. Nicosia: Filokipros, 1986.
10. *Болгов Н.Н.* Пути византинизации позднеантичного города в Восточном Средиземноморье // *Византия и византийское наследие в Причерноморье и Восточной Европе.* СПб.: Алетейя, 2023. С. 10-15.

БОРЬБА ЗА ЭНО, ГОЛЛАНДИЮ И ЗЕЛАНДИЮ В 1419–1432 ГГ.

Д. Н. Черкасов

Белорусский государственный экономический университет, пр. Партизанский, 26, г. Минск, 220070, Беларусь, dmcminsk@gmail.com

В статье рассматривается династическая борьба на франко-имперском пограничье и установление власти над рядом территорий исторических Нидерландов – графствами Эно, Голландией и Зеландией, представителями бургундской династии Валуа.

Ключевые слова: Эно; Голландия; герцоги Бургундские; Жаклин Баварская.

The article examines the dynastic struggle on the Franco-imperial borderland and the establishment of power over a number of territories of the historical Netherlands – the counties of Hainaut, Holland and Zeeland, representatives of the Burgundian Valois dynasty.

Keywords: Hainaut; Holland; Dukes of Burgundy; Jacqueline of Bavaria.

Процесс перехода к бургундской династии Валуа богатых и населенных территорий Нидерландов, к которым относились земли графств Эно (Геннегау), Голландии и Зеландии, стал возможен в связи с оформлением бургундо-баварского династического союза в середине 1380-х гг. Первый бургундский герцог из династии Валуа, Филипп II Смелый (1363–1404), заключив в 1369 г. брак с Маргаритой де Дампьер, наследницей графа Фландрии Луи де Маля, получил перспективу наследования не только земель своего тестя (помимо Фландрии, они включали графства Бургундское, Артуа, Невер и Ретель), но и герцогств Брабант и Лимбург – владений Жанны Брабантской, бездетной тётки своей супруги.

Однако на Брабантское наследство претендовала также старшая ветвь династии Люксембургов, представитель которой, Венцеслав I, герцог Люксембургский (умер в 1383 г.), был женат на Жанне Брабантской. Хотя этот брак остался бездетным, люксембургская династия, удерживавшая с середины XIV в. в своих руках имперский трон, использовала это преимущество, чтобы закрепить за собой право на владение Брабантским наследством. На ряд брабантских территорий претендовал также герцог Гельдернский.

Произошедшее в начале 1380-х гг. англо-имперское сближение (брак Ричарда II и Анны Богемской), имевшее не только антифранцузскую, но и антибургундскую основу, диктовало

Бургундскому дому настоятельную необходимость союза с Виттельсбахами, традиционными соперниками Люксембургов. В этом процессе ведущая роль принадлежала Жанне Брабантской. Так как враг герцогини, Вильгельм I Гельдернский, был союзником Венцеслава IV Люксембурга, короля Римлян и Богемии, важно было не допустить включения в этот союз голландских Виттельсбахов, учитывая, что Альбер/Обер Баварский (в 1358–1389 г. был регентом Эно, Голландии и Зеландии при своем больном и бездетном брате Вильгельме, которому затем наследовал), был тестем и Венцеслава IV, и Вильгельма I.

Уже в январе 1385 г. в Камбре Жанна Брабантская вела переговоры с герцогом и герцогиней Бургундскими, подготавливая династический союз Валуа и Виттельсбахов [1, р. 170–171]. В результате, 26 января 1385 г. было достигнуто соглашение о двойном браке: Жана Бургундского и Маргариты Баварской, а также Вильгельма Баварского и Маргариты Бургундской [2, р. LXVII–LXVIII, LXXIV–LXXVII]. 9 апреля 1385 г. в Камбре были заключены брачные договоры [2, р. LXXVII–LXXIX]. 12 апреля 1385 г. состоялись свадебные торжества на которых присутствовал король Франции Карл VI [3, р. 306–315; 4, р. 452]. Очевидно, что такой двойной династический брак преследовал цель как можно теснее связать два наиболее влиятельных княжеских дома Нидерландов, чтобы иметь возможность в перспективе осуществить объединение их земель.

Более того, Жанна Брабантская использовала торжества, чтобы убедить юного Карла VI взять в жены дочь Штефана III Баварского, Изабеллу, что должно было связать баварских Виттельсбахов с короной Франции [5, р. 49–50]. Энергичная герцогиня добилась своего: уже 13 июня 1385 г. был заключен брачный договор, а 17 июня 1385 г. в Амьене состоялась свадьба Изабеллы и Карла VI (правда, сразу после свадьбы Изабелла вернулась на родину, где оставалась до 1389 г.) [4, р. 452, 455; 5, р. 59; 6, р. 344–352, 356–357; 7, р. 5–25]. Таким образом, союз с Люксембургами, установившийся во внешней политике Франции в 1320–1330-е гг. (в результате брака в 1323 г. будущего императора Карла IV и Бланки Валуа, а затем в 1332 г. Иоанна II Доброго и Бонны Люксембургской, сестры Карла IV), был пересмотрен в 1385 г. в пользу более тесного союза с Виттельсбахами.

Результатом брака Вильгельма IV Баварского (граф Эно, Голландии и Зеландии с 1404 г.) и Маргариты Бургундской было рождение в 1401 г. их единственной дочери и наследницы Жаклин/Якобы. После смерти Филиппа II Смелого, его сын, Жан Бесстрашный (1404–1419 гг.), приложил усилия к тому, чтобы ввести свою племянницу во французский королевский дом. 9 июля 1406 г. он добился согласия Карла

VI на ее брак с Жаном, герцогом Туреньским, вторым сыном короля (свадьба состоялась только в 1415 г.) [8, р. 268–273].

Ситуация при которой Эно, Голландия и Зеландия могли перейти к представителю королевского дома Франции угрожала интересам империи, что прекрасно понимал Сигизмунд Люксембург, младший сын покойного императора Карла IV, избранный римским королем в 1410 г. Как и в случае с Брабантом, унаследованным в 1406 г. Антуаном Бургундским, Сигизмунд отказывался признавать права Жаклин на Эно, Голландию и Зеландию, ссылаясь на то, что это мужские фьефы [9, р. 263, 265]. В этой связи, он всячески способствовал тому, чтобы наследство Вильгельма IV перешло к его брату Жану, епископу Льежскому, внося своими действиями раскол в семью голландских Виттельсбахов [10, р. 157]. 15 августа 1416 г. знать и города Голландии и Зеландии обязались признать после смерти Вильгельма IV его дочь сувереном их земель [11, р. 73–74]. Штаты Эно приняли такое же обязательство 10 мая 1417 г. [12, р. 70–72].

Решение Штатов не изменило позиции Сигизмунда, который в январе 1417 г. побывал в Льеже, где вёл переговоры с Жаном Баварским, обещая последнему поддержку в борьбе за Эно, Голландию и Зеландию против его племянницы. В качестве одного из элементов этой поддержки, обсуждалось оставление Жаном кафедры Льежа, его брак с Элизабет де Гёрлиц и перспективу получения в управление герцогства Люксембург [13, р. 221]. В результате, 16 сентября 1417 г. Жан Баварский и Сигизмунд Люксембург заключили договор, согласно которому Жан брал в жены Элизабет и получал земли Люксембурга в качестве залога ее приданого. Кроме того, Сигизмунд подтвердил передачу Жану в лен Эно, Голландии и Зеландии [14, р. 222–223].

К этому времени 15-летняя Жаклин успела овдоветь (после внезапной смерти 5 апреля 1417 г. Жана Туреньского) и вступить во владение отцовским наследством (после смерти 31 мая 1417 г. Вильгельма IV Баварского). Желая сохранить Эно, Голландию и Зеландию в орбите влияния Бургундского дома, Жан Бесстрашный поспешил выдать Жаклин за своего племянника, Жана IV Брабантского, приходившегося ей кузеном [15, р. 217]. 22 декабря 1417 г. папа Мартин V постановил, что кровное родство не должно быть препятствием для союза, но две недели спустя, под давлением римского короля Сигизмунда, осознал свою ошибку и отменил разрешение. Однако ни оригинал письма об отзыве, ни заверенная копия не дошли до адресата. Дядя Жаклин, противник брака, был настолько любезен, что представил собственную копию, но это не помогло остановить свадьбу, которая прошла со скромной поспешностью 10 марта 1418 г. [16, р. 7].

Жан Баварский развернул борьбу за Эно, Голландию и Зеландию, опираясь на поддержку голландской оппозиционной знати, объединенной в партию «трески», с середины XIV в. боровшуюся за власть с доминирующей партией «крючков», выступавшей в поддержку Жаклин Баварской. Еще в ноябре 1417 г., прибыв в голландский Дордрехт, он попытался добиться от городов Голландии признания себя опекуном Жаклин и регентом графства. Однако попытка не возымела успеха, признать права Жана согласился лишь Дордрехт. Жан IV Брабантский оказался втянут в конфликт своей жены с ее дядей. При посредничестве Филиппа, графа де Шароле, сына Жана Бесстрашного, направленного отцом в Голландию, он заключил с Жаном Баварским в феврале 1419 г. договор в Вудрихеме, обязавшись передать последнему ряд владений и выплатить 100 тыс. ноблей за отказ от борьбы за голландское наследство [12, р. 250–259]. Не имея возможности в срок выплатить обещанные деньги, Жан IV согласился на предложение партии «трески» передать Жану Баварскому в залог этой суммы Голландию и Зеландию сроком на 12 лет, что было зафиксировано по договору в Синт-Мартенсдайке 21 апреля 1420 г. Жаклин, будучи противницей договора, еще 11 апреля покинула брюссельский двор и выехала в Эно, не поставив свою подпись под документом. Однако Жан IV дал обещание (акт от 22 апреля 1420 г.), что до 25 июля Жаклин также ратифицирует договор, обязуясь в противном случае выплатить Жану Баварскому 26 тыс. крон штрафа [17, р. 400].

Но все попытки герцога Брабантского вернуть жену в Брюссель оказались безуспешны. Жаклин, опираясь на поддержку Штатов Эно, обратилась к папе Мартину V с просьбой аннулировать брак с Жаном IV. Более того, в середине сентября 1420 г. горожане Брюсселя, возмущенные засильем фаворитов герцога, подняли восстание, казнив несколько его советников. Сам Жан IV вынужден был бежать. 1 октября 1420 г. Штаты Брабанта фактически низложили герцога и назначили регентом его брата, Филиппа де Сен-Поль [17, р. 403–404; 18, р. 6–7]. В январе 1421 г. сам герцог оказался в руках Штатов Брабанта и своего брата.

19 февраля 1421 г. в Валансьене, Жаклин Баварская перед Штатами Эно официально отказалась от брака с Жаном IV, но Штаты не решились одобрить этот поступок, обратившись за посредничеством к герцогу Бургундскому. Понимая, что исход дела будет не в ее пользу, Жаклин решила прибегнуть к помощи английского короля Генриха V, который был не прочь использовать ситуацию в своих целях. В марте 1421 г. она прибыла в Кале и переправилась в Англию. После смерти в августе 1422 г. Генриха V, Жаклин нашла защитника в лице его брата Хамфри,

герцога Глостера, за которого вышла замуж в декабре того же года, не дождавшись решения папы. К этому времени Голландия и Зеландия оставались под управлением Жана Баварского, а Эно контролировал Жан IV, который избавился от регентства брата, но оставался под контролем Штатов Брабанта [17, р. 404–408].

16 октября 1424 г. Жаклин Баварская и герцог Глостер, имея около 4200 воинов, пересекли Ла-Манш и отправились «освободить» Эно [19, р. 490–491]. Они без помех вошли в графство, Штаты которого, собравшись в Монсе, признали герцога Глостера своим господином, а брак Жаклин Баварской и Жана IV незаконным. У последнего в Эно почти не было сторонников, кроме Пьера де Люксембурга, графа де Бриенн и Конверсано, владевшего крупной сеньорией Ангьен [20, р. 43]. Однако герцог Брабантский объявил свой брак с Жаклин законным, подданных Эно – бунтовщиками, а герцога Глостера – врагом, начав против него войну [17, р. 411].

Вмешательство англичан, в лице энергичного Глостера, в борьбу внутри Бургундо-Баварского дома заставило более активно включиться в нее и герцога Бургундского, Филиппа III Доброго (1419–1467 гг.), не без оснований считавшего себя ближайшим наследником Жана Брабантского и Жаклин Баварской. Появление Глостера могло поставить под угрозу бургундское доминирование в Нидерландах, поэтому Филипп объявил во Фландрии, Артуа и окружающих их землях сбор войск, чтобы помочь своему брабантскому кузену.

С 1425 г. основные усилия внешней политики Филиппа Доброго сконцентрировались на землях между Рейном и Мёзом (Маасом), чтобы продолжить дело отца и деда по укреплению положения Бургундского дома в Нидерландах [10, р. 184]. Еще в 1420 г. он купил право собственности на графство Намюр у Жана III де Дампьера за 132 тыс. золотых крон. Жан III был бездетным и имел большие долги перед льежцами. Была сделана оговорка, что Жан сохранит суверенитет над графством до своей смерти. Однако земля фактически принадлежала герцогу Бургундскому. В замки Пуальваш, Самсон и Бувинь были введены бургундские гарнизоны [21, р. 23–24].

6 января 1425 г. в Гааге умер Жан Баварский, отравленный одним из представителей партии «крючков». По одной из версий, убийство было совершено по приказу герцога Глостера. После смерти своего вождя партия «трески», уже около 70 лет воевавшая с «крючками», поддержала притязания герцога Брабантского на Голландию, Зеландию и Фризию [22, р. 197]. 8 января 1425 г. сословия Голландии и Зеландии принесли присягу герцогу Брабантскому, как законному государю, назначившему в графствах своих наместников [17, р. 418].

К 1425 г. герцог Глостер контролировал практически все Эно, расположив в важнейших городах сильные гарнизоны [18, р. 210–211]. Узнав, что герцог Бургундский собирает против него силы, Глостер 12 января 1425 г. из Монса направил ему письмо, в котором всю вину за происшедшие события возложил на Жана IV, утверждая, что «партия герцога Брабантского не желает заключать никакого договора» [16, р. 213–216]. В свою очередь, герцог Брабантский, при поддержке Филиппа Доброго, предпринял осаду и 11 марта 1425 г. взял город Брэн-ле-Конт, откуда англичане наносили большой ущерб его землям [23, р. 860–863].

Вскоре, однако, борьба за власть в Англии, которую вели кардинал Винчестерский и герцог Глостер, заставила последнего покинуть Эно. Под нажимом герцога Бедфорда 12 апреля 1425 г. Глостер вернулся в Англию, оставив Жаклин Баварскую в Монсе, столице Эно. После этого, 15 мая 1425 г. герцог Бургундский обратился к Штатам графства, позиционируя себя в качестве его защитника [17, р. 414–415].

1 июня 1425 г. в Дуэ герцоги Бургундский и Брабантский подписали договор, в соответствии с которым до окончательного решения папского суда по поводу законности брака Жаклин и Жана IV, графиня должна будет находиться «под защитой» герцога Бургундского, которому в управление должны были перейти Голландия и Зеландия. Графство Эно переходило под контроль герцога Брабантского. 13 июня 1425 г. Монс открыл ворота герцогу Брабантскому, Жаклин Баварская была пленена. В исполнение договоренностей, 19 июля 1425 г. Жан IV передал Филиппу Доброму управление Голландией и Зеландией на 12 лет [17, р. 416–417; 19, р. 491].

Жаклин была помещена в Гентском замке, где ей были созданы условия для почетного и комфортного проживания. Она и ее мать, Маргарита Бургундская, въехали в Гент в сопровождении 28 повозок на которых везли их имущество. Живя в Гентском замке, Жаклин имела собственного мэтр-д'отеля и несколько придворных дам [17, р. 417]. Однако, в Голландии партия «крючков», оттесненная от власти представителями партии «трески», рассчитывала восстановить свое влияние при помощи графини. С помощью двух голландских рыцарей из фракции «крючков», переодевшись в мужской костюм, 1 сентября 1425 г. Жаклин совершила побег из Гентского замка и за 4 дня добралась до Вудрихема, где объединилась со своими сторонниками [17, р. 419–420; 18, р. 248].

В Голландии Жаклин и «крючки» развязали партизанскую войну, из-за которой герцог Бургундский с сентября 1425 по апрель 1428 г. отсутствовал во Франции. Сперва Жаклин сопутствовал успех: победа при Альфене в октябре 1425 г. и взятие города Гауда. В конце 1425–

начале 1426 г. герцог Глостер направил в помощь Жаклин 24 корабля и 2 тыс. воинов под командой лорда Фиц-Вальтера, высадившихся на о. Схувен в Зеландии. Эта плохо подготовленная экспедиция потерпела провал в битве с бургундцами при Брауверсхавене 13 января 1426 г. в которой принял личное участие Филипп Добрый. Результатом поражения английских войск стал окончательный переход Зеландии под контроль герцога Бургундского [17, р. 420–421; 21, р. 28–29].

Летом 1426 г. из Англии вернулся герцог Бедфорд, который заставил своего брата Хамфри заключить перемирие с Филиппом Добрым [18, р. 258–259].

Борьба в Голландии шла с переменным успехом. Предварительный вердикт папы Мартина V от 27 февраля 1426 г., подтвердил законность брака Жаклин Баварской и Жана IV Брабантского (окончательное подтверждение дано 9 января 1428 г.). Но, после отъезда в марте 1426 г. Филиппа Доброго во Фландрию, восстала голландская область Кеннемерланд. В апреле 1426 г. Жаклин Баварская безуспешно осаждала Харлем, который защищал бургундский капитан Ролан д'Уткерк. 30 апреля 1426 г. «крючки» одержали еще одну победу при Альфене, но в июле, восставшие против герцога Бургундского крестьяне, разошлись по домам. В епископстве Утрехт, где шла борьба за епископскую кафедру, союзник Жаклин, Рудольф ван Дипхольт, взял власть, а пробургундский епископ, Зведер ван Куленборг, был изгнан. В Эно мать и сводный брат Жаклин, бастард Луи, готовили восстание и даже предприняли неудачную попытку пленить Жана IV во время охоты [17, р. 421].

К 1427 г. в руках Жаклин Баварской остались только город Гауда, где укрывалась она сама, и еще несколько мест Голландии [22, р. 78]. Но, несмотря на тяжелое положение, графиня не отказалась от борьбы. 8 апреля 1427 г. она из Гауды обратилась к королевскому Совету в Англии с просьбой о помощи. К ее радости 17 апреля 1427 г. умер Жан IV Брабантский. Однако Штаты Голландии и Зеландии провозгласили регентом герцога Бургундского. Более того, 22 июня это же сделали Штаты Эно, собравшись в Валансьене. Оставалась надежда на Хамфри Глостера. 9 июля 1427 г. он получил от королевского Совета средства, чтобы помочь жене, но герцог Бедфорд убедил его не делать этого для сохранения англо-бургундского союза [17, р. 422–423]. В конце мая 1428 г. герцог Бургундский во главе значительных сил вновь двинулся в Голландию. Финансовую поддержку ему оказали фламандские города, страдавшие от продолжавшейся войны. Силы сторонников Жаклин были несравнимы с бургундскими. Жители Гауды, опасаясь осады со стороны герцога, пошли с ним на переговоры. Последний удар Жаклин нанес герцог Глостер. Он отказался от брака с ней и от борьбы за ее

наследство, что окончательно добило графиню и заставило ее прекратить борьбу.

3 июля 1428 г. в городе Делфте был заключен договор, известный как «делфтский поцелуй», в соответствии с которым Жаклин Баварская признала Филиппа Доброго законным регентом и наследником Эно, Голландии, Зеландии и Фрисландии, знать и города которых должны были принести ему клятву верности; он получил право размещать в городах графств свои гарнизоны и назначать чиновников. Жаклин обязалась не покидать своих земель и не вступать в новый брак без согласия герцога Бургундского и Штатов Голландии, Зеландии и Эно [21, р. 29]. В результате, из 9 чиновников, уполномоченных управлять Голландией и Зеландией, 3 были назначены Жаклин Баварской из числа «крючков», остальные 6 – Филиппом Добрым [17, р. 426]. Таким образом, к 1428 г. герцог Бургундский стал фактическим правителем Эно, Голландии и Зеландии, хотя официальный титул оставался за Жаклин Баварской.

Графиня удалилась в Зеландию, где вскоре сблизилась со штатгальтером графства Фраком ван Борселеном и в 1432 г. тайно обвенчалась с ним, о чем через придворных Жаклин стало известно Филиппу Доброму и послужило поводом для ареста штатгальтера в июле 1432 г. в Гааге, куда герцог прибыл лично. Однако непосредственной причиной ареста ван Борселена был не тайный брак с Жаклин Баварской, а то, что Филипп Добрый заподозрил его в подготовке мятежа. Возможное участие в нем Жаклин могло существенно усложнить положение герцога. В этом случае, финансовые возможности Франка ван Борселена, лидера фракции «трески», чей род доминировал в Зеландии, были бы подкреплены наследственными правами Жаклин, сохранившей сильные позиции в Голландии среди «крючков» [16, р. 21–22].

Штатгальтеру грозила смерть, как изменнику. Только ценой больших уступок Жаклин удалось спасти ему жизнь. По договору от 12 апреля 1433 г. она передала герцогу Бургундскому не только фактическое управление, но и официальные регалии и наследственные права на Эно, Голландию и Зеландию, сохранив за собой лишь титул графини Отрвана и небольшую ренту [21, р. 29–31]. Договор гласил, что Жаклин Баварская могла вернуть свои права лишь в случае если Филипп Добрый умрет, не оставив наследников. Но 9 сентября 1436 г. сама Жаклин умерла в результате болезни (предположительно туберкулёза) [22, р. 79]. Таким образом, союз с голландскими Виттельсбахами, заключенный в 1385 г., позволил бургундской династии обрести законные права на наследование Эно, Голландии и Зеландии. После смерти в 1417 г. графа Вильгельма IV, права на три графства перешли к

его единственной дочери Жаклин/Якобе, но были оспорены римским королем Сигизмундом Люксембургом, полагавшим, что наследство может передаваться только по мужской линии. При его содействии, в борьбу за Эно, Голландию и Зеландию включился дядя Жаклин, Жан Баварский, епископ Льежский. Поскольку муж Жаклин, Жан IV Брабантский, не был способен твердо отстаивать ее интересы, графиня разорвала с ним отношения и нашла поддержку в Англии, в лице герцога Глостера, что привело к англо-брабантской войне и вмешательству в конфликт Филиппа Доброго, герцога Бургундского, на стороне Жана IV. Смерть в 1425 г. Жана Баварского, а в 1427 г. Жана IV Брабантского, наследником которых являлся Филипп, позволила последнему получить управление Голландией и Зеландией. В результате, герцог Бургундский к 1428 г. смог взять под контроль всю территорию графств и навязать Жаклин договор, признававший его наследником графини. Попытка Жаклин Баварской опереться на поддержку местной знати в лице штатгальтера Зеландии Франка ван Борселена, заключив с ним тайный брак в 1432 г., привела к аресту последнего. Это вынудило графиню окончательно отказаться в пользу Филиппа Доброго от всех прав на Эно, Голландию и Зеландию, передав ему не только реальное управление, но официальный титул и наследственные права.

Библиографические ссылки

1. Quicke, F. Itinéraire de Jeanne, duchesse de Brabant, de Limbourg et de Luxembourg (1383–1404) / F. Quicke // Bulletin de la Commission royale d'histoire. Académie royale de Belgique. – Bruxelles, 1934. – Т. 98. – P. 155–218.
2. Plancher, Ur. Histoire générale et particuliere de Bourgogne: en 4 t. / Ur. Plancher. – Dijon: A. de Fay, 1748. – Т. 3. – 1002 p.
3. Oeuvres de Froissart, publiées avec les variants des divers manuscrits par M. le baron Kervyn de Lettenhove. Chroniques. – Bruxelles: V. Devaux, 1870. – Т. 11. – 470 p.
4. Oeuvres de Froissart, publiées avec les variants des divers manuscrits par M. le baron Kervyn de Lettenhove. Chroniques. Table analytique des noms historiques. R-Z. – Bruxelles: M. Closson, 1876. – Т. 23. – 559 p.
5. Thibault, M. Isabeau de Bavière, reine de France: la Jeunesse, 1370–1405 / M. Thibault. – Paris: Perrin et C^{ie}, 1903. – 448 p.
6. Oeuvres de Froissart, publiées avec les variants des divers manuscrits par M. le baron Kervyn de Lettenhove. Chroniques. – Bruxelles: V. Devaux, 1870. – Т. 10. – 585 p.
7. Oeuvres de Froissart, publiées avec les variants des divers manuscrits par M. le baron Kervyn de Lettenhove. Chroniques. – Bruxelles: V. Devaux, 1872. – Т. 14. – 458 p.
8. Cartulaire des comtes de Hainaut, de l'avènement de Guillaume II a la mort de Jacquelin de Bavière. Publié par L. Devillers: en 7 t. – Bruxelles: F. Hayez, 1886. – Т. 3. – 657 p.
9. Beaucourt, G. du Fresne de. Histoire de Charles VII: en 6 t. / G. du Fresne de Beaucourt. – Paris: Librairie de la Société bibliographique, 1881. – Т. 1. – 577 p.

10. Leroux, A. Nouvelles recherches sur les relations politiques de la France avec l'Allemagne de 1378 à 1461 / A. Leroux. – Paris: E. Bouillon, 1892. – 378 p.
11. Corpus universel diplomatique du droit des gens; par Mr. J. Dumon, baron de Carels-Croon: en 8 t. – Amsterdam: Chez P. Brunel, R. et G. Wetstein, les Janssons Wacsberge et l'Honoré Chatelain; La Haye: Chez P. Husson et Ch. Levrier, 1726. – T. 2. – Pt. 2. – 319 p.
12. Cartulaire des comtes de Hainaut, de l'avènement de Guillaume II à la mort de Jacquelin de Bavière. Publié par L. Devillers: en 7 t. – Bruxelles: F. Hayez, 1889. – T. 4. – 822 p.
13. Quicke, F. Les relations diplomatiques entre le Roi des Romains Sigismond et la Maison de Bourgogne (fin 1416-début 1417) / F. Quicke // Bulletin de la Commission royale d'histoire. Académie royale de Belgique, 1926. – T. 90. – P. 193–241.
14. Wurth-Paquet, Fr.-X. Table chronologique des chartes et diplômes relatifs à l'histoire de l'ancien pays de Luxembourg. Règne de Wenceslas II, roi de Romains et de Bohême, duc de Luxembourg et Comte de Chiny. 8 décembre 1383 – 16 août 1419 / Fr.-X. Wurth-Paquet // Publications de la Section historique de l'Institut constitué sous le protectorat de Sa Majesté le Roi Grand-Duc. Année 1869-1870. – Luxembourg: V. Buck, 1870. – Ser. 2. – T. 25. – P. 1–238.
15. Pirenne, H. Histoire de Belgique: en 7 t. / H. Pirenne. – Bruxelles: H. Lamertin, 1903. – T. 2. – 478 p.
16. Stein, R. De affaire Van Borselen en de consolidatie van de Bourgondische macht in de Nederlanden (1425-1435) / R. Stein // Bijdragen en mededelingen betreffende de geschiedenis der Nederlanden. – 2009. – Vol. 124(1). – P. 3–29.
17. Bousmar, E. Jacqueline de Bavière, trois comtées, quatre maris (1401–1436): l'inévitable excès d'une femme au pouvoir? / E. Bousmar // Femmes de pouvoir, femmes politiques durant les derniers siècles du Moyen Âge et au cours de la première Renaissance. Dir. E. Bousmar, J. Dumont, A. Marchandise, B. Schnerb. – Bruxelles: De Boeck, 2012. – P. 385–455.
18. La chronique d'Enguerran de Monstrelet en deux livres avec pièces justificatives, 1400–1444: en 6 t. – Paris: Renouard, 1860. – T. 4. – 501 p.
19. Boffa, S. The Duchy of Brabant between France, Burgundy and England: geopolitics and diplomacy during the Hundred Years War (1383–1430) / S. Boffa // The Hundred Years War (Part III): Further Considerations. Ed. by L.J. Andrew Villalon and Donald J. Kagay. – Leiden: Brill, 2013. – S. 475–497.
20. Wurth-Paquet, F.-X. Table chronologique des chartes et diplômes relatifs à l'histoire de l'ancien pays de Luxembourg. Règne de Sigismond, empereur des Romains, roi d'Allemagne, de Hongrie et de Bohême, duc de Luxembourg et comte de Chiny. Du 16 août 1419 – 9 décembre 1437 / Fr.-X. Wurth-Paquet // Publication de la Section historique de l'Institut Royale Grand-Ducal de Luxembourg. Année 1870–1871. – Luxembourg: V. Buck, 1871. – T. 26(4). – P. 1–92.
21. Juste, T. Histoire de Belgique (depuis les temps primitifs jusqu'à la fin du règne de Léopold I^{er}): en 3 t. / T. Juste. – Bruxelles: Bruylant-Christophe, 1868. – T. 2. – 380 p.
22. Van Hasselt, M. Belgique et Hollande / M. Van Hasselt. – Paris: Didot, 1844. – 551 p.
23. Chronique des ducs de Brabant, par Edmond de Dinter, (en six livres) publiée par le manuscrit de Corsendonck, avec des notes et l'ancienne traduction française de Jean Wauquelin; par P.F.X. de Ram: en 3 t. – Bruxelles: M. Hayez, 1857. – T. 3. – 927 p.

ИМПЕРИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДЕТЕРМИНАЦИИ: «ИМПЕРИИ ЗАЩИТЫ» И «ИМПЕРИИ ЭКСПЛУАТАЦИИ» В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

Л. И. Ивонина

Смоленский государственный университет, ул. Пржевальского, 4, 214000, г. Смоленск, Россия, ivonins@rambler.ru

В отечественной и зарубежной литературе предлагалось множество критериев сравнения и классификации империй. В последнее время более продуктивным представляется сравнение близких по времени своего существования имперских образований, а также упор на чертах сходства и отличия в структуре различных империй, а не на их идеологическом оформлении, политическом режиме и других аспектах. Но еще более значим вопрос о мотивах и стимулах имперской политики, т.е. вопрос о детерминации империи. Отталкиваясь от сравнения близких по времени своего существования имперских образований, в статье выделены два типа империй Нового времени – «империи защиты» и «империи эксплуатации». Автор акцентировала внимание на особенностях «империй защиты» - Шведском Великодержавии, Священной Римской империи и Российской империи. В целом, в политике всех империй есть элемент эксплуатации, но следует учитывать степень последней и первостепенные задачи, встающие при основании империи. Фактор защиты границ в целом ряде случаев оказывался решающим при создании империи и в ее дальнейшем развитии.

Ключевые слова: империи защиты; империи эксплуатации; политика; экспансия; Шведское Великодержавие; Российская империя.

In Russian and foreign literature, many different options for criteria for comparing and classifying empires have been proposed. Recently, it seems more productive to compare imperial formations close in time to their existence and to emphasize on similarities and differences in the structure of various empires, and not on their ideological design, political regime and other aspects. But even more significant is the question of the motives and incentives for imperial policy, i.e. the question of the determination of the empire. Starting from a comparison of imperial formations close in time to their existence, the article identifies two types of empires of the Modern time - the Empires of Protection and the Empires of Exploitation. The author focused on the peculiarities of the Empires of Protection - the Swedish Great Power, the Holy Roman Empire and the Russian Empire. In general, there was an element of exploitation in the politics of all empires, but here we should talk about its degree and the primary tasks that arise in the creation of an empire. The factor of border protection in a number of cases turned out to be decisive in the creation of an empire and its further development.

Keywords: Empires of protection; Empires of exploitation; politics; expansion; the Swedish Great Power; the Holy Roman Empire; the Russian empire.

Внимание к обозначенной в названии статьи проблеме во многом привлек юбилей Ништадского мира в 2021 г., вновь поднявший вопросы, связанные с международными отношениями и государственным развитием раннего Нового времени. Впрочем, стимулом послужило и то, что «имперская» проблематика всегда занимала исследователей и по сей день вызывает многочисленные дискуссии.

Интерес к истории империй возник достаточно давно, но только в конце XIX в. зарубежные исследователи попытались их классифицировать. Следующая волна интереса имела место в середине XX в. после крушения мировой колониальной системы. На современном этапе изучаются общие тенденции формирования имперских государств, взаимоотношения центра и периферии, этнические и конфессиональные проблемы, «имперское мышление» и т.д. При этом методология изучения истории империй эволюционирует от критики империи к ее культурной и эпистемологической модели. Это подразумевает, что концепт империи должен перейти из категории исторического термина, эмпирически фиксирующего реальность прошлого, в статус современной аналитической модели, позволяющей осмыслить исторический опыт [15, с. 9]. По мнению А. Негри, «“империя” нужна сегодня не для того, чтобы вновь утвердить ее в роли политической практики, а как аналитическая концепция для понимания процессов меняющегося мира, в котором проблема “управления различиями” стала одной из ключевых» [20, р. XIV].

В основном, выделяют три основных критерия типологии империй: время существования, территориальный признак, метод управления. По исторической хронологии империи делятся на античные, средневековые, империи Нового времени. В античности понятие империи воспринималось как полнота власти. С включением в состав Римской империи «цивилизованного» мира оно стало пониматься как государство, объединяющее многочисленные страны и народы. Образец существовавших империй, дополненный концепцией единой веры, стал основой средневековых империй (Франкская империя, Арабский халифат, Монгольская империя, империя Великих Моголов, Османская империя). Рост централизованных государств в Новое время и формирование системы международных отношений вызвали необходимость наращивания военного потенциала и колониальную экспансию, которая привела к возникновению Испанской, Португальской, Британской, Французской и др. империй.

По территориальному признаку империи обычно делят на континентальные и морские (колониальные). Классики геополитики Ф. Ратцель и Х. Маккиндер классифицировали государства по

геополитическому принципу (теллурократические и талассократические), выделив присущие им имперские формы [10, с. 12]. Континентальные империи (теллуократия), присоединяя соседние земли, превращали их в свои провинции и внедряли там имперские законы и валюту. Отделенные от своих колоний океанами и морями, морские империи (талассократия) не несли в колонии право и прогрессивный экономический уклад, а стремились к максимальной добыче природных ресурсов и использованию стратегического положения колонии. Континентальные империи обычно имели более низкий уровень экономики, достигая военного превосходства и силы за счет значительной численности населения, территории и естественных ресурсов [7, с. 44]. В современных условиях деление на «континентальные» и «колониальные» может быть дополнено «неформальными» империями. Концепция «неформальной империи» была разработана в 1970-е гг. для характеристики отношений между СССР и странами Восточной Европы, но оказалась применимой и для описания взаимоотношений США с рядом союзников в Азии и Латинской Америке.

По методу управления империи делятся на авторитарные и либеральные. Как известно, либеральное управление предполагает экспансию метрополии в другие государства с целью установления и поддержания в них политической стабильности, создания единого культурного и экономического пространства, выгодного и ей, и народам этих государств. Авторитарный режим подавляет недовольство населения колоний оружием, что наблюдалось во всех колониальных империях [15, с. 10].

Есть еще «геометрическая» типология империй. Географ и геополитик В.П. Семенов-Тянь-Шанский различал три типа империй - кольцеобразный (Римская и Османская империи), клочкообразно-колониальный (Испанская и Британская империи) и тип «от моря до моря» (Монгольская и Российская империи) или чрезматериковый [14, с. 144–160]. Кольцеобразная империя создается одним народом на захваченных побережьях внутренних морей, клочкообразная - покорением побережий континентов и островов державой с могучим флотом, а чрезматериковая - освоением внутренних пространств материка от одного берега до другого. Уточняя типологию Семенова-Тянь-Шанского, В.Л. Махнач и В.Ф. Феоктистов делят империи на стремящиеся к мировому господству и стремящиеся к локальному расширению для удержания своей территории [8, с. 108–127].

Израильский социолог Ш.Н. Айзенштадт тоже обозначил два имперских типа. Первый – это империя-конгломерат, т. е. политическое

объединение этносов (государств), не связанных общностью экономики и культуры. Эти империи создавались завоеванием, а их целостность поддерживалась военной силой (державы Александра Македонского, Карла Великого и Наполеона Бонапарта). В дальнейшем, не обладая внутренними структурными связями, они распадались. Этап империи-конгломерата характерен для всех имперских образований. Второй тип – империя-иерархия, т. е. объединение народов (государств) с разным уровнем подчиненности и вовлеченности в систему взаимодействующих частей (политики, экономики, социальной сферы, культуры) единого пространства (Британская, Французская, Австро-Венгерская империи). Империи-иерархии существуют сто и более лет, а их дестабилизацию вызывают издержки политического подчинения для развития социума, экономики и культуры конкретного региона [1].

Французский исследователь Д. Ливен под империями понимает, прежде всего, государства, имеющие вес на международной арене и ведущие активную внешнюю политику. Ливен ввел в оборот геополитическую категорию европейской периферии, где имперская экспансия возможна из-за недостаточного действия противовесов международного баланса сил. С помощью этой категории он объясняет рождение континентальных империй и заморскую экспансию европейских держав. Концепт европейской периферии становится общим контекстом для проведения сравнительных имперских исследований. В целом французский ученый заключает, что сравнение империй как целостных феноменов невозможно из-за разнообразия региональных и национальных укладов и неравномерности имперского «времени». Следует сравнивать лишь отдельные регионы или имперские случаи [7, с. 44–50].

Как видно, в отечественной и зарубежной литературе предлагалось множество различных вариантов критериев сравнения и классификации империй. В последнее время более продуктивным является сравнение близких по времени своего существования имперских образований, а также упор на чертах сходства и отличия в структуре различных империй, а не на их идеологическом оформлении, политическом режиме и других аспектах. Но мне представляется еще более значимым вопрос, для чего возникает империя, с какой целью, какая главная проблема при этом решается, т. е. вопрос о детерминации империи. Ведь вопрос о мотивах и стимулах имперской политики остается открытым. Здесь методологически как нельзя лучше подходит теория «Вызова-и-Ответа» А. Дж. Тойнби [16, с. 122]. Какой вызов истории стал причиной для образования конкретной империи? И какова точка отсчета создания империи в виде ответа на вопрос – была ли самодостаточна собственно

метрополия или центр? В этом плане перспективным представляется подход английского ученого М. Робертса, специалиста по шведскому Великодержавию и более известного, как теоретика революции в военном деле, выделившего еще в 1979 г. два типа империй – империи случая и империи защиты [27]. Несмотря на то, что Дж. Паркер критиковал излишнюю ориентированность Робертса на Швецию, в частности, на шведскую военную историю, типологии империй американский историк не касался [25, р. 195–214]. Отталкиваясь от сравнения близких по времени своего существования имперских образований и типологии Робертса, я выделяю два типа империй раннего Нового времени – «империи защиты» и «империи эксплуатации», и чуть подробнее остановлюсь на примерах «империй защиты», к которым можно отнести Шведское Великодержавие, Священную Римскую империю и Российскую империю.

При анализе империй я также исхожу из того, что именно целое определяет элементы, а не наоборот, ибо тенденции важнее фактов. Факты обнаруживают исследователи, выделяя из потока истории те или иные его части. При этом и выбор факта, и его анализ зависят от конкретной концепции исследователя. Но широкомасштабные и долгосрочные тенденции существуют объективно, хотя и фиксируются абстрактно. Они обладают высокой степенью сопротивления как к субъектному, так и к «дисциплинарно-теоретическому насилию» [17, с. 29]. Именно тенденции развития, служившие стимулом к образованию империи, определяли в первую очередь характер империи.

Стоит заметить, что типология Робертса не имеет ничего общего с тем, что некоторые современные авторы именуют «империей защиты» Соединенные Штаты. Так, в недавней книге Дж. Дарда «Мир и культурная политика перманентной войны» утверждается, что Соединенные Штаты вели и ведут войны исключительно для защиты своей «империи». Когда администрация Трумэна распустила военное министерство (1947) и сформировала министерство обороны, это ознаменовало не конец обычной войны, а, как утверждает Дарда, введение новых расовых критериев того, кто может ее вести, какие страны и сообщества могут требовать самообороны. Перманентная война не противоречит либеральному управлению государством - она его неотъемлемая часть. Дарда отчетливо демонстрирует, как империя обороны скрывает свое насилие у всех на виду. Он представил убедительную критику махинаций американской империи, оправдывающей и санкционирующей свое насилие в расовых и этических терминах [19]. Согласно Робертсу, Шведское государство второй половины XVII – первой половины XVIII вв. являло

своеобразный политический феномен. Все другие империи Нового времени являлись империями предпринимательства, разрешения внутренних противоречий, и в определенном смысле они были империями случая. Находясь на огромном расстоянии от метрополий, колонии не представляли для них непосредственной стратегической ценности. Испанские, португальские, голландские, английские, французские колонии имели преимущественно экономическое значение. Шведская же империя была главным элементом защиты государства. Экспансия шведов в Северо-Восточной Европе и Германии не являлась спонтанным выбросом энергии, генерированной экономически, политически и духовно превосходящими, либо обделенными слоями общества, а была ответом на внешние изменения, в том числе и на ослабление соседних государств [27, р. 5–7].

В целом, будучи согласна с Робертсом, я бы все-таки исключила элемент случайности в создании заморских империй. Определенно, открытие Америки, например, можно лишь с натяжкой назвать случайностью. Вступившие в переходный к буржуазному обществу период развития с его внутренними и внешними катаклизмами, вынужденные потесниться в пользу Османской империи на Балканах и в Средиземноморье, государства Западной Европы находились в поиске разрешения противоречий, и именно этот поиск дал результаты в виде открытия и захвата новых земель. Население этих богатых территорий находилось на более низкой стадии развития, и не рассматривалось, как равное соотечественникам первооткрывателей. Новые земли изначально стали объектом эксплуатации, который я бы внесла, как главный в типологию этих империй.

Кроме того, противоречия раннего Нового времени подогревались Глобальным кризисом, концепция которого прекрасно изложена в одноименной книге Дж. Паркера. По его мнению, необычная концентрация экстремальных климатических явлений в XVII в. подтолкнула «религиозных и политических лидеров» Европы к «неверным политическим шагам», что привело к демографическому упадку, эпидемиям, войнам, мятежам и революциям в глобальном масштабе. Одновременно в поисках выхода усилилась колониальная экспансия, поскольку, несмотря на ряд природных катаклизмов в Америке кризис проявился в меньшей степени. Ее население, в отличие от Европы, не уменьшилось к середине столетия и отличалось крепким здоровьем (половина поселенцев доживала до 70-ти) [26, р. 7–26].

Возвращаясь к Шведскому Великодержавию, следует сказать, что оно, как результат политики центра, не могло долго функционировать: внешний фактор способствовал как его созданию, так и падению. К

XVIII в. в странах, борющихся за господство на Балтике (России, Швеции, Бранденбург-Пруссии, Речи Посполитой), произошли глубокие изменения в военной, государственной и социальной сферах. Из них только Россия и Бранденбург-Пруссия ускорили темпы своего развития, обогнав Швецию и особенно Польшу. Одна из основных причин будущей победы России над Швецией, так же, как и характер взаимосвязей между Западом и Востоком в первой четверти XVIII в., были во многом обусловлены угасанием Шведского Великодержавия. Переход Швеции на вторые роли в Европе был вызван уникальной природой этой Северной державы. Ее территориальный рост был исключительно быстрым – меньше 40 лет разделяет захват Риги (1621) и мир в Оливе (1660). Столь же быстро происходил ее распад: он начался в 1702 г., когда Петр I захватил Нотеборг (Шлиссельбург), и закончился в 1718 г., когда пуля врага (или патриота) сразила Карла XII.

Шведская корона была озабочена не столько расширением восточной торговли, сколько ограничениями западной торговли в дегтярных и железодобывающих районах Швеции и Финляндии (закрытие Ботнического залива и Бергслага для торговцев с Запада). В политике, особенно в отношениях с Морскими державами, Стокгольм был заинтересован в формировании системы безопасности, баланса сил и в защите хрупкой основы статуса великой державы Севера. Робертс выделил значение балтийских и немецких провинций, которые никогда не были юридически или экономически объединены с территорией Швеции и Финляндии, и в основном сохранили свои отличительные черты. Ход истории заменил шведский империализм на Балтике русским. Главную причину падения Шведской империи Робертс видит во внешней политике Карла XII [27, р. 135–140, 152]. По сути, она и привела его к губительной в условиях отсутствия союзников из-за параллельной войны за Испанское наследство войне с Россией, которая к тому времени стала расти, как империя защиты.

Империя Габсбургов, или Священная Римская империя германской нации, или Старая империя, как ее нередко называют в немецкой историографии, в определенном смысле тоже являлась империей защиты. Целый ряд проблем ее истории, взаимодействие универсализма и территориализма в ее развитии в отечественной историографии рассмотрены Ю. Е. Ивониным. Как известно, императоры проводили универсалистскую политику. Являлась ли цель универсального государства самоцелью, или средством выиграть состязание с другими державами? Лучше подойти к этому вопросу, опираясь на главные черты универсальных государств, отмеченные Тойнби. Во-первых, универсальное государство возникает после, а не до надлома

цивилизаций. Во-вторых, оно есть продукт доминирующих меньшинств - социальных групп, когда-то обладавших творческой силой, но утративших ее. Священную Римскую империю Тойнби рассматривал, как воплощение австралийской мечты, отмечая, что «даже находясь в полосе своего угасания, она сохраняла некоторую привлекательность и значение» [16, с. 146–147, 396–397, 403]. Теория «Вызова-и-Ответа» относится к Священной Римской империи, в первую очередь, как к форпосту борьбы христианской Европы против Османской угрозы, что в принципе верно. Но не следует забывать вызов на тенденцию укрепления территориальных в Германии и централизованных государств в Европе.

При этом история Дунайской монархии – сердца Священной Римской империи – была органически связана с могучей империей, давление со стороны которой на каждой последующей фазе давало новый импульс витальности. Возвышение Дунайской монархии совпало со временем, когда турецкая угроза ощущалась на Западе с особенной силой. Оно началось с первой неудачной осады Вены турками в 1529 г. и длилось до конца второй осады в 1682–1683 гг. Но потери Османской империи не стали приобретениями Дунайской монархии - избавившись от противника, она лишилась и вдохновлявшего ее стимула. Оказавшись не в состоянии стать наследницей Османской империи в Юго-Восточной Европе, монархия Габсбургов пришла в упадок, и ее, в конце концов, постигла судьба Порты [16, с. 122–124]. Концепция Тойнби не лишена и оснований, и некоторой односторонности. С ней перекликается геополитический подход, объясняющий процессы и события территориальными и политическими соображениями акторов международной жизни. Такой, похожий на этатистский, подход отразился в 3 и 4 томах «Истории Европы» и охарактеризован в работах Ю.Е. Ивонина [6; 11; 12; 2; 3; 4, с. 11–31].

По сути, международное положение Габсбургов в Юго-Восточной Европе сказалось своеобразным катализатором и самой имперской идеи, и политической ситуации в Империи. Но с установлением политических и торговых отношений Османской империи с Францией, а затем Англией и Голландией, султаны стали участниками европейской политики, что противоречило их образу «врагов христианской веры», создававшемуся папской и имперской пропагандой. С одной стороны, турецкая угроза способствовала подъему имперской идеи, а с другой стороны, политическая машина Империи работала на два фронта, поскольку одновременно Вена вела борьбу с Францией за влияние в Италии и в Европе. Это использовали как протестантские, так и католические князья Германии в целях укрепления своего суверенитета по отношению к Империи. Предоставляя военную и финансовую помощь Вене, они

добивались политических уступок. В известной мере консолидация лютеранства в Германии вызвана турецкими нашествиями [20; 24]. В то же время германские князья отдавали себе отчет, что Габсбурги использовали их деньги и солдат для войн против Франции [28, S. 26, 39, 83, 86].

Библиография изучения Российской империи огромна, и попытка учесть все работы обречена на неудачу: число публикаций по этой проблеме возросло неимоверно [5]. Многие исследователи расширение ее территории связывают не столько с поиском колоний как сырьевых придатков, сколько со стремлением выхода на естественные пограничные рубежи, а затем обеспечением геополитических интересов государства. В любом случае, при характеристике Российской империи, как империи защиты, первостепенным видится фактор пограничной безопасности, которая в системе координат безопасности государства обеспечивает безопасность его интересов в определенном пространстве [9, с. 108].

Присоединение Россией новых территорий происходило не на больших расстояниях от метрополий, а на своих границах в Закавказье, Центральной Азии, в Приамурье [13]. Российская империя развивалась, прежде всего, как империя защиты своих рубежей, что обуславливало отношение к ним центра. В этом плане представляет интерес фундированное исследование английского историка Н. Колман, по мнению которой современная российская идентичность и исторический опыт в значительной степени сформированы имперским прошлым государства. Она видит в России «евразийскую империю», характеризующуюся «политикой различия»: правители и их элиты в центре минимально определяли потребности государства – с контролем над обороной, уголовным правом, налогообложением и мобилизацией ресурсов – и мирились с местными религиями, языками, культурами, элитами и институтами [23].

Важно отметить, что в процессе формирования Российской империи, как, собственно, и Шведской, значимым являлся фактор международного признания, равноправного участия в мире дворов и альянсов, который тоже можно рассматривать как фактор создания империи защиты. Как показывает российский историк Е.В. Анисимов, первым шагом, который сделала Россия в рамках Вестфальской системы, было ее участие в Первой Северной войне (1655–1660). Следующий шаг был сделан в 1686 г. заключением Вечного мира с Речью Посполитой, который во многом был обусловлен успехами России в долгой борьбе за союзы с ключевыми державами против Османской империи (Священная Римская Империя, Венеция, Бранденбург и Польшо-Литовское

государство). Третий шаг был предпринят во время Великого посольства Петра 1697–1698 гг. Однако попытка русского царя включиться в союзную игру потерпела неудачу, и война против Османской империи завершилась на Карловицком конгрессе (1698–1699) без участия России [18, р. 21–25]. Эти шаги не привели к признанию России равноправной державой ведущими государствами Европы. Только в XVIII–XIX вв., когда российская элита переняла ряд европейских социальных практик (брак, военное строительство, дипломатию) и стала участвовать в управлении государственной системой методами, соответствовавшими великой державе, Россия стала полномочным гарантом международных соглашений, участвовала в международных конференциях и получила *à droit de regard* (право контроля) [22, р. 11–34].

В заключение отметим, что во всех империях есть элемент эксплуатации, но следует учитывать степень последней и первостепенные задачи, встающие при создании империи. Международный фактор, т.е. фактор защиты границ и равноправного партнерства в международных отношениях в ряде случаев оказывался решающим при формировании имперской государственности и в ее дальнейшем развитии.

Библиографические ссылки

1. Айзенштадт Ш. Революция и преобразование общества. М., 1999.
2. Ивонин Ю.Е. У истоков европейской дипломатии нового времени. Минск, 1984.
3. Ивонин Ю.Е. Западная Европа и Османская империя во второй половине XV–XVI вв. // Вопросы истории. 1982. № 4. С. 68–84.
4. Ивонин Ю.Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время. 1495–1806. Том 3. Право, государственные институты, конфессия. Смоленск, 2023.
5. Имперский поворот в изучении истории России: Современная историография: сб. обзоров и рефератов / отв. ред. О.В. Большакова. М., 2019.
6. История Европы. Т. 3–4. М., 1993–1994.
7. Ливен Д. Империи на периферии Европы: сравнение России и Запада // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. статей. М., 2004. С. 44–50.
8. Махнач В. Империя в мировой истории // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 2: Россия как субъект. М., 1995. С. 107–126.
9. Мусин Ф.С. Защита интересов Российской империи на границе в XIX – начале XX века (постановка проблемы // Вестник Тувинского университета. Социальные и гуманитарные науки. 2013. С. 107–112.
10. Нартов Н.А., Нартов В.Н. Геополитика. М., 2007.
11. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. / Под ред. И.Б. Грекова. М., 1984.

12. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Части 1-2 / Под. ред. Г.Г. Литаврина. М., 1998–2001.
13. Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. статей. М., 2004.
14. Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии // Пространственная экономика. 2008. №. 2. С. 144–160.
15. Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab Imperio*. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2001. № 1–2. С. 9–72.
16. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1995.
17. Фурсов А.И. Европейская система государств, англосаксы и Россия // Дехийо Л. Хрупкий баланс. М., 2005.
18. Anisimov E.V. The Imperial Heritage of Peter the Great in the Foreign Policy of His early Successors // *Imperial Russian Foreign Policy*/ Ed. by H. Ragsdale. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 21–35.
19. Darda J. Empire of Defense. Peace and cultural politics of permanent war. Chicago University Press, 2019. – 264 p.
20. Fischer-Calati S. Ottoman Imperialism and German Protestantism 1520-1555. Cambridge (Mass.), 1959.
21. Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge, 2000.
22. Iver B. N. Russia's Standing as a Great Power, 1494–1815 // *Russia's European Choices* / Ed. by T. Hopf. New York: Palgrave. P. 11–34.
23. Kollmann N. The Russian Empire 1450-1801. Oxford University Press, 2017.
24. Kortepeter C. Ottoman Imperialism during the Reformation. L; N.Y., 1973.
25. Parker G. The «Military Revolution», 1560–1660 – a Myth? // *The Journal of Modern History*. 1976. Vol. 48. № 2. P. 195–214.
26. Parker G. Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century. New Haven: Yale University Press. 2013.
27. Roberts M. The Swedish Imperial Experience, 1560–1718. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
28. Wiesflecker H. Kaiser Maximilian I. Das Reich, Österreich und Europa an der Wende zur Neuzeit. Bd. II. München, 1975; Bd. III. München, 1977.

ЮЛИХ-КЛЕВСКОЕ НАСЛЕДСТВО

М. П. Беляев

*Государственный гуманитарно-технологический университет, ул. Зеленая, 22,
142611, г. Орехово-Зуево, Московская область, Россия, babek-han@mail.ru*

Международный конфликт вокруг юлих-клевского наследства стал главным событием накануне Тридцатилетней войны. Право вступить во владение герцогством оспаривали многие страны. Основными претендентами стали протестантские княжества Бранденбург и Пфальц-Нойбург. Это нижнерейнское герцогство Юлих-Клеве занимало важное стратегическое положение на западе Священной Римской империи, поэтому Габсбурги стремились установить контроль над этим герцогством. Франция также готовилась к войне. Поддержку Бранденбургу и Нойбургу стремилась оказать Евангелическая Уния. Не дожидаясь начала конфликта, основные претенденты осуществили раздел наследства.

Ключевые слова: Империя; Бранденбург; Нойбург; Евангелическая Уния; курфюрст; пфальцграф.

The international conflict around the Julich-Cleves inheritance became the main event on the eve of the Thirty Years' War. The right to take possession of the duchy was disputed by many countries. The main contenders were the Protestant principalities of Brandenburg and Palatinate-Neuburg. This Lower Rhine duchy of Jülich-Cleve occupied an important strategic position in the west of the Holy Roman Empire, so the Habsburgs sought to establish control over this duchy. France was also preparing for war. The Evangelical Union sought to provide support to Brandenburg and Neuburg. Without waiting for the conflict to begin, the main contenders divided the inheritance.

Keywords: Empire; Brandenburg; Neuburg; Evangelical Union; Elector; Count Palatine.

Юлих-клевский вопрос стал прелюдией к Тридцатилетней войне. Стратегически это княжество было очень выгодно расположено. В условиях всё ещё продолжающейся Освободительной войны в Нидерландах оно контролировало путь из Голландии вверх по Рейну, а из испанских провинций в Священную Римскую империю, что придавало юлих-клевскому вопросу значение, выходящее далеко за пределы богатства этой страны [3, S. 565].

Как и другие территории нижнерейнского региона, герцогство Юлих-Клеве было относительно небольшим: в три раза меньше Бранденбурга и вдвое меньше Баварии, но было густонаселенным и в лучшие времена довольно богатым. Оно состояло из герцогств Юлих, Клеве и Берг, графств Марк и Равенсберг и сеньории Равенштайн. Этот территориальный комплекс формировался постепенно, на протяжении

многих поколений, и на момент смерти последнего герцога в 1609 г. менее века был объединен под властью одного правителя.

Герцогство Юлих-Клеве оставалось католическим. Герцог Вильгельм V и его совет проявили интерес к реформированию церкви на своих землях, и в разгар конфликта с императором Вильгельм принял причастие обоих видов и подал заявление о приеме в Шмалькальдский союз. Преграда для религиозных изменений была снята в 1555–1556 гг. после Аугсбургского мира и отречения Карла V, но, несмотря на десять лет интенсивных внутренних дискуссий и приготовлений, официальной реформации не произошло. Плохое здоровье преследовало герцога Вильгельма до самой смерти в 1592 г., что не позволяло ему твердо держать бразды правления в своих руках. Двое сыновей Вильгельма были воспитаны католиками, и к концу 1580-х гг. при герцогском дворе господствовала прокатолическая и происпанская партия. Годы религиозной терпимости, однако, не прошли даром: три старшие дочери были воспитаны как протестантки и были женаты на протестантских князьях. Более того, несмотря на религиозную ориентацию двора, во всех четырех герцогствах сформировались значительные группы протестантов. На рубеже веков герцогство Клеве, отчасти под влиянием голландских беженцев, стало сильно кальвинистским и политически проголландским. Берг и Марк были умеренно лютеранскими, а Юлих оставался преимущественно католическим и происпанским. Тем не менее религиозное и политическое положение в герцогстве не было необратимым, поскольку это самая большая и важная светская территория в Нижнем Рейне [2, р. 19–20].

Призраки спора о наследовании герцогств Юлих-Клеве проявились в последние десятилетия XVI в. Два сына и четыре дочери родились от брака Вильгельма V (1539–1592) с Марией Австрийской, дочерью императора Фердинанда I, но старший сын, Карл Фридрих, умер молодым человеком от оспы в феврале 1575 г. [1, с. 270]. Второй сын, Иоганн Вильгельм, которому предназначалась церковная карьера епископа Мюнстера, был отозван ко двору, чтобы его подготовили как следующего правителя Юлих-Клеве. В конце 1580-х гг. он проявлял большой интерес к государственной деятельности и начал оказывать влияние на политические дела вместо своего немощного отца. Происпанская и прокатолическая партия начала объединяться вокруг Иоганна Вильгельма и его набожной католической жены Якобины Баден-Хохбергской. Однако любые надежды на сильного лидера после смерти герцога Вильгельма рухнули в 1589–1590 гг., когда Иоганн Вильгельм начал страдать психическим заболеванием. Он никогда не отличался крепким здоровьем, и, хотя позже у него действительно были

моменты просветления, вскоре стало очевидно, что он никогда не сможет править [2, р. 21–22]. Юлих-клевский вопрос постоянно находился в центре внимания императора. Он даже посылает итальянских монахов к Иоганну Вильгельму «излечить князя экзорцизмом», но всё безуспешно [3, S. 565–566].

Тайный совет Юлих-Клеве постепенно взял на себя ведение дел в герцогстве в 1569 г., а после смерти Вильгельма в 1592 г. продолжал управлять за его недееспособного сына.

Вопрос о престолонаследии возник довольно рано, еще до начала правления Иоганна Вильгельма. Герцог Вильгельм получил две особые привилегии от императора Карла V. Первая предусматривала, что герцогства, объединенные с 1521 г., по-прежнему будут передаваться по наследству в целом, а не разделяться. Вторая позволяла потомкам Вильгельма женского пола наследовать земли, если мужская линия пресечётся. Однако способ наследования женщинами не был четко установлен. Перейдет ли наследство к линии старшей дочери, к самой старшей из ныне живущих женщин или к старшему мужчине в женских линиях? Первая привилегия явно запрещала раздел земель между женщинами-претендентами. Начиная с 1570-х гг. три старшие сестры пытались четко урегулировать порядок правопреемства, если оба их брата умрут, не оставив наследников. Однако двусмысленные заявления в их брачных контрактах, как правило, затемняли, а не проясняли вопрос.

Проблема стала более актуальной в 1590-х гг., когда увеличилась вероятность пресечения мужской линии династии. Более того, неспособность герцога Вильгельма и его безумного сына Иоганна Вильгельма помешать испанским и голландским войскам захватить и опустошить герцогства в конце 1580-х и 1590-х гг. вызвала более решительные действия со стороны сестер, чтобы получить некоторый контроль над управлением. Все трое пытались добиться попечительства над Иоганном Вильгельмом и его отцом в 1590 и 1591 гг., но тщетно. Новые попытки были предприняты после смерти Вильгельма в 1592 г., но безуспешно. Даже попытка добиться имперского признания своих притязаний на герцогства наталкивалась на последовательные отказы императора Рудольфа. Он продолжал подтверждать право советников управлять герцогствами.

Когда бездетный Иоганн Вильгельм умер в марте 1609 г., семьи двух его старших сестер были широко признаны главными наследниками, хотя было много других претендентов. Старшая сестра, Мария Элеонора, вышла замуж за герцога Пруссии, и в отсутствие сыновей ее права перешли к ее старшей дочери Анне, жене курфюрста Бранденбурга Иоганна Сигизмунда. Несмотря на передачу прав через

женщину, в Берлине предполагали, что претензии старшей сестры перевешивают все остальные и что наследство должно полностью перейти к Бранденбургу. Других претендентов, особенно пфальцграфа Нойбурга Филиппа Людвига, который женился на Анне, второй старшей сестре, в 1574 г., это не убедило. В Нойбурге считали, что герцогства должны были перейти к старшему мужчине по женской линии, которым был не кто иной, как сын Филиппа Людвига, Вольфганг Вильгельм. Различные интерпретации привилегий 1546 г. были не единственной проблемой. В июле 1609 г. при дворе эрцгерцогов в Брюсселе было указано, что привилегии никогда не подтверждались формально ни рейхстагом, ни императором Рудольфом, поэтому они недействительны. Таким образом, император имел право даровать пустующие герцогства кому угодно [2, p. 22–23].

Еще в 1606 г. возник ещё один претендент на наследство герцог Неверский, притязания которого казались более чем сомнительными. Опасались, что французский король Генрих IV может использовать его, чтобы получить прочные позиции на Нижнем Рейне [3, S. 566].

В борьбе за наследство Бранденбург пытался опереться на Саксонию, но правившие там альбертины снова пошли своим путём, невзирая на протестантские интересы. В начале 1604 г. саксонский курфюрст Кристиан II, племянник бранденбургского курфюрста Иоахима Фридриха, передал права своего дома на герцогство Юлих-Клеве императору в обмен на компенсацию землей или деньгами [5, S. 295]. В 1483 г. альбертины получили право на Юлих-Берг, если бы его герцог умер без мужского потомства. Но в 1516 г., несмотря на это право, брак Марии Юлихской и Иоганна III Клевского завершил объединение этих стран [3, S. 568]. Хотя право альбертин было давно утеряно, Кристиан II решил предъявить претензии и за эрнестинскую династию, поскольку он правил как опекун в Веймаре и Альтенбурге и хотел быть представителем всего саксонского дома. На самом деле, однако, прав эрнестин вообще не существовало, поскольку Сибилле, дочери герцога Иоганна III, было предоставлено право на наследство только тогда, когда она вышла замуж за Иоганна Фридриха (1526 г.), в случае, если Иоганн или его сын умерли без потомства, но саксонский курфюрст предъявил претензии к герцогу Иоганну Вильгельму. По видимому, Кристиан II стремился заслужить особую благодарность императора, затруднив возвышение Бранденбурга и подготовив препятствия для ненавистного ему Пфальца [5, S. 295].

На заседании имперского придворного совета в августе 1608 г. обсуждались юридические вопросы наследования. Был сделан вывод, что права претендентов вызывают много возражений. Например, герцог

Пруссии Альбрехт умер в состоянии папской и имперской опалы. Среди претендентов на наследство были названы также эрцгерцог Альбрехт «как владелец бургундских земель», а также император «как сюзерен и авторитет, которому земли принадлежат, потому что вопрос по другим претендентам спорный и ожидает правового решения». В ответ на вопрос: «могут ли и как эти княжества быть переданы Австрийскому дому», в отчете совета поясняется, что «законных средств не существует и не может быть найдено». Но, император имеет право и обязан использовать все средства для предотвращения больших несчастий и кровопролития. Для этого необходимо послать комиссаров, пока несчастный герцог еще жив, чтобы запретить претендентам любые действия по приобретению наследства. Имперским комиссарам необходимо заполнить «все... должности... католическими советниками» при поддержке трёх духовных курфюрстов [3, S. 569–570].

Кризис правосудия в Империи делал проблему престолонаследия трудноразрешимой. К моменту открытия юлих-клевского наследства для протестантских претендентов не существовало приемлемого суда. Имперский камеральный суд, который, по крайней мере, в течение нескольких десятилетий пытался оставаться нейтральным в конфессиональных конфликтах, больше не функционировал. После «дела Донаувёрта» ни один протестантский князь не хотел добровольно подчиняться решениям имперского придворного совета. Даже император больше не считался беспристрастным судьей. За правовой трясинной юлих-клевского наследства вырисовывалась еще более сложная проблема: какое лицо или учреждение будет признано всеми претендентами в качестве компетентного суда. Судебный тупик, казалось, побуждал к военному решению.

Исход этого спора должен был иметь важные последствия, как для политической, так и для религиозной ситуации в регионе. Стратегическое расположение герцогств на границе между Священной Римской империей и Южными и Северными Нидерландами также делало правопреемство международной проблемой.

Учитывая трудности с проблемой наследства, неудивительно, что два основных претендента, Бранденбург и Нойбург, рано проявили к ней живой интерес, хотя прошлый опыт заставил их подойти к этому вопросу по-разному. Графство Нойбург отнюдь не имело долгой истории, и не было ни богатой, ни могущественной страной. Оно образовалось в 1505 г. из множества небольших баварских владений. В 1559 г. Пфальц-Нойбург перешел к Вольфгангу из Пфальц-Цвайбрюккена. Десять лет спустя после его смерти принадлежавшие ему земли были разделены между двумя его сыновьями: старший, Филипп Людвиг, унаследовал

Пфальц-Нойбург, а его второй сын, Иоганн, Пфальц-Цвайбрюккен. Эти два брата женились на двух принцессах Юлих-Клеве в 1570-х гг. За свою короткую историю Пфальц-Нойбург извлек большую выгоду из благосклонности императоров, которые продолжали предоставлять ему важные привилегии. Однако территория, унаследованная Филиппом Людвигом, имела два основных недостатка: она не была цельной и была обременена долгами. При добровольной поддержке и сотрудничестве сословий ему удалось консолидировать и расширить свою территорию, а благодаря бережливости – также выплатить долги своего отца и навести финансовый порядок в Пфальц-Нойбурге, что было нелегким достижением, учитывая экономические обстоятельства конца XVI в. Однако графство оставалось маленьким и слабым, зажатым между могущественными территориями католической Баварии и протестантского Верхнего Пфальца. Реализация притязаний его жены на Юлих-Клеве принесло бы Филиппу Людвигу не только больше земель, но и богатые герцогства на перекрестке европейских путей сообщения и торговли. Руководствуясь прошлым опытом имперской благосклонности и реалистической оценкой слабости своей страны, Филипп Людвиг, хотя и был набожным лютеранином, всегда обращался к императору за защитой и сохранением своих земель и привилегий. Он не отклонился далеко от этого проверенного пути в борьбе за юлих-клевское наследство.

Попытки Нойбурга в 1590-х гг. добиться от императора либо установления опеки над Иоганном Вильгельмом, либо признания его притязаний потерпели неудачу. Хотя Филипп Людвиг не терял надежды на получение имперской поддержки, к 1600 г. он начал искать способы обосновать свои претензии как среди сословий Юлих-Клеве, так и среди своих коллег-претендентов. К тому времени стало очевидно, что у старшей сестры, Марии Элеоноры, не будет сыновей, и, таким образом, его собственный сын, Вольфганг Вильгельм, стал старшим племянником правящего герцога и, по мнению Нойбурга, следующим в очереди на престолонаследие. Молодой граф принимал активное участие в попытках заручиться поддержкой местных жителей Юлих-Клеве, чтобы стать штатгальтером при жизни Иоганна Вильгельма. Вольфганг Вильгельм также трижды посещал Прагу, чтобы лично представить императору ходатайство об удовлетворении претензии Нойбурга. Кроме того, молодой граф стремился привлечь к этому делу другие силы как внутри Империи, так и за ее пределами. Хотя он действительно нашел некоторую симпатию своим усилиям, ни одно из его многочисленных путешествий не принесло желаемого результата. Император Рудольф II постоянно отказывался позволить кому-либо, кроме тайных советников и

жены Иоганна Вильгельма, участвовать в управлении герцогствами. Несмотря на отсутствие какой-либо поддержки со стороны императора в отношении претензий Нойбурга, Филипп Людвиг, похоже, не сомневался в том, что имперское правосудие в конечном итоге вынесет решение в его пользу. Однако выполнение баварцами наложения имперской опалы на город Донаувёрт в 1607–1608 гг. окончательно поколебало его доверие. Это заставило его преодолеть свое отвращение к кальвинистам и принять участие в основанной Пфальцем Евангелической Унии в мае 1608 г. Если он надеялся таким образом найти новую поддержку своим претензиям к Юлих-Клеве, то он ошибался. Когда в июне 1608 г. Нойбург предложил Унии вторгнуться в Юлих-Клеве от его имени после смерти герцога, план был отклонен. Уния категорически заявила, что не будет поддерживать притязания какого-либо своего члена на наследство, а только поможет защитить уже принадлежащие ему земли.

Нойбург также в течение ряда лет пытался урегулировать вопрос о правопреемстве Юлих-Клеве с другими претендентами. Эти усилия также закончились неудачей. Хотя иностранные державы поддерживали план достижения дружеского соглашения между наследниками, он оказался невыполним из-за категорического отказа Бранденбурга вести переговоры. Бранденбург (как и Нойбург) считал свои претензии на герцогство неоспоримыми. Даже другие претенденты, сначала охотно принявшие план, потеряли интерес к тщетным попыткам договориться. Таким образом, посреднические усилия Нойбурга ни к чему не привели.

Чрезмерная активность Вольфганга Вильгельма в получении наследства Юлих-Клеве в 1599–1609 гг. показывала черты его характера. Всегда твердо убежденный в превосходстве своих притязаний, он был готов искать поддержки у любого государя, немецкого или иностранного, католического или протестантского. В этом он отличался от своего более осторожного отца. Филипп Людвиг предпочитал более традиционный подход, обращаясь за помощью к императору или ближайшим соседям и единоверцам. Его политический кругозор был гораздо более ограниченным, чем у его сына. Старый граф все ещё думал о благополучии немецкого протестантизма и Империи. Его сын же не проявлял особого интереса к чему-либо, кроме своих личных интересов. Вольфганг Вильгельм был гордым и честолюбивым принцем, излишне самоуверенным. Бранденбургский дом также осознавал преимущества укрепления своих позиций на Нижнем Рейне. Со времени помолвки Иоганна Сигизмунда в 1591 г. с Анной, наследницей Пруссии и Юлих-Клеве, курфюрсты стали активно беспокоиться о юлих-клевском наследстве. Подход Бранденбурга, однако, сильно отличался от подхода Нойбурга, поскольку недавние события (конфликт в конце XVI в. вокруг

Страсбургского епископства) не давали уверенности в том, что император поддержит притязания Бранденбурга. Задолго до юлих-клевского кризиса Бранденбург уже начал переходить от пассивной лютеранской, проимперской политики, проводившейся на протяжении большей части второй половины XVI в., к более активной внешней политике.

Курпринцу Иоганну Сигизмунду было позволено участвовать в управлении Бранденбурга, особенно там, где были затронуты притязания его жены Анны на герцогства Пруссию и Юлих-Клеве. В юности он был сторонником фракции активистов, которая выступала за иностранные союзы как средство реализации притязаний Бранденбурга на Юлих-Клеве. Поэтому сначала внимание было обращено на лидера агрессивной кальвинистской партии, курфюрста Пфальца Фридриха IV. Письмо ему в начале 1604 г. о юлих-клевском наследстве вызвало положительный отклик. Иоганн Сигизмунд решил искать союз между тремя курфюршескими домами Саксонии, Бранденбурга, Пфальца и Датским королевством, чтобы прийти к соглашению о правопреемстве и управлении Юлих-Клеве. Несмотря на сопротивление канцлера Бранденбурга и других советников, Иоганн Сигизмунд убедил своего отца, курфюрста Иоахима Фридриха, посетить короля Дании Кристиана IV. Хотя связи с Данией не принесли особых плодов, Иоганн Сигизмунд, тем не менее, продолжил свой курс, отправив посланника в Пфальц в июне 1604 г. На этот раз результат превзошел все ожидания. Мало того, что Фридрих IV согласился с тем, что Бранденбургу нет необходимости действовать совместно с Нойбургом и Цвайбрюкеном в вопросе наследования Юлих-Клеве, поскольку он обещал урегулировать их претензии. Курфюрст Пфальца даже согласился на брак между старшим сыном Иоганна Сигизмунда, Георгом Вильгельмом, и «одной из любимых дочерей наших..., примерно ровесницей Георга Вильгельма».

Фридрих IV заверил Бранденбург в своей поддержке в юлих-клевском вопросе и еще раз призвал его искать иностранных союзников. На этот раз Голландская республика была сочтена наиболее подходящим партнёром. Последующие переговоры также были успешными. 25 апреля 1605 г. Пфальц, Бранденбург и Генеральные штаты подписали официальный союз. Соглашение требовало от Берлина выплаты 300 000 гульденов Генеральным штатам в течение следующих трех лет. В обмен на это голландцы обещали предоставить войска для захвата и сохранения владения герцогством Юлих-Клеве за Бранденбургом.

Одновременные договоры с голландцами и Польшей привели к большим финансовым затратам. Бранденбург просто не мог выдержать бремени выплат в размере 300 000 гульденов, как Польше, так и

Голландской республике. Таким образом, голландские суммы остались невыплаченными. Хотя Бранденбург на рубеже XVII в. был одним из крупных княжеств и курфюршеств, он был экономически и политически слабым, неспособным играть в Империи такое же значение, как Пфальц, Саксония или Бавария. У него не было прямого выхода к Балтийскому морю, его песчаная или заболоченная почва плохо подходила для сельского хозяйства, а его города и промышленность были заброшены. Ландтаг, в котором доминировали дворяне, крепко держал в руках курфюршеский кошелек. В последнее десятилетие XVI в. дворянство само попало в тяжелое финансовое положение, и, поскольку его интересы были ограничены региональными вопросами, оно не видело никаких преимуществ в том, чтобы идти на финансовые жертвы ради заключения амбициозных союзов с иностранными государствами.

Курпринц продолжал добиваться поддержки союза с Голландией, но без особого успеха. В 1607 г. курфюрст отдал Иоганну Сигизмунду полномочия заниматься юлих-клевским вопросом и 10 000 гульденов в год для его реализации. Этой суммы было катастрофически недостаточно ни для продолжения активной протестантской политики 1604–1605 гг., ни для выполнения соглашения с голландцами, хотя он смог направить посланника на мирные переговоры между Испанией и Генеральными штатами.

Претенденты на юлих-клевское наследство были не единственными, кто был заинтересован в решении этого вопроса. Соседние правители не могли не заметить политический, династический и религиозный подтекст престолонаследия. Голландцы, десятилетиями боровшиеся против испанского господства, естественно, не хотели, чтобы прогабсбургский правитель унаследовал герцогства Юлих-Клеве. В 1605 г. они согласились поддержать притязания Бранденбурга на герцогства не столько потому, что были убеждены, что Гогенцоллерны имеют больше прав, сколько потому, что из всех претендентов Бранденбург был бы наиболее приемлемым соседом. Это был политический, а не юридический вопрос. Король Франции Генрих IV также много лет беспокоился о развитии ситуации на Нижнем Рейне. Его королевство было практически окружено землями Габсбургов, поэтому он всегда внимательно следил за любым их усилением. Юлих-Клеве казалось ему вероятной целью для устремлений Габсбургов. Хотя он был католиком, но часто выражал готовность помочь протестантским претендентам, «поскольку у меня нет других намерений в этом отношении, кроме как поддерживать справедливость и предотвращать все насильственные и несправедливые узурпации». В отличие от голландцев, для Генриха IV не имело значения, кто из протестантских наследников имеет больше

шансов, лишь бы Габсбурги не взяли под контроль Юлих-Клеве. Ключом к закреплению за протестантскими наследниками герцогств, как он объяснил ландграфу Гессен-Касселя Морицу в декабре 1604 г., было их выступление единым фронтом. В противном случае неприятели воспользовались бы их разобщенностью, чтобы захватить земли себе.

Мориц полностью согласился с королем и призвал наследников последовать его предложению. Однако ландграф не был слишком оптимистичен в отношении перспектив, поскольку он и другие германские князья годами стремились объединить претендентов. И, как он и подозревал, из этого увещевания ничего не вышло. Ни призывы протестантских князей, таких как ландграф Мориц, маркграф Иоахим Эрнст Бранденбург-Ансбахский или курфюрст Пфальца Фридрих, ни вмешательство французского короля не привели даже к встрече претендентов. Эта неспособность даже обсудить проблему во многом была связана с упрямством бранденбургских князей, хотя маловероятно, что какие-либо переговоры привели бы к удовлетворительному концу. Ни один из претендентов не проявил готовности идти на компромисс в отношении наследства, каждый из них верил в свою правоту.

Когда к лету 1608 г. проблема престолонаследия все еще не была решена, ведущие сторонники недавно основанной Евангелической Унии, герцог Вюртемберга и курфюрст Пфальца, отправили миссию во Францию. Поскольку не было достигнуто никакого соглашения о Юлих-Клеве, их посланник сообщил королю, что разногласия среди протестантских князей сыграют только на руку испанским и австрийским Габсбургам. Беспристрастные друзья претендентов должны разработать какие-то временные меры. Французский король и Уния намеревались взять на себя урегулирование конфликта с последующим получением помощи протестантским претендентам после смерти герцога Юлих-Клеве. Хотя это был разумный план, учитывая, что сами наследники не смогли решить проблему, он не был реализован. Таким образом, когда девять месяцев спустя Иоганн Вильгельм умер, все еще не было достигнуто соглашение о наследстве, к большому сожалению тех, кто настаивал на этом. Наследство в виде герцогств Юлих, Клеве и Берг, графств Марк и Равенсберг и сеньории Равенштайн открылось 25 марта 1609 г. [2, р. 23–31].

Тем временем, два главных наследника Юлих-Клеве, Иоганн Сигизмунд и Вольфганг Вильгельм, не стали так долго ждать решения императора. Каждый завладел частями наследства, и ввиду опасности имперской конфискации они согласились с разделом, тем более что оба были протестантами. Они временно приостановили свой спор и стали совместно распоряжаться герцогством. Император, конечно, объявил это

соглашение недействительным и приказал занять город Юлих своими войсками, состоящими из испанских солдат, прибывших из Нидерландов [4, S. 93].

Курфюрсту и пфальцграфу вряд ли удалось бы отстоять Юлих-Клеве от объединённой испано-австрийской мощи, прежде всего из-за отсутствия необходимых вооруженных сил. Но они смогли склонить соседние европейские державы на свою сторону. Ни Голландия, ни Франция, ни король Англии, поддерживавший в то время Унию, не хотели, чтобы Юлих-Клеве попало в руки Австрийского дома [6, S. 187–188]. Опасность усиления Габсбургов на Нижнем Рейне побудила Францию действовать. Но, после убийства короля Генриха IV она была не в состоянии вступить в серьезную конфронтацию с Домом Габсбургов. В то же время силы Испании настолько ослабли, что в 1609 г. она была вынуждена заключить перемирие с Соединёнными провинциями, и нуждалась в более длительной передышке. Без Испании император не осмелился продолжать начатую им борьбу за юлих-клевское наследство. Евангелическая Уния также была удовлетворена тем, что в очередной раз избежала испытания войной. Так два «имущих» наследника остались наедине. Их единство продлилось недолго, общая территория стала источником трений, в ходе которых Вольфганг Вильгельм обратился в католицизм, а Иоганн Сигизмунд в кальвинизм. Вновь в 1614 г. возникла опасность войны. Но ни одна из великих держав не хотела войны, поэтому претенденты заключили Ксантенский договор 1614 г. о разделе наследства, который сначала считался временным, но в конце концов был сохранён. Пфальц-Нойбург получил Юлих и Берг, а Бранденбург - Клеве, Марку и Равенсберг [4, S. 92-93].

Библиографические ссылки

1. Белоусов М. Р. Монархи государств Западной Европы от Средневековья до современности. Историческая география и генеалогия: учебное пособие. Казань: Казан. ун-т, 2014. 403 с.
2. Anderson A. D. On the verge of war: international relations and the Julich- Kleve succession crises (1609-1614). Boston: Humanities Press, 1999. 276 p.
3. Droysen J. G. Geschichte der preussischen Politik. Bd. 2. Abth. 2. Leipzig: Veit und Comp., 1859. 643 S.
4. Hartung F. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation, der Gegenreformation und des 30-jährigen Krieges. Berlin: De Gruyter, 1971. 133 S.
5. Prutz H. Preußische Geschichte. Bd. 1. Stuttgart: J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1900. 463 S.
6. Ranke L. Genesis des Preussischen Staates. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874. 522 S.

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Е. Д. Смирнова

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Smirnova@bsu.by

В статье рассматривается исследование истории повседневности в историографиях Австрии, Германии, Италии, России, Франции втор. пол. XX – начала XXI вв.

Ключевые слова: европейская историография; Средние века; история повседневности.

The article deals with the research of a history of everyday life in the historiographies of Austria, Germany, Italy, Russia, France in the second half of the XX c. – in the beginning of the XXI c.

Keywords: European historiography; The Middle Ages; history of everyday life.

Термин «история повседневности» пришел к нам из западной историографии. Среди исследований *европейских* ученых, прежде всего, необходимо выделить работы *общетеоретического* характера. Например, исследования австрийского социолога повседневности Альфреда Шюца (1899–1959) [28] и немецкого социолога, основателя теории цивилизаций Норберта Элиаса (1897–1990). [29]. Становление социологии повседневности вызвало похожие изменения и **в истории**. Как самостоятельная область исследования возникла история *повседневности* (*Everyday Life History* (англ.); *Alltagsgeschichte* (нем.); *Histoire de la vie quotidienne* (франц.), *Dějiny každodennosti* (чешск.).

Первый интерес к материальной культуре и истории повседневности возник у историков-позитивистов на рубеже XIX и XX столетий, именно тогда немецкий историк **Карл Лампрехт** высказал мысль о том, что важнейшей задачей истории является изучение «*быта и социального поведения больших масс людей*» [12, С.153].

Предметом изучения истории повседневности обычно называют сферу человеческой обыденности. В центре её внимания – жизненный мир людей *разных социальных слоев*, их поведение и эмоциональные реакции на те или иные события. [15, С. 318; 23, С. 3]. Вместе с тем, *Everyday Life History* вполне логично рассматривать как одну из составляющих историко-антропологического подхода, необходимость которого в изучении прошлого обозначили **Марк Блок (1886–1944)** и

Люсьен Февр (1878–1956), создавшие в 1929 г. журнал «Анналы» («*Annales d'histoire économique et sociale*» – «Анналы экономической и социальной истории»), предложившие видеть в реконструкции *повседневного* элемент воссоздания истории в ее целостности.

Во французской школе Анналов вопросами повседневности много занимался младший современник М.Блока и Л. Февра – **Фернан Бродель (1902–1985)**, понимавший прошлое как медленное чередование периодов большой длительности, в которые он включал и повседневно-бытовую составляющую. [9; 32, с.45].

Большое признание **история повседневности** получила у **медиевистов** и специалистов по истории раннего Нового времени [3, S. 10–19; 5, S. 8–9; 6, p. 917–933; 19, с. 77–100; 30, с. 411–420].

В **Австрии в городе Кремсе**, на рубеже 1960–70-х гг. был создан Институт изучения реалий позднего Средневековья и раннего Нового времени. А в 1982 г. появилось Международное общество истории материальной культуры и повседневности Средневековья – «*Medium Aevum Quotidianum*».

История повседневности получила резонанс и в историографиях Германии и Италии. С начала 80-х гг. Западную Германию охватил настоящий «исторический бум». Большое распространение получили «*исторические мастерские*» (*historische Werkstätten*). В 1983 г. сторонники “истории повседневности” в ФРГ создали профессиональное объединение под названием «Мастерская истории», а в 1984 г. в Берлине состоялась дискуссия о возможностях истории повседневности и её пределах [18, с. 117]. С этого момента «история повседневности» по существу превратилась в самостоятельное *направление* исторической науки ФРГ [2], появился интерес к «маленькому человеку», получивший название «*истории повседневности*» (*Alltagsgeschichte*) или «*истории снизу*» (*Geschichte von unten*) [16, с.84].

В 1985 г. председатель «Союза историков Германии» профессор Кёльнского университета К. **Майер** на XVI конгрессе исторических наук в **Штутгарте** назвал изучение «*истории повседневности*» *наряду с развитием социальной истории, исторической антропологии и изучением ментальности одним из главных достижений послевоенной историографии Западной Германии* [21, с. 193].

Наибольший вклад в разработку научной «истории повседневности» внес выпускник Тюбингенского университета сотрудник Института истории Общества им. Макса Планка в Гёттингене Альф **Людтке (1943–2019)**. В 1980-х гг. под редакцией профессора А. Людтке появился сборник «История повседневности. Реконструкция исторического опыта и образа жизни» [1].

А. Людтке и его единомышленник и коллега по Институту Ханс Медик предложили молодым историкам сфокусировать свои исследования на изучении *[микро]историй* отдельных рядовых людей [20], а через них перейти к изучению проблем культуры и повседневной жизни. В германской историографии это была программа «истории повседневности» [18; 19], которую Х. Медик тесно связывал с *этнологией* и назвал *этнологической социальной историей* [23, с. 7]. Теме повседневной истории был посвящён проходивший в Ганновере (1992 г.) съезд немецких историков, доклады которого были опубликованы под названием «Споры о социальной истории, истории повседневности и микроистории». [7] и прошедшая в Беларуси (Минск) в 1999 г. конференция «Повседневная история и права человека», организованная Немецкой и Белорусской комиссиями по делам ЮНЕСКО [22].

К толкованию повседневной истории как синонима микроистории оказался склонен и ряд исследователей **Италии**. Еще в 70-е гг. прошлого века небольшая группа ученых во главе с Карло Гинзбургом объединилась вокруг созданного ими журнала «Quaderni Storici» и основала в 1980 г. научную серию, названную ими «Микроистория» («Microstorie»). Итальянские историки сделали объектом исследования науки частное, единичное и случайное (индивид, событие или происшествие) [4]. Представительница этого направления **Симона Черутти** выдвинула тезис о существовании в итальянской микроистории двух течений — социального и культурного. По мнению исследовательницы, различие между этими двумя подходами в том, что, образно говоря, одни интересуются желудками, а другие — головами людей.

В 1990-е гг. германо-итальянская школа микроисториков расширилась. Ее дополнили [французские (представители 3-го поколения историков Школы «Анналов» – Жак Ле Гофф, Р. Шартье) и американские исследователи. Определяя основные компоненты концепции «тотальной истории», Ле Гофф (1924–2014) подчеркивал, что она включает в себя и **материальную культуру** – технику, экономику, повседневную жизнь (ибо люди в процессе истории строят *жилища, питаются, одеваются и вообще функционируют*) [17, с. 6]. А немецкий исследователь Г. **Пандель** подразделял изучение повседневной истории на три сферы: 1) рождение, сексуальность, болезни, смерть, детство, старость. 2) *питание, одежда, жилье*, работа, досуг. 3) способы выживания в экстремальных ситуациях [22, с. 77–78]. Затем *«пнемногоу вышли на сцену наиболее незаметные актеры*

истории: бедные, нищие, женщины и дети в обыденности их ежедневного существования» [6, p. 917].

С другой стороны на примере Средневековья всё чаще стали говорить о реконструкции повседневности **элитарных** слоев. В этом смысле история повседневности близка «истории частной жизни», которой в России в последние годы жизни занимался профессор Ю.Л. Бессмертный (1923–2000) [26; 27].

В российской и советской историографии изучение истории повседневности как самостоятельной дисциплины не получило широкого распространения. Научный поиск сопровождался стремлением осмыслить процессы, имевшие место в зарубежной науке. Одновременно были переосмыслены/открыты заново труды русских ученых первых десятилетий XX в. К примеру, философа и историка-медиевиста Льва Платоновича Карсавина (1882–1952). Как и его французский коллега и современник Марк Блок, Л.П. Карсавин был одним из тех, кто содействовал новому подходу в изучении общества. В известной мере Л.П. Карсавин является предшественником того направления исторической науки, которое часто называют *исторической антропологией*. «*История не сводима к росту капитала, ренты, цен, – писал Л.П. Карсавин в 1923 г. – Если мы за цифрой не воспримем, хотя бы смутно, человека, цифра – бесполезна*» [14, с. 99]. Именно в этом контексте он признавал и важность изучения средневековой **материальной культуры и повседневности**. «**Материальное** само по себе, в своей оторванности, не важно. Оно всегда **символично** и в качестве такового необходимо для историка во всей своей материальности. Оно **всегда** выражает, индивидуализирует и нравственное *состояние общества*, и его религиозные и эстетические взгляды, и его **социально-экономический строй**» [14, с. 99]. Таким образом, Л.П. Карсавин ещё в 20-е гг. XX в. поставил вопрос о важности изучения «материального бытия» и повседневности как специфической сферы общественной жизни. На 20-е гг. приходится и ряд других исторических исследований средневековой повседневности. Например, работы профессора Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской (1874–1939). [24, с.118]. В 20-е гг. XX в. она подготовила сборник статей «Средневековый быт» [25].

В 80-90-е гг. XX в. проблематикой истории повседневности/вещного мира западного Средневековья в той или иной степени занимались профессор Арон Яковлевич Гуревич (1924–2006) [10; 11] и доктор исторических наук Адель (Алла) Львовна Ястребицкая (1932–2010) [31]. Их исследования показали, что Средневековье создало свой особый *вещный облик повседневности*.

В последние десятилетия количество публикаций по культуре повседневности значительно увеличилось. Это связано с желанием преодолеть устаревший подход, согласно которому бытовой материал является своеобразным «довеском» к темам по истории общества. В связи с чем в Институте всеобщей истории (ИВИ) РАН (Москва) под руководством Ю.Л.Бессмертного был организован центр «Истории частной жизни и повседневности» и стал издаваться периодический сборник «Казус») [13]. Поясняя сущность такого **подхода**, можно вспомнить слова профессора М.А. Барга (1915–1991): «Суть его заключается в переносе *центра тяжести исторического исследования на феномен человеческой жизни в ее повседневности*, во всех проявлениях и связях» [8, с. 25.].

В науке существует мнение, что «история повседневности» – это *«почти этнология»*. Однако, в отличие от этнографии, *«история повседневности»*, – как отмечал немецкий исследователь Ханс Медик, – *преследует цель не разглядывания мелочей, а рассмотрения в подробностях»* [20, с. 202], т. к. ставит на первое место не столько описание материального предмета, сколько рассмотрение отношения к нему **людей** и тех противоречий, которые может повлечь за собой его существование.

Библиографические ссылки

1. Alltagsgeschichte. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen / Hrsg. A. Ludtke. – Frankfurt am Main, 1989. – 348 p.
2. Dülmen, R. van. Historická antropologie. Vývoj. Problémy. Úkoly. / R. van Dülmen. – Praha, 2002. – 117 s.
3. Jaritz, G. Geschichte des Alltags im Mittelalter - eine Herausforderung zur komparativen Forschung / G. Jaritz // Medium Aevum Quotidianum. – Krems, 1998. – № 38 – S. 10–19.
4. Levi, G. On Micro-history / G. Levi // New Perspectives on Historical Writing. – University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1992. – P. 95–98.
5. Piponnier, Fr. L'histoire de la vie quotidienne au Moyen Âge / Fr. Piponnier // Medium Aevum Quotidianum. – Krems, 1998. – № 38 – S. 8–9.
6. Piponnier, Fr. Quotidien / Fr. Piponnier // Dictionnaire raisonné de L'Occident medieval / J. Le Goff, J.-Cl. Schmitt. – P., 1999. – P. 917–933.
7. Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie. / Hg.W. Schulze. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1994. – 82 p.
8. Барг, М.М. О категории «Цивилизация» // Новая и новейшая история. – 1990. – № 5. С. 25–30.
9. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – М.: Прогресс, 1986. – 623 с.

10. Гуревич, А.Я. Многозначная повседневность средневекового человека / А.Я. Гуревич // Искусство кино. – 1990. – № 6– С. 109–112.
11. Гуревич, А.Я. Избранные труды. Т. 2. Средневековый мир / А.Я. Гуревич. -- М.—СПб.: Университетская книга, 1999. – 560 с.
12. Гутнова, Е.В. Историография истории Средних веков / Е.В. Гутнова. – М.: Высшая школа, 1985. – 479 с.
13. Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. М.: Российск. гос. гуман. ун-т, 1997. – 331 с.
14. Карсавин, Л.П. Философия истории / Л.П. Карсавин. - Берлин, 1923. – 270 с.
15. Козлова, Н.Н. Повседневность / Н.Н. Козлова // Современная западная философия. – М.: ТОН - Остожье, 1998. – С. 318-319.
16. Кром, М.М. Историческая антропология. 2-е изд., испр., доп./ М.М. Кром – СПб: «Дмитрий Буланин», 2004. – 168 с.
17. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф / Пер. с фр. М., 1992. – 373 с.
18. Людтке, А. «История повседневности» в Германии после 1989 года. / А. Людтке / Пер. с нем. С.И. Лучицкой // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1999 (Вып.2) / Под ред Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. – М.: Российск. гос.гуман.ун-т, 1999.— С. 117--126.
19. Людтке, А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии / А. Людтке // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. – М., 1999. – С. 77–100.
20. Медик, Х. Микроистория / Х. Медик // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Т. II. Вып. 4. –М., 1994.-- С. 193 - 202.
21. Оболенская, С.В. «История повседневности» в историографии ФРГ / С.В. Оболенская // Одиссей: Человек в истории 1990. – М.: Наука, 1990. – С. 182-198.
22. Пандель, Г.-Ю. Повседневная история как новый жанр историографии / Г.-Ю. Пандель // Гісторія штодзённасці і права чалавека. Матэрыялы міжнароднай канф. Мінск, 1—5 снежня 1999 г./Укладальнікі Петра Садоускі, Магда Тэлус.-- Мн.: Тэхналогія, 2000. – С. 73-87.
23. Пушкарева, Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» / Н.Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. – 2004. -- № 5. – С. 3—19.
24. Смирнова, Е.Д., Сушкевич Л.П., Федосик В.А. Средневековый мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник / Науч. ред. В.А. Федосик, Е.Д. Смирнова. Сост. Е.Д. Смирнова. 2-е изд, испр. -- Мн.: Беларусь, 2001. -- 383 с.
25. Средневековый быт. Сб. статей /Под ред. О.А. Добиаш-Рождественской, И. Хоментовской и Г.П. Федорова. – Л.: Изд-во «Время», 1926. – 279 с.
26. Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. – М.: РГГУ, 1996. – 376 с.
27. Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. /Под ред. Ю.Л. Бессмертного. – М.: РГГУ, 2000. – 582 с.
28. Шюц, А. Структура повседневного мышления /Пер. с англ. Е.Д. Руткевич / А. Шюц // Социальные исследования (СОЦИС). – 1988. – № 2. – С. 129–137.
29. Элиас, Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, С Введением: Социология и история / Н. Элиас / Пер. с нем. А.П. Кухтенкова и др. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 368 с.

30. Яриц, Г. Спасение души, материальная культура и повседневная жизнь в позднесредневековой Австрии / Г. Яриц // Другие средние века. К 75-летию А.Я. Гуревича/ Сост. И.В. Дубровский, С.В. Оболенская, М.Ю. Парамонова. – М.: СПб.: Университетская книга, 1999. -- С. 411—420.

31. Ястребицкая, А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. / А.Л. Ястребицкая – М.: Интерпракс, 1995. – 416 с.

32. Ястребицкая, А.Л. Реферат [Aguirre Rojas C.-A. Fernand Braudel und die modernen sozialwissenschaften. –Leipzig, 2002. -- 215 p.] / А.Л. Ястребицкая //Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История. Реферативный журнал. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – С. 45.

ИСТОРИЯ СЛАВЯН

АГРАРНАЯ ЭКОНОМИКА – ГЛАВНАЯ СФЕРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ НА ПОСЛЕПЕРВОБЫТНЫХ ДО КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТАДИЯХ

М. С. Довгялло

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, Dauhila@bsu.by*

Традиционная аграрная экономика – производство, целиком основанное на естественном базисе, вписанное в природные циклы, характеризующееся доминированием естественно возникших факторов труда (земли с ее плодородием в первую очередь), а соответственно и преобладанием обмена с природой над обменом в обществе. Эти коренные черты традиционной аграрной экономики имели эквивалент в общественных отношениях, в облике цивилизации на докапиталистических стадиях.

Ключевые слова: собирательство; охота; рыболовство; земледелие; природные ресурсы; аграрная экономика; охрана природы; А.В. Советов.

The traditional agrarian economy is production based entirely on a natural basis, inscribed in natural cycles, characterized by the dominance of naturally occurring labor factors (land with its fertility in the first place), and, accordingly, the predominance of exchange with nature over exchange in society. These fundamental features of the traditional agrarian economy had an equivalent in social relations, in the appearance of civilization at the pre-capitalist stages.

Keywords: gathering; hunting; fishing; agriculture; natural resources; agricultural economy; nature conservation; A.V. Sovietoff.

Исследование взаимодействия общества и природы – одна из самых насущных и актуальных проблем современности. Проблема взаимодействия общества и окружающей среды – это проблема всех стадий общественной эволюции. В ходе исторического процесса не одинаковыми были интенсивность и формы взаимодействия общества и природы, но самое взаимодействие – непреложное условие существования человека, ибо как биологическое существо он принадлежит природе и может существовать лишь благодаря постоянному обмену с нею веществом и энергией. Слово («экономика») происходит от греческих «oikos» (дом, домашнее хозяйство) и «nomos»

(закон), таким образом слово «oikonomia» означает закон хозяйствования, искусство разумного, бережливого, расчетливого ведения хозяйства.

В течение длившегося сотни тысячелетий периода палеолита человечество сильно зависело от природы и очень мало на нее воздействовало. Это - время собирательства и охоты, которое, несмотря на примитивное оружие, способствовала уменьшению численности, а иногда исчезновению некоторых видов животных. Наиболее древние отрасли хозяйства – охота, рыболовство и собирательство – отражали почти полную зависимость человека от сил природы. Как писал Ф. Энгельс, это был «период преимущественно присвоения готовых продуктов природы» [1, с. 27]. С появлением земледелия и скотоводства эпоха присвояющегося хозяйства пришла к концу. Новые хозяйственные отрасли стали значительно более надежным источником питания. Эти «два кита» сопутствуют друг другу и тесно взаимосвязаны. Продукты земледелия идут на корм скоту, который используется для работы на полях. Земледелие возникло еще в эпоху первобытнообщинного строя и явилось одним из главных факторов, способствовавших росту производительности труда и накоплению богатства. Переход к производству продуктов питания существенно улучшил пищевые ресурсы общества, но вместе с тем усилил его обратное воздействие на природное окружение.

Труд земледельцев приводил к смене растительного покрова на больших участках, например, когда леса, кустарники и луга вытеснялись полями, виноградниками или садами. Сильные нарушения первоначального облика ландшафта вызывали различного рода вырубки и земляные работы, например, шахты, каменоломни, туннели, рвы и валы, а также каналы. Люди, насколько мы можем судить по сохранившимся письменным материальным свидетельствам, постоянно перемещались. Исчерпав природные ресурсы в одном ареале, размножившись в таком объеме, что прежних ресурсов стало не хватать, племя, род, семья передвигались в другой ареал – мирно, если он был свободен, немирно, если там уже обитали другие племена. Это была первобытная миграция.

Активность общества сказывалась также на животном и растительном мире. Такие перемены были вызваны различными видами деятельности общества, а именно: охотой, животноводством, земледелием, ремеслом, особенно горным делом, градостроительством, потребностями торговли, социальной жизни, войнами и др.

Воздействие общества на природу не было одинаковым в различные периоды и природа претерпевала различные изменения в результате

активности античного общества. Небольшие эллинские полисы (VIII – IV вв. до н.э.) с их сравнительно скромными масштабами рабовладения контрастировали с большими эллинистическими монархиями (конец IV – I вв. до н.э.) и особенно с Римом позднереспубликанского периода (II – I до н.э.) или раннеимператорского времени (I – II вв. н.э.) с его обширнейшими территориями и огромными отрядами рабов [2, с. 20].

Возникновение исторически первых цивилизаций происходило в благоприятных природных условиях в тех регионах, где был теплый климат, удобные для обработки примитивными орудиями плодородные почвы, пригодные для культивирования, злаки, плодово-ягодные растения и корнеплоды, а также животные, поддающиеся одомашниванию и использованию в качестве тягловой силы. Отсутствие подобных условий затрудняло процесс перехода к цивилизованным формам жизни, а в некоторых случаях (как, например, в северной и тропической зонах) препятствовало переходу к цивилизациям. Первой стадией развития мировой цивилизации, последовавшей за первобытностью, являлась аграрная стадия. Установление господства аграрной экономики (традиционные земледелие и скотоводство) означало коренной перелом в формах и интенсивности взаимодействия общества и природы. Аграрная экономика как первый вид производящего хозяйства стала отправным пунктом ускоренного создания так называемой второй («очеловеченной») природы, формирования собственной (над природной) основы всемирно-исторического процесса, восхождения человечества на степень цивилизации, перехода ко вторичной общественной формации.

С утверждением аграрной экономики связано выделение семейного хозяйства в качестве основной формы непосредственного производства, превращение семьи в элементарную производственную социальную ячейку, результатом чего явилось формирование крестьянства как особого общественного класса. Непосредственным порождением аграрной экономики стала сельская община – социальный институт, лежащий в основе всех послепервобытных докапиталистических структур. При господстве аграрной экономики цивилизация носила аграрно-традиционный характер. Ее локальные варианты порождались продиктованными окружающей средой формами ведения непосредственного производства. Естественные основы традиционной аграрной экономики предопределяли взаимосвязь человека и природы.

Занятие земледелием и скотоводством привело к глубокому вторжению в природные системы, серьезно нарушило течение биосферных процессов (сведение лесов, распашка крупных земельных массивов, создание условий для вытеснения одомашненными

животными дикими популяциями, ухудшение почвы и растительного покрова из-за передвижения кочевых стад по степным просторам, изменение водного баланса в результате устройства ирригационных систем и т. п.). Развитие земледелия и скотоводства предполагало определенный уровень общественного разделения труда, связанного с существованием ремесла и торговли. Подсечно-огневая система земледелия, распространенная в лесных районах, примитивная система обработки земли, основывалась на освобождении занятого лесом участка земли под земледелие путем вырубki деревьев, выкорчевывания пней и выжгания оставшейся растительности. После истощения почвы на таком участке его забрасывали и осваивали новый, а плодородие почвы восстанавливалось естественным путем [3, с. 382–283]. Русский ученый А.В. Советов утверждал, что огневая система земледелия – это первобытная форма обработки земли, «самая хищническая, потому что она только берет из земли составные ее части, но не возвращает ровно ничего». Применение огневой системы может быть оправдано только на самых начальных этапах сельскохозяйственного освоения лесных пространств, да и то «только как временное и притом неизбежное зло, губительные последствия которого должны быть, по крайней мере, предотвращаемы, в видах сбережения народного богатства более благоразумным пользованием подобными участками» [4, с. 33–34]. Длительное сохранение подсечно-огневой системы свидетельствует об отсталости сельского хозяйства.

Огневая система хозяйствования была господствующей в древней России, во время лесами была покрыта нынешняя центральная Россия. Ею начиналась, ею и оканчивалась колонизация. Пахали землю наездом, рубили, подсушивали и жгли леса. Затем, когда земля истощалась, ее бросали и искали новую и переселялись на места более плодородные. Поскольку зола повышала плодородие почвы лишь на короткий срок, то во многих местах огневое хозяйство обусловило полукочевой образ жизни с переносом полей и сформировалась полукочевая система хозяйствования. Тем не менее ему была присуща и собственная аграрная экономика-экологическая стабильность. Однако, как отметил профессор Аризонского университета, историк окружающей среды, Стивен Дж. Пайн: хотя сам по себе огонь редко разрушал ландшафт, но «огонь и копыто, огонь и топор, огонь и плуг, огонь и меч» вполне могут наносить серьезный экологический ущерб, особенно в экологически лабильных регионах [5, с. 75].

Аграрная экономика основывалась на природном базисе. В целях сохранения последнего и предупреждения кризисных экологических состояний общество выработало определенные поведенческие

стереотипы, закрепленные традицией, обычаями, правом, освещенные религией. В докапиталистическую эпоху на страже экологически целесообразного природопользования стояла сельская община – социальный институт, объединявший семейно-индивидуальные хозяйства. Со временем важную роль в этом отношении стало играть государство.

Особенно негативными оказались последствия ирригационного земледелия. Переход к поливному земледелию дал почти скачкообразное увеличение населения, которое обычно именуют первой демографической революцией [6, с. 22]. На поливных землях начинается засоление и идет падение урожайности. Считается, что заболачивание и заселение орошаемых земель послужило одной из причин перемещения центра интенсивного исторического развития в древней Месопотамии с юга на север – из заболачиваемых пространств Шумера в Вавилонию.

В своей деятельности по сохранению природной среды общинное крестьянство руководствовалось чисто практическими хозяйственными интересами. Тем не менее эта деятельность объективно способствовала сохранению баланса между человеком и природой. Предупреждение истощения природных ресурсов, чередование подсеки и перелога с правильными севооборотами, установление сроков и норм охоты, ловли рыбы, сбора ягод, пользования бортными угодьями, ограничения, касающиеся устройства плотин, запруд т.д.

Значительное воздействие на почву оказали результаты неумелой животноводческой деятельности. Разводя коз, предки современных греков и не предполагали, что в дальнейшем именно козами будет уничтожена древесная растительность не только в Греции, но и во многих странах Южной Европы [7, с. 50]. Ухудшение экологической обстановки в Средиземноморье поразили современников, в частности древнегреческого философа Платона. Он писал в «Критии»: «...в те времена еще неповрежденный край имел и высокие многохолмные горы и равнины, которые ныне зовутся каменистыми, а тогда были покрыты мягкой почвой, и обильные леса в горах, дававший хороший строевой материал» [8, с. 121]. Постепенно картина менялась, и ко времени Платона леса были уничтожены. Вырубка леса была хищнической, не предусматривавшей его воспроизводство. Практиковавшееся подсечно-огневое земледелие с увеличением обрабатываемых площадей привело к резкому сокращению лесных массивов. Распространение сельскохозяйственных культур оказало катастрофическое воздействие на большое число наземных экосистем. Например, в Китае сегодня только 5% площади покрыто лесами, тогда как в неолите эта цифра достигала 90%. Неумеренный выпас скота в эпоху древних цивилизаций привел к

разрушению растительного покрова, а вырубка леса для освобождения территорий под поля усилила эрозию почвы и увеличила засушливость климата [9, с. 47–48]. С весьма раннего времени наблюдается и демографический прессинг на экологическую ситуацию. В эпоху присвоения продуктов питания через систему собирательства, охоты и рыболовства, это происходило главным образом через урон, наносимый фауне, а позднее – через воздействие уже на экологические системы в целом, затрагивая многие их компоненты.

Таким образом, с утверждением индустриальной системы производительных сил ведущая роль в общественном развитии переходит к промышленности и городу. Сельское хозяйство переводится на индустриальные рельсы: место традиционного крестьянина заступает фермер. Но коль скоро и в земледелии и скотоводстве действуют естественно возникшие средства труда, сохраняется органическая связь с природой, аграрное производство и в наше время остается сферой, непосредственного воздействия природных факторов на общество. Поэтому весьма важно учитывать народный экологический опыт прошлого (как в ведении материального производства, так и в социальном плане, в ориентации на гуманистическое отношение к природе и человеку). Использование земли как средства производства требует применения экологически безопасных технологий, значительных затрат на охрану окружающей среды.

Библиографические ссылки

1. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства /Ф. Энгельс. – Изд. 5-е. - М.: URSS: Ленанд, 2017. – 238 с.
2. Блаватский, В.Д. Природа античного общества /В.Д. Блаватский. – М.: Наука, 1976. – 79 с.
3. Большая энциклопедия: в 62 томах. Т.37. – М.: ТЕРРА, 2006. – 592 с.
4. Советов, А.В. О системах земледелия /А.В. Советов. – М.: Либроком, 2015. – 186 с.
5. Радкау, Й. Природа и власть /Й. Радкау. – М.: Высшая школа экономики, 2014. – 467 с.
6. Историческая экология и историческая демография . Сб. научных ст. /Под ред. Ю.А. Полякова. – М.: РОССПЭН, 2003. – 384 с.
7. Григорьев, Ал.А. Экологические уроки исторического прошлого и современности /Под ред. К.Я. Кондратьева. – Л.: Наука, 1991. – 252 с.
8. Платон. Критий //Собр. соч.: В 3-х т. - М.: Мысль, 1971. - Т. 3. – 311 с.
9. Макович, О. Раньше было лучше? Как древние цивилизации губили экологию /О. Макович //Планета. -2019. – С. 44-51.

СЛОВЕНСКО-АВСТРИЙСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЮЖНОЙ КАРИНТИИ (СЛОВЕНСКОЙ КОРОШКЕ)

А. П. Сальков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, anatsalkov@mail.ru*

Словенско-австрийский национально-территориальный конфликт в Южной Каринтии характеризовался глубокими историческими корнями. Он имел региональные локации – Крайну, Каринтию, Штирию. Историческая аргументация прав на спорные территории выводилась из периода Средневековья. Этнические и этнокультурные аргументы приобрели существенное значение в период Раннего Нового времени.

Ключевые слова: словенско-австрийский спор; Южная Каринтия; Штирия.

The Slovenian-Austrian national-territorial conflict in Southern Carinthia was characterized by deep historical roots. It had regional locations - Carinthia, Styria, and Carinthia. The historical argumentation of rights to disputed territories was derived from the Middle Ages. Ethnic and ethnocultural arguments gained significant importance during the Early Modern period.

Keywords: Slovenian-Austrian dispute; Southern Carinthia; Styria.

На территории исторической Каринтии кельтские и иллирийские племена в античные времена создали царство Норик (IV–I вв. до н.э.). Затем эти земли между верхним течением Дравы и Дуная на правах королевства Норик являлись римской провинцией (конец I в. до н.э. – вторая половина V в.). С падением норикского лимеса – сегмента римской погранично обороны на Дунае – Каринтия была заселена германскими племенами остготов и баваров, а также славянами, сформировавшими здесь Землю славян площадью около 70 тыс. кв. км. Аварский каганат (562–823) в союзе со славянами в начале VII в. предпринял наступление в Восточные Альпы и на Балканы. Однако противоречия между союзниками привели к антиаварскому восстанию. В результате возник славянский союз племен – «Держава» Само (623–658), располагавшийся на территории современной Нижней Австрии, Каринтии, Штирии, Словении, Моравии. В его состав с правами автономии входила Вендская марка, сложившаяся, вероятно, еще в начале VII в. на базе раннефеодальной карантанской народности. С распадом племенного союза Само Карантанское княжество осталось независимым (658–745), став первым славянским государством, принявшем христианство из Рима [1].

Ядром княжества с центром в Крнски граде была территория современной австрийской земли Каринтия в верховьях Дравы. В период наибольшего расширения Карантания включала Штирию, часть Верхней и Нижней Австрии, Восточный Тироль. Однако под напором вновь усилившихся авар карантанский князь Борут был вынужден признать в 745 г. сюзеренитет Баварского герцогства, а значит и верховную власть Франкского королевства, что означало потерю независимости. В 788 г. Бавария подняла мятеж против франков, но была разбита войсками Карла Великого. Ставший после этого герцогом Баварии (788–814) Карл присоединил Карантанию, которая сохранила внутреннюю автономию и правление собственных князей. С созданием Франкской (Каролингской) империи (800–887) в ее состав вошли все земли предков словенцев. Подавление антифранкского восстания Людевита Посавского (819–822), поддержанного карантанцами, привело не только к ликвидации власти карантанских князей, но и к уничтожению местной властной элиты, что заложило основы для формирования неполной социальной структуры словенского народа и дало толчок к его онемечиванию. Реформа 828 г. раздробила земли Карантании на ряд марок во главе с немецкими маркграфами – собственно Карантанию (включала и штирийские земли), Посавье, Нижнюю Паннонию, Истру, Фриуль [2].

Вторым очагом государственности древних словенцев стало Нижнепаннонское (Блатенское) княжество, возникшее около 840 г. под немецким патронажем на части территории Карантании вокруг оз. Балатон. Княжество вскоре политически переориентировалось на Великую Моравию и превратилось в культурный центр славян. В 867 г. здесь были приняты проповедники христианства Кирилл и Мефодий. Нижняя Паннония, поддержав антифранкское восстание Великоморавского княжества, вслед за ним также обрела независимость (869–876). Было создано Паннонское архиепископство во главе с Мефодием, включавшее оба мятежных княжества. Однако власть немецких маркграфов была восстановлена, Мефодий с учениками изгнан, славянское богослужение запрещено. В 901 г. Нижняя Паннония была захвачена венграми, а славянское население подверглось мадьяризации [3].

Король Восточно-Франкского королевства Арнульф Каринтийский (887–899) на короткое время административно объединил все славянские марки, но они вновь были раздроблены и возвращены Баварии. С начала X в. в королевстве воцарилась саксонская династия, и оно стало называться Немецким (Тевтонским). Для древних словенцев это открыло пятивековую «эпоху забвения», немецкой ассимиляции двух третей их территории, утраты общего этнонима «карантанцы», культурной

стагнации и масштабного онемечивания. После создания Священной Римской империи (962) от Баварии были отделены восточные марки, составившие в 976 г. единое подвассальное государство – герцогство Великая Карантания с центром в Клагенфурте (*словен.* Целовец), за которым вскоре закрепилось название Каринтия. Штирия обособилась в удел в 1035 г., затем стала маркой (1122), герцогством (1160). Волны немецких переселенцев полностью вытеснили славянское население из северной части Каринтии, а также северной и западной частей Штирии. В результате череды войн и династических коллизий герцог Австрии Отакар II Пржемысл (правнук императора Фридриха I Барбароссы), ставший королем Чехии (1253), распространил свою власть на Штирию (1260), Каринтию и Крайну (1269). Его держава стала охватывать огромную территорию от Судет на севере до побережья Адриатики на юге, что привело к столкновению с интересами Габсбургов, набравших силу в период германского междуцарствия. Граф Рудольф I Габсбург, который был избран королем Германии (1273), победил в борьбе с Пржемыслом. В 1278 г. он стал герцогом Каринтии, Крайны, Австрии, Штирии, основав тем самым Габсбургскую монархию. Приход на словенские земли немецких феодалов, закрепление их власти и прав собственности повлекли первую массовую немецкую колонизацию, продолжавшуюся в X–XII вв. Хотя она носила экономический характер, большая часть земель Карантании оказалась германизированной. К XV в. установилась словенско-немецкая этническая граница, которая оставалась неизменной до середины XIX в. [4].

На фоне начавшихся османских набегов на словенские земли (1408–1415, 1469–1483, 1491–1499, 1526–1532, 1574–1578 гг.) продолжались бесконечные феодальные войны. Последними соперниками Габсбургов в словенских землях были графы Цельские (Занегги), получившие уделы в Штирии, Каринтии и Крайне. Борьба с графами, а затем за наследство Цельских длилась более 100 лет и закончилась в 1460 г. победой эрцгерцогов (с 1453 г.) Габсбургов. Однако их новым соперником стал венгерский король Матяш Корвин, установивший в 1470-х – 1480-х гг. контроль над частью каринтийских, штирийских, австрийских и чешских земель. После его смерти (1490) все завоеванные им территории вернулись под власть Габсбургов. В 1493 г. Максимилиан I разделил австрийские земли на два округа – Верхнюю Австрию и Нижнюю Австрию (в составе собственно Австрии, Штирии, Каринтии, Крайны) с отдельными правительствами и наместниками. К рубежу XVI в. в словенских землях сложилось единое сословие лично зависимых крестьян. Будучи в подавляющем большинстве словенцами, они составили основное население страны, доля которого на протяжении

шести веков была неизменной – в пределах 97–98 %. Феодальная эксплуатация порождала протест. Крестьянское восстание 1515 г. в словенских землях, ставшее наряду с Движением башмака и Гуситскими войнами предвестником Великой крестьянской войны в Германии 1524–1526 гг., выдвинуло ряд требований. В их числе было и политическое – постоянное представительство созданного повстанцами Крестьянского союза в государственных структурах монархии, наряду с собраниями сословий и императорской канцелярией [5, с. 36–49, 90–95, 151–160].

Лютеранская реформация в Словении (1520-е – 1590-е гг.) во главе с Приможем Трубаром, несмотря на свое поражение, дала толчок для пробуждения национальной жизни. Был создан словенский письменный язык, предпринята попытка сформировать свою протестантскую церковь и национальную школу. Победа контрреформации замедлила складывание национального самосознания, изменила этнический состав словенских городов, в которых выросла немецкая и итальянская прослойка. Тем не менее, социальные и религиозные движения XVI в. способствовали словенской этнической консолидации, которая находилась на одном из самых низких уровней в монархии Габсбургов. Развитие письменности и книжной культуры в XVII–XVIII вв. свидетельствовало о существовании этнической самоидентификации словенцев, пусть даже в регионализированной форме (каринтийцы, штирийцы, крайнцы, поморяне, горичане). Словенский язык начал употребляться не только в католическом богослужении, но и в официальных документах [6, с. 15–23].

Все это подготовило условия для Словенского национального возрождения (1768–1848 гг.), центром которого являлась Крайна. Марко Похлин своей «Краинской грамматикой» (1768) заложил основы словенского литературного языка. В Каринтии Ожбалът Гутсман издал собственную грамматику словенского языка (1777). В условиях просвещенного абсолютизма деятели янсенистского католического течения (Блаж Кумердей и его «Академия деятельных», один из основателей современного славяноведения Ерней Копитар), просветительские кружки барона Сигизмунда Цойса и Янеза Блейвейса выдвинули программу развития словенской культуры и образования, которая, однако, дала скромные результаты. В Штирии и Каринтии словенское движение, не столь подверженное влиянию янсенизма, как в Крайне, развивалось более свободно [7, с. 251–255].

Наполеоновские войны оказали сильное влияние на национальные процессы в Каринтии и Штирии. В ходе войны I антифранцузской коалиции (1792–1797) наполеоновские войска оккупировали почти все словенские земли. По условиям Кампо-Формийского мира с Австрией

(октябрь 1797 г.) они парадоксальным образом преодолели свою административную разобщенность и впервые оказались в рамках одного государства. На захваченных словенских и хорватских землях, отрезавших Австрию от Адриатики, была образована французская автономная область – Иллирийские провинции (1809–1813) с центром в Лайбахе (*словен.* Любляна). Даже недолгий срок и специфический характер такой государственности укрепил самосознание словенцев [8, р. 73–75].

Венский конгресс (сентябрь 1814 – июнь 1815 г.) возвратил утраченные австрийские владения под контроль Габсбургов. С целью преодоления влияния реформ Наполеона на базе Иллирийских провинций была создана административная единица – Иллирийское королевство (1816–1849) с центром в Лайбахе. В его состав входила и Каринтия, которая после ликвидации этого королевства была восстановлена как отдельная земля. В условиях консервативного режима австрийского канцлера (с 1821 по 1848 г.) Клеменса Меттерниха южные районы Каринтии и Штирии подверглись методичной германизации [5, с. 128–131, 166–169; 9, с. 142–152].

Предпосылки словенско-австрийского конфликта окончательно вызрели. По первой имперской переписи 1846 г. из 113 тыс. человек населения Словенской Каринтии 103 тыс. (91,2 %) составляли словенцы. Однако немецкая прослойка по причине германизации и миграции начала расти огромными темпами, в первую очередь, в Клагенфурте (*словен.* Целовец), что привело к стремительному падению доли словенцев в крае в конце XIX в. до 40 % [10, л. 87].

Новое поколение светских словенских просветителей (Франце Прешерн, Матия Чоп), ставших наследниками национального возрождения, направило усилия на формирование словенского литературного языка, в котором существовали и соперничали четыре алфавита. Хотя утопические идеи иллиризма и создания общеславянского языка в целом порицались, они имели наибольшее распространение именно в Штирии и Каринтии, где словенскому населению больше всего угрожала денационализация. К началу 1840-х гг. в среде просветителей (каринтийский деятель Матия Маяр) появилось убеждение о едином словенском народе. В условиях начавшейся революции в Австрийской империи и Венского восстания 13–15 марта 1848 г. словенские политические общества в Вене, Любляне и Граце в марте – апреле разработали национальную программу Объединенной Словении. Она выдвигала задачу преодоления административной раздробленности этнически однородных словенских земель в рамках гипотетической австрийской федерации. В это же время возникло

пангерманское движение и идея Объединенной Германии, что привело к созыву Франкфуртского национального собрания (заседало с мая 1848 по май 1849 г.). Возможное присоединение Австрийской империи к Германскому союзу резко меняло статус австрийских славян. Взамен надежд на преобладающее положение в империи, они становились бы меньшинством в общенемецком государстве. Ответом на этот вызов стал Славянский съезд (Прага, июнь 1848 г.), выработавший австрославистскую позицию словенских деятелей [11, 12]. Словенско-австрийский спор переместился во временной формат середины XIX – середины XX в., заняв свое заметное место в национально-территориальных конфликтах в Центрально-Восточной Европе Новейшего времени.

Библиографические ссылки

1. Slovenci skozi čas: Kronika slovenske zgodovine / uredil Jaro Mihelač. – Ljubljana : Mihelač, 1998. – 519 s.
2. Šavli Jožko. Slovenska država Karantanija. – Koper : Lipa ; Dunaj : Editionis Veneti ; Ljubljana : Karantanija, 1990. – 282 s.
3. Kahl Hans-Dietrich. Der Staat der Karantanen. Fakten, Thesen und Fragen zu einer Frühen slawischen Machtbildung im Ostalpenraum (7.–9. Jh.). – Ljubljana : Narodni muzej : SAZU, 2002. – 562 s.
4. Gleirscher Paul. Karantanien – das slawische Kärnten. – Klagenfurt : Carinthia, 2000. – 165 s.
5. Кирилина Л. А., Пилько Н. С., Чуркина И. В. История Словении. – СПб. : Алетейя, 2011. – 480 с.
6. Роль религии в формировании южнославянских наций / под ред. И. В. Чуркиной. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 264 с.
7. История культур славянских народов: в 3 т. / отв. ред. Г. П. Мельников. – М. : ГАСК, 2003–2008. – Т. 2: От барокко к модерну. 2005. – 586 с.
8. Magocsi Paul R. Historical Atlas of Central Europe. Third Revised and Expanded Edition. – Toronto ; Buffalo : London : University of Toronto Press, 2018. – 275 p.
9. История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны) / отв. ред. В.Н. Виноградов. – М. : КРАСАНД, 2012. – 496 с.
10. Архив внешней политики РФ. Ф. 0431/IV. Оп. 4. П. 3. Д. 3.
11. Vodopivec Peter. Od Pohlinove slovnice do samostojne države: Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. – Ljubljana : Modrijan, 2010. – 558 s.
12. Štih Peter, Simonini Vasko, Vodopivec Peter. Slovenska zgodovina: družba – politika – kultura. – Ljubljana : Inštitut za novejšo zgodovino : Sistory, 2008. – 574 s.

ЧЕШСКИЕ ГУСИТЫ МЕЖДУ ЛЮТЕРОВСКОЙ РЕФОРМАЦИЕЙ И ПАПСКОЙ КУРИЕЙ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ПРАГЕ В 1523–1525 гг.

В. В. Репин

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, repin@bsu.by

В работе рассматривается религиозно-политический контекст противостояния двух групп пражских горожан в 1523–1525 гг., нашедших отражение в «Пражской хронике» писаря Бартоша, созданной после 1530 г. Историкографическая оценка данных событий до сих пор является предметом дискуссий ввиду многочисленных факторов, оказавших влияние на развитие данной конфронтации: внутренняя борьба между амбициозными представителями пражского патрициата, вмешательство влиятельного вельможи Зденка Льва из Рожмитала, слабость королевской власти Ягеллонской династии и попытки чешского и венгерского короля Людовика укрепить свою власть в Праге, внутренний раскол в гуситской (утраквистской) церкви, усиливающееся влияние лютеровской реформации на регион Центральной Европы, стремление Папской курии укрепить положение католичества посредством привлечения на свою сторону утраквистов, и в конечном итоге создать единый фронт против усиливающейся турецкой экспансии. Успех группы склоняющегося к лютеранству Яна Главсы, на которого в начале король пытался опереться для создания более эффективной системы управления в Чехии, вызвал консолидацию консервативных утраквистов во главе с Яном Пашком, который, опираясь на Зденка Льва из Рожмитала и план признания Базельских компактов папой Климентом VII, сумел добиться изгнания своих оппонентов из Праги и достиг еще более независимого положения Праги перед королевской властью. Однако по итогам переговоров Базельские компакты, так и не были признаны представителями папства.

Ключевые слова: утраквизм; лютеранство; Хроника Пражская писаря Бартоша; Базельские компакты.

The paper examines the religious and political context of the confrontation between two groups of Prague citizens in 1523–1525, reflected in the Prague Chronicle of the scribe Bartoš, written after 1530. The historiographical assessment of these events is still a matter of debate due to the many factors that influenced the development of this confrontation: internal struggle between ambitious representatives of the Prague patriciate, the intervention of the influential nobleman Zdeněk Lev of Rožmitál, the weakness of the royal power of the Jagiellonian dynasty and the attempts of the King Louis II of Hungary, Croatia and Bohemia to consolidate his power in Prague, the internal split in the Hussite (Utraquist) church, the growing influence of the Lutheran Reformation on the region of Central Europe, the desire of the Papal Curia to strengthen the position of Catholicism by bringing the Utraquists to its side, and ultimately to create a united front against the growing Turkish expansion. The success of the group of the Lutheran leaning Jan Hlavsá, on whom the king had initially tried to rely for a more effective system of government in Bohemia, caused the

consolidation of the conservative Utraquists led by Jan Pašek, who, with the support of Zdeněk Lev of Rožmítal and the plan to have the Basel Compacts recognised by Pope Clement VII, succeeded in getting his opponents expelled from Prague and achieved an even more independent position for Prague before the king. As a result of the negotiations, however, the Basel Compacts were never recognized by the pope's representatives.

Keywords: Utraquism; Lutheranism; Prague chronicle of Bartoš Písař; Basel compacts.

В исторической памяти народов Центральной Европы значительное место занимает 1526 год, когда по итогам поражения при Мохаче армии чешского и венгерского короля Людовика Ягеллонского, погибшего в данной битве, начался новая многовековая эпоха правления Габсбургов. Битва при Мохаче, определив процессы на габсбургских землях в раннее новое время, оставила в тени, другие значимые сюжеты, происходившие на чешских землях 500 лет назад, среди которых особое место занимает распространение лютеровской реформации и трансформация чешской гуситской (утраквистской) церкви в новых международных условиях. На протяжении всей второй половины XV века, чешские сословия пытались сохранить баланс между гуситами и католиками, установленный Базельскими компактатами 1439 г., принятыми на церковном соборе под влиянием тенденций концилиаризма. Однако укрепившее свой политический авторитет папство, начиная с 1462 г. отказывалось признавать Базельские компактаты, что способствовало вычленению Чешского королевства из католического мира. В начале XVI века в условиях распространения учения Лютера, перед чешскими гуситами возникла проблема определения своего отношения к лютеранству, что вызвало раскол внутри утраквистской церкви, обострившийся в 1523 г. В данной публикации мы остановимся на рассмотрении решений данной проблемы в историческом контексте политической борьбы в Праге в 1523–1525 гг. между консервативным течением гуситов (консервативных утраквистов) и сторонниками реформ, часть из которых находилась под влиянием идей Лютера.

Историографию данной проблемы следует начать с произведения, которое часто трактуют как одну из первых чешских исторических работ, относящихся к периоду ренессансного историописания. Значительный идейный конфликт, вызванный первой, пусть и неудачной волной распространения лютеровской реформации в чешских землях оказался отражен на страницах «Хроники о буре пражской (восстании пражском) в 1524 г.» («Kronika o bouři pražské roku 1524» или «Knihy o pozdvížení jedněch proti druhým v obci pražské (Chronica de seditione et tumultu pragensi 1524)», иногда назв. «Kronika pražská». Хроника была

издана Карлом Яромиром Эрбеном в 1851 году и переиздана позитивистским историком Йозефом Витезславом Шимаком в документальной серии «*Fontes rerum Bohemicarum*» в 1912 г. [4; 8] Карол Яромир Эрбен в предисловии к изданию высоко оценил способ повествования Бартоша, как и Йозеф Юнгманн в «Истории чешской литературы». Бартош не применял хронологический принцип, что позволило Ф. Палацкому оценить Бартоша, как первого чешского историка, описывающего естественный ход событий [6]. Хроника была разделена на четыре книги, и начинается с кратких описаний событий после 1471 г., когда чешским королем был избран Владислав Ягеллон. Около 1600 г. хроника была переведена на латынь. Автором хроники был пражский мещанин, малостранский писарь Бартош (ок. 1470–1535), принявший участие в происходящей религиозной конфронтации. Он встал на сторону ориентированных на Лютера приверженцев проповедника Яна Главсы из Либослава, выступивших против консервативных сторонников утраквизма, возглавляемых Яном Пашком из Врата. Последнему удалось установить контроль над городским магистратом в 1524 г. и изгнать лютеран из города, что, однако, привело к продолжению конфронтации, в результате чего король Людовик Ягеллонский был вынужден принуждать обе стороны к миру. Вернувшись в Прагу писарь Бартош в 1529 г. стал писать в защиту себя и своего вероучения хронику, которая стала не только отпечатком противоречивого периода ранненововековой чешской истории, но и отражением образа мысли и чувств богатого представителя городского патрициата, который помимо выполнения функции писаря осуществлял выгодную торговлю полотном. Писарь Бартош был хорошо образован, хотя и не имел университетского титула, при этом достаточно четко фиксировал происходящие на его глазах события, давая им адекватную моральную оценку. Он выступал против стремления священников к власти, имея в виду прежде всего перерождение утраквистского духовенства и неустанно критиковал происходящее падение нравов, при этом подчеркивая и свой социальный статус богатого горожанина, стоявшего на вершине социальной иерархии Праги. Хроника носит оборонительный полемический характер, при этом основывается на точных и надежных источниках, которыми являлись приведенные в ней письма, акты, рукописные и печатные произведения других авторов, неоднократно цитируемые Бартошем [5, s. 71–72]. Несмотря на это данное произведение оппонентами пражских лютеран было воспринято как тенденциозное и ангажированное.

Отметим, что Бартош в меньшей степени опирался на существовавшую традицию гуситского историописания, цитируя скорее

переведенные работы по истории Богемии Энея Сильвио Пикколомини. Традиционный для гуситов антагонизм чехов и немцев здесь представлен незначительно, поскольку в условиях начавшейся реформации главный фактором консолидации стала религиозная принадлежность.

Историки XIX – XX вв., обращаясь к данному источнику, пытались не только реконструировать события, но и охарактеризовать социальный, политический и международный контекст описываемых в ней событий [6, s. 293–320; 7, s. 1246–1278; 9, s. 290–292]. Проблемой было и то, что в ходе происходившей конфронтации стороны не выдвигали каких-либо требований или доктрин, за исключением вопросов религиозной догматики, что, однако, не позволяло сводить конфликт исключительно к религиозному противостоянию консервативных уtrakвистов и сторонников эволюции гуситской церкви в направлении лютеранства. Для советской российской историографии был характерен подход поиска классовых социальных противоречий в борьбе внутри пражских городских кланов и критика политических представителей чешской знати [см.: 1, с. 216; 2, с. 93]. Российский историк Г. И. Мельников в 1980 г. показал неубедительность каких-либо классовых интерпретаций применительно к рассматриваемому сюжету [3]. В современных чешских работах иногда используется термин «Революция 1524–1528 гг.» касательно характеристики руководства Прагой противником лютеран Яном Пашком из Врата, при котором главный город Богемии достиг значительной самостоятельности от королевской власти.

В процессе создания своей концепции виттенбергский монах Мартин Лютер неоднократно обращался к рефлексии учения Яна Гуса, которого он трактовал как одного из своих предшественников. Вместе с тем, распространение идей Лютера в немецкой среде очень быстро достигло и земель Чешского королевства, проникая главным образом с территории Саксонии и Тюрингии. Пражские уtrakвисты неоднозначно восприняли новое учения, многие идеи которого отсылали к идеям радикального гусизма (таборитов, адамитов и различных сект), против которых чашники боролись все предыдущие десятилетия. При этом, растущая религиозная эмансипация в Праге способствовала установлению переписки между Лютером и многими пражскими проповедниками, начиная с 1519 г. [10, s. 686–688]. По мере радикализации мнений в гуситской среде появлялось все больше недовольных принципами, содержащимися в Базельских компактатах, и требовавших демократизации уtrakвистской церкви. Пытаясь противостоять им консервативно настроенный синод уtrakвистской церкви в апреле 1521 г. постановил строго соблюдать компактаты.

Однако уже в июне 1521 г. в Праге в двух святых местах гуситской традиции, Вифлеемской часовне и часовне Божьего тела в Новом месте, выступил с проповедями на немецком и латинском языке Томас Мюнцер, которого пражская публика восприняла за посланника самого Лютера, что однако не означало автоматическое обращение гуситов в лютеран: миссия Мюнцера в чешских землях больших результатов не принесла [3, с. 54].

Важным событием в жизни пражских сословий стал приезд короля Людовика с супругой Марией Венгерской в 1522 г. Находясь в затрудненном финансовом положении венгерский и чешский король был неприятно удивлен, обнаружив чешскую казну пустой. Чешские вельможи при этом отказывались вводить новые подати, а их откровенно самостоятельное поведение унижало короля, чей двор жил в Праге в долг. Споры между панским и рыцарским сословиями по церемониальным вопросам коронации супруги Людовика Марии Венгерской привели к скандальному переносу даты коронации на два дня (совершилась 1 июня 1522 г.) [4, s. 13–15]. Такие ситуации вызвали откровенное неприятие как самого короля, так и его жены, решивших по итогу снять с должности верховного бургграфа Зденка Льва из Рожмитала, чьи интриги в пользу Франции вызывали раздражение и у габсбургско-ягеллонского союза, установленного в 1515 г. Людовик решил опереться на противников вельможи, горожан Яна Пашка и Яна Главсу, которых он посвятил в рыцари 18 января 1523 г. Созванные земские сеймы в январе и феврале 1523 г. король использовал для назначения новых наместников, верховных бургграфом стал пролютерански ориентированный Ян из Вартенберка [4, s. 18–22]. Король вывел королевские имущества, прежде всего грады, из-под управления чешских вельмож, стремясь решить вопрос наполнения казны. В марте по итогам выборов в городскую раду, половину членом которой назначил король, большинство мест в ней заняли сторонники утраквистских радикалов. Тем самым Людовик попытался создать новую лояльную себе партию, однако вскоре после этого король вернулся из Чехии в Венгерское королевство [10, s. 691–694].

Причины конфронтации между Яном Пашком и Яном Главсой, возникшей в 1522 г., представляется достаточно сложно определить. Оба деятеля не скрывали своих амбиций в попытках утвердить за собой власть в объединенных с 1518 г. частях Праги (Старое место и Новое место) Ян Пашек был бурмистром Праги с 1518 г. Несмотря на радикальную утраквистскую ориентацию Главсы, он получил поддержку короля Людовика Ягеллонского и королевы Марии, который утвердил во время своего визита и факт объединения пражских частей.

Пашек, потерявший место в городском совете, в свою очередь, сумел объединить вокруг себя обеспокоенных радикализацией религиозных отношений горожан, которые опасались распространения влияния новых сект, подвергавших сомнению устоявшуюся практику уtrakвистской церкви. На стороне радикального течения оказались представители молодых, получивших университетское образование, поколений горожан, включая ряд университетских преподавателей и членов магистрата, а также члены цехов, деятельность которых была связана с заграничной торговлей, а также часть бедноты. Вокруг Пашка сплотились мещане из Старого Пражского места, стремившихся усилить позиции Праги после объединения с Новым местом, а также средние городские слои, боявшиеся избыточных религиозных нововведений, для которых соблюдение базельских компактатов оставалось неоспоримой ценностью [10, s. 696–697].

В начале 1523 г. преобладание получили сторонники Главсы, который нашел союзника в лице уtrakвистского священника Гавла Цахера и нового городского канцлера Яна Собка. Оба провели некоторое время в Виттенберге, где установили хорошие контакты с Мартином Лютером, который увидел в Цахере подходящую фигуру, чтобы возглавить чешскую неkatолическую церковь. 26 апреля 1523 г. съезд уtrakвистских сословий, включавший и руководство гуситской церкви, назначил на место смотрителя Вифлеемской часовни радикально настроенного священника Мартина Ганка из Требоня, отстранив сторонника традиционалистов. Тем самым была нарушена соблюдавшаяся традиция, по которой смотрителя и проповедника данной часовни должны были выбирать представители университетской корпорации. Следом под влиянием Главсы в июне был смещен с функции декана факультета искусств Йиржи Ежишек, замененный Йиржим Писецким. Вскоре и другие видные представители традиционного уtrakвистского крыла лишились своих должностей и некоторые из них нашли убежище в Кутной Горе. В августе 1523 г. Ян Цахера был избран гуситскими сословиями одним из четырех администраторов уtrakвистской церкви, достигнув пика своего политического влияния [10, s. 697].

Произошедшие изменения открыли радикальному крылу возможность беспрепятственно реформировать уtrakвистскую церковь по своим новым представлениям. 29 января 1524 г. был открыт следующий съезд уtrakвистских сословий и духовенства, который одобрил двадцать статей, составленных Гавлом Цахерой, который был утвержден в должности единого администратора, чьи функции были также распространены и на территорию Моравии. В этих статьях

продвигался близкий к лютеранству тезис о «чистом слове» Священного писания, проповедь которого отныне не должна была оставаться монополией только священников. Это касалось прежде всего глав семейств, которым позволялось отныне самим приобщать к Евангелию супругу, детей и челядь. Происходило упрощение религиозных обрядов и ограничение таинств двумя главными – крещением и причащением (*sub utraque*). Вместе с тем, в сохранялась роль священников и, в отличие, от учения Лютера, чешские сословия отказались голосовать за отмену celibата для них [4, s. 24–30; 10, s. 698].

Таким образом, предложенная реформа гуситской церкви не являлась прямым принятием идей лютеранства, а скорее отражала радикализацию утраквизма с учетом традиций таборитов и других крайних течений предыдущего периода. Однако это не встретило поддержку всего пражского населения, как и короля Людовика, который увидел в статьях Цахеры скрытое отступление от компактатов и не утвердил их. Однако в течении года положение блока Главсы, Цахеры и радикальных утраквистов значительно изменилось, что было связано прежде всего со смертью папы Адриана VI, сторонника Габсбургов и особенно Марии Венгерской, а также массовым распространением реформации в Священной Римской империи, создавшей множество очагов политической и социальной нестабильности. Новый понтифик Климент VII в стремлении остановить расширение реформации нашел союзников в лице польского короля Сигизмунда I и австрийского эрцгерцога Фердинанда, для которых растущую опасность представляла турецкая угроза, непосредственно затрагивающая наследные земли Габсбургов, Венгрию и Польшу [10, s. 699]. В этом контексте политическая линия Марии Венгерской, находившаяся под влиянием идей Эразма Роттердамского и прагматически стремившаяся достичь реституции монаршей власти в Чешском королевстве путем создания партии ведущих чешских вельмож без оглядки на их религиозные предпочтения, оказывалась в противоречии с интересами всех остальных держав региона, для которых распространение лютеранства означало бы углубление раскола христианского мира перед лицом османской угрозы.

Для предотвращения перехода чешских земель под влияние лютеран в начале 1524 г. был назначен папский легат для Священной Римской империи, Венгрии, Чехии, Польши и Скандинавии Лоренцо Кампеджо и новый венгерский архиепископ Ласло Салкай. Последний, еще во время своего посещения Праги в 1522–1523 гг. предлагал Риму вариант признать компактаты для того, чтобы исключить влияние лютеран и радикальных утраквистов на чешских землях. Тогда король Людовик и Мария выбрали иной подход, но в начале 1524 г. в ходе имперского

сейма в Нюрнберге Кампеджо имел возможность познакомиться с двадцатью статьями Цахиры и осознал текущее положение вещей. Он смог добиться благосклонности папы ввиду новой ситуации в Европе в вопросе признания Базельских компактатов, что само по себе являлось беспрецедентным. Утраквистская Чехия, таким образом воссоединенная с католической Европой должна была стать примером, призывающем к отказу от реформационных течений, представленных идеями Лютера и швейцарского проповедника Ульриха Цвингли. Однако такой план мог быть реализован только при условии смены власти в Праге, что открыло бы дорогу для переговоров между Курией, чешскими католиками и утраквистскими традиционалистами.

Новая конфигурация в Праге была достигнута по итогам выборов в городской совет, состоявшимся 14 марта 1524 г., на которых преобладание получили сторонники Яна Пашка, поддержанный Зденком Львом из Рожмитала, занявшие в 18-местном органе две трети мест, в то время как Ян Главса перестал быть его членом. Результаты выборов показали, что традиционалисты вновь пользуются поддержкой жителей Праги, к ним же примкнул и администратор Гавел Цахера, который сам выступил с критикой своих бывших сторонников, назвав их пикартами (самым радикальным крылом таборитов). 9 августа 1524 г. Пашек организовал арест в городском совете своих оппонентов, известных симпатиями к лютеранству и «народной» реформации, которые вскоре были изгнаны из города [4, s. 60–64]. Потерявшие кафедры утраквисты-традиционалисты вернулись на прежние места, а двадцать статей Цахеры были заменены новым текстом, состоявшим из двадцати шести артикулов, которые были одобрены 31 октября. В них утверждался консервативный характер утраквизма: были признаны все таинства, запрещено повторное крещение и содержались инструменты цензуры и полицейского контроля. Все мещане объединенной Праги должны были подписаться в знак согласия с соблюдением данных статей, иначе бы им грозили наказания [4, 80–85]. Папа Климент в послании к королю Людовику высоко оценил состоявшееся поражение «пикартов» [3, s. 58]. Вместе с тем, можно отметить достаточно мирный характер перехода власти, никто из оппонентов Пашка не был казнен. Новая власть сохраняла свои полномочия до 1528 г.

Совершившийся переворот поддержали легат Кампеджо, архиепископ Салкай и сам папа, поскольку открывали путь для легализации базельских компактатов Курией. Король Людовик также сразу признал произошедшие в Праге перемены, в первую очередь надеясь на финансовую помощь со стороны папы против нарастающей турецкой угрозы. Под давлением папского легата и эстергомского

архиепископа в январе 1525 г. король Людовик снял с должности ряд верховных земских управителей во главе с высшим бургграфом Яном из Вартенберка, и восстановил на этом посту Зденка Льва из Рожмитала. Вельможи, потерявшие посты в начале 1523 г., также вернулись к своим должностям [10, s. 700].

Вместе с тем, король Людовик вынужден был реагировать и на многочисленные жалобы Яна Главсы, подробно, цитируемые в «Хронике» Бартоша [4, s. 98–115]. В октябре 1524 г. он поручил князю Карлу Минстербергскому разобраться в пражских делах. В конце ноября 1524 г. князь устроил судебное слушание обеих сторон, однако никакого решения не принял. В январе 1525 г. было издано королевское решение, приписывающее всей пражанам – сторонникам радикального утраквизма распродать свое имущество и отправиться в изгнание, или отречься от своей ереси [4, s. 119–121, 128–132]. Однако летом 1525 г. король изменил свое решение, потребовав от пражского магистрата примириться с изгнанными [4, s. 201–205]. Однако контролируемый Пашком магистрат отказался исполнять предписание и продолжил далее игнорировать требования короля, в том числе, не послав городское ополчение на помощь для борьбы с турками в 1526 г. Именно в предательстве пражан видит Бартош причину мохачской катастрофы [4, s. 225].

Однако амбициозный проект воссоединения чешских утраквистов с католической церковью также в итоге потерпел поражение. В мае – июне 1525 г. представительная чешская делегация в составе Зденка Льва из Рожмитала, Пашка и администратора Цахеры вели переговоры в Буде с архиепископом Салкай, представителем польского короля Андржеем Трепкой и папскими дипломатами Лоренцо Камеджо и Антониом Бурджи. В ходе дебатов представители Курии не смогли определиться по отношению сложных вопросов практики чешского утраквизма, среди которых проблемным оставался вопрос о секуляризации церковного имущества [4, s. 140–142, 177–183; 10, s. 701]. Чешские утраквисты оставались в глазах Рима схизматиками, и неудача переговоров предопределила дальнейшее расширение реформации в Богемии, которая к этому моменту достигла значительных успехов на соседних с ней землях, включая Лужицу и силезские княжества, где победила в ранее традиционно католическом Вроцлаве. Это влияло на распространение лютеранства в чешских землях: к нему стали обращаться не только жители городов Богемии и Моравии, но и представители знати.

Таким образом, сюжет конфронтации между сторонниками традиционной утраквистской церкви и приверженцами ее реформирования, в духе, близком лютеровскому учению, происходил на

фоне процессов неудачных попыток укрепления королевской власти последнего ягеллонского правителя Чехии. Это привело к парадоксальной ситуации, когда король пытался поочередно опереться на противоположно настроенные в отношении к лютеранству партии пражского магистрата, римский папа и его легаты всерьез задумались о признании Базельских компактатов, упраздненных Курией в 1452 г., а создатель Габсбургской империи в Центральной Европе Фердинанд, уже после 1526 г. принудил непокорную Прагу вернуть из изгнания сторонников Яна Главсы.

Библиографические ссылки

1. История Чехословакии. Т. 1. / Под редакцией Г. Э. Санчука и П. Н. Третьякова. История Чехословакии. М.: Издательство АН СССР, 1956. – 440 с.
2. Краткая история Чехословакии: С древнейших времен до наших дней / Отв. редакторы А. Х. Клеванский, В. В. Марьина, И. И. Поп. М.: Издательство "Наука", 1988. – 576 с.
3. Мельников, Г. П. Из истории общественно-политической борьбы в Чехии в 20-е годы XVI в. // Советское славяноведение. 1980. № 5. С. 53–63.
4. Bartoš Písař. Bartošova Kronika pražská od léta páně 1524 až do konce léta 1530 / dle dvou rukopisů cís. veřejné knihovny Pražské k vydání upravil K.J. Erben. V Praze : J.G. Kalve : Bedřich Tempský, 1851. – 375 s.
5. Kutnar, František. Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví : od počátků národní kultury až do sklonku třicátých let 20. století / František Kutnar, Jaroslav Marek. – 3., dopl. vyd. – Praha : NLN, Nakladatelství Lidové noviny, 2009. – 1087 s.
6. Macek, Josef. Jagellonský věk v českých zemích : 1471–1526. Sv. 3–4 / Josef Macek. – Vyd. 2. – Praha : Academia, 2002. – 599 s.
7. Palacký, František. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě / dle původních pramenův vypravuje František Palacký. V Praze : B. Kočí, 1907–1908. Sv. 1. 1907. – 1279, xvi s.
8. Prameny dějin českých. Díl VI = Fontes rerum Bohemicarum. Tom VI / vydávané z nadání Palackého ; péčí kommisce zřízené při "Historickém spolku" v Praze ; vydal Josef V. Šimák. V Praze : Nákladem nadání Františka Palackého : V kommissi Bursíka a Kohouta, 1907. – xxxix, 438 s.
9. Tomek, Václav Vladivoj. Děje království Českého. – 6., poopr. vyd. – V Praze : Fr. Řivnáč, 1891. – 432, 16 s.
10. Velké dějiny zemí Koruny české / Marie Bláhová, Jan Frolík, Naďa Profantová. Praha ; Litomyšl : Paseka, Svazek VI. 1437–1526. 2007. – 839 s.

РОД ГАЛЬШАНСКІХ У КАНЦЫ XIV – XVI СТ.: ДЗЯРЖАЎНАЯ КАР’ЕРА І ДЫНАСТЫЧНЫЯ АМБІЦЫІ

А. Ул. Любы

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, г. Мінск, 220030, Беларусь,
liuby@bsu.by*

Матэрыял прысвечаны развіццю рода Гальшанскіх на працягу 1380-х – 1550-х гг. Аўтар аналізуе паходжанне родавага імя, гербавой традыцыі, родавай легенды. Разгледжана персанальная гісторыя асобных прадстаўнікоў рода Гальшанскіх і асноўныя этапы канструявання рода. Аўтар вылучае пяць палітычных пакаленняў і асобна разглядае іх канвертацыю з арыстакратыі ў шляхецкае саслоўе Вялікага Княства Літоўскага. Што суправаджалася зменамі стратэгіі развіцця роду. Увага звяртаецца на абгрунтаванасць манаршых перспектыв Гальшанскіх праз рэалізацыю шлюбнай стратэгіі. Часткова закранаецца пытанне канструявання памяці пра Гальшанскіх, якая ўключае царкоўна-ідэалагічны кампанент, ролю горада Кіева ў гісторыі рода. Асноўныя высновы тычацца эвалюцыі сродкаў падтрымання палітычнага статусу рода Гальшанскіх за амаль два дзесяцігоддзя гісторыі Вялікага Княства Літоўскага.

Ключавыя словы: Гальшанскія; арыстакратыя; магнатэрыя; Вялікае Княства Літоўскае; XIV – XVI ст.; шлюбная стратэгія; Кіёўскае намесніцтва.

The material of the article is devoted to the development of the Galshansky family in the 1380-1550s. The author analyzes the origin of the family name, legend and coat of arms tradition. The text also considers the personal histories of Galshansky family representatives and the main stages of the family construction. The author identifies five political generations of the family and separately their transition from aristocracy to the nobility of the Grand Duchy of Lithuania. The last factor influenced at family's strategy. That was accompanied by changes in the development strategies of the family. Attention is drawn to the validity of the monarchical perspectives of the Galshanskys through the implementation of the marriage strategy. The issue of constructing a memory of the Galshanskys, which includes an ecclesiastical and ideological component, the role of the city of Kyiv in the history of the family, is partially touched upon. The main conclusions concern the evolution of the means of maintaining the political status of the Galshanski family over almost two decades of the history of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: Galshansky; aristocracy; magnatery; Grand Duchy of Lithuania; 14th – 16th centuries; marriage strategy; Kiev principality.

Род Гальшанскіх з’яўляецца адным з самых схематычна правільна канструяваных наратываў у гісторыі арыстакратыі Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ). У яго развіцці прасочваюцца такія кампаненты як паходжанне ад уласналітоўскай знаці, служба і кар’ера пры двары вялікага князя Вітаўта (што само па сабе павінна было

сведчыць пра якасны ўздым рода ці яго прадстаўнікоў), парадненне з манаршымі галінамі Гедымінавічаў праз шлюбы з Ягайлам і Вітаўтам – а адпаведна з Альгердавічамі і Кейстутавічамі; нараджэнне Святой з роду; закат амбіцый да стварэння quasi-манаршай дынастыі праз усё XVI ст. і хуткае растварэнне маёмасці ў магнацкіх родах Сапегаў, Радзівілаў і інш.

Храналагічна – род Гальшанскіх праіснаваў на гістарычнай карце ВКЛ менш за два стагоддзі: з 80-х XIV ст. па 50-ыя XVI ст. І падзяліў лёс такіх палітычна значных родаў ВКЛ XVI ст. як Ілінічы, Забярэзінскія, Гаштольды.

Спробы спрашчэння сацыяльнай структуры ВКЛ у XIV–XVI ст. прывялі як айчынную, так і замежную рэгіянальную гістарыяграфію да ігнаравання моцнай дыферэнцыяцыі пануючага саслоўя і заўчаснага пераўтварэння шматкампанентнай і ідэалагічна рознай знаці ў шляхту як адзінаскладовы народ палітычны. На прыкладзе Гальшанскіх мы паспрабуем паказаць цяжкасць працэса ўніфікацыі феадальнага саслоўя ВКЛ і яго ідэйныя падыходы да фіксацыі свайго актуальнага становішча ў соцыуме дзяржавы, стратэгіях адаптацыі і, магчыма, уплыў на змены на пакаленне-два наперад.

Складовымі часткамі працэсу з’яўляліся памяць пра паходжанне, палітычная кар’ера, шлюбная стратэгія, свецкія і царкоўныя механізмы легалізацыі заваяванага становішча ў дзяржаве.

Тезаўрус. Пад шырокаўжываемымі ў навуковай літаратуры Цэнтральнай і Усходняй Еўропы тэрмінамі, якія вызначаюць розныя катэгорыі т.зв. феадальнага саслоўя ВКЛ XIV–XVI ст. мы разумеем наступныя:

Дынастыя – іерархія роднасных сувязяў манаршых сям’яў, прадстаўнікі якіх на дадзены момант з’яўляюцца кіраўнікамі дзяржаваў ці знаходзяцца ў адным ці некалькіх пакаленнях ад апошняга прадстаўніка-манарха, і ўсведамляюць свае легітымныя прэтэнзіі на манаршы пасады. Пад арыстакратыяй разумеем тытулаваную знаць, якая вядзе сваю генеалогію ад манаршых дынастыяў, аднак з прычыны свайго сучаснага палітычнага становішча і адлегласці пакаленняў не прэтэндуе на заняцце прастола. У якасці абагульняючай катэгорыі, займенніка феадалам (сацыяльна-эканамічная канатацыя традыцыйна ўжывалася ў XX ст. у рэгіянальнай навуцы), выкарыстоўваецца больш сацыяльна-палітычная катэгорыя – знаць. Пры разглядзе гісторыі роду ўвядзем адносна штучнае вызначэнне – палітычнае пакаленне, якое дазволіць ранжыраваць вертыкальна-гарызантальныя сувязі рода, абапіраючыся на палітычна-абгрунтаваныя і храналагічныя перыяды.

Гістарыяграфічная традыцыя. Цікавасць генеалогіяй знаці ВКЛ як навуковай дысцыплінай верагодней можам аднесці да XIX ст. – як вынік

перапрацоўкі археаграфічных матэрыялаў і гербоўнікаў па эпасе ВКЛ. Адпраўной кропкай стварэння падобных энцыклапедый становіцца работа “Князі і ўраднікі Вялікага Княства Літоўскага” [21], якая ўвабрала ў сабе створаны праз доўгі час да канца XIX ст. матэрыял па генеалогіі і археаграфіі ВКЛ у розных навуковых асяродках Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Аднак са знікненнем манархій-імперый і ўздымам нацыянальных рухаў першай паловы XX ст. у нашым рэгіёне губляецца цікавасць і да генеалогіі, і да чалавека як творцы гісторыі. У марксісцкай гістарыяграфічнай парадыгме другой паловы XX ст. сітуацыя мяняецца з персанальнай гісторыяй, але функцыянуюць праблемна-сацыяльныя абмежаванні. Толькі працэсы 1980–1990-х гг. у нацыянальных постсацыялістычных гістарыяграфіях дазваляюць вярнуцца да праблематыкі палітычных эліт, палітычнай культуры розных цывілізацыйных эпох і, безумоўна, асобам і родам знаці ВКЛ.

У цэнтры пытання сацыяльнай гісторыі 1990–2000-х гг. з’яўляюцца дынастыі рэгіёна, а таксама рэгіянальныя эліты. Для польскай гістарыяграфіі ВКЛ XXI ст. характэрны фокус на дынастычную гісторыю Ягелонаў і іх продкаў Гедымінавічаў. Вылучым даследаванні прафесара Яна Тэнгоўскага пра носьбітаў т.зв. першага пакалення Гедымінавічаў [19]. У падобным “макра” фокусе працаваў украінскі даследчык Лявонцій Вайтовіч [2]. Аднак ужо яго імкненне, як і агульная тэндэнцыя нацыянальных гістарыяграфій краін-спадчынніц гісторыі ВКЛ прыцягвалася аналізам сацыяльных стратэгіяў будаванняў родаў і іх трансфармацый на працягу першых стагоддзяў існавання самастойнага ВКЛ – прынамсі ад Гедыміна да эпохі Жыгімонтаў. У беларускай гістарыяграфіі вылучым работы Вячаслава Насевіча [7; 8], у літоўскай Рымвідаса Пятраўскаса [9].

Комплекс прац, звязаных з асобнымі персонамі роду Гальшанскіх, іх паасобку і калектыўна палітычнай, сацыяльнай і культурніцка-рэлігійнай актыўнасцю на працягу XV – XVI ст. займаліся спецыялісты па археаграфіі, палітычнай і сацыяльна-эканамічнай гісторыі, і г.д. І тут асобна трэба вылучыць блок прац у польскай гістарыяграфіі XX–XXI ст. па асобе каралевы Соф’і Гальшанскай (Эва Малечыньска, Бажэна Чвойдрак) [15]. Аднак для большасці род Гальшанскіх быў маргінэсам пры аналізе працэсаў свайго часу ў ВКЛ ці ілюстрацыяй асобнай праблемы (замахі на Казіміра Ягелончыка). Сярод даследчыкаў XXI ст., якія ў той ці іншай ступені прасунулі гісторыю рода наперад, мы б вылучылі Антона Францішка Брыля [1], Уладзіміра Канановіча [4], Лаўрынаса Шэдвідзіса [17; 18].

Паходжанне родавага імя. Родаве імя паходзіць ад маёмасці Гальшаны, што з’яўляецца нехарактэрным для знаці ВКЛ. Для атачэння

вялікага князя – на гаспадарчым двары XIV ст. – характэрнымі былі патранімічныя родавыя прозвішчы, якія ўказвалі на вертыкальныя родавыя сувязі (напрыклад Радзівіл Осцікавіч – Мікалай Радзівілавіч – Радзівілы). Падобнае паходжанне родавых прозвішчаў укладаецца ў славянскую палітычную культуру рэгіёна і паказвае на родавую пераемнасць дзяржаўнай службы і маёмасных ды інш. прэтэнзій, у супрацьвагу тэрытарыяльна-маёмасным – характэрным для нямецкай палітычнай (родавай) і сацыяльнай культуры, дзе месца паходжання (горад, зямля-тэрыторыя) ці родавая маёмасць мелі вызначальнае значэнне.

Падобныя Гальшанскім “геаграфічныя” родавыя прозвішчы сярод знаці эпохі Вітаўта-Казіміра (у XV ст.) мелі, напрыклад, Забярэзінскія.

Гэта можа сведчыць як пра нованаданні статуснай маёмасці ў момант імклівага ўзвышэння ці “сталічны” статус мястэчка для балцкага роду (у дадзеным выпадку “кунігасаў”, напрыклад, Старажытнай Літвы).

Гербавая традыцыя рода. Гаштольды карысталіся гербом “Гіпацэнтаўр” (ці κένταυρος, кетаўрас – кентаўр). Аднак першымі прадстаўнікамі Гальшанскіх, якія дакладна ім карысталіся з’яўляюцца Сямён і Міхаіл Іванавічы Гальшанскія ў 1422 г. (Мельнскі дагавор) [13].

Варыянт герба Гальшанскіх – гэта кентаўр на чырвоным полі, які цэліцца з лука ва ўласны хвост-змяю. Лічыцца, што герб мае італьянскія карані. І патрапляе да Гальшанскіх не раней за другое дзесяцігоддзе XV ст. – бо не ўзгадваецца пры стварэнні “гербавога брацтва” у Гораadle ў 1413 г. Хутчэй – перад шлюбам Соф’і з Ягайлам Альгердавічам.

Падобнымі ж гербамі карысталіся некалькі дзесяткаў родаў на тэрыторыі ВКЛ і Польскага каралеўства. Сярод арыстакратыі ВКЛ – напрыклад, князі Гедройцы, якія таксама маюць адносіны да легендарных і паўлегендарных асобаў да XIV ст. (“дагедымінавай эпохі” ВКЛ), такіх як Даўспрунк з Дзяволтвы ці вялікі князь Тройдзень.

Аднак канструяванне і ВКЛаўская трансфармацыя асноўнага блоку “Легенды пра Палемона” адбываецца толькі ў другой палове XV – першай трэці XVI ст. [6; 10, с. 77]. Калі ўвага звяртаецца на прыбыццё разам з Палемонам шэрагу прадстаўнікоў рымскай знаці, што звязвае род Гальшанскіх з квазі-продакам Гольшай і прапісвае блізкасць роду Гальшанскіх да вялікага князя ад першых часоў знаходжання Палеманідаў-Ягелонаў у географічных межах Беларусі-Літвы.

Такі герб павінен быў дадаваць статус Гальшанскім і пацвярджаць іх легендарнае паходжанне ад пачаткаў дзяржаўнасці ВКЛ і, адразу, антычнае паходжанне першапродка, як таго патрабуе канструкт еўрапейскай мадэрнай нацыі XVI ст., роўна – заходнееўрапейскасць палітычнай эліты.

Пры тым не будзем забываць, што ў 1390 г. Іван Альгімунтавіч Гальшанскі карыстаўся досыць нехарактэрнай для ВКЛаўскай сфрагістыкі пячаткай з выявай Багародзіцы “Nagiosoritissa” [16, с. 441]. Відавочна, што ў эпоху вестэрнізацыі сімвалаў жыцця вялікакняжацкага двара і палітычнай эліты дзяржавы, візантыйскія і ўсходнія (праваслаўныя) матывы не вытрымалі канкурэнцыі ў XV ст.

Генеалогія і этапы канструявання рода. Продкам Гальшанскіх лічыцца “літоўскі кунігас” эпохі Тройдзена. Аднак першай рэальнай гістарычнай асобай, якая робіць сваю палітычную кар’еру пры вялікакняжскім двары з’яўляецца Іван Альгемунтавіч (вядомы з другой паловы XIV ст.). Мужчынская лінія Гальшанскіх спынілася са смерцю ў 1556 г. Сямёна Юр’евіча, матэрыяльная спадчына праз яго сяцёр інкарпаравалася ў такія магнацкія і шляхецкія роды як Сапегі (перайшлі Гальшаны), Жаслаўскія, Палубінскія, Кердзеі, Саламярэцкія і інш.

Першае палітычнае накаленне. Пытанне пра існаванне Альгемунта падымалася неаднаразова ў гістарыяграфіі. Для прац канца XIX – першай паловы XX ст. Альгемунт і Іван Альгемунтавіч – гэта гістарычная асоба з адзінай кар’ерай. У XXI ст. усходнееўрапейская гістарыяграфія імкнецца размяжоўваць кар’еры ўласна Альгемунта і яго сына Івана Альгемунтавіча.

Асоба Альгемунта (? – да 1394, верагодна ў хрышчэнні мог мець іншае імя) з’яўляецца ў крыніцах у 1371 г. падчас тэўтонскага пахода на “curiam Algeminnen in terra Arvisten”, дзе сам Альгемунт прадстаўлены як “Algeminne, magnus satrapa” (Хроніка Вартберга). Альгемунт прадстаўлены нам як “вялікі намеснік”. У 1385 г. верагодна Альгемунт разам з князем Іванам-Скіргайлам Альгердавічам і князем Барысам Карыятавічам удзельнічае ў “шлюбным пасольстве” як мінімум у Кракаў. Магчыма ўдзельнічаў у пасольстве 1389 г. у Ноўгарад, вынікам якога павінна было стаць прызнанне там намеснікам аднаго з Гедымінавічаў [16, с. 450–451]. Памірае каля года надання Івану Альгімунтавічу намесніцтва Кіеўскага.

Зорка Івана Альгемунтавіча Гальшанскага (? – пасля 1401) узнікае на палітычным небасхіле ВКЛ са шлюбам на дачцы князя смаленскага і сястры будучай жонкі Вітаўта Агрыпіне Святаславаўне пасля 1360 г. (мелі 6 сыноў і мінімум 1 дачку). Аднак актыўная палітычная кар’ера Івана пачынаецца з эпохай Ягайлы і Вітаўта 1379–1401 гг. Пераважна мы бачым яго ў партыі Вітаўта: суправаджае на цэрымонію шлюба ў Кракаў 1386 г., у складзе пасольства у 1390 г. вязе на шлюб з Ордэна ў Маскву княжну Соф’ю Вітаўтаўну. У 1392 г. уваходзіць у Гаспадарскую раду, у 1390-ыя гг. Іван становіцца намеснікам вялікага князя ў Кіеве. А ў 1401 г. ад імя Гаспадарскай рады заключае Віленска-Радамскую ўнію [14]. У

лютым 1401 г. ад імя сябе і сваіх дзяцей прысягае каралю Уладзіславу-Ягайле [5].

Варта адзначыць, што тытул “князь”, які амаль не ўзгадваецца для першага палітычнага пакалення роду – патрапляе да Гальшанскіх, верагодна, разам з Кіеўскім намесніцтвам, а замацоўваецца шлюбнымі сувязямі з іншымі княжацкімі родамі, і ўжо для другога пакалення становіцца відавочнай адзнакай дынастычнасці роду.

Другое пакаленне Гальшанскіх – сыны Івана Альгемунтавіча – Аляксандр (Нялюб, каля 1364/66–1406), Барыс (каля 1366–1399), Сямён (Люты, каля 1370–1433), Міхаіл (каля 1372–1433), Андрэй (каля 1376–да 1422). І дачка Улляна (1375–1448) з 1418 г. другім шлюбам другая жонка вялікага князя Вітаўта. Фігуруе таксама і другая дачка – Ганна, якая ўзгадваецца ці ў якасці жонкі князя мазавецкага Баляслава III (блытаніна з Ганнай Фёдараўнай, унучкай Альгерда), ці вялікай княгіні Ганны (“трэцяй” жонкай Вітаўта), якой за часы Казіміра Ягелончыка перадавалася частка Наваградскага княства.

На дзяржаўнай службе ВКЛ праявілі сябе князі Сямён і Міхаіл Іванавічы. Сямён Іванавіч з’яўляецца ў якасці паручыцеля ў актах 1387 і 1388 гг., актыўна ўдзельнічае ў палітычным жыцці эпохі Вітаўта, каля 1420 г. быў намеснікам у Ноўгарадзе. Пасля смерці Вітаўта, у 1432 г. падтрымаў партыю Жыгімонта Кейстутавіча і ўдзельнічаў у замаху на вялікага князя Свідрыгайла ў Ашмянах. У 1433 г. быў захоплены ў палон і пакараны смерцю.

Такі ж прыкладны лёс напаткаў і Міхаіла Іванавіча. Пад 1422 г. пазначаны як намеснік Кіеўскі (хутчэй за ўсё пераняў пасад пасля смерці брата Андрэя Іванавіча). Верагодна, што ў часе ўнутрыпалітычнага канфлікта ў ВКЛ да лета 1433 г. (бітва пад Маладэчна) Міхаіл ваяваў на баку Свідрыгайлы. Аднак у другой палове 1433 г. быў схоплены ў Барысаве за здраду (верагодна перайшоў на бок Свідрыгайлы) і пакараны смерцю ў Віцебску (магчыма ўтоплены ў Дзвіне, для летапіснай тадыцыі – тып пакарання для здраднікаў, а для рэлігійнай – вераадступнікаў).

Асоба Андрэя Іванавіча шчыльна звязана з эпохай Вітаўта: у 1389 г. удзельнічае ў пасольстве ў Тэўтонскі ордэн разам з бацькам Іванам, у 1401 г. разам з братамі падпісвае Віленска-Радамскую унію. У час ганення на Вітаўта з’язджае ў Маскву да князя Васіля Дзмітрыевіча. У перыяд з 1411 па 1418 з’яўляецца князем-намеснікам Кіеўскім [17]. Менавіта яго дачка становіцца апошняй жонкай караля Уладзіслава-Ягайла.

Другое палітычнае пакаленне – гэта дзеячы (не ўсе былі ўряднікамі) эпохі Вітаўта. Яны бяруць актыўны ўдзел ва ўнутрыпалітычнай барацьбе 1430-х – і прайграюць яе. Верагодна, пераацаніўшы свае магчымасці і

сацыяльна-палітычны ліфт, дастаткова хуткі, неабгрунтаваны ідэйна ў трансфарміраванай палітычнай сістэме ВКЛ першай трэці XV ст.

Трэцяе пакаленне. У якасці ключавой персоны трэцяга палітычнага пакалення Гальшанскіх выступае Юрый Сямёнавіч (каля 1410 – каля 1460), заснавальнік Дубравіцкай (паўднёвай) галіны Гальшанскіх.

У якасці родзіча Сафіі і малалетніх каралевічаў Ягелонаў ён канвертуе сваё сямейнае становішча ў палітычны ўплыў. Збірае змову супраць улады Жыгімонта Кейстутавіча, садзіць у 1440 г. каралевіча Казіміра на вялікакняскі прастол, а ў 1446 г. удзельнічае ў сойме па абмеркаванні кандыдатуры Казіміра на польскі каралеўскі прастол у сувязі са смерцю Варненчыка. Нарэшце вяртаецца ў апазіцыю да пануючай вялікакняскай улады: у 1456 г. выступае супраць Казіміра Ягелончыка і прапаноўвае абраць новым вялікім князем Міхаіла Алелькавіча. А ў 1460 г. разам з князямі Алелькавічамі, Міхаілам і Сямёнам, прызнаў уладу мітрапаліта Іоны над праваслаўнай царквой ВКЛ.

Чацвёртае пакаленне. Характарызуе кардынальная змена шлюбнай стратэгіі ў канцы XV – першай палове XVI ст. з прадстаўнікоў уладных дынастый Усходняй Еўропы на прадстаўнікоў арыстакратыі (тытульнай знаці) ВКЛ князей Чартарыйскіх і Астрожскіх, а затым і да магнацкіх родаў ВКЛ Радзівілаў, Гаштольдаў.

Пры гэтым Гальшанскія рэдка патрапляюць на высокія ўрады ў Гаспадарчай радзе – іх галоўная мэта Кіеўскае намесніцтва. На ўяўленні пра ўласнасць на Кіеўскае княства – сышліся два роды Гальшанскія і Алелькавічы. Так 30 жніўня 1481 г. за арганізацыю змовы супраць Казіміра Ягелончыка былі пакараны Міхаіла Алелькавіч князь Слуцкій і Іван Юр’евіч Дубравенскі-Гальшанскі (князь гальшанскі верагодна з 1457/1460 г., у шлюбе з Аннай Міхайлаўнай Чартарыйскай меў адзінага сына Юрыя).

Яго брат Сямён Юр’евіч (1445–1505), пасля бітвы пад Ведрошай часова становіцца гетманам ВКЛ (1500–1501), затым намеснікам луцкім (1501-1505) і камянецкім, маршалкам Валынскай зямлі. Пасля яго смерці спадчына рода пераходзіць у рапараджэнне да Аляксандра Юр’евіча, адна з дочак Таццяна Сямёнаўна стала жонкай Канстанціна Астрожскага.

Яшчэ адзін брат – Аляксандр Юр’евіч (да 1450-х – 1511), з 1480-х займае розныя дворныя ўряды, і толькі ў 1492 г. пры вялікім князе Аляксандры атрымаў цэнтральны ўрад – каштэляна Віленскага. Быў паслом у Маскоўскую дзяржаву ў 1494 г. Займаўся распараджэннем і ўладкаваннем маёмасці рода, што фактычна прывяло да пераразмеркавання маёнткаў у паўночную (Гальшанскую) і паўднёвую (Дубравенскую) галіны Гальшанскіх.

Паступова актыўная дзяржаўная палітычная дзейнаць ператварае дынастычныя амбіцыі ў канцэнтраванне ўрадаў (прычым цэнтральных) і латыфундый. Пры гэтым наступае эпоха войнаў, на якую прыпадае змена пакаленняў. У сукупнасці гэта прыводзіць да канцэнтравання маёмасці Гальшанскіх у адзінкавых прадстаўнікоў роду.

Пятае пакаленне. Часам ілюстрацыяй гэтага з’яўляецца збег абставінаў. Так Юрый Аляксандравіч Гальшанскі (да 1511) вядомы ў складзе Гаспадарскай рады з 1502 г., аднак толькі з 1507 г. прызначаны на дворны ўрад крайчага гаспадарскага, на якім змяніў свайго роднага брата Януша (з 1496). Ужо ў 1509 г. атрымлівае важны для прадстаўніка роду Гальшанскіх урад ваяводы Кіеўскага, які ўтрымлівае да сваёй смерці ў 1511 г.

Год 1511 становіцца чорным для галіны рода – паміраюць бацька Аляксандр і браты Юрый і Януш. У гэты час брат Павел і сястра Барбара робяць царкоўныя кар’еры. Сёстры Ганна, Ядвіга і Аляксандра праз шлюб інтэгруюцца адпаведна ў шляхецкія сем’і Манцігірдавічаў, Храптовічаў, Пацаў. А распараджэнне маёмасцямі пераходзіць да дваюроднага брата – Юрыя Іванавіча, які відавочна быў выбачаны за здраду бацькі.

Згасанне роду і канвертацыя ў шляхту. Пасля смерці Януша Юр’евіча (1549) і Сямёна Юр’евічаў (1556) спадчына князёў Гальшанскіх была падзелена паміж шасцю сёстрамі, якія прыўнеслі землі Гальшанскіх у якасці пасагаў і спадчыны ў наступныя роды: Анастасія стала жонкай князя Кузьмы Іванавіча Жаслаўскага, Алена – Паўла Іванавіча Сапегі, Соф’я – князя Аляксандра Палубінскага, Марыя – Андрэя Монвіда, у другім шлюбе – Міхаіла Казінскага, у трэцім – Андрэя Курбскага, Ганна – Елізара Кердзея, Феадора – Багдана Саламярэцкага.

Змена стратэгіі развіцця роду. Калі ў канцы XIV – XV ст. шматдзетныя сем’і прадстаўнікоў роду дазвалялі шырока выкарыстоўваць парадненне (шлюбную стратэгію) для пашырэнне свайго ўплыву ў дзяржаве. То з XVI ст. Гальшанскія вымушаны былі мяняць стратэгію рода – канцэнтраваць у адных руках зямельную маёмасць, гэта дазваляла быць канкурэнтнымі сярод новых магнацкіх родаў XVI ст.

Адбываецца канвертацыя сацыяльнага і дынастычнага капіталу (які моцна дэвальваваўся пасля смерці ў 1461 г. каралевы Соф’і) у маёмасны і пасадавы капітал. Шлюбы вызначаліся магчымасцю пашыраць ці паляпшаць свае латыфундыяльныя магчымасці, а таксама быць бліжэй да т.зв. цэнтральных урадаў ВКЛ, Гаспадарскай рады і вялікакняжацкага двара. Форс-мажор эпохі – гэта выгасанне галін і мужчынскай часткі

роду, што прыводзіла да пераразмеркавання маёмасці праз жаночых прадстаўніц на карысць іншых родаў знаці ВКЛ, узмацненне іх фінансавага становішча, але немагчымасць без спадкаемнасці прозвішча спадчыць назапашаны сацыяльна-палітычны капітал Гальшанскіх, у тым ліку Кіеўскае ваяводства.

Манаршыя перспектывы і шлюбная стратэгія. Шлюбы з Гальшанскімі маргінальнымі ці не для эпохі Сярэднявечча для Усходняй Еўропы (quasi-візантыйскага свету) і Польшчы (заходнееўрапейскага свету)?

Магло падацца, што легенда першай трэці XVI ст. спрацавала на ўмацаванне “дынастычнага” манаршага паходжання Гальшанскіх. Аднак – усё ўжо было (пасля шлюбу з Ягайлам яны менавіта былі дададзены ў гэтую дынастычную “сям’ю”). Дзве версіі якія канструявалі легітымнасць для Усходу і Захаду: 1) У аснове палягалі “княжацкае” (кунігасы Літвы) паходжанне Гальшанскіх і шлюб Івана Альгімунтавіча з дачкой Святаслава Іванавіча князя Смаленскага (таму ў позніх летапісах – з’яўляецца продак Гальшанскіх полацкі князь, кола замкнулася на “рускіх” князях). 2) “Рымскае” паходжанне для легітымізацыі ў асяроддзі Ягелонаў, палякаў і заходнееўрапейцаў.

Аднак ніводная не дае адказы на пытанне пра легітымную магчымасць для Гальшанскіх актыўнічаць на манаршых шлюбах (акрамя канешне прыняцця рамантычнай версіі пра пачуццё закаханасці) у 1410-1420-ыя гг., калі дакладна адбылося вылучэнне Альгердавічаў і, магчыма, Кейстутавічаў у дынастыю, сепарыраванне гэтых двух галін ад іншых галін Гедымінавічаў. А ў канцы XIV ст. ізаляванне ў дынастыю толькі галіны Альгердавічаў-малодшых (ад Улліаны Цвярской) на выключных “Гаспадароў і спадчыннікаў” ВКЛ.

Вось падставы манаршых перспектыв і прыклады стратэгіі:

I. Вялікая княгіня **Улліана Іванаўна** (1375–1448) з 1418 г. у другім шлюбе за Вітаўтам. У якасці вена ў 1428 г. да яе адышла частка Наваградскага княства. Па версіі Йогана Пасільге Вітаўт забіў яе першага мужа князя Івана Карачэўскага, а на Улліане ажаніўся праз пяць месяцаў пасля смерці жонкі Анны, недачакаўшыся дазволу папы Марціна V. Сцвярджаецца, што Улліана перайшла для шлюбу ў каталіцтва, але працягвала хадзіць у праваслаўную царкву, зафундавала яе ў Троках і магчыма была пахавана ў праваслаўным саборы. Такія звесткі карэлююцца з гісторыяй пра вялікую княгіню Улліану Цвярскую, жонку Альгерда, і ствараюць канон дабравярных “рускіх” вялікіх княгін пры “літоўскіх” паганскіх ці каталіцкіх манархах ВКЛ.

II. Каралева Польшчы **Соф’я Андрэеўна** (каля 1405–1461) была верагодна другой дачкой Андрэя Іванавіча. З 1422 г. каралева Польшчы,

чацвёртая жонка Уладзіслава-Ягайла, якая нарадзіла трох каралевічаў – два з іх сталі каралямі Уладзіславам II Варненчыкам і Казімірам IV Ягелончакам/Ягелонам. Яе старэйшая сястра Васіліса (? – да 1448) была замужам за прадстаўніком дынастыі Гедымінавічаў галіны Старэйшых Альгердавічаў (Уладзіміравічамі-Алелькавічамі): Іванам Уладзіміравічам Бельскім, мела 8 дзяцей і праз шлюбы дачок была пароднена з Астрожскімі і Хадкевічамі. Шлюб Соф’і Андрэеўны цікава абумоўлены ў “Хроніцы Быхаўца”: “Было ў мяне [Уладзіслава-Ягайлы] ужо тры жонкі, дзве полькі, а трэця немка, а спадчыннікаў яны не пакінулі [...] пасватай мне ў жонкі ў князя Сямёна малодшую плямянніцу Соф’ю, яна з роду рускага і можа быць Бог дасі мне спадчыннікаў”. Відавочна звяртае на сябе ўвагу канвертацыя Гальшанскіх у род “рускі”, у супрацьвагу “полькам” і “немкам”... Пры гэтым “літоўка” б для сярэдзіны XVI ст. (час напісання наратыву) відавочна не была “роўнай” прадстаўніку каралеўскага дома. Тое, што Васіліса і Соф’я знаходзяцца ў князя Друцкага (як плямянніцы пад апекаваннем) узвышае іх уласны статус, а не статус самога роду Гальшанскіх.

III. Гаспадарыня Малдаўская **Марыя Андрэеўна** (? – пасля 1456). У 1425 г. выйшла замуж за Іллю (Ільяша) Мушаці [12, с. 83, спасылка 235], сына гаспадара малдаўскага Аляксандра Добрага, які займаў малдаўскі прастол у 1432-1433 і 1435-1443 гг. [20]. Шлюб быў перспектыўны з пазіцыі таго, што мінімум две з жонак Аляксандра Добрага былі “ліцвінкі” з Карыятавічаў і Кейстутавічаў... Аднак унутрыпалітычныя канфлікты ў Малдаўскім княстве і ВКЛ у 1430-ыя гг. змянілі статус “літоўскага” накірунку шлюбнай палітыкі малдаўскіх гаспадароў. Яе сыны Раман і Аляксандр з 1443 па 1455 гг. папераменна змагаюцца за малдаўскі прастол з дапамогай польскіх войскаў, аднак церпяць паразу і галіна спыняе існаванне. Фактычна Гальшанскія на “малдаўскім” накірунку ў першай палове XV ст. кампенсуюць легітымнасць “літоўскай” прысутнасці – замест Карыятавічаў другой паловы XIV ст. Адпаведна ўзвышаюць статус роду Гальшанскіх да манаршай дынастыі, роўнай Карыятавічам-Гедымінавічам.

Эпоха манаршых шлюбаў скончылася ў першай палове XV ст. І на змену ёй прыйдзе падбор шлюбных партнёраў з арыстакратычных радоў для другой паловы XV – першай паловы XVI ст. (Чартарыйскія, Астрожскія). А ў другой палове – нават парадненне з прадстаўнікамі шляхецкіх радоў (напрыклад, Кердзеі).

Царкоўны і ідэйны кампанент. Прадстаўнікі роду Гальшанскіх згадваюцца ў “Памяніке Кіева-Пячэрскай лаўры” канца XV – пачатку XVI ст. Ёсць меркаванне, што запіс “нареченнага в святом крещении Михаила, а в иноцех Евфимия” адносіцца акурат да Альгемунта

Гальшанскага. Запісы на напамін душы пакінуты для прадстаўнікоў другога пакалення Гальшанскіх [1].

З’яўленне сярод прадстаўнікоў роду святой праваслаўнай царквы, калі прадстаўнікі Гальшанскіх схіляліся да пераходу ў каталіцтва звяртае на сябе ўвагу. Святая Уллыяна Гальшанская атрымала ўсе пашаны і аформлены культ у XVIII ст. Аднак пахавана на тэрыторыі Кіева-Пячэрскай лаўры адразу пасля сваёй смерці ў XVI ст., мошчы перанясны ў пячору ў пачатку XVII ст. Варта адзначыць, што толькі дзве манахіні прадставіліся такой пашаны – яшчэ і Ефрасіння Полацкая (пасля 1187). Сама Уллыяна Юр’еўна Гальшанская (1534/50 – 1550/66) была дачкой Юрыя Іванавіча, вядомага мецэната Праваслаўнай царквы на Валіні і Кіеўшчыне, што не магло не паўплываць на канструяванне кulta святой з роду Гальшанскіх самой Праваслаўнай царквой.

Іншы прыклад – біскуп Павел Аляксандравіч (1490 – 1555), пляменнік святой Уллыяны Гальшанскай, але фармальна яе сучаснік, атрымліваў адукацыю ў Кракаўскім універсітэце і з 1507 г. становіцца біскупам Луцкім, а з 1515 па 1536 г. паступова пераходзіць, не баз дапамогі Боны Сфорца, на пасаду біскупа Віленскага, на якой замяніў біскупа князя Яна – бастарда Жыгімонта Старога. Браў удзел у Саборы 1512 г. у Рыме (XVIII-ы Сусветны па наменклатуры Каталіцкай царквы). Актыўны дзеяч Рэнэсанса (навуковец, мецэнат мастатца, калекцыянер) – і пры гэтым праціўнік рэфарматарскіх дэнамінацый. Маючы апасродкаваны ўплыў на Бону Сфорцу (завяшчаў ёй свае ўладанні на Валыні) і яе сына Жыгімонта Аўгуста спрабаваў падштурхнуць манархаў да ганенняў на пратэстантаў і рабіў стаўку на прапаведніцка-асветніцкую дзейнасць дамініканаў (яны становяцца асноўнымі прапаведнікамі кафедральнага сабора ў Вільне ў 1530–1560-ыя гг.). Распачаў папулярызацыю кulta віленскіх мучанікаў-францысканаў, заснаваў манастыр браніфратраў-гаспітальераў у Вільне. Пасля смерці Паўла Гальшанскага віленскае біскупства адыйдзе Валер’яну Пратасевічу, дзяржаўнаму дзеячу эпохі Статута 1566 і Люблінскай уніі 1569 гг., іерарху, які запрасіў у Вільню братоў-езуітаў і ўзняў наоў пытанне аб святасці Казіміра Казіміравіча з Ягелонаў.

Памяць Гальшанскіх. Выява Аляксандра Іванавіча Нялюба змешчана ў “Ліцавым летапісным зводзе”. Герменэўтычны аналіз міміацюры дазваляе казаць (вопратка, галаўны убор, элементы прыёма пры двары маскоўскага князя) пра статус гасця, які безумоўна роўны прадстаўнікам манаршых дынастыяў Усходняй Еўропы (Рурыкавічам і Гедымінавічам). Тут раскрываецца сюжэт прыезда “рускага” князя з атачэннем і яго прыём пры маскоўскім двары. З асобай Уллыяны Іванаўны, жонкі Вітаўта, звязаны сюжэт дзённікаў “Voyages et ambassades” Жыльбера де Лануа. У

ім аўтар-удзельнік апавядае пра падарунак княгіні яму на памяць: залаты ланцужок і “вялікай татарскай манеты”. Дадзены сюжэт патрабуе сімятычнага аналізу ў кантэксце ўсходнеславянскай і заходнееўрапейскай культуры надворных падарункаў, бо відавочна з’яўляецца ўспрыняццём бургунцам сімвала, які нетоесны ў ВКЛ і Францыі.

У біяграфіі Соф’і Гальшанскай звяртае на сябе ўвагу любоў Соф’і да ліставання (напрыклад з папай рымскім па відавочна бытавым пытаннем). Замавіла пераклад Бібліі і службовай літаратуры. Падпісвалася сваім імем па-лацінску (што відавочна вылучае яе сярод “ліцвінак”). У 1430-я гг. ей была заснавана ўсыпальніца ў капліцы Св. Троицы ў саборы на Вавелі для яе і сына Казіміра, па загадзе каралевы размалявана фрэскамі ва ўсходнім (“рускім”) стылі.

Горад у гісторыі рода – Гальшаны і Кіеў. Валоданне Гальшанамі сведчыла пра першаснасць у функцыянаванні рода. Прынамсі так адбываецца пасля 1510-х гг. Дубравенская частка сведчыла пра “другую” галіну Гальшанскіх. Аднак банальнае выгасанне к 1511 г. і імкненне прадстаўнікоў да аб’яднання “паўночнай” Гальшанскай і “паўднёвай” Дубравенскай частак маёмасці пад адной мужчынскай рукой указвае на сходныя з такімі магнацкімі родамі як Ілінічамі, Гаштольдамі і інш. сацыяльных і эканамічных тэндэнцый ВКЛ.

Кіевам Гальшанскія “валодалі” больш за стагоддзе – а гэта больш, чым ім валодалі Алелькавічы. У гісторыі рода горад усведамляўся як валоданне Гальшанскіх (безумоўна ў якасці вяліканкяжаскага намесніцтва) – і звязана гэта з сімвалічным пераходам Кіева пад уладу ВКЛ, ці то ў эпоху Гедыміна, ці Вітаўта, ці намесніцтвы-ваяводства XV–XVI ст.

Вывады. Гісторыя роду канструявалася відавочна пасля ўздыму па сацыяльнай лесвіцы і палітычных кар’ер яго выбітных прадстаўнікоў, каб захаваць памяць пра іх, для дзяржаўнай гісторыі і гісторыі палітычнага народу, да каго і была звернута. Сваю ролю тут адыграў і біскуп Павел Гальшанскі і яго атачэнне [18]. Сацыяльныя стратэгіі канца XIV – XV ст. інтэгрвалі род у катэгорыю арыстакратыі і манаршых дынастый, якая імкліва мянялася, адкідала незапатрабаваныя галіны і закрывалася для далейшага ў ёй знаходжання без пацвярджэння ў кожным палітычным пакаленні. XVI ст. становіцца імклівым часам пераходу ў кола магнацкіх радоў: збіранне зямель, займанне цэнтральных урадаў. І першы этап і другі былі абумоўлены ўдалай шлюбнай стратэгіяй.

Асэнсаванне сваёй ролі ў дзяржаве прыходзіць на схіле існавання рода, які паглынулі (пераважна маёмасна, бо дзяржаўныя ўряды

пабольшасці не дасталіся родам-спадчыннікам) моцныя магнацкія роды ВКЛ у другой палове XVI ст. Ключавымі ў канструяванні памяці пра род становяцца духоўныя асобы епіскап Павел і святая Улляна. Пры гэтым відавочна не надавалася ўвага манархіям – Улляне, жонцы вялікага князя Вітаўта, Марыі, жонцы гаспадара малдаўскага Іллі, і каралеве Соф’і, маці Ягелонаў. Бо з канца XV ст. Гальшанскія знаходзіліся ў іншай палітычнай катэгорыі – не манаршая дынастыя, а магнацка-шляхецкі род.

Таксама цікавым з’яўляецца сюжэт пра сімвалічнасць родавага цэнтра. Для Гальшанскіх-дынастыі ім безумоўна выступае Кіеў, які надаў роду княжацкі тытул і вагу ў арыстакратычнай супольнасці ВКЛ канца XIV–XV ст. У “магнацкі” перыяд ім становяцца родавыя Гальшаны, кантроль над якімі імкнуліся пацьвердзіць кожнае пакаленне і ўсе галіны роду.

Пры ўсёй відавочнасці і прызнанні “літоўскага” паходжання ў соцыўме ВКЛ (легенда пра Гольшу і Альгімунта Міндоўгавіча) для ідэалогіі дзяржавы і на знешнепалітычнай арэне Гальшанскія былі прадстаўлены як “рускі” род. Што безумоўна падкрэслівала іх чужы (данастычны, арыстакратычны) статус для шляхты XVI ст.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Брыль, А.Ф. Князі Гальшанскія ў Кіева-Пячэрскім памянніку // Герольд Litherland. Горадня-Менск, 2011. – № 18. – С.41-46.

2. Войтович, Л. Литовські і жемайтські князі. Князі Гольшанські // Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.). – Львів: Інститут українознавства, 2000. – 649 с.

3. Гольшанські (Дубровицькі) // Енциклопедія історії України у 10 т. - Київ: Наукова думка, 2004. – Т. 2: Г–Д. – С. 152–518.

4. Канановіч, У. Арыстакратычны род і сацыяльная памяць у Вялікім Княстве Літоўскім у Познім Сярэднявеччы // *Silva rerum nova: Штудыі ў гонар 70-годдзя Георгія Я. Галенчанкі.* – Вільня; Мінск, 2009. – С. 133–145.

5. Ліцкевіч, А. “1401.[П.05], в суботу масопустную. Мерач. Князь Іван Альгімонтавіч прысягае, што ў выпадку смерці вялікага князя Вітаўта разам са сваімі дзецьмі і ўладаннямі прызнае сваім гаспадаром караля Польшчы Уладзіслава (Ягайлу) і будзе верным Кароне Польскай” // Гісторыя Беларусі 9–18 ст. Першакрыніцы. – Электронны рэсурс: <https://web.archive.org/web/20160923053352/http://starbel.narod.ru/razn/d122.htm>. – Дата доступа: 01.11.2023.

6. Любая, А.А. Антычнасць у сістэме гістарычных і ідэалагічных уяўленняў Вялікага княства Літоўскага (сярэзіна XV – першая палова XVI ст.) // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы.* – Минск: РИВШ, 2009. – Вып. 2. - С. 212–223.

7. Насевіч, В.Л. Гальшанскія // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя ў 3 т.

- Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2005. – Т.1: Абаленскі – Кадэнцыя. – С. 491–493.
8. Насевіч, В.Л. Род князёў Друцкіх у гісторыі Вялікага княства Літоўскага (XIV—XVI стст.) // Старонкі гісторыі Беларусі. – Мінск, 1992. – С. 80-104.
9. Пятраўскас, Р. Літоўская знаць у канцы XIV – XV ст.: склад – структура – улада. – Смаленск: Інбелкульт, 2014. – 386 с.
10. Фядосік, В.А. Антычнасць вачыма Сярэднявечча. – Мінск: БДУ, 2016. – 187 с.
11. Шабульдо, Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев: Наукова думка, 1987. – 183 с.
12. Czamarska, I. Mołdawia i Wołoszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV wieku. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1996. – 369 s.
13. Dokumenty strony polsko-litewskiej pokoju mełneńskiego z 1422 roku / wydali Przemysław Nowak i Piotr Pokora. – Poznań: Wydaw. Poznańskie, 2004. – XVII, [1], 99, [2] s.
14. Kuczyński, S.M. Holszański Iwan Olgimuntowicz. Hippocentaurus // Polski Słownik Biograficzny. – Wrocław-Warszawa-Kraków: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1961. – T. IX (4), Zeszyt №43. – S. 587–588.
15. Maleczyńska, E. Działalność polityczna królowej Zofji Holszańskiej w latach 1422–1440. – Lwów: Towarzystwo Naukowe, 1936. – 118 s.
16. Pieczęć kniazia Iwana Olgimuntowicza Holszańskiego / S. Polechov, M. Butyrski // *Inter Regnum et Ducatum*. – Białystok, 2018. – S. 441–461.
17. Sedvydis, L. Dukes of Holszany in Kiev from Early 14th century to the year 1430 // *Colloquia Russica*. – Kraków, 2012. – P. 156–167.
18. Sedvydis, L. Vilniaus vyskupo Pauliaus Alšėniškio klientų veikla Vilniaus kapituloje XVI a. 5-6 dešimtmečiais // *LDK dvasingumas : tarp tradicijos ir dabarties : mokslinių straipsnių rinkinys / sudarytojos V. Kamuntavičienė, A. Vasiliauskienė*. – Kaunas, 2010. – P. 21–43.
19. Tęgowski, J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. – Poznań-Wrocław: Biblioteka Genealogiczna, 1999. – T. 1. – 319 s.
20. Tęgowski, J. Powiązania genealogiczne wojewodów mołdawskich Bogdanowiczów z domem Giedyminowiczów w XIV–XV wieku // *Genealogia. Studia i materiały historyczne*. – Poznań-Wrocław: Wydawnictwo historyczne, 1993. – T.3. – S. 45-67.
21. Wolff, J. Kniazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. – Warszawa, 1895. – XXV, 698 s.

ФУНДАТАРЫ ОРДЭНА ПРАПАВЕДНІКАЎ У ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ У XVII – XVIII СТСТ.

В. І. Захарыч

*Беларускі дзяржаўны універсітэт, пр. Незалежнасці, 4, г. Мінск, 220030, Беларусь,
valyazakharych@gmail.com*

Артыкул прысвечаны галоўным фундатарам дамініканскіх пляцовак ордэна на землях Вялікага Княства Літоўскага. Умацаванне палажэння ордэна на гэтых тэрыторыях прыйшлося на XVII ст., у чым манахам спрыяла сукупнасць спрыяльных гістарычных працэсаў. Разглядаюцца асобы фундатараў, матывацыя і прычыны надання фондушаў, іх афармленне і змест.

Ключавыя словы: каталіцтва; Вялікае Княства Літоўскае; ордэн дамініканцаў; шляхта; фундацыі; рэлігійнасць.

The article is devoted to the main sponsors of the Dominican sites of the Order on the lands of the Grand Duchy of Lithuania. The strengthening of the order's position in these territories occurred in the 17th century, which was facilitated by a set of favorable historical processes. The identity of the funders, motivation and reasons for providing funds, their design and content are considered.

Keywords: Catholicism; Grand Duchy of Lithuania; Dominican order; nobility; foundations; religiosity.

Дамініканскі ордэн братаў прапаведнікаў упершыню з'явіўся на землях Вялікага Княства Літоўскага яшчэ ў XIII ст., у хуткім часе пасля заснавання Дамінікам дэ Гусманам. Імклівае распаўсюджванне было абумоўлена актыўнай місіянерскай дзейнасцю і імпэтам першых манахаў, у тым ліку знакамітага місіянера на усходнееўрапейскіх землях Яцака Адрованжа, які лічыцца заснавальнікам Польскай правінцыі [15, с. 492]. Тым не менш, больш паспяхова іх бачная дзейнасць праводзілася ў заходніх і паўднёвых землях Княства, у той час як па шэрагу прычын як унутрыордэнскіх, так і знешнепалітычных, не змог замацавацца ва ўсходніх, цэнтральных і паўночных, прайграўшы іншым манаскім супольнасцям ў першынстве за распаўсюджванне веры сярод мясцовага насельніцтва. Але сваю прысутнасць у акрэсленай прасторы яны захоўвалі знаходжаннем паблізу да каралеўскага двара.

Было некалькі прычынаў пазнейшага прыходу гэтага каталіцкага ордэна на вышэйакрэсленую прастору. У XIV ст. кляштары, размешчаныя ў дзяржавах Цэнтральна-Усходняй Еўропы, разглядаліся кіраўніцтвам ордэна як перыферычныя і непрэстыжныя, аб чым сведчаць факты прымусовага перавода туды асобных манахаў з кляштараў

Заходняй Еўропы [10, с. 180]. У гэты ж час, у XIV – XV стст. у абшчынным жыцці ордэна наспеў крызіс, таму ордэн яшчэ быў сканцэнтраваны і на вырашэнні ўласных праблемаў [11]. Пасля Вялікіх геаграфічных адкрыццяў цікавасць дамініканцаў прыпала на засваенне зямель Новага свету. XVI ст. адзначана з’яўленнем рэфармацыйнага руху, станаўленнем і імклівым развіццём ордэна езуітаў, што негатыўна паўплывала на дзейнасць дамініканцаў і прывяло да змяншчэння колькасці кляштароў [1, слуп. 1685; 0, с. 38].

Часам, які змяніў становішча ордэна, стаў канец XVI – пачатак XVII ст. Гэты перыяд быў абумоўлены цэлай сукупнасцю падзей, якія прывялі да другой хвалі “засялення” дамініканцаў. Сюды можна аднесці новы этап у развіцці каталіцкіх манаскіх ордэнаў як перыяд Контррэфармацыі на землях Вялікага Княства Літоўскага. У канцы XVI ст. рэфармацыйны рух пачынаў згасаць, у той час як назіраўся росквіт каталіцкага манаскага жыцця на акрэсленых землях у плане ахопу новых тэрыторый і пабудовы новых пляцовак. Да канца XVIII ст. толькі на беларускіх землях у межах Вялікага Княства налічвалася 28 манаскіх аб’яднанняў [4, с. 138]. Дамініканскі ордэн не стаў выключэннем. Вырашыўшы свае ўнутраныя супярэчнасці, у ордэне з’явілася магчымасць больш уважліва звярнуць увагу на тэрыторыю Вялікага Княства, якая засталася па-за іх уплывам. Да таго ж, з-за змяншчэння даверу да езуіцкага ордэна і крытыкі вакол яго ў пачатку XVII ст., з’явілася магчымасць прыцягнуць увагу да сябе і шляхецтва, што праявілася ў пераходзе былых прыхільнікаў езуітаў да дамініканцаў у межах яшчэ Польскай правінцыі [16, р. 70 – 76]. На гэтае наклаліся падзеі ў межах ордэна, як кананізацыя Св. Яцака ў 1594 г., стварэнне новых адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак у выглядзе асобных Рускай і Літоўскай правінцый, а таксама з назначэння дамініканца Фабіяна Біркоўскага прыдворным прапаведнікам караля Уладзіслава IV [11]. Вядома аб фінансавай падтрымцы каралём памежных кляштароў на поўдні Рэчы Паспалітай, што было ў сваім родзе адным са связуючых фактараў у зносінах з рэгіянальнай шляхтай. Таксама ў якасці прыкладу, магчыма прывесці такі момант, калі падчас пропаведзі ў прысутнасці караля Уладзіслава IV, шляхты і прыдворных у Віленскім канвенце пасля перамогі пад Смаленскам (1634 г.), дамініканец Дамінік Красускі свядома звязаў ордэн прапаведнікаў з каралём Уладзіславам і прапаведаваў інтэграцыю дзяржавы і царквы, падкрэсліваючы ўзаемазалежнасць, баланс і згоду [16, р. 69].

Перайманне і жаданне выкарыстаць рэлігійныя прыхільнасці Уладзіслава таксама маглі адыграць сваю ролю ў дамініканскім патранаце, нягледзячы на тое, што кароль па сваёй пасадзе ўсё ж імкнуўся падтрымліваць супрацоўніцтва з рознымі элементамі Касцёла і

заахвочваў суіснаванне паміж свецкімі і духоўнымі саслоўямі ў палітыцы прасоўвання на Усход.

Стварэнне новых правінцый патрабавала дадатковых сродкаў для іх умацавання. Ордэну неабходна было пашыраць кляштарную сетку новаўтвораных адзінак, каб забяспечыць іх сталае існаванне. У залежнасці ад сваіх інтарэсаў і магчымасцяў, правінцыя вызначала кірункі развіцця, адбірала асоб для заснавання новых пляцовак, давала адпаведныя сродкі. Але рэдка правінцыі Рэчы Паспалітай прымалі рашэнне аб стварэнні кляштараў без неабходнага першапачатковага капіталу [11]. Падтрымка ў фундацыях з боку каталіцкай царквы ад біскупаў, як гэта практавалася ў езуіцкім ордэне, была немагчымай па прычыне некаторых спрэчак манахаў з імі [16, р. 71]. Таму да заснавання новых манаскіх цэнтраў актыўна заахвочваліся прадстаўнікі палітычных эліт.

Такім чынам, калі дамініканцы і прадстаўнікі заможных шляхецкіх родаў знаходзілі адзін аднаго, то апошнія часта надавалі манахам фондуш, ці, як часам ён называецца ў крыніцах, “фондуш арыгінальны”, які становіўся асновай для развіцця новага кляштара. Пад фундацыяй маецца на ўвазе перадача мірскай маёмасці духоўнаму аб’яднанню ці асобна ўзятаму духоўніку цягам жыцця ці пасля смерці, пры ўмове, што акрэсленыя фундатарам абавязкі будуць выконвацца акрэслены тэрмін [12, с. 157]. Фондушы складаліся на дагаворнай аснове, таму павінна была існаваць узаемная згода паміж заснавальнікам і адміністратарам інстытута, які атрымлівае падарунак. Больш за тое, існаваў абавязак выканання некаторых работ, указаных у дакуменце аб заснаванні.

Трэба сказаць, што фундацыі адбываліся не толькі ў гонар заснавання новага цэнтра. У некаторых выпадках, мы можам казаць пра прыязныя адносіны з мясцовым шляхецтвам, мяшчанствам, пра што сведчаць шматлікія ахвяраванні і ўвогуле матэрыяльная дапамога на карысць ордэна. Прычыны і нагоды іх былі самыя разнастайныя. Не раз былі выпадкі, калі ў выніку знішчальных войнаў і наступстваў пасля іх, пасля прыродных стыхій, якія выклікалі пажары, храмы аднаўляліся дзякуючы патрымцы шматлікіх дабрачынцаў. Так, пасля разбуральных ваенных канфліктаў у другой палове XVII ст. быў адбудаваны кляштар у Берасці. На сродкі дабрачынцаў пастаўлены мураваны касцёл у 1779 г. у Чашніках [12, S. 16; 40 – 43]. Кніга мінскага гродскага суда таксама мае прыклады ахвяраванняў на карысць ордэна, якія захаваліся ў складзе тастаментаў [7].

Колькасць падараваных грашовых сродкаў залежала ў першую чаргу ад магчымасцяў дабрадзея, ад ступені ягоных сувязяў з дамініканцамі, ад мэты ахвяравання. Таму сумы вар’іруюцца ад сотні

злотых да некалькі тысячч. Аднак у кантэксце работы, пад фундатарам будзе мецца на ўвазе асоба, якая з'яўляецца галоўным першым мецэнатам-заснавальнікам новага дамініканскага цэнтра, у той час як асобы, якія матэрыяльна дапамагалі развіццю ўжо створанага кляштара, выносяцца ў катэгорыю дабрачынцаў ці ахвярадаўцаў.

Фундуш змяшчаў у сябе некалькі катэгорый пажаданняў, якія вырашалі маёмасна-арганізацыйныя пытанні:

- будаўніцтва (касцёла і кляштара пры ім, што ў будучым фарміравалася ў паўнаважныя комплексы);

- утрыманне вызначанай колькасці манахаў;

- матэрыяльнае забеспячэнне рухомай і нерухомай маёмасцю (згодна са звесткамі гісторыка каталіцкай і уніяцкай царкваў Я.М. Гіжыцкага у забеспячэнне маглі ўваходзіць пляцы ў горадзе ці мястэчку, землі, фальваркі, вёскі з падданымі, правы на валоданне лясамі, агародамі, гаямі, млынамі, вадаёмамі, корчмамі [13; 18; 19]).

- фінансавая падтрымка (наданне вялікай сумы ў некалькі тысячч злотых);

- асветніцкая работа (стварэнне невялікай навучальнай установы пры кляштары для мяшчанскіх і шляхецкіх дзяцей, альбо нават і спецыялізаваных студый для манахаў);

- хрысціянскія просьбы (наказ маліцца за душы фундатараў і іх родзічаў, просьбы аб пахаванні ў касцёле і інш.);

У фондушы маглі адсутнічаць некаторыя з вышэйадзначаных дэталяў, а маглі быць прапісаныя і іншыя дадатковыя умовы (напр., абавязковае ўтрыманне арганіста [5, с. 38]). Магло вырашацца пытанне наконт надання назвы касцёлу. Дзякуючы ёй прасочваецца як перавагі дамініканцаў у вызначаных культах Касцёла ці свайго ордэна ў прыватнасці, так і ўплывы фундатараў праз асабістыя жаданні.

Многія знакамітыя роды падлучыліся ў працэс фінансавай падтрымкі Каталіцкай царквы. У межах дамініканскага ордэна магчыма вылучыць такія роды, як Пацы, Сапегі, Тышкевічы, Зяновічы, Патоцкія, Слушкі. Што цікава, іх усіх аб'ядноўвала роднасць між сабой і, верагодна, магчыма дапусціць і падтрыманне некай дамініканскай традыцыі ў іх сем'ях. Праз іх генеалагічнае дрэва, аб'яднанае роднымі, стрыечнымі і траюроднымі братамі і сёстрамі, магчыма прасачыць узнікненне каля 20-ці пабудаваных дамініканскіх пляцовак у межах Вялікага Княства ў XVII – XVIII стст. Так, у якасці прыкладу, разгледзеўшы асобу Тэадоры з Валовічаў (дачкі Грыгора Грынёкавіча Валовіча, дзяржаўнага дзеяча Вялікага Княства Літоўскага) [2, с. 459], праз яе братаў і сяцёр, двух яе мужоў Юрыя Тышкевіча і Крыштафа Зяновіча, дзяцей, унукаў у асноўным магчыма апісаць, што менавіта

аб'ядноўвала вышэйазначаныя роды дамініканскіх спонсараў, якія першымі далі сродкі на заснаванне некаторых новых дамініканскіх цэнтраў у гарадах і мястэчках.

Яе сын Пётр Тышкевіч і пляменніца Соф'я з Валовічаў спрычыніліся да з'яўлення дамініканцаў у Мінску у перыяд каля 1605 – 1615 гг. [2, с. 72]. Дачка Пятра Тышкевіча Марыяна, з мужам Адамам Саковічам, фундавала дамініканцаў у Зембіне [8], а другая жонка Саковіча – Соф'я з Раецкіх – дапамагла аднавіцца кляштару ў Брэсце [19, с. 15].

Другі сын Мікалай Багуслаў Зяновіч [2, с. 72] быў жанаты на Ганне з Пацаў, пляменнікі і ўнучатыя пляменнікі якой далі сродкі на заснаванне кляштару у Харошчы, Гродна, Княжыцах, Дунілавічах, Коўна [17, с. 219]. Іх жа дачка Соф'я з Зяновічаў фундавала са сваім мужам Паўлам Янам Сапегам кляштар у Беніцы. Дзеці самога Сапегі ад гэтага і другога шлюбаў звязаныя з запрашэннем манахаў у Заслаўе, Пескі, Ракаў, Смаляны [19].

Сама Тэадора з Валовічаў таксама мела дачку з імем Соф'я Зяновіч, якая замужам за Аляксандрам Слушкай прынялі манахаў у Клецк, Рэчыцы і Стоўбцах, а іх сын Жыгімонт Адам Слушка запрасіў іх у Чашнікі [14, с. 130 – 132].

Паглыбляючыся ў далейшыя даследаванні, магчыма праз сетку родзічаў выйсці на яшчэ адзін знакаміты род Патоцкіх, якія з'яўляліся апекунамі ордэна і цесна ўзаемадзейнічалі з імі ў іншых частках Рэчы Паспалітай.

Безумоўна, ордэн падтрымлівалі з тых ці іншых прычын і іншыя сем'і, не звязаныя з гэтымі роднаснымі сувязямі: Забельскі-Шчыт, Друцкі-Сакалінскі, Лімунт, Палубінскі і дзясяткі іншых прозвішчаў узгадваюцца ў сувязі з падтрымкай ордэна прапаведнікаў [14, с. 130 – 132]. Тым не менш, усіх пералічаных асоб і іх сем'яў не правільна будзе запісваць ў патронаў толькі дамініканцаў. Іх сродкі ішлі і на падтрымку ўніяцкага і іншых каталіцкіх манаскіх ордэнаў, што было абумоўлена іх асабістым выбарам, геаграфічнай даступнасцю ці іншымі магчымасцямі [16, р. 71].

Вялікая сям'я фундатара кляштара магла стаць і пагрозай для дзейнасці манахаў у тым плане, што іх незадавальняла рашэнне аб перадачы маёмасці. Паказальнай стала сітуацыя ў Забелах (суч. Валынцы). Фундатарамі там былі Юры Забельскі-Шчыт са сваёй жонкай Ганнай з Глазкаў, якія пасля страты свайго сына вырашылі завяшчаць усю маёмасць дамініканцам. Пасля смерці фундатара Юрыя Забельскага-Шчыта яго сваякі, незадаволеныя такім рашэннем, пачалі аспрэчваць умову тастаменту нябошчыка. Некаторыя родзічы пастрабавалі

насуперак закону дабіцца свайго сілай. Справа дайшла да вышэйшага суда Вялікага Княства – Галоўнага Трыбунала, і ў ёй перамогу атрымалі духоўнікі. Нягледзячы на гэтае, сваякі яшчэ доўга не ўтаймаваліся і працяглы час дамініканцы вымушаны былі трымаць узброенную ахову, а таксама для абароны ўзвялі сцены абাপал сваіх уладанняў [3, с. 13].

Калі задавацца пытаннем, што падштурхоўвала шляхту даваць фондушы манахам, то першапачаткова, на думку аўтара, трэба мець на ўвазе такі аспект, як рэлігійны фактар. Ва ўмовах Контррэфармацыі немагчыма абмінуць бокам уплыў дагматычных вучэнняў Каталіцкай царквы. Найбольш матывуючымі з'яўляліся танаталагічныя ўяўленні, звязаныя з працэсам памірання і смерцю. Веруючыя ведалі яскравыя апісанні паслясмяротнага жыцця, і найбольш унушаючым страх быў індывідуальны суд, на якім выносіўся вырак згодна са ступенню грэшнасці ўчынкаў чалавека. Усведамляючы, што жыццё пражыта недастаткова дасканалы, памагчы ў будучым сабе, сваім адыйшоўшым блізкім магчыма было, робячы малітвы, ахвяраванні, будуючы культавыя пабудовы як сімвалы набожнасці. Пры ўмове падтрымкі ордэна, у дадзеным выпадку дамініканскага, шляхта становілася бліжэй да царквы, тым самым бліжэй да Бога, ствараючы новыя храмы і дапамагаючы ў штодзённых справах братам. Клопат пра сваю душу, як бачна, быў важным для веруючага насельніцтва. Да таго ж, згодна з тагачаснымі ўяўленнямі, фундатары мелі права на душпастырскую апеку манахаў і малітоўнае заступніцтва за ягоную душу пасля смерці. Сустрэкалася просьба пахавання ў кляштарным касцёле, якая была таксама папулярнай з той прычыны, што гэта давала душы дабрачынца дадатковы прывілей на Божым судзе [9, с. 77]. Дадатковым стымулам да гэтага маглі стаць падзеі сямейнага характару, якія звязаныя з жыццёвым цыклам чалавека (нараджэнне, вяселле, смерць, выздараўленне ад цяжкай хваробы), а таксама магчыма аднесці і адсутнасць спадчыннікаў.

Чалавек па ўласнаму жаданню мог стаць яшчэ бліжэй да ордэна. Павел Ян Сапега, вялікі гетман літоўскі, ініцыятар прыходу дамініканаў у Беліцу напярэдадні сваёй смерці ў 1665 г. загадаў пахаваць сябе ў дамініканскім адзенні [19, с. 12], што можа сведчыць аб яго прыналежнасці да трэцяга аддзялення ордэна. Вядома, што ў хуткім часе пасля афармлення братаў-прапаведнікаў быў твораны так званы “другі ордэн” у выглядзе манаскіх жаночын абшчын, а таксама “трэці ордэн” для мужчын і жанчын (“тэрцыярыі”), які імкнуўся да дасканалы хрысціянскага жыцця ў міры, застаючыся пры гэтым у сваім саслоўі і працягваючы займацца сваёй прафесіяй. Акрамя таго, неабходна і адзначыць такі момант, як статуснасць. Такі саюз ордэна і шляхецкага роду быў узаемавыгодны – манахі атрымлівалі магчымасць займаць сабе

патрона, а шляхта магла паказаць сябе як абаронцу каталіцкай веры. Нярэдка фундацыі адбываліся ў сям'і, перайшоўшай з кальвінізму ў каталіцтва. Так, узгаданыя сужэнцы Аляксандр Слушка, кашталян мінскі, і яго жонка Сафія з Зяновічаў, былыя кальвіністы, вярнуліся ў каталіцтва, пабудавалі касцёлы і запрасілі манахаў у тры населеныя пункты, даючы пляцы ў горадзе, фальваркі і грашовыя сродкі. Касцёл і кляштар у Берасці заснаваны Соф'яй Магдаленай Бухавецкай, дачкой каралеўскага сакратара Марыяна Лакніцкага. Адрокшыся ад кальвінізму, яна запісала берасцейскім дамініканцам землі некалькіх вёсак, якія атрымала ў спадчыну ад бацькоў і двух мужоў.

У саміх фундушых магло і прама прапісвацца мэта каталізацыі мясцовага насельніцтва. Напрыклад, у сваіх уладаннях у Шклове троцкі ваявода Аляксандр Хадкевіч запрасіў у 1618 г. у былыя кальвінісцкі храм манахаў прапаведнікаў «у мэтах распаўсюджвання каталіцкай веры» [6, с. 13]. Ці Аляксандр Абухоўскі, аршанскі гродскі суддзя, які ў 1701 г. пастанавіў фундаваць дамініканцаў у Дудаковічах, таму што «шмат душаў хрысціянскіх ерассю дызуніцкай заражоных» было ў той мясцовасці [19, с. 48]. Ці ў Аглоне суджэнцы Ева-Юстына і Дадзібог Шастовіцкія (віцебскі скарбнік) ў 1700 г. “для памнажэння хвалы Божай у халодных сэрцах” запрасілі манахаў, каб выратаваць ад грахоў мясцовых ідалапаклоннікаў і ератыкоў [18, с. 49 – 50].

Нельга абыйсці бокам і такі аспект, як павелічэння ўплывоўсці жанчыны ў працэс развіцця дамініканскага ордэна XVII ст. Жанчыны дамінавалі ў ружанцовых брацтвах, галоўнай набажэнскай практыцы дамініканцаў. Шэраг фундацый былі натхнёныя жанчынамі, і многія іншыя не маглі б быць пачаты без іх падтрымкі. Цесная сувязь паміж сужэнцамі ў выніку прыводзіла да сумесных фундацый, або ўпісвання сум без абавязацельстваў, або для Імшаў за душы адзін аднаго як пры жыцці, так і пасля смерці. Апора дамініканцаў на жанчын распаўсюдзілася і на распаўсюджванне веры. Каталіцкая пабожнасць, як лічыць даследчык Пётр Сталярскі, адыграла важную ролю ў прыцягненні былых пратэстантаў у ордэн [16].

Такім чынам, улічваючы, што ў перыяд з 1610-х па 1690-я гг. на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага было прафінансавана каля 50-ці новых дамініканскіх абшчын, магчыма казаць аб прыходзе ордэна як сталай структуры толькі ў XVII ст., у прыватнасці на беларускія землі Княства. XVIII ст. характэрывалася пабудовай меншай колькасці пляцовак, канцэнтруючыся на дабрабыце існуючых. Вылучаюцца два тыпы фундушых, як першасны, што з'яўляецца першапачатковым і грунтоўным для стварэння новай пляцоўкі, і другасны, які падтрымлівае існаванне заснаванага. Адпаведна, такія фундушы падзяляюць саміх

фундатораў на заснавальнікаў і ахвярадаўцаў. Дамініканцы па прычыне сваёй спецыфікі не жылі адасоблена ад насельніцтва, таму важным пунктам заставалася наладжванне спрыяльных ўзаемаадносінаў з насельніцтвам, што і прыводзіла да фундацый, якія атрымлівалі сямейную традыцыю. Магчыма вылучыць такія роды, як Пацы, Сапегі, Тышкевічы, Зяновічы, Патоцкія, Слушкі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Баранов, И. В. Доминиканцы / И. В. Баранов // Католическая энциклопедия: в 3 т. – Москва: Издательство францисканцев, 2002. – Т. 1. – слуп. 1681 – 1686.
2. Валовічы ў гісторыі Вялікага княства Літоўскага XV - XVIII стст. / Цэнтр генеалагічных даследаванняў, Установа "Музей "Замкавы комплекс "Мір" ; навук. рэд. А. І. Шаланда ; склад. А. М. Янушкевіч. – Мінск : Медысонт, 2014. – 506 с.
3. Здзіслаў, С. Забельскі аазіс / С. Здзіслаў // Культурна-рэлігійны часопіс «Дыялог» . – 1999 . – № 3(58) – С. 12 – 13.
4. Зянюк, Р. І. Рымска-каталіцкія манаскія ордэны і кангрэгацыі ў Беларусі (1772—1917 гг.): айчынная гістарыяграфія пытання / Р. У. Зянюк // Научные труды Республиканского института высшей школы. — 2019. — Вып. 19, ч. 1. — С. 138—147.
5. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской: в 32 вып. – Вып. 29 / Под ред. Д.И. Довгялло. – Витебск: Губернская Типо-Литография, 1901. – IV, 472, 68, XXXI с.
6. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской: в 32 вып. – Вып. 30 / Под ред. Д.И. Довгялло. – Витебск: Губернская Типо-Литография, 1903. – XI, 360, 164, XXXIV с.
7. НГАБ. Ф. 1727. Воп. 1. Спр. 3. Л. 167 – 168 адв., 378 – 379 адв., 413 – 414 адв., 569 – 572 адв., 575 – 575 адв., 612 – 613 адв., 774 – 777 адв., 965 – 968 адв., 1012 – 1013 адв.
8. НГАБ. Ф. 1733. Воп. 1. Спр. 28. Л. 570 – 572.
9. Сінкевич, Н. О. Laudare, benedicere, praedicare: домініканський орден на Волині в кінці XVI – на початку XIX ст. / Н. О. Сінкевич. – Київ.: Кайрос, 2009. – 408 с.
10. Чорний, М. Вибрані праці // Львівський національний університет імені Івана Франка, Інститут українознавства імені Івана Крип'якевича НАН України — Львів, 2014 – 276 с.
11. Brzozewski, S. Litewska prowincja dominikanów / S. Brzozewski // Rocznik Augustowsko-Suwalski [Электронны рэсурс]. – 2004. – т. 4. – Рэжым доступу: <http://www.astn.pl/r2004/lit.htm>. – Дата доступу: 14. 03. 2018.
12. Dunford, D. Foundation / D. Dunford // The Catholic encyclopedia / Chief editor: C.G. Herbermann. – New York, The Encyclopedia Press, 1913. – V. 6. – S. 157 – 159.
13. Materiały do dziejów sztuki sakralnej na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej: w 5 cz. / red. J. K. Ostrowski. – Kraków: Miedzynarodowe Centrum Kultury. – Cz. 4, T. 3: Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa trockiego. – 2016. – 226 s.
14. Miławicki, M. Dominikanie na kresach wschodnich Rzeczypospolitej Obojga

Narodyw (teren dzisiejszej Białorusi) / M. Miławicki // *Folia Historica Cracoviensia*. — Kraków: Dominikański Instytut Historyczny w Krakowie, 2014. — T. 20. — S. 95 – 153.

15. Miławicki, M. Misyjne tradycje polskich dominikanów. Zaangażowanie synów św. Jacka w działalność misyjną Kościoła i Zakonu Kaznodziejskiego / M. Miławicki // *Święty Jacek i jego dziedzictwo dominikańskie* / red. E. Mateja, A. Pobóg-Lenartowicz, M. Rowińska-Szczepaniak. – Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2008 – S. 483 – 509.

16. Stolarski, P. Friars on the Frontier: Catholic Renewal and the Dominican Order in Southeastern Poland, 1594–1648 / P. Stolarski. – Padstow: TJ International Ltd, 2010. – 265 p.

17. Stupnicki, H. Herbarz polski i imionospis zasłużonych w Polsce ludzi wszystkich stanów i czasów / H. Stupnicki. – Lwów, 1859. – T.II.– 280 s.

18. Wołyniak (Giżycki J. M.), Wiadomości o dominikanach prowincji litewskiej. Część I / Wołyniak. – Kraków, 1917. – 322 s.

19. Wołyniak (Giżycki J. M.), Wykaz klasztorów dominikańskich prowincji ruskiej. Część II / Wołyniak. – Kraków, 1923. – 402 s.

«И С ВСИМ ПОСПОЛЬСТВОМ СОГАДАВШИ, УРЯДИЛИ ЕСМО ТАК»: ДА ПЫТАННЯ ГЕНЕЗІСА СОЙМА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ё КАНЦЫ XIV–XV СТСТ.

К. Дз. Даўматовіч

*ДУА Сярэдняя школа № 5, вул. К. Заслонава, 40, 223710, г. Салігорск, Мінская вобл.,
Беларусь kirill28.02@mail.ru*

У артыкуле аўтар адзначыў свае назіранні па праблеме генезіса сойма Вялікага Княства Літоўскага. Былі прадстаўлены канцэптуальныя палажэнні генезіса сойма Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XIV–XV стст. Згодна з імі дадзены працэс – гэта трансфармацыя парламенцкіх традыцыі ў эпоху Казіміра Ягелончыка пад уплывам сацыяльна-палітычнага развіцця Паноў-Рады і шляхты, а таксама рэцэпцыі польскай палітычнай і прававой культур. Адзначана, што ўхвала Судзэбніка 29 лютага 1468 г. з’яўляецца найбольш ранняй дакладнай саслоўна-прадстаўнічай практыкай у Вялікім Княстве Літоўскім.

Ключавыя словы: сойм, Вялікае Княства Літоўскае; генезіс; Казімір Ягелончык, Судзэбнік.

In the article, the author noted his observations on the problem of the genesis of the Sejm of the Grand Duchy of Lithuania. The conceptual provisions of the genesis of the Sejm of the Grand Duchy of Lithuania at the end of the 14th–15th centuries were presented. According to them, this process is a transformation of parliamentary traditions in the era of Casimir Jagiellon under the influence of the socio-political development of the Council of Lords and the nobility, as well as the reception of Polish political and legal cultures. It is noted that the approval of the Casimir’s Code on February 29, 1468 is the earliest accurate estate-representative practice in the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: Sejm, Grand Duchy of Lithuania; genesis; Casimir Jagiellon, Casimir’s Code.

Пытанні генезіса і першага паседжання сойма Вялікага Княства Літоўскага з’яўляюцца найбольш дыскусійнымі у гістарыяграфіі. Больш за сто гадоў гісторыкі розных напрамкаў і навуковых школ спрабавалі вырашыць дадзеную праблему. Аднак яна і зараз застаецца адкрытай і актуальнай. Упершыню пытанні генезіса і першага паседжання сойма Вялікага Княства Літоўскага паспрабаваў вырашыць расійскі гісторык М. Любаўскі. Першае паседжанне сойма ён бачыў у 1401 г., а генезіс дадзенага інстытута тлумачыў сацыяльна-палітычнымі пераўтварэннямі ў часы Вітаўта, калі на палітычнай арэне Вялікага Княства з’явіўся новы пласт палітычнай эліты замест абласных князёў [9; 10; 22, с. 10–29; 23; 24]. Дадзенае меркаванне падтрымалі І. Лапа і У. Пічэта [10; 17, с. 47–48; 33, с. 109].

Супрацьлеглае меркаванне адразу выказаў М. Максімейка, які адносіў першае паседжанне сойма да 1492 г. Генезіс дадзенай структуры ён бачыў на аснове абласных соймаў, якія ва ўмовах цэнтралізацыі Вялікага Княства Літоўскага ў другой палове XV ст. зліліся ў адзіны вальны сойм [9; 10; 28, с. 1–33, 40–44, 70]. Дадзеную канцэпцыю падтрымаў Ф. Леантовіч [10; 18, с. 251–252]. Выказаныя ідэі М. Максімейка былі характэрны для прац М. Доўнар-Запольскага, які, аднак, падкрэсліў ролю прывілея 1447 г. у генезісе сойма. Беларускі гісторык тлумачыў, што патрэба ў пошуку фінансаў, ад якіх вызваляў прывілей 1447 г., змушала манарха склікаць сойм [13; 14; 15, с. 82–84]. Дадзеныя ідэі М. Доўнар-Запольскага ў наступстве падтрымаў беларускі эміграцыйны гісторык Л. Акіншэвіч. Дадаткова ён звязваў паходжанне сойма з развіццём беларускай дзяржаўнасці і вылучыў дзве парламенцкія інстытуцыі ў Вялікім Княстве Літоўскім – Паны-Рада і вальны сойм [1, с. 68–82].

Польскім гісторыкам О. Халецкім эпоха Казіміра Ягелончыка была вызначана як вырашаючы этап генезіса сойма. Ён тлумачыў гэты працэс як узаемасувязь развіцця Паноў-Рады і шляхты [38]. Дадзеныя ідэі характэрны для прац польскага гісторыка Л. Корчак [39; 40]. Таксама падобны падыход для вырашэння дадзенай праблемы характэрны для літоўскага гісторыка Р. Пятраўскага. Ён вызначыў перыяд 1492–1566 гг. як час функцыянавання і развіцця сойма Вялікага Княства Літоўскага [42]. У сваю чаргу гісторыкі В. Чэрмак і І. Маліноўскі ўвогуле першае паседжанне сойма як прадстаўнічай структуры датавалі 1507 г., толькі першы навуковец адносіў да Гарадзенскага сойма [37], а другі – да Віленскага [29, с. 105–108].

Эвалюцыянісцкае разуменне генезіса сойма без удакладнення наконт першага паседжання характэрна для сучаснай беларускай гістарыяграфіі (А. Радаман, У. Падалінскі). У гэтым выпадку генезіс сойма прадстаўляецца як працэс эвалюцыі вялікакняскіх парламенцкіх традыцый (народныя сходы, веча, княжацкія снемы, ваенныя з’езды, паседжанні Рады і інш.). Пры гэтым, важная роля ў гэтым працэсе адводзіцца перыяду Казіміра Ягелончыка [4, с. 606–607; 16; 32, с. 11–12]. Акрамя гэтай ідэі, беларускім гісторыкам П. Лойкам выказвалася меркаванне, што канчатковае афармленне сойма адбылося ў канцы XV ст. і было абумоўлена неабходнасцю пашырэння сацыяльнай апоры для вялікакняжацка-арыстакратычнай улады [21, с. 24].

Сыходзячы з розных падыходаў наконт генезіса і, суадносна, першага паседжання сойма Вялікага Княства Літоўскага вызначаецца пэўны кансэнсус у гістарыяграфіі. Ён адносіцца да разумення сойма як саслоўна-прадстаўнічага інстытута. Аднак раскрыццё прадстаўнічай

сутнасці сойма вызывала і вызывае дыскусіі паміж навукоўцамі. Пры гэтым, калі ў ранейшай гістарыяграфіі навукоўцы спрабавалі вызначыць першае паседжанне сойма, то зараз дадзенае пытанне выпала з поля зроку гісторыкаў, хаця і дагэтуль яно не вырашана. Таму намі робіцца спроба ўключыцца ў абмеркаванне пытанняў генезіса сойма і першых саслоўна-прадстаўнічых практык у Вялікім Княстве Літоўскім. Варта адзначыць, што ў гэтым рэчышчы сойм намі разумеецца як паседжанне вялікага князя літоўскага, Паноў-Рады і шляхты (феадалаў у шырокім сэнсе).

Генезіс сойма Вялікага Княства Літоўскага – гэта комплексны працэс сацыяльна-палітычнага развіцця. Ён уключае існаванне парламенцкіх традыцый у Вялікім Княстве, якія пад уплывам палітычнага развіцця шляхты і Паноў-Рады трансфармаваліся ў сойм у часы Казіміра Ягелончыка. На дадзены працэс у пэўнай меры таксама паўплывала рэцэпцыя польскай палітычнай і прававой культур ў межах развіцця уніі Вялікага Княства Літоўскага з Каралеўствам Польскім. Афармленне і пашырэнне правоў шляхты пачалося з прывілея 1387 г. і працягнулася прывілеямі 1413, 1432, 1434, 1447, 1492 і інш. гг. З павялічэннем правоў шляхты шло паступовае замацоўванне яе палітычнай ролі ў краіне [6; 7; 20; 21, с. 8–29]. У гэты жа час замацоўвалася ўлада Рады. У 1413 г. пачалося юрыдычнае афармленне Рады, якая пасля ад’езду Казіміра ў Польшчу ў 1447 г. акумулявала ўладныя паўнамоцтвы ў дзяржаве [25; 29, с. I–II; 39]. **Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 15–22]. Трэба адзначыць, што Паны-Рада з’яўляліся структураўтваральным элементам у саслоўна-прадстаўнічых інстытутах Вялікага Княства Літоўскага (сумесна з манархам прымалі рашэнні на паседжаннях, праз лісты запрашалі прадстаўнікоў розных зямель Вялікага Княства). Адносна XV ст. захаваліся пасольскія лісты 1492 г. праз якія Паны-Рада запрашалі прадстаўнікоў розных зямель Вялікага Княства на сойм для выбарнага наступнага манархам Аляксандра Ягелончыка [2, № 100, с. 115–116; 11; 30, арк. 142–142 адв.; 34, с. 63]. Заўважым, што дадзеная крыніца з’яўляецца адной з найбольш ранніх па гісторыі сойма.

Вышэй згаданыя фактары дазваляюць выказаць меркаванне, што менавіта ў эпоху Казіміра Ягелончыка ў Вялікім Княстве Літоўскім адбываецца генезіс сойма як вынік трансфармацыі існаваўшых парламенцкіх традыцый. У гэты час афармляюцца структурныя кампаненты сойма ў выглядзе Паноу-Рады і шляхты. Аднак паўстае пытанне: ці былі ў эпоху Казіміра саслоўна-прадстаўнічыя практыкі ў Вялікім Княстве, акрамя дакладна зафіксаванага Віленскага сойма 1492 г.? На гэты конт у гістарыяграфіі адзначаліся 1440, 1446, 1448, 1451,

1452, 1453, 1454, 1456, 1460, 1461, 1463, 1468, 1469, 1473, 1478, 1488 гг. як даты даволі рэнрэзентатыўных з'ездаў у Вялікім Княстве Літоўскім (некаторыя даследчыкі гэтыя з'езды называюць «соймамі» і нават «соймамі радных паноў») [4, с. 611; 22, с. 111–130; 29, Приложение, с. 441–444]. Наконт гэтых з'ездаў, акрамя 1468 г., узнікае даволі важная заўвага, якая дазваляе паставіць пад сумнеў праваздольнасць называць іх «соймамі» ў сэнсе паседжання вялікага князя літоўскага, Паноў-Рады і шляхты (аднак дазваляе называць іх з'ездамі Паноў-Рады). У дадзеным выпадку паўстае праблема гістарычных крыніц. Пра вышэй згаданыя з'езды гісторыкі даведаліся на аснове наратыўных (апавядальных) крыніц (у асноўным «Хроніка» Яна Длугаша). Пры гэтым, выкарыстаныя навукоўцамі дакументальныя крыніцы толькі ўскосна сведчаць пра дадзеныя з'езды [22, с. 111–130; 29, Приложение, с. 441–444]. У гэтым выпадку варта адзначыць спецыфіку польскіх Хронік, аўтары якіх сацыяльна-палітычныя працэсы ў Вялікім Княстве паказвалі праз прызму палітычных рэалій Польшчы (у якой да сярэдзіны XV ст. была аформлена парламенцкая сістэма з важнай палітычнай роляй шляхты) [19]. Таму галоўная роля ў рэчышчы праблемы генезіса і першага паседжання сойма адводзіцца менавіта велікакняскім гістарычным крыніцам. Адною з найбольш ранніх крыніц, якая так ці інакш сведчыць пра гісторыю саслоўна-прадстаўнічых інстытутаў Вялікага Княства Літоўскага, з'яўляецца Судзебнік 29 лютага 1468 г. [3, № 51, с. 128–130; 5, Разд. VIII, № I, с. 398–400].

На саслоўна-прадстаўнічыя практыкі ў Вялікім Княстве Літоўскім у эпоху Казіміра Ягелончыка ўказвае прэамбула Судзебніка 1468 г.: «Казимир божьею милостью король полский, великий князь литовский и русский, княжа пруский и жомоитский и иных, чиним знаменито сим нашим листом, хто на нь посмотришь, или чтути услышьть, иж мы с князьми и с паны радаю нашею великого князьства Литовского и с всим поспольством согадавши, урядили есмо так» [5, с. 398]. У дадзеным выпадку зафіксавана якім чынам быў прыняты Судзебнік Вялікага Княства: пры ўзделе вялікага князя літоўскага, Паноў-Рады і «всего поспольства», у якое, па ўсёй бачнасці, уваходзілі шырокія пласты вялікакняскіх феадалаў. Пры гэтым, вялікі князь літоўскі і радныя паны дасягнулі згоды з «всим поспольством» у межах распрацоўкі Судзебніка («согадавши»). Таксама з удзелама «всего поспольства» выносілася пастанова аб ухвале Судзебніка («урядили»). Верагодна, тэрмін «все поспольство» можа казаць і пра прыцып пагалоўнага прадстаўніцтва (*viritim*) на паседжанні 1468 г., што характэрна для развіцця шэрага еўрапейскіх саслоўна-прадстаўнічых інстытутаў. Дадзеныя фактары сведчаць аб тым, што Казімір і Паны-Рада, верагодна, не маглі без удзела

шырокіх пластоў грамадства ўхваліць Судзебнік. Адсюль і патрэба вялікага князя і радных паноў ў скліканні агульнадзяржаўнага сходу 1468 г. у Вільні, які, аднак, у Судзебніку не называецца «соймам». Тым не менш, падобная практыка ў 1492 г. па выбранні новага манарха Вялікага Княства Літоўскага ў крыніцах дакладна называецца «соймам» [2, № 100, с. 115–116; 30, арк. 142–142 адв.]. Акрамя гэтага, у Судзебніку 1468 г. адзначалася: «Мы пак снемься с паны-радою нашою великого князьства Литовского, осмотрим того, какою казньою того казнити» [5, с. 400]. У гэтым выпадку соймавая тэрміналогія («снемься») ужываецца ў кантэксце судовага сходу манарха і радных паноў [36, с. 181]. Важна адзначыць, што соймавая тэрміналогія ў эпоху Казіміра таксама ўжывалася ў кантэксце лакальных прадстаўнічых інстытутаў [8; 12; 36, с. 181–182].

Рэзюмуючы. Генезіс сойма Вялікага Княства Літоўскага – гэта працэс трансфармацыі парламенцкіх вялікакняскіх традыцыі ў эпоху Казіміра Ягелончыка пад уплывам сацыяльна-палітычнага развіцця Паноў-Рады і шляхты, а таксама рэцэпцыі польскай палітычнай і прававой культур. Ужо пасля смерці Казіміра ў 1492 г. саслоўна-прадстаўнічыя практыкі ў Вялікім Княстве дакладна фіксуюцца як «соймы». Аднак падобныя практыкі былі характэрны і для часоў Казіміра Ягелончыка. Улічваючы спецыфіку розных гістарычных крыніц па дадзенай эпохе, найбольш дакладнай з’яўляецца Судзебнік 29 лютага 1468 г. Ён ў пэўнай меры сведчыць пра саслоўна-прадстаўнічыя практыкі ў Вялікім Княстве Літоўскім, калі Судзебнік прымаўся з удзелам не толькі манарха і Паноў-Рады, але і «всего поспольства». Складана назваць Віленскае паседжанне 1468 г. першым соймам, аднак дадзены сюжэт у поўнай меры сведчыць пра працэс інстытуалізацыі саслоўна-прадстаўнічай сістэмы Вялікага Княства Літоўскага ў часы Казіміра Ягелончыка.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Акіншэвіч, Л. Выбранае / Леў Акіншэвіч ; уклад., падрыхтоўка тэкстаў, агульнае рэдагаванне, камент., паказ. Н. Гардзіленкі, Л. Юрэвіча. – Мінск: Кнігазбор, 2021. – 408 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России : в 5 т. / Арх. комиссия, Спб.: тип. II отделения Е. И. В. Канцелярии, 1848–1853. – Т. 1: 1340–1506 / И. Григорович – 1848. – 428 с.
3. Белоруссия в эпоху феодализма: сборник документов и материалов в трех томах / АН БССР; сост. З. Ю. Копыцкий, М. Ф. Залого. – Минск: АН БССР, 1959–1961. – Т. 1. – 1959. – 517 с.
4. Вялікае Княства Літоўскае: энцыклапедыя у трох тамах / Г. П. Пашкоў (гал.

рэд.) [і інш.]. – Мінск: Бел. Эн. ім. П. Броўкі, 2007. – Т. 2 – 792 с.

5. Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах : в 4 т. (ГБДМ) / Акадэмія навук БССР, Інстытут гісторыі. – Мінск : Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1936—1954. – Т. 1: IX—XVIII ст. / В. К. Шчарбакоў, К. І. Кернажыцкі і Д. І. Даўгяла. – 678 с.

6. Грицкевич, А. П. Формирование феодального сословия в Великом княжестве Литовском и его правовые основы (XV—XVI) / А. П. Грицкевич // Первый Литовский Статут 1529 года (Материалы республиканской научной конференции, посвященной 450-летию Первого Статута) / Й. Кубилюс (председ.), С. Лазутка (отв. ред.) [и др.]. – Вильнюс: Мин-во высшего и среднего специального образования Литовской ССР, 1982. – С. 65–73.

7. Грыцкевіч, А. Шляхта Вялікага Княства Літоўскага да Люблінскай уніі 1569 года / Анатоль Грыцкевіч // Годнасць: выданьне згуртаваньня беларускае шляхты / пад рэд. У. Вяроўкін-Шэлюта. – Мінск, 1993. – № 1. – С. 16–27.

8. Довматович, К. Д. Полоцкий партикулярный сейм в Великом Княжестве Литовском (на основании Декрета 1486 года) / К. Д. Довматович // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VII Международной научно-практической конференции, Витебск, 27–29 апреля 2023 г. : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – Т. 1. – С. 202–204.

9. Довматович, К. Д. Происхождение сейма Великого Княжества Литовского в научной дискуссии М. К. Любавского и Н. А. Максимейко / К. Д. Довматович // Пічэтаўскія чытанні – 2022: універсітэты і архівы як састаўныя элементы экалогіі культуры : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 30 верас. 2022 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; навук. рэд. М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі ; рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2022. – С. 309–315.

10. Довматович, К. Д. Сейм Великого Княжества Литовского в историографии Восточной Европы конца XIX – первой половины XX в. / К. Д. Довматович // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. статей. – Минск : РИВШ, 2023. – Вып. 23, ч. 1 : Исторические науки. – С. 48–56.

11. Довматович, К. Д. Сейм Великого Княжества Литовского: генезис и компетенция / К. Д. Довматович // Сборник научных работ студентов Республики Беларусь «НИРС 2022» / редкол.: И. А. Старовойтова (пред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2023. – С. 518.

12. Довматович, К. Д. Сейм глазами летописцев Великого Княжества Литовского / К. Д. Довматович // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. научн. ст. / Полес. гос. ун-т ; под ред. В.И. Дуная, Р.Б. Гагуа и др. – Пинск, 2023. – Вып. 8. – С. 13–16.

13. Довнар-Запольский, М. В. Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма (Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства Матвея Любавского. Изд[ание] Императорского] Общ[ества] Ист[ории] и Др[евностей] Рос[сийских] М. 1901 г.) / М. В. Довнар-Запольский // М. В. Доўнар-Запольскі. Выбранае. – Мінск, 2017. – С. 380–425.

14. Довнар-Запольский, М. Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма / М. Довнар-Запольский // Журнал Министерство Народного Просвещения. – Санкт-Петербург, 1901 – Ч. СССXXXVII. – С. 454–498.

15. Доўнар-Запольскі, М. В. Гісторыя Беларусі / Беларус. Энцыкл., Нац. арх. Рэсп. Беларусь. – Мінск: БелЭн, 1994. – 510 с.
16. Козловская, Н. В. Шляхта в системе представительных институтов Великого Княжества Литовского XV–XVI вв.: историографический обзор / Н. В. Козловская // Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. статей. – Минск : РИВШ, 2022. – Вып. 22, ч. 1. – С. 210–222.
17. Лаппо, И. Разбор исследования М. К. Любавского «Литовско-русский сейм» / И. Лаппо. – Москва: издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1903. – 93 с.
18. Леонтович, Ф. Веча, сеймы и сеймики в Великом Княжестве Литовском / Ф. Леонтович // Журнал Министерства Народного Просвещения. – Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1910. – № 2 Ч. XXV – С. 233–274.
19. Ливанцев, К. Сословно-представительная монархия в Польше, ее сущность и особенности / К. Ливанцев. – Л., 1968. – 79 с.
20. Лойка, П. А. Афармленне шляхецкага саслоўя ў Вялікім княстве Літоўскім / П.А. Лойка // Працы гістарычнага факультэта БДУ. — Мінск, 2010. – Вып. 5 — С. 102–115.
21. Лойка, П. А. Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI — першай трэці XVII ст. / П. А. Лойка. – Мінск: БДУ, 2002. – 98 с.
22. Любавский, М. К. Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М. К. Любавский. – Москва: Московский Университет, 1901. – 1160 с.
23. Любавский, М. Новые труды по истории литовско-русского сейма / М. Любавский // Журнал Министерства Народного Просвещения. – Санкт-Петербург, 1903. – Ч.СССХХХХV. – С. 379–393.
24. Любавский, М. Новые труды по истории литовско-русского сейма / М. Любавский // Журнал Министерства Народного Просвещения. Санкт-Петербург, 1903. – Ч.СССХХХХVI. – С. 121–167.
25. Любы, А. У. Вялікакняжацкі двор XV–XVI стст. у сучаснай айчынай і замежнай гістарыяграфіі / А. У. Любы // Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. Статей / редкол.: В. А. Гайсёнок (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2016. – Вып. 16 : Ч. 1. – С. 193–202.
26. Максимейко, Н. А. К вопросу о литовско-русских сеймах // Журнал Министерства Народного Просвещения. – Санкт-Петербург, 1904. – Ч.СССLII. – С. 360–378.
27. Максимейко, Н. А. К вопросу о литовско-русских сеймах: ответ проф. М. Любавскому / Н. А. Максимейко. – СПб, 1904. – 21 с.
28. Максимейко, Н. А. Сеймы Литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г. / Н. А. Максимейко – Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1902. – 205 с.
29. Малиновский, И. Рада Великого Княжества Литовского в связи с боярской думой древней России : в двух частях / И. Малиновский. – Томск, 1903–1911. – Ч. 2. – 1911. – 492 с.
30. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (г. Мінск). – Ф. КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 5. – Во имя Божее; как господар Его Милость Великий князь Александр сел на великом княжени Литовском Августа 1 дня, индикт 10, рассказывалмя Его Милость листы судовыйи и данину свою писати писарю своему Федку Янушковичу, и я што от того часу листов написал аж тыми разы, в тые книги новым вписываю.

31. Падалінскі, У. А. Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 года: удзел у працы першага вальнага сойма Рэчы Паспалітай / У. А. Падалінскі ; навук. рэд. А. А. Радаман. – Мінск: А. М. Янушкевіч, 2017. – 240 с.
32. Падалінскі, У. А. Эвалюцыя парламенцкай сістэмы Вялікага Княства Літоўскага ў XIV–XVIII стст. : электронны вучэбна-метадычны комплекс для спецыяльнасці 1-21 03 01 «Гісторыя (па напрамках)», напрамак спецыяльнасці 1-21 03 01-01 «Гісторыя (айчынная і ўсеагульная)» / У. А. Падалінскі ; БДУ, Гістарычны фак., Каф. гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў. – Мінск : БДУ, 2018. – 48 с. – №007305102018, Дзеп. в БГУ 05.10.2018.
33. Пічэта, У. Гісторыя Беларусі: частка першая / У. Пічэта. – Масква–Ленінград: Дзяржаўнае выдвецтва, 1924. – 134 с.
34. Пяткевіч, К. Вялікае Княства Літоўскае пад ўладай Аляксандра Ягелончыка. Даследванне гісторыі дзяржавы і грамадства на мяжы XV–XVI стагоддзяў / Кшыштаф Пяткевіч; пер. з польскац Яўгена Глінскага. – Смаленск: Інбелкульт, 2022. – 416 с.
35. Рахуба, А. Вялікае Княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай, 1569—1763 гг. / Анджэй Рахуба; пер. з польск. М. Раманоўскі; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск : Медысонт, 2008. – 424 с.
36. Родэвальд, Ш. «Пра Полацкую Венецыю». Калектыўныя дзеянні сацыяльных груп горада паміж Усходняй і Цэнтральнай Еўропай (Сярэднявечча, ранні Новы час, XIX ст. – да 1914 г.) / Штэфан Родэвальд; пер. з ням. М. Патоцкі, С. Паўлавіцкі, Г. Скакун; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск: 2020. – 632 с.
37. Czermak, W. Parlamentaryzm litewski przed unią lubelską / Wiktor Czermak // Sprawozdania z czynności posiedzeń Akademii Umiejętności w Krakowie. – Tom VI. – Nr. 8. – 1901. – S. 10–16.
38. Halecki, O. O początkach parlamentaryzmu litewskiego / Oskar Halecki // Sprawozdania z czynności posiedzeń Akademii Umiejętności w Krakowie. – Tom XX. – Nr. 8. – 1915. – S. 22–27.
39. Korczak, L. Litewska Rada wielkksiążęca w XV wieku / Lidia Korczak. – Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1998. – 120 s.
40. Korczak, L. Początki litewskiego parlamentaryzmu na tle porównawczym / Lidia Korczak // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: Матэрыялы міжнар. навук. канферэнцыі (Мінск – Наваградак, 23–24 лістапада 2007 г.). – Мінск, 2008. — С. 27–40.
41. Kosman, M. Parlamentaryzm Wielkiego Księstwa Litewskiego w świetle najnowszych badań / Marceli Kosman // Zapiski Historyczne. – T. LXX(2005) Z.4. – S. 91–108.
42. Petrauskas, R. Lietuvos didžiosios kunigaikštystės seimo ištakos: didžiojo kunigaikščio taryba ir bajorų suvažiavimai XIV–XV a. / Rimvydas Petrauskas // Parlamento studijos. – Vilnius, 2005. – Nr. 3. – P. 9–32.

ВІЛЕНСКАЯ БАЗЫЛЬЯНСКАЯ ДРУКАРНЯ

М. А. Сямёнаў

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, г. Мінск, 220030, Беларусь,
semionov.pankevich@yandex.by*

Артыкул прысвечаны гісторыі Траецкай базыльянскай друкарні ў Вільні ў 1628–1839 гг. Аўтар вылучае храналагічныя перыяды ў дзейнасці Віленскай друкарні, называе вядомыя выданні, паведамляе аб прэфектах Віленскай друкарні і аб іх укладзе ў яе развіццё.

Ключавыя словы: ордэн базыльян; Віленская базыльянская друкарня; кнігавыдавецкая дзейнасць; культура Рэчы Паспалітай.

The article is devoted to the history of the Trinity Basilian printing house in Vilna in 1628–1839. The author identifies chronological periods in the activities of the Vilna printing house, names well-known publications, reports on the prefects of the Vilna printing house and their contribution to its development.

Keywords: Order of the Basilian; Vilna Basilian printing house; book publishing activity; culture of the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Віленская друкарня адносіцца да найстарэйшых друкарняў ордэна, як у ВКЛ, так і ў Каралеўстве Польскім. Вільня ў пачатку XVII ст. была галоўным цэнтрам новай царквы, і менавіта тут узнікла першая ўніяцкая манаская абшчына. Уніяцкі манастыр Найсвяцейшай Тройцы, які з пачатку свайго існавання (1609 г.) валодаў буйным маёнткам, дзякуючы магнацкім фундушам стаў адным з найбагацейшых базыльянскіх манастыроў. Матэрыяльная незалежнасць дазволіла манахам адкрыць школу і распачаць асветніцкую і выдавецкую дзейнасць.

У гісторыі Траецкага Віленскага манастыра (калі ён быў уніяцкім) можна вылучыць тры перыяды: 1) 1609–1654 гг.; 2) 1655–1763 гг.; 3) 1764–1839 гг. Жыццё базыльянскай друкарні было звязана з манастыром, у залежнасці ад яго кан'юнктуры можна вылучыць 3 перыяды дзейнасці: 1) 1628–1673 гг.; 2) 1674–1759 гг.; 3) 1760–1839 гг. Першыя кнігі, якія мелі адзнаку «Друкарня айцоў базыльян» («Drukarnia O.O. Bazylianów») выйшлі ў 1628 г. Гэта былі «Катэхізіс» на царкоўнаславянскай мове і «Historia albo powieść zgodliwa...» на польскай мове, напісаная базыльянінам, святаром Тэадозіем Баравіком [7, с. 58–59].

У юрыдычных адносінах Віленская ўніяцкая друкарня лічылася правапераемніцай праваслаўнай друкарні Святадухаўскага брацтва. У 1633 г. Віленская базыльянская друкарня атрымала ад караля Рэчы

Паспалітай Уладзіслава IV Вазы (1632–1648 гг.) прывілей, які пацвердзіў права на друкаванне кніг. У 1671 г. рашэннем Навагрудскай кангрэгацыі (капітулы) была ўведзена цэнзура протархімандрыта ордэна базыльян Пахомія Агілевіча над усёй прадукцыяй Віленскай друкарні [1, с. 199].

Віленская друкарня, якая атрымала якасны варштат сямейства Мамонічаў, дзейнічала даволі актыўна. З 1628 па 1640 гг. тут выйшла дзесяць кніг. У адно з найбольш плённых дзесяцігоддзяў (1641–1650 гг.) друкарня выдала 22 кнігі. У 1651–1660 гг., нягледзячы на падзеі вайны Рэчы Паспалітай з Рускім царствам (1654–1667 гг.), захоп Вільні царскімі войскамі і разбурэнне чужаземцамі друкарскага станка (1655 г.), базыльянам удалося выдаць яшчэ 12 кніг (тут можна дапусціць, што гэтыя 12 кніг выйшлі яшчэ да 1655 г.). Аднак ужо ў 1660-я гады друкарня пачала прыходзіць у заняпад. У наступнае дзесяцігоддзе спробы вывесці друкарню з крызісу прадпрыняў суперыёр ордэна Ян Малахоўскі, пазней епіскап хэлмскі (1691–1693 гг.). Ён часткова абнавіў друкарскае абсталяванне і загадаў базыльянам выдаць «Статут» на царкоўнаславянскай мове. Аднак гэта мерапрыемства не дало вынікаў і выклікала далейшыя цяжкасці, таму што манастыр апынуўся ў значных даўгах, на пакрыццё якіх базыльянам прыйшлося прадаць фальварак і царкоўнае срэбра. У выніку збяднення манастыра ў 1660–1690 гг. Віленская друкарня выдала толькі 11 кніг. Каля 1690 г. крызісным становішчам Віленскай друкарні скарысталіся базыльяне з Супрасля, якія па загадзе кіеўскага мітрапаліта Кіпрыяна Жахоўскага перавезлі частку яе абсталявання. Віленскія базыльяне звярталіся ад гэтай дыяцэзіі да генеральных капітул у Жыровічах (1694 г.) і Навагрудку (1703 г.), аднак ні адна з іх не змяніла становішча ў справе вяртання адабранага друкарскага абсталявання.

Наступіў амаль 70-гадовы перапынак у працы Траецкай базыльянскай друкарні. Гэта быў перыяд заняпаду амаль усіх віленскіх друкарняў, звязаны з застоём і разбурэннем горада падчас Вялікай Паўночнай вайны (1700–1721 гг.).

У канцы XVII – першай палове XVIII стст. з Віленскай друкарні выйшла толькі чатыры кнігі: «Літургікон» (1692 г., выдадзены кірыліцай), твор Юліуша Флёры «O początku u dziejach narodu rzymskiego» (1700 г., на польскай мове), твор Марыяна Кульчыньскага «Obrona Monastera Wileńskiego Cerkwi Przenajświętszej Trojcy» (1702 г., на польскай мове) і сачыненне французскага навукоўца А. дэ Фер'ера «Institutiones iuris canonici» (1745 г., на лацінскай мове). Можна меркаваць, што Траецкая друкарня не працавала ў 1757 г., бо прывілей, выдадзены піярам на заснаванне сваёй друкарні ў Вільні, не ўзгадвае базыльянскую друкарню сярод іншых у горадзе [7, с. 59–60].

Манахі аднавілі друкарскую дзейнасць у 1760 г., незаконна карыстаючыся адрасам „Drukarnia Jego Królewskiej Mości», ад якога пазней (у 1784 г.), напэўна пад грамадскім ціскам, адмовіліся. Пад такім выдавецкім адрасам выйшлі «Myśli...» Ігнацы Гансеўскага (1761 г.) і „Kazania przygodne» (1784 г.). Друкарня працавала, выкарыстоўваючы старое абсталяванне, часткова дапоўненае закупкамі ў мясцовых гісернях. У 1777–1787 гг. было часткова зменена абсталяванне, у варшаўскай гісерні Завадскага былі закуплены розныя шрыфты кірылічнага і лацінскага алфавітаў. Да канца XVIII ст., на працягу 40 гадоў (1760–1800 гг.) з Траецкай друкарні выйшлі ў суме 172 кнігі. Лічбу выданняў гэтага перыяда значна павялічваюць лістоўкі, якія выдаваліся ананімна праз базыльянскую друкарню ў час паўстання пад кіраўніцтвам Тадэвуша Касцюшкі ў 1794 г. Віленскія базыльяне не толькі дазволілі паўстанцам выдаваць у сваёй друкарні лістоўкі, але прымалі таксама асабісты ўдзел у паўстанні. З Траецкай друкарні выходзілі ўніверсалы і загады Тадэвуша Касцюшкі і Паўстанцкай камісіі ў ВКЛ. Па зразумелых прычынах, гэтыя выданні не змяшчалі выдавецкага адрасу, таму цяжка вызначыць іх дакладную колькасць. Можна меркаваць, што з базыльянскай друкарні ў Вільні выйшла каля 100 паўстанцкіх выданняў. У бібліятэцы Польскай Акадэміі Навук у Курніку (Велькапольскае ваяводства) ёсць збор лістовак часоў паўстання пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі, з якіх 64 былі надрукаваны ў Вільні. Ананімнасць паўстанцкіх лістовак вымушае да цяжкага друкарскага аналізу і параўнання іх з іншымі выданнямі, якія дакладна выйшлі з Траецкай друкарні. Акрамя лістовак, у 1794 г. віленскія базыльяне выдалі тры патрыятычныя творы з указаным выдавецкім адрасам, напісаныя на польскай і старабеларускай мовах. Аўтарам твораў быў прэлат, архідыякан смаленскі, святар Максіміліян Карповіч [7, с. 60–61].

Большасць выданняў перыяду 1760–1800 гг. адносіліся да багаслужэбнай і тэалагічнай літаратуры. Выдаваліся таксама падручнікі: «Буквар славянскай мовы» (1767, 1782), «Буквар польскай мовы» (1783 г.). Сярод выданняў трэба адзначыць «Лексікон геаграфічны» (1766 г.). Яго аўтарам быў базыльянін Іларыён Карпінскі. Кніга змяшчала карысную інфармацыю аб гісторыі і геаграфіі Еўропы і іншых кантынентаў. У ёй былі звесткі пра мястэчкі, гарады, паветы і ваяводства ВКЛ і Каралеўства Польскага. Твор валодаў значнай навуковай вартасцю [3, с. 105–106].

Трэба адзначыць, што з 1760 г. Віленская друкарня ў юрыдычных адносінах не належала да Віленскага Свята-Траецкага манастыра, а падпарадкоўвалася непасрэдна кіраўніцтву Літоўскай правінцыі ордэна базыльян на чале з літоўскім правінцыялам. Пасада правінцыяла ў

ордэне базыльян была канчаткова скасавана загадам расійскага імператара Мікалая I Паўлавіча (1825–1855 гг.), які быў дадзены міністру ўнутраных спраў, графу Д. М. Блудаву 16 лютага 1832 г. Арыгінальная назва загада – «*Об отмене в Греко-Унитском монашестве звания провинциалов, и о избрании членов из сего монашества для заседания в Греко-Унитских Духовных Консисториях*» [2, с. 213; 5, с. 91].

Разглядаючы гісторыю Віленскай базыльянскай друкарні ў другой палове XVIII – першай палове XIX ст. (на трэцім этапе яе існавання) варта звярнуць увагу на асобы прэфектаў – кіраўнікоў друкарні. У вялікай ступені менавіта дзякуючы ім адбылося адраджэнне кнігавыдавецкай дзейнасці ордэна базыльян у Вільні.

Прыкладна ў 1772–1775 гг. прэфектам Віленскай друкарні быў Амбразій Кірыят (1739 – пасля 1806 гг.). Ён чатыры гады вывучаў тэалогію ў Рыме; пасля выкладаў у базыльянскіх навіцыятах Уладзіміра-Валынскага, Віцебска, Полацка і Вільні рыторыку, філасофію і тэалогію. У 1799 і 1806 гг. Віленская друкарня выдала падручнік А. Кірыята па дагматычнай тэалогіі. А. Кірыят таксама працаваў прэфектам і цэнзарам у той час, калі выконваў абавязкі прафесара тэалогіі ў Віленскім навіцыяце [2, с. 211–212]. Да 1776 г. у Віленскай друкарні быў уласны віцэ-прэфект. З 1763 па 1776 гг. гэтую пасаду займаў базыльянін Нарцызій Янушкевіч (1735–1783 гг.). Н. Янушкевіч прыняў манаскія абеты ў Быценьскім базыльянскім манастыры, а апошнія гады свайго жыцця працаваў вікарыем.

У 1777 г. прэфектам друкарні быў Ніцэфор Неніч (1742 – 1804 гг.). Ён прыняў манаскія абеты ў 1761 г. і пасля чатыры гады вучыўся ў базыльянскіх школах. У 1765 г. Н. Неніч атрымаў дыплом бакалаўра тэалогіі ў Віленскай езуіцкай акадэміі. На працягу 40 гадоў ён выконваў розныя абавязкі: прапаведніка, вікарыя, віцэ-рэктара Папскай семінарыі (алюмната) ў Вільні, выкладчыка рыторыкі. У перыяд яго кіраўніцтва Віленская друкарня прыносіла вялікі прыбытак у казну Літоўскай правінцыі ордэна базыльян. У апошнія гады Н. Неніч працаваў рэктарам друкарні і атрымліваў пенсію ў 200 польскіх фларынаў. У 1794 г. ён быў абраны сакратаром Літоўскай ордэнскай правінцыі і пакінуў Вільню. Н. Неніч рэкамендаваў новым прэфектам замест сябе Германа Бялецкага. Апошні раз Н. Неніч працаваў у Віленскім базыльянскім манастыры з тытулам эмерыта спаведніка. У верасні 1777 г. прэфект Н. Неніч выязджаў ў мястэчка Баруны на кірмаш, каб закупіць неабходныя друкарскія матэрыялы, а ў верасні 1778 г. здзейсніў вандроўку ў Жамойць для закупкі паперы [2, с. 212].

У 1794–1813 гг. прэфектам Віленскай друкарні быў Герман Бялецкі (1753 – пасля 1813 гг.). У 1776 г. ён прыняў манаства, два гады працаваў

настаўнікам у пачатковай школе, адзі год службы старэйшым канвікта (манастырскі інтэрнат для навучэнцаў). У Віленскім базыльянскім манастыры Г. Бялецкі жыў з 1791 г. Прэфект Н. Неніч характыраваў Г. Бялецкага як разумнага і стараннага манаха [2, с. 212–213].

Апошнім прэфектам Віленскай друкарні ў 1814–1838 г. быў базыльянін Ніцэфор Шыманскі (1781 – пасля 1838 гг.). Ён далучыўся да ордэна базыльян у 1804 г. і праз пяць гадоў быў пасвячаны ў святары. У базыльянскай школе Н. Шыманскі вывучаў лацінскую мову, рыторыку, філасофію, дагматычную і маральную тэалогію. Перыяд кіраўніцтва Н. Шыманскага быў вельмі складаным для гісторыі Віленскай друкарні, бо ў гэты час па ініцыятыве епіскапа І. Сямашкі пачалося паступовае скасаванне ордэна базыльян на беларускіх і ўкраінскіх землях. У 1824 г. прэфект Н. Шыманскі быў некалькі раз выкліканы ў паліцыю з-за таёмнага выдання ў Віленскай друкарні інструкцыі грамадства філарэтаў пад назвай «Оріс географічнаму». Пасля гэтага выпадку прэфект страціў давер з боку расійскіх імперскіх уладаў і пазбегнуў закрыцця друкарні толькі дзякуючы падтрымцы апякуна Віленскай навучальнай акругі М. М. Навасільцава (1761–1838 гг.). У 1828 г. з Літоўскай грэка-ўніяцкай кансісторыі пачалі прыходзіць загады друкаваць афіцыйныя дакументы на рускай мове. Аднак прэфект Н. Шыманскі не мог выканаць гэтыя загады, бо ў Віленскай друкарні не было грамадзянскіх шрыфтоў. У 1829 г. Літоўская кансісторыя прызначыла Віктара Басяцкага галоўным кіруючым друкарняй, але Н. Шыманскі адмовіўся прызнаць В. Басяцкага сваім начальнікам і працягваў дзейнічаць самастойна. У ліпені 1838 г. Н. Шыманскі быў канчаткова вызвалены з пасады прэфекта, а на яго месца прызначаны базыльянін Марцэл Салокай, які прыбыў у Вільню з Камянца Падольскага. Пасля 1838 г. Віленская друкарня ўжо не выдала ніводнай кнігі, бо расійскія імперскія ўлады пачалі падрыхтоўку да распродажу ўсёй маёмасці друкарні [2, с. 213].

Віленская базыльянская друкарня выпусціла ў перыяд сваёй дзейнасці 237 выданняў з дакладным выдавецкім адрасам і 81 выданне з няпоўным або неўказаным выдавецкім адрасам. З іх 18 былі напісаны царкоўнаславянскай мовай і друкаваныя кірыліцай. Сярод іх прысутнічаюць царкоўныя кнігі, надрукаваныя для рускіх стараабрадцаў: «Кніга... айца Дарафея» (1767 г.), «Часаслоў» (1772 г.) і «Евангелле напрасвольнае» (1790 г.). [7, с. 61]

У канцы XVIII ст. у Вільні дзейнічала базыльянская кніжная крама, у якой было магчыма набыць творы Траецкай друкарні. Гэта можна лічыць доказам попыту на выдавецкую прадукцыю, а таксама рэдкай з'явай для тагачаснай культуры [3, с. 106]. Траецкая друкарня дзейнічала таксама ў першай палове XIX ст., да самай ліквідацыі ордэна базыльян у

1839 г., выдаючы рэлігійныя творы, школьныя падручнікі і мастацкую літаратуру [7, с. 61].

Каб разглядзець стан Віленскай друкарні ў першай чвэрці XIX ст., звернемся да архіўных дакументаў. «*Акты генеральнай провинцыйнай вiзiты манастырей базилянскага ордэна ...*» за 1819 г. паведамляюць нам цікавую і важную інфармацыю аб матэрыяльным забеспячэнні друкарні і аб кніжнай краме, якая пры ёй працавала. Згодна з «*Актам генеральнай вiзiты Віленскага базыльянскага манастыра*» (14–18 снежня 1819 г.) у мясцовай друкарні знаходзіліся тры друкарскія станкі з патрэбнымі прыборамі, 54 яшчыкі для захавання лацінскіх («польскіх») літар, 10 яшчыкаў для кірылічных («рускіх») літар, схаластыкі старой і новай з касымі на 10 лістоў, гібтылю старога і новага на пяць лістоў [4, л. 156, об. – 157]. У друкарскай краме знаходзіліся ў продажы польскія, рускія і «самагідскія» (гэта значыць, напісаныя на літоўскай мове) кнігі па розных прадметах. Асобна была адзначана ў акце вiзiты рэлігійная літаратура: «*Hasło zbawienne*» аўтарства Кірыята; «*Nauka o postach*», «*Prawo zupełne wiary*», «*Mowy parochialne*» ксяндза Шуроўскага; пропаведзі ксяндза Нарэзія «*Ustawy życia pobożnego*», «*O świętobliwości kapłanów*», «*Uwagi chrześcijańskie*»; а таксама «*Menologium bazylikańskie*», «*Synod Zamojski*», «*Лексикон географический*», Катэхізісы, Псалтыр на польскай мове і іншыя малітоўныя кнігі [4, л. 157 – 157, об.].

У сваёй доктарскай дысертацыі літоўская даследчыца І. Кажура прыходзіць да шэрагу цікавых і важных высноў, якія было б варта разглядзець у дадзеным артыкуле. Па-першае, у дзейнасці Віленскай базыльянскай друкарні суіснавалі дзве супрацьлеглыя тэндэнцыі, якія былі выкліканы рознымі інтарэсамі саміх друкароў і ўладальнікаў друкарні. З аднаго боку, друкарня мела ўласны гаспадарчы план і імкнулася самастойна вызначаць напрамкі выканання друкарскіх прац. З другога боку, друкарня не магла выйсці з-пад юрысдыкцыі царкоўнай установы, якая патрабавала ад друкарні выканання сваіх рэкамендацый і загадаў. Па-другое, дзейнасць Віленскай друкарні спрыяла стварэнню прафесійных устаноў цэнзараў, друкароў, аўтараў і распаўсюджвальнікаў кніжнай літаратуры ў Літоўскай правінцыі ордэна базыльян. Па-трэцяе, дзякуючы высокай якасці сваёй прадукцыі, Віленская друкарня атрымлівала выдавецкія замовы ад іншых хрысціянскіх канфесій, а таксама ад навукоўцаў. Па-чацвёртае, матэрыялы, падрыхтаваныя Віленскай друкарняй, у шмат разоў перавышаюць дадзеныя, указаныя ў гістарыяграфіі, што дазваляе лічыць гэтую друкарню адным з буйнейшых паліграфічных прадпрыемстваў (пасля друкарні Езуіцкай акадэміі) у Вільні і ва ўсёй Літоўскай правінцыі ордэна базыльян [6, р. 19–20].

6 чэрвеня 1845 г. друкарскае абсталяванне скасаванай базыльянскай друкарні было прададзена на аўкцыёне Тэафіліі Глюксберг і А. Дварцовай [2, с. 213; 7, с. 61], або, па іншых дадзеных, Т. Глюксберку і А. Двожэцу [1, с. 338].

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Гісторыя беларускай кнігі: у 2 т. / пад агульнай рэдакцыяй М.В. Нікалаева. – Мінск, 2009–2011. – Т. 1. – 2009. – 424 с.
2. Кажуро, И. Префекты Виленской базилианской типографии / И. Кажуро // Матэрыялы міжнароднага кангрэса «500 гадоў беларускага кнігадрукавання»: XIII Міжнародныя кнігазнаўчыя чытанні, Мінск, 14–15 верасня 2017 г. : у 2 ч. / [складальнік А.А. Суша]. – Мінск, 2017. – Ч. 1. – С. 209–215.
3. Марозава, С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады) / С.В. Марозава. – Гродна, 2001. – 352 с.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 136. Оп. 1. Д. 41257. – Акты генеральной провинциальной визиты монастырей базилианского ордена Литовско-Виленской митрополитской Римско-Униатской епархии. 1819 г.
5. Полное собрание законов Российской империи : собрание второе : в 55 т. / Санкт-Петербург : Типография второго отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830-1885. – Т. 7. 1832. – 1833. – 1414 с.
6. Kažuro, I. The practices of the Printing house of the Vilnius Basilian Monastery (1628–1839). Summary of doctoral dissertation: S 008 / I. Kažuro. – Vilnius, 2019. – 47 p.
7. Piłypczak-Majerowicz, M. Bazylianie w Koronie i na Litwie. Szkoły i książki w działalności zakonu / M. Piłypczak-Majerowicz. – Warszawa ; Wrocław : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986. – 272 s.

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

ЖАНЧИНА Ё ЕРЭТЫЧНЫХ РУХАХ АНТЫЧНАХ ХРЫСЦІЯНСКАГА ПЕРЫЯДУ

В. М. Лянцэвіч

*Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, , пр. Партызанскі 26, г. Мінск,
220070, Беларусь, liantsevich.volga@yandex.ru*

У артыкуле на аснове дадзеных першакрыніц аналізуецца статус жанчыны ў хрысціянскіх ерэтычных рухах антычнага перыяду: вылучаюцца прычыны папулярнасці сярод жанчын гетэрадаксальных ідэй, разглядаюцца асаблівасці пасада, каторыя займалі жанчыны ў ерэтыкоў, параўноўваюцца погляды сучасных даследчыкаў, датычныя ўплыву ерасяў на фарміраванне пазіцыі афіцыйнай хрысціянскай царквы па «жаночым пытанні».

Ключавыя словы: антычнае хрысціянства; гетэрадаксальныя рухі; ерасі; гностыкі; мантанізм; прарочыцы; прапаведніцы; дыяканісы.

Based on primary sources, the article analyzes the status of women in Christian heretical movements of the ancient period: the reasons for the popularity of heterodox ideas among women are highlighted, the specifics of the positions held by women among heretics are considered, the views of modern researchers are compared regarding the influence of heresies on the formation of the position of the official Christian church on “women’s questions”.

Keywords: ancient Christianity; heterodox movements; heresies; Gnostics; Montanism; prophetesses; preachers; deaconesses.

Працэс фарміравання артадаксальнай хрысціянскай рэлігіі і царкоўнай арганізацыі ў II – IV стст. суправаджаўся шматлікімі гетэрадаксальнымі рухамі, каторыя супрацьстаялі асноўным веравызначальным пастулатам, арганізацыі царкоўнага кіравання, культавай практыцы і асновам хрысціянскага маральнага вучэння. Звесткі аб ранніх хрысціянскіх ерасях дайшлі да нас галоўным чынам у палемічных творах ерэсіярхаў-артадоксаў, – крыніцах пэўным чынам ангажаваных, што выклікае некаторыя цяжкасці, датычныя карэктнасці дадзенай інфармацыі. У працах Ірынея Ліёнскага (каля 130 – 202), Цертуліяна Карфагенскага (каля 160 – каля 240), Яўсевія Кесарыйскага (каля 265 – каля 340) ерэтыкі абвінавачваюцца ў сэксуальнай распусце, спакушэнні жанчын, а таксама ў тым, што жанчыны ў ерэтычных абшчынах іграюць вельмі важную ролю. Так, аўтар першай і самай

змястоўнай апалогіі супраць гностыкаў, ліёнскі біскуп Ірыней у трактаце “Пяць кніг супраць ерасей” адзначае: “І адны з іх таемна разбэшчваюць жанчын слухаць у іх гэтае вучэнне, ... а іншыя відавочна і бессаромна, закахайшыся ў якіх-небудзь жанчын, зваблівалі іх ад мужоў і бралі да сябе ў сужыццё” (Adv. haer. 1.VI.3) [1, col. 617].

У сучасных даследаваннях можна вылучыць два розныя падыходы адносна ролі жанчын у хрысціянскіх ерэтычных рухах атычнага перыяду. Адны, сыходзячы з прынцыпу даверу антычнай хрысціянскай спадчыне, тлумачаць шырокую падтрымку з боку жанчын розных гетэрадаксальных рухаў тым, што жаночыя служэнні ў артадаксальных хрысціянскіх абшчынах паступова знікалі, і розныя ерасі і схізмы былі адзінай арэнай жаночай папулярнасці: амерыканскі прафесар Універсітэта Дзюка Элізабет Кларк адзначае: “Тое, што ў Ісусе Хрысце няма “мужчынскага ці жаночага”, як пісаў Павел, не выклікала паляпшэнняў на сацыяльна-гістарычнай арэне, у адрозненні ад таго, як гэта было ў гнастычных ці мантанісцкіх сектах” [2, р. 37]. Брытанскі прафесар Джон Эліот, наадаврот, звяртае ўвагу на тое, што пачынаючы з II ст., царкоўныя аўтары ўжываюць да ерэтычных групавак, каторыя супернічалі з Вялікай Царквой, той самы рытарычны прыём, які супраць іх саміх выкарыстоўвалі антычныя крытыкі хрысціянства, паколькі для Ірынея Ліёнскага, Іпаліта Рымскага, Цертуліяна і Яўсевія Кесарыйскага гетэрадоксія памылковая не ў апошнюю чаргу таму, што дапускае жанчын да шматлікіх служэнняў (у адрозненні ад Царквы) [3].

Цертуліян-артадокс у палемічным трактаце “Аб прэскрыпцыі (супраць) ерацікоў” адзначае, што жанчын у ерэтычных сектах вельмі шмат (De praescr. haer. 41) [4, vol. 2, col. 68]. А. Гарнак тлумачыць гэты факт жаночай апазіцыяй афіцыйнай царкве, якая на той час забараняла жанчынам практычна любую дзейнасць у царкве [5, р. 230]. Але сапраўды праблемай з’яўляецца тое, што ніякіх звестак аб колькасным складзе жанчын і мужчын у ерэтычных абшчынах мы не маем, як і звестак саміх ерэтыкоў адносна іх адносін да жанчын.

Адна з найбольш ранніх звестак аб тых, ад каго патрэбна хрысціянину “удаляцца” – у Другім пасланні Паўла да Цімафея: яны “украдаюцца” ў дамы і “спакушаюць жанчын, утапаючых у грахах” (2 Цім. 3.6).

Ірыней Ліёнскі ў розных кнігах свайго фундаментальнага сачынення “Пяць кніг супраць ерасей” (другая палова II ст.) ўпамінае шэраг жаночых імёнаў, не спыняючыся на іх падрабязна: карпакратыянка Марцэліна вучыла ў Рыме (Adv. haer. 1.XXV.6) [1, col. 617]; вучань Валянціна Марк асвятчаў жанчын сваёй абшчыны здзяйсняць еўхарыстыю (Adv. haer. 1.XIII.2), а таксама быць прарочыцамі. Пры

гэтым “... ён усяго больш мае справу з жанчынамі, і прытым з фарсістымі, якія апранаюцца ў барвяніцу, і самымі багатымі, якіх ён часта імкнецца зацікавіць...” (Adv. haer. 1.XIII.3) [1, col. 612]. Марк, такім чынам, засяроджвае сваю ўвагу на багатых жанчынах-хрысціянках, каторым абяцае дар прароцтва, мае з імі сэксуальную сувязь і атрымлівае істотную “спонсарскую” дапамогу. Апавядаючы падобныя выпадкі, Ірыней спасылаецца на сведчанні такіх падманутых Маркам жанчын, якія імкнуліся вярнуцца з ерасі ў кафалічную царкву. Пры гэтым, калі адрывуць сэксуальны складнік, метады Марка мала чым адрозніваліся ад дзеянняў апосталаў у першых хрысціянскіх абшчынах: пропаведзь сярод багатых жанчын-язычніц, фінансавая падтрымка і іх харызматычнае служэнне сярод адзінаверцаў.

Лідары гнастычных сект выступалі супраць палавых адносін наогул, лічачы шлюб ненатуральным (Сатурнін Сірыянін, энкратыты, карпакратыяне, паслядоўнікі Таціяна), а найважнейшай умовай выратавання называлі цнатлівае жыццё. У гностыкаў сфармавалася асаблівае стаўленне да жанчын, у якіх яны бачылі не пол, а Дух. Некаторыя гнастычныя лідэры мелі спадарожніц, якія адыгрывалі немалаважную ролю ў іх дзейнасці. Сімон волхв, легендарны заснавальнік ўсіх далейшых ерасяў у хрысціянстве, па сведчанні Ірынея, падарожнічаў з нейкай Еленай, якую ён выкупіў з рабства ў Ціры і лічыў увасабленнем “першай Думкі (Εννοια), маці ўсіх рэчаў” (Adv. haer. 1.XXIII.2-3) [1, col. 615]. Ерэсіярх Марк, паведамляе Ірыней, спакусіў і павёў за сабой жонку нейкага дыякана з Асіі, якая “шмат часу ішла за ім” (Adv. haer. 1.XIII.5) [1, col. 612]. Цертуліян згадвае пра “дзеву Філумену” (De praescr. haer, 6), спадарожніцу ерэтыка Апелеса.

Неабходна зазначыць, што Ірыней прадстаўляе вельмі шырокі спектр тагачасных ерэтычных рухаў, у тым ліку групы, у якіх цялесныя адносіны лічыліся спосабам атрымання благадаці, і якія такім чынам нельга адносіць да гнастычных.

У лістах Кіпрыяна Карфагенскага (каля 222 – 258) апісаны выпадак, звязаны з прарочыцай, якая накіроўвалася ў 235 г. у Іерусалім. Абурэнне аўтара ліста, біскупа Кападакіі Фірміліана было выклікана тым, што жанчына здзяйсняла еўхарыстыю і шматлікіх хрысціла (Supr. Epist. LXXIV, 10 ed.) [6, vol. III. p. I, p. 456]. Факт насамрэч даволі неардынарны, паколькі ажыццяўленне першых хрысціянскіх таінстваў у царкве магчыма было пры заняцці пэўнай інстытуцыянальнай святарскай пасады. Пэўны спектр актыўнасцяў жанчын у гетэрадаксальных рухах прадстаўлены цытатай з працы Цертуліяна-артадокса “Аб прэскрыпцыі (супраць) ерацікоў”: “А якія дзёрзкія самі жанчыны-ерэтычкі! Яны адважваюцца вучыць, спрачацца, выганяць духаў, абяцаць вылячэнне, а

мога нават і хрысціць” (De praescr. haer, 41) [4, vol. 2, col. 68].

Такім чынам, калі ў артадаксальнай хрысціянскай царкве ўсе важныя літургічныя дзеянні (еўхарыстыя, хрышчэнне) праводзіліся выключна мужчынамі, ерэтычныя рухі давалі такія магчымасці і жанчынам. Элізабэт Кларк адзначае: “Не можа не быць цікавым, жанчыны больш ахвотна прымаліся ў якасці духоўных лідэраў у схізматычных ці ерэтычных сектах, чым у кафалічнай артадоксіі” [2, р. 33].

Святар А. Пастэрнак, даследуючы ролю жанчын у неартадаксальных абшчынах, са спасылкамі на Амвросія Медыяланскага (каля 340 – 397) звяртае ўвагу на выключную эмацыйнасць і экстатычнасць паводзін жанчын, калі гэта тычылася іх кантактаў з іншадумцамі [7, с. 10]: “адна з арыянскіх дзеваў, больш бессаромная, чым іншыя, забраўшыся на амбон, схапілася за рызу свяціцеля, жадаючы адцягнуць яго на жаночую палову, каб там яго пабілі і выштурхалі з царквы” [8, с. 66–67].

Значную цікавасць мае даследаванне ролі жанчыны ў мантанізме: па найбольш распаўсюджаных поглядах сучасных даследчыкаў, жанчыны тут адыгрывалі хіба не дамінуючую ролю. Вучэнне ўзнікла ў Фрыгіі (Малая Азія) і прапаведавала вяртанне агульных трапез першых хрысціян, строгі аскетызм, пост і непрызнанне шлюбаў. Мантан, які зваў сябе прарокам, “вучыў скасоўваць шлюбы” (Eus. HE. V.18.) [9, col. 475–476].

Разам з заснавальнікамі і натхняльнікамі вучэння Мантанам выступаюць дзве жанчыны-прарочыцы – Прыскіла і Максіміла [5, р. 228–229; 10, р. 281; 11, р. 522; 12, р. 69; 13, р. 55; 14, с. 383; 15, р. 458]. Жанчынам наогул мантаністы ў сваёй абшчыне адводзілі дастаткова вялікае месца. Вось што пра гэта піша Епіфаній: “Жанчыны ў іх называюцца прарочыцамі... Аддаюць падзяку Еве за тое, што яна першая спазнала ад дрэва спазнання. У апраўданне таго, што жанчыны ў іх пастаўляюцца ў клір, яны прыводзяць тое сведчанне, што сястра Майсея была прарочыцай. А таксама гавораць, што ў св. Філіпа былі чатыры дачкі, якія прарочылі. Часта ў іх з царквы выходзяць сем нейкіх дзеў у белай вопратцы са свяцільнямі і прыходзяць прарочыць народу... Біскупамі ў іх жанчыны, і прэсвітэрамі на іншых месцах жанчыны; у гэтым паміж паламі няма розніцы» [16, с. 129].

Аднак амерыканскі даследчык Ф. Буркіт падвяргае сумневу заяву Епіфанія аб тым, што мантаністы ставяць жанчын прэсвітэрамі і біскупамі. З дастатковай доляй упэўненасці даследчык спасылаецца толькі на надпісы каля Пепузы, у якіх пералічваюцца мужчыны і жанчыны, якія займалі афіцыйныя царкоўныя пасады ў мантаністскай

іерархіі [15, р. 459]. Падобнай стрыманай пазіцыі прытрымліваецца і Джон Эліот [3].

Прыскіла і Максіміла абвінавачваліся артадоксамі ў тым, што не з'ўляліся цнатлівымі, а таксама ў тым, што яны бралі дары і грошы (Eus. HE. V.18) [9, col. 475–478].

Трэба адзначыць, што менавіта прарокі стаялі на чале абшчын мантаністаў, а спроба адраджэння старажытнай прароцкай традыцыі не была цікава артадоксам. Тое, што жанчыны разглядаліся паслядоўнікамі Мантана як раўнапраўныя члены рэлігійнай абшчыны, А.Б. Рановіч звязвае з уплывам дахрысціянскіх малаазійскіх культаў, у якіх быў моцны жаночы элемент. Праўда, як адзначае У. Фрэнд, галоўныя прарочыцы мантаністаў Прыска і Максіміла пакінулі сваіх мужоў. Прыска, сцвярджаючы, што дакладная дата і месца канца свету былі яўлены ёй у выглядзе абвешчання ад самога Ісуса Хрыста, патрабавала напярэдадні эсхаталагічнай развязкі скасавання шлюбаў [11, р. 522–523].

Найбольш поўна погляды мантаністаў на сям'ю і шлюб раскрыты ў працах Квінта Септымія Флорэнса Цертуліяна, знакамітага раннехрысціянскага тэолага, палеміста і апалагета. Складанасць аналізу яго твораў заключаецца ў тым, што сам Цертуліян каля 207 г., расчараваўшыся, стаў прыхільнікам мантанізму. Таму спачатку ён выступае за аднашлюбнасць, непарыўнасць сямейных сувязяў ні пры якіх абставінах, дапускае нават другі шлюб паміж хрысціянамі. Асноўнай мэтай шлюбу Цертуліян лічыць нараджэнне дзяцей (Ad uxor. V.11-12) [4, vol. 1, col. 1281–1282]; прычым сцвярджае гэта аўтар, як будучы яшчэ прадстаўніком артадаксальнага хрысціянства, пры гэтым знаходзячыся пад моцным уплывам мантанізму, так і калі яго працы атрымліваюць ярка выражаны мантанісцкі характар (De mon. IV; De pud. I, III) [4, vol. 2, col. 934–935; 981-986]. Таму ўвогуле шлюб Цертуліян лічыць распустай і асноўную мэту новага шлюбу бачыць у дзявоцтве, адмове ад палавых адносін паміж мужам і жонкай або ў добраахвотным удаўстве (De mon. IX) [4, vol. 2, col. 941]: "... Самае лепшае для чалавека зусім адысці ад жаночага полу..." (De pud. IX) [4, vol. 2, col. 998]. Сэксуальныя адносіны аўтар лічыць сур'ёзнай перашкодай, каторая не дае ўсталявання цесных адносін з богам.

Нельга сабе ўявіць Цертуліяна-артадокса, які б сцвярджаў наступнае: "Усякая жонка не можа не ўсвядоміць у асобе сваёй першазлачыннай Евы, таму што яна падобна ёй нараджае дзяцей у хваробах, трывае тыя ж пакуты, складаецца ў той жа залежнасці. Пакаранне першай жонкі не перастае ляжаць на ўсім яе поле, які таму як быццам не можа не ўдзельнічаць у яе злачынстве" (De vel. Virg. V) [4, vol. 2, col. 896–897]. Таму сапраўдная хрысціянка можа загладзіць гэты

першародны грэх і выратаваць сябе толькі прыносячы абяцанне цноты. Толькі чыстыя, бязгрэшныя дзевы патрэбныя хрысціянскай царкве (De pud. III) [4, vol. 2, col. 985]. Відавочна – гэта думкі Цертуліяна-мантаніста, прычым даволі радыкальна настроенага. З другога боку – праз рэзкія словы праглядаюць асабістыя адносіны аўтара да жанчыны, каторую ён перш за ўсё вінаваціць у спакушэнні мужчыны і таму заклікае да цнатлівага жыцця. І ў гэтых словах не заўважаецца той асаблівы статус жанчыны, калі б ён быў у мантаністаў. Тут Цертуліян выступае хутчэй як прыхільнік традыцыйнага погляду на ролю жанчыны ў грамадстве і сям’і. Таму – “ні гаварыць у царкве, ні вучыць, ні памазваць, ні рабіць прынашэнне, ні прэтэндаваць на якое-небудзь служэнне, выконваемае мужчынамі, або на святарства, жанчынам не дазваляецца” (De vel. Virg. IX.1) [4, vol. 2, col. 901].

Мантанізм уяўляў сур’ёзную небяспеку для артадаксальнай царквы, якая ўсяляк імкнулася спыніць распаўсюджванне гэтага руху і нават задушыць яго. Першай рэакцыяй кліру была няўдалая спроба экзарцызму над жанчынамі (Eus. HE. V.16) [9, col. 467–472]. Гэтая акцыя выклікала жорсткае супрацьстаянне афіцыйнай царкве. Ерась была асуджана пасля 160 г. на самым раннім, па заўвазе У. Уолкера, сінодзе біскупаў Малой Азіі [13, p. 55]. У канцы II ст. цэнтр мантаністскага руху перамясціўся ў Паўночную Афрыку [10, p. 285–286; 11, p. 526], дзе яго падтрымаў Цертуліян. Але барацьба клерыкалаў дасягнула мэты: да канца II – пачатку III ст. мантанізм перастаў існаваць афіцыйна, хоць асобныя яго ачагі пратрымаліся, на думку П. Джэнтле і Ф. Буркіта, да IX ст. [15, p. 460; 17, p. 232]. Сур’ёзная небяспека, якую ўяўляў мантанізм для епіскапальнай царквы, прывяла да жорсткай барацьбы і канчатковай перамогі артадоксаў. Асуджэнне мантанізму, на думку Ю. Нікалаева, “паслужыла падставай да абмежавання прапаведніцкай ролі жанчын ...” [14, с. 390]. Аднак апошняя цытата бачыцца хутчэй як рытарычнае сцвярджэнне, паколькі жанчыны-прапаведніцы на той час у артадаксальнай царкве амаль не сустракаліся. Такім чынам, у гетэрадаксальных абшчынах II–IV стст. жанчыны займалі як харызматычныя пасады прарочыц, прапаведніц, што дазваляла ім істотна ўплываць на абшчыннае жыццё [7, с. 12], так і маглі праводзіць публічныя таінствы еўхарыстыі і хрышчэння. Ускосным сведчаннем спробы жанчын праводзіць хрышчэнне ў III–IV стст. з’яўляецца забарона нормаў “Дзідакаліі” і “Пастановаў Апостальскіх”: “Мы не дапускаем, каб жанчыны хрысцілі ці каб [хтосьці] прымаў хрышчэнне ад жанчын, бо гэта незаконна, і вялікая небяспека пагражае той, хто здзяйсняе хрышчэнне, і таму, хто хрысціцца” (Didascalia. III. 9. 1; Const. Ap. III. 9).

Жанчын-біскупаў у ерэтычных абшчынах крыніцы не ўпамінаюць. Адзіная ніжняя пасада кліру, каторая ў гэты час існуе ў артадаксальнай царкве – дыяканіса. 19-ы канон Першага Нікейскага сабору 325 г. зацвярджае неабходнасць перахросту і новага рукапалажэння святароў ерасі паўліан: “Туую ж пастанову належыць выконваць і ў дачыненні да дыяканіс і ўвогуле усіх, хто лічыцца ў царкоўным чыне. Дыяканісы ж, пра якіх мы згадалі, толькі па знешнасці [па адзенні] належаць [да гэтага звання], бо не маюць на сабе ніякага кіраўніцтва і могуць лічыцца зусім у ліку міран” [18]. Сярод жанчын, якія займалі пасады ў ерэтычных абшчынах, сустракаліся добра забяспечаныя асобы. Сазамен згадвае пра Яўсевію, дыяканісу, паслядоўніцу ерасі македаніян, у якой за Канстанцінопалем меліся свая хата і сад. Яна сябрвала з жонкай консула. Дыяканіса малаазійскай абшчыны энкратытаў Элафія (Фрыгія, магчыма IV ст.) разам з братам ад сябе асабіста ўстанавіла надпіс у гонар прэсвітэра Пятра, што ўжо само па сабе сведчыла пра яе самастойнасць, а магчыма, забяспечанасць: “Я, Элафія, дыяканіса абшчыны энкратытаў, разам з братам Паліхроніем устанавіла [эпітафію] у памяць пра прэзбітэра Пятра...” [7, с. 11].

Высновы:

- Жанчыны у ерэтычных хрысціянскіх рухах антычнага перыяду займалі харызматычныя пасады (прарочыцы, прапаведніцы, настаўніцы), а значыць маглі ўплываць на ўнутрыабшчыннае жыццё. Рост папулярнасці гетэрадаксальных ідэй сярод жаночага полу абумоўлены абмежаваннем харызматыкаў у артадаксальным хрысціянстве, а таксама эмацыйнасцю, унушальнасцю і экстатычным успрыняццем жанчынамі новых ідэй.

- Пры гэтым ніякіх новых пасадаў, адрозных ад тых, што жанчыны займалі раней ў ранніх хрысціянскіх абшчынах, не сустракаецца. Па сутнасці, жанчыны не былі лідэрамі неартадаксальных рухаў, яны былі абмежаваныя ў магчымасці кіраваць, а таксама прапаведваць, што назіраецца і ў артадаксальным хрысціянстве. У той жа час жанчыны-хрысціянку мелі магчымасць удзелу ў набажэнстве (дыяканісы), маглі весці аскетычнае жыццё пры падтрымцы адзінаверцаў (дзевы, удовы), ажыццяўлялі элементарныя пастырскія функцыі сярод жаночай часткі абшчыны (удовы, дыяканісы), атрымлівалі сацыяльную падтрымку (удовы, дзевы). - Хрысціянская царква паступова займала трывалае месца ў рымскай імперыі, прымаючы “правілы гульні”, якія тычыліся адносін да жанчыны, шлюбу і сям’і, прынятыя ў традыцыйным познеантычным грамадстве.

- Сцвярдженні сучасных даследчыкаў аб тым, што барацьба афіцыйнага хрысціянства з ерасямі адыграла вялікую ролю ў далейшым

фарміраванні пазіцыі хрысціянскай царквы ў адносінах да жанчыны, жаночых царкоўных служэнняў, да пытанняў сям’і і шлюбу, патрабуюць грунтоўнай дапрацоўкі і на дадзены момант не бачацца дакладна даказанымі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Irenaeus. *Adversus haereses libri quinque* / Irenaeus // PCC. Ser. graeca. – Parisiis, 1857. – Vol. VII. – Col. 437–1224.
2. Clark, E. *Ascetic Piety and Women’s Faith: Essays on Late Ancient Christianity* / Elizabeth A. Clark. – Lewiston and Queenston, 1986. – 427 p.
3. Elliott, J. H. *The Jesus Movement Was Not Egalitarian But Family-Oriented* [Electronic resource] / John H. Elliott // *Biblical Interpretation* 11(2) : 38. – 2003. – Mode of access : <https://www.deepdyve.com/lp/brill/the-jesus-movement-was-not-egalitarian-but-family-oriented-D8VzAos0hF>. – Date of access : 01.11.2023.
4. Tertullianus. *Opera* / Tertullianus // PCC. Ser. prima. – Parisiis : J. P. Migne, 1844. – Vol. I. – 1336 col.; Vol. II. – 1392 col.
5. Harnack, A. *The Expansion of Christianity in the First Three Centuries*: In 2 vol. / A. Harnack. – New York : G. P. Putnam, 1972. – Vol. 2. – 488 p.
6. Cyprianus. *Opera omnia*: In 2 vol. / Cyprianus // CSEL. – Vindobonae, 1868–1871. – Vol. III. P. I. – 1868 – 462 p.; Vol. III. P. II. – 1871 – P. 463–842.
7. Постернак, А. Женщины в неортодоксальных общинах / свящ. А. Постернак // *Вестник ПСТГУ*. Сер. II. – 2014. – Вып. 1(56). – С. 9–15.
8. Амвросий Медиоланский. *Собрание творений* : на латинском и русском языках / свт. Амвросий Медиоланский. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2012. – 439 с.
9. Eusebius Pamphilus. *Historia Ecclesiastica* / Eusebius Pamphilus // PCC. Ser. graeca. – Parisiis, 1857. – Vol. XX. – Col. 45–906.
10. Kidd, B. J. *A History of the Church to A.D. 461*: In 2 vol. / B. J. Kidd. – Oxford : Clarendon Press, 1992. – Vol. 1. – 558 p.
11. Frend, W.H.C. *Archaeology and History in the Study of Early Christianity* / W. H. C. Frend. – London : Variorum Reprints, 1988. – 308 p.
12. Baus, K. *Beginnings* / K. Baus // *The Early Church : an abridgment of History of the Church* : In 3 vol. – New York, 1993. – Vol. 1. – P. 3–75.
13. Walker W. *A History of the Christian Church* / W. Walker. – New York : Charles Scribner’s sons, 1970. – 601 p.
14. Николаев, Ю. В поисках за божеством : Очерки истории гностицизма / Юрий Николаев. – СПб. : Типогр. То-ва А. С. Суворина, 1913. – 526 с.
15. *The Cambridge Ancient History* : In 12 vol. / Ed. by S. A. Cook, D. Litt, F.B.A.F.E. Adcock, etc. – Cambridge : CUP, 1923–1956. – Vol. 12 : *The Imperial Crisis and Recovery (A.D. 193–324)*. – 1956 – 849 p.
16. Ранович, А. Б. *О раннем христианстве* / А. Б. Ранович. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 524 с.
17. Jentile, P. *Storia del cristianismo dalle origini a Feodosio* / P. Jentile. – Milano : Rizzoli Editore, 1975. – 289 p.
18. *Деяния Вселенских Соборов* : в 7 т. / В рус. пер. при Казанской Духовной Академии. – Казань : Типография императорского университета, 1859. – Т. 1. – 912 с.

ЛИТУРГИЧЕСКИЙ ГИМН «TEMPORE BELLI» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ АРАБСКОГО ВТОРЖЕНИЯ НА ПИРЕНЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Е. А. Сидорович

*Институт истории Национальной академии наук Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь, ekaterina.sidorovich@alum.uca.es*

В статье анализируются возможности использования литургических гимнов в исторических исследованиях на примере изучения латинского письменного артефакта «Tempore belli» в контексте реконструкции арабского вторжения на Пиренейский полуостров. Автор приводит методологическую основу для подобного применения текста религиозного характера, используя современные наработки и совместные достижения религиоведов и историков. Также впервые в русскоязычном академическом пространстве автором была выполнена внешняя и внутренняя критика этого латинского источника.

Ключевые слова: литургический гимн; исторический источник; арабское вторжение; Пиренейский полуостров; Вестготское королевство.

The article analyzes the possibilities of using liturgical hymns in historical research, applying the Latin written artifact "Tempore belli" to study the context of Arab invasion of the Iberian Peninsula. The author provides the methodology for such application of religious text, drawing on the contemporary achievements and approaches of religious scholars and historians. Additionally, for the first time in the Russian-speaking academic space, this Latin source has been studied with the external and internal criticism.

Keywords: liturgy; historical source; Arab invasion; Iberian Peninsula; Visigothic Kingdom.

Вопрос вторжения на Пиренейский полуостров мусульман в 711 г., которое привело к гибели Вестготского королевства и установлению стабильного арабского присутствия на этой территории в течение последующих восьми веков, привлекает исследователей и по сей день. Актуальность изучения этой проблемы обусловлена многими аспектами. Во-первых, данное событие оказало огромное влияние на исторический контекст истории Средиземноморья, став частью широких международных процессов и политических трансформаций в данном регионе. Во-вторых, в следствие исламского присутствия на полуострове установились различные религиозные и социальные контакты между представителями разных цивилизаций, что нашло отражение в развитии культуры, науки и искусства. А это в свою очередь привлекает внимание современных ученых в области межкультурной коммуникации,

культурологии и антропологии. И, наконец, в-третьих, исследование исторических корней исламского влияния на современные Испанию и Португалию помогает осознать межкультурную и религиозную динамику в данном регионе.

Сегодня разработан целый комплекс источниковой базы для изучения данной исторической проблемы: материальные нумизматические и сфрагистические объекты, предметы иконографии, письменные арабские и латинские источники [13]. Стоит отметить, что необходимая информация в последней группе достаточна скудная. Медиевистам-латинистам приходится скрупулезно изучать, используя компаративистский метод исследования, Византийско-арабскую [1] и Мосарабскую хроники [2], а также более поздние тексты мосарабской традиции письма. Упоминания отдельных событий и введение в необходимый исторический контекст можно обнаружить в *Liber Pontificalis romano* [21], *Historia ecclesiastica gentis anglorum* [14], письме Святого Бонифация королю Этелбалдо де Мерсиа [16, р. 182–183] и VI книги Истории лангобардов [16, р. 184]. В сравнении с многочисленными объемными источниками на арабском языке, цель написания которых заключалась не только в передаче памяти, но и легитимизации этой военной кампании и власти на упомянутой территории, латиноязычные письменные артефакты, позволяющие реконструировать прошлое в контексте современных тенденций развития историографии с использованием междисциплинарных методов исследования, позаимствованных из социологии и психоистории, очень мало.

Среди литературных сокровищ, которые оставило нам Вестготское королевство, пожалуй, наиболее ценным является собрание литургических гимнов, составленное разными авторами в разное время. Они привлекали внимание изначально религиоведов и филологов, а с недавнего времени ими заинтересовались и историки, которые с их помощью научились изучать ментальность, общественно-политические процессы и прочие события большей или меньшей значимости [8, р. 14].

С филологической точки зрения работа с подобными гимнами вызывает лексические, синтаксические и метрические трудности, поскольку вестготская латынь обладает определенными особенностями. А знакомство с литургическими текстами Средневековья ставит перед современными историками ряд интерпретационных вопросов. Ведь с одной стороны литургии должны были быть легко понятными [3, р. 86], а с другой – тексты с течением времени могли изменяться в зависимости от обстоятельств [4, р. 10]. При этом изучение подобных источников может дать ценное понимание исторического фона, благодаря тому, что

Ганс-Вернер Гетц назвал *Vorstellungsgeschichte* [17]: исторический текст оказывается не ограниченным рамками, а скорее текстовым артефактом, предоставляющим свидетельства определенных событий и отношения к ним [21, р. 99–108]. Также литургический гимн может быть ценным историческим источником, поскольку содержит информацию о религиозных и культурных практиках, верованиях и событиях, характерных для определенной эпохи или общества. В них могут отражаться важные моменты и события из истории церкви или религиозных общин, а также отношение к социокультурным явлениям. Изучение этого вида источника может предоставить исследователям ценную информацию о религиозных обрядах, обычаях, идеологии и общественных и политических событиях в определенное время. Однако при работе с ними стоит помнить, что их религиозный контекст и зависимость от религиозной интерпретации могут отрицательно повлиять на их объективность.

Историк Л. Л. Арбузов первым предпринял беспрецедентную в то время попытку анализировать литургические аллюзии в своей монографии, посвященной Отто Фрейзингскому и Генриху Латвийскому [7]. Этот исследователь предположил, что литургические тексты должны были оставить стилистические и лингвистические следы в хрониках, поскольку оказывали влияние не только на средневековую публику, но и авторов исторических повествований. Более того, он отмечал, что обращение к этим источникам может помочь в отслеживании устойчивых тем и мотивов, возникших в результате суггестивности на реципиента. Поэтому при исследовании этих литургических текстов необходимо выходить за рамки их составителей [5].

Среди современных исследований о взаимосвязи между медиевистикой и литургией можно выделить работы М. Фасслер [12] и С. Бойнтон [9]. Э. Ирвинг с помощью литургических описаний и аллюзий XI–XII вв. изучает политическую историю Южной Италии [19].

Несмотря на видимый прогресс в интерпретации и использовании литургических текстов в исторических исследованиях, Ф. М. Аросена отмечает недостаточное внимание медиевистов к мосарабским гимнам как источникам [8, р. 8]. Относительно периодов составления этого блока литургий традиционно выделяют два периода: некоторые гимны возникли в VII веке, а другие - написаны после вторжения 711 года [8, р. 17]. Классическим сборником этих гимнов является издание под редакцией К. Блюма, где собраны 210 произведений, написанных авторами различных христианских школ. Такое разнообразие является одной из причин возникновения многих трудностей при их изучении. В группе *In variis caseibus* можно обнаружить два гимна «*Tempore belli*»,

которые М. Диас и Диас предложил объединить в одно произведение, на основании лексических повторов в двух текстах [11, p. 450].

Tempore belli

Tristes nunc populi, Christe redemptor,
Pacem suppliciter cerne rogantes,
Threnos et gemitus, cerne dolorem,
(4) Mestis auxilium desuper adfer.
Dire namque fremens, en, furor atrox
Gentis finitimae arva minatur
Saeve barbarico murmure nostra
(8) Vastari, perimens ut lupus agnos.
Defensor quis erit, ni plus ipse
Succurras miserans, auctor Olympi,
Humano generi crimina parcas,
(12) Affectos venia dones amare?
Abram presidio pertulit olim
Reges quinque tuo, conditor aevi,
Haud multis pueris nempe parentem
(16) Prostratis reducens hostibus atris.
Moyses gelidi aequora ponti
Confidens populum torrida carpens
Deduxit, refluens undaque hostem
(20) Extemplo rapiens occulit omnem;
Tercentisque viris Amalecitas
Deiecit Gedeon iussus adire,
Oppressum populum gente feroci
(24) Liberavit ope fretus opima.
Haec tu, cunctipotens, omnia solus,
In cuius manibus sunt universa,
In te nostra salus, gloria in te,
(28) Occidis iterum vivificasque.
Maior quippe tua gratia, Iesu,
Quam sit flagitii copia nostri,
Contritos nec enim maestaque corda,
(32) Clemens, vel humiles spernere nosti.
Salva ergo tua morte redemptos,
Salva suppliciter pacta petentes,
Disrumpe frameas, spicula frange,
(36) Confringe clipeos bella volentum;
Iam caelum gemitus scandaat amarus,
Iam nubes penetret vox lacrimarum

Vatum, contritio plebis anhela;
(40) Salvator placidus, iam miserere.

Saevus bella serit barbarus horrens,
Frendens bella furor semper acervat
Ac respergit ovans caede recenti
(44) Multa strage super laetus anhelans.

Terret continuo fervida bello
Gens effrena, suis vasta catervis
Findens innumeris aequora ponti,
(48) Perturbat rigidis arvaque telis.
Vertvit terga suis hostibus, ecce,
Diris ipsa cohors chrislicolarum
Ac per prona tremens invia perque
(52) Turpi pulsa fugit fessa pavore.
Gens impune ferox milia vexat
Et crude lacerans milia truncat;
Lymphis lota saeris corpora foedis
(56) Passim nuda iacent tradita corvis.

Aedes inde sacras, templa dicata,
Aras atque Deo sanctificatas,
Exsultans valido cuncta triumpho
(60) Invadit spolians praedo superbus.

Urbes urit edax barbarus ignis,
Communesque domos urit et almas;
Vinctos praedo senes ducit, ephebos,
(64) Nuptas et viduas atque puellas.
Casum virgo ferum, virgo sacrata,
Casum virgo suum deflet amarum,
Amissumque dolet virgo pudorem
(68) Leti ferre volens virgo laborem.
Hoc peccata malum grande merentur
Vere nostra, Deus, plurima, sanete;
Sed nunc suppliciter poscimus omnes,
(72) Iam clemens famulos aspice tristes.

Immensus penetret fletus olympum
Ascendatque pias clamor ad aures,
Moysi nam meritis Amalecitas
(76) Iesus stravit agens nomine clarus.
Iesu, nate Dei cunctipotentis,
Virtus vera, salus summa labore,

Pax et certa quies ac decus omne,
(80) Tu nunc esto tuis fautor alumnis.
Emptis parce tua morte, rogamus,
Instaurans animos pelle timorem,
Hostes comminuens sparge fugatos,
(84) Pacis perpetuae munera confer.
Laus et perpes honor, gloria patri,
Laus aeterna tibi, gloria, fili,
Una spiritu gloria sancto,

(88) Sicut semper erat, nunc et in aeuum [6, p.283–286].

С метрической точки зрения К. Блюм уже указывал на полное родство этого произведения с тремя гимнами «Pro varia clade», распространявшимся в различные богослужебные времена [6, p. 275–278]. Перес де Урбель выразил мнение, что все эти произведения, несмотря на их чужую рукописную традицию, весьма вероятно, происходят с полуострова [23]. В тексте бросаются в глаза упоминания Авраама, Моисея, Гедсона и Иисуса. Между первой и второй частями заметны определенные дублирования: строчки 2–4 и 84, 1 и 72, 10 и 73, 16–21 и 75. При этом повтор представляет собой конкретную абстракцию первоначального упоминания.

Анализируя структуру этого гимна, мы можем разделить его на следующие тематические части: инвокация к Христу (1–4); описание текущей ситуации: страна находится под угрозой гибели от рук иноверцев (5–8); вера в Бога как защитника (9–12); примеры божественной помощи в прошлом (истории Авраама и Моисея) (13–24); надежда на силу Бога (25–32); просьба закончить войну (33–40); ярость врагов (41–48); поражение христиан (49–52); жестокость иноверцев (53–68); покаяние (69–72); повторная просьба о добродетели и сокрушении врагов (73–84); доксология (85–88).

Из текста гимна становится понятно, что идет крайне жестокая война. При этом отсутствуют какие-либо упоминания о побежденных воинах, короле или военачальниках. Герои этого произведения – обычные христиане, а их антагонисты – иноверцы. Читая текст, мы представляем хаос, вызванный битвой между захватчиками и христианами. Упоминается, что первые пришли морем и заставили капитулировать христианские силы и бежать. Но что бросается в глаза, так это картина безжалостного насилия победителей над обычным мирным населением: они грабят храмы и дома, сжигают города и заковывают в цепи старых и молодых, насиляют девиц. Сходные бедствия, хотя менее яркие, мы находим в Мозарабской хронике: «он сжег великолепные города, распиная на языческих крестах сеньоров и

влиятельных лиц; закалывая кинжалами подростков и грудных детей. Пока он таким образом наводил на всех ужас, некоторым городам, продолжительное время умолявшим о мире...» [2, 71] В биографии папы Григория II можно найти также этот сюжет: из Сеуты арабы пересекли пролив, вторглись в страну, убили большинство жителей и забрали их имущество [22].

Интересна также интерпретация причины описанных бедствий: этом согласно тексту гимна, именно за свои множественные грехи вестготы терпят от врагов мучения. Это же экспланант присутствует в письме Бонифация королю Этелберто де Мерсия [16, p. 182–183].

М. Диас и Диас предполагает, что такая яркая картинка жестокости и бедствий обусловлена тем, что *terminus post quem* составления данного гимна – битва при Гваделете. Как следствие рефлексии о результатах данного исторического события в заключительной части текста мы можем увидеть желание мира, спокойствия и ухода врага с христианских земель, что косвенно указывает на незавершенность неназванной в гимне войны. Также этот исследователь обращает внимание на литературную близость данного гимна с «*Pro varia clade*», намекающего на эпидемии, засуху и депопуляцию, которые могли быть катастрофами времен последних вестготских королей [11, p. 451]. Примечательно, что рукопись «*Tempore belli*» найдена в Ватикане и считается внепиренейского происхождения. Возможно, это объясняется миграционными процессами после арабского вторжения.

Тем не менее, Л. А. Гарсиа Морено, поднимая новые вопросы в изучении латиноязычных источников арабского завоевания Пиренейского полуострова, считает, что это единственное сохранившееся современное событиям литературное произведение, несущее в себе информацию о вторжении [15, p. 185].

Таким образом, литургический гимн «*Tempore belli*» знакомит нас с реальностью вестготской Испании и характеризуется описанной в нем драматической ситуацией: с одной стороны, у христиан отсутствует объединяющая сила, а с другой - присутствует жестокий враг-иноверец. Тем не менее это произведение демонстрирует связь между реальной средой и художественным продуктом. Несмотря на то, что латинская литургия IX–XI вв. не характеризовалась широкой распространенностью, она была ориентирована на обучение верующих и духовенства.

Сегодня интерпретация и изучение литургических гимнов влечет за собой определенные трудности: высокий литературный стиль предполагает отрыв от реальности, что сказывается на возможностях исторического исследования. Несмотря на эти особенности в текстах обнаруживаются элементы реализма и ментальности общества

изучаемого периода, что имеет неоспоримую ценность для историков. Очевидно, что этот исторический источник хранит в себе огромный потенциал, который впоследствии поможет дополнить историческую картину событий.

Библиографические ссылки

1. Византийско-арабская хроника 741 года [Электронный ресурс]/ Восточная литература. – Режим доступа: <https://www.vostlit.info/Texts/rus8/chronik741/frametext2.htmю> - Дата доступа: 03.11.2023.
2. Мозарабская хроника [Электронный ресурс]/ Восточная литература. – Режим доступа: <https://www.vostlit.info/Texts/rus5/Mosarab/frametext.htm>. - Дата доступа: 03.11.2023.
3. Althoff, G. The Variability of Rituals in the Middle Ages/ G. Althoff// Medieval Concepts of the Past: Ritual, Memory, Historiography/ G. Althoff, J.Fried, P. J. Geary. - Cambridge: Cambridge University Press, 2002. - P. 71–87.
4. Althoff, G. Rules and Rituals in Medieval Power Games: A German Perspective/ G. Althoff. - Leiden: Brill, 2019. – 282 p.
5. Althoff, G, Fried, J., Geary, P. J./ Introduction// Medieval Concepts of the Past. – Cambridge, 2002. - P. 1–17.
Analecta hymnica medii aevi. [55 v.]/ G.M. Dreves, C. Blume, H.M. Bannister. - Leipzig, 1886-1922. – V.27. Ymni de toto circulo anni. – 1897. – 296 p.
6. Arbusow, L. Liturgie und Geschichtsschreibung im Mittelalter/ L. Arbusow. - Bonn: Röhrscheid Verlag, 1951. – 112 s.
7. Arocena, F. M. El Himnario del Oficio hispano/ F.M. Arocena// Scripta Theologica. - 2012. - Vol. 44. – P. 9-44.
8. Boynton, S. Writing Liturgy with History/ S. Boynton//Representing History, 900-1300: Art, Music, History/ ed. by Robert A. Maxwell. – University Park: Pennsylvania State University Press, 2010. - P. 187–200.
9. Buc, Ph. The Dangers of Ritual: Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory/ Ph. Buc. - Princeton: PUP, 2001. – 288 p.
10. Díaz y Díaz, M. C. Noticias históricas en dos himnos litúrgicos visigóticos/ M. C. Díaz y Díaz// Antigüedad y cristianismo: Revista de Estudios sobre Antigüedad Tardía. - Murcia, 1986. – P. 443-456
11. Fassler, M. E. The Liturgical Framework of Time and the Representation of History/ M. E. Fassler//Representing History, 900–1300: Art, Music, History/ed. by Robert A. Maxwell. - University Park: Pennsylvania State University Press, 2010. - P. 83–123.
12. Foot, S. Finding the Meaning of Form: Narrative in Annals and Chronicles/ S. Foot//Writing Medieval History/ ed. by N. Partner. - London: Hodder, 2005. - P. 99–108.
13. Historia ecclesiastica gentis Anglorum [Electronic resource].- Data of access: <http://www.thelatinlibrary.com/bede.html>. – Date of access: 02.11.2023.
14. García Moreno L. A. Fuentes no islámicas de la invasión y conquista de España por el Imperio árabe-islámico/ L. A. García Moreno L. A.// Del Nilo al Ebro. Estudios sobre la conquista islámica / L. A. García Moreno, J. Viguera Molins. – Alcalá, 2010. - P. 181-208.

15. García Sanjuán A., La conquista islámica de la Península Ibérica y la terjiversación del pasado/ A. García Sanjuán. - Madrid: Marcial Pons. – P. 496.
16. Goetz, H.W. “Vorstellungsgeschichte”: menschliche Vorstellungen und Meinungen als Dimension der Vergangenheit / H. W. Goetz// Vorstellungsgeschichte: Gesammelte Schriften zu Wahrnehmungen, Deutungen und Vortstellungen im Mittelalter. – Bochum, 2007. – S. 3–18.
17. Gittos, H., Hamilton, S. Understanding medieval liturgy: essays in interpretation / H.Gittos, S. Hamilton. – APL, 2016. – 348 p.
18. Irwing, A. Lectore, si adesses! / A. Irwing// Medieval and Early Political Theology. – Vol.4. – Brepols, 2021. – P. 165-192.
19. Keesing, R. M. Not Understanding Symbols: Toward an Anthropology of Incomprehension/ R. M. Keesing// HAU: Journal of Ethnographic Theory. - №2. – 2012. – P. 406–430.
20. Kempshall, M. Rhetoric and the Writing of History, 400–1300/ M. Kempshall. - Manchester: Manchester University Press, 2011. – 640 p.
21. Liber Pontificalis romano [Electronic resource]. -Data of access: <https://fontistoriche.org/papa-gregorio-ii/>. – Date of access: 02.11.2023.
22. Pérez de Urbel, J. Origen de los Himnos mozárabes/ J. P´erez de Urbelçç Bulletin hispanique. – 1926. – P. 5-21.

ОПЫТ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АРХИЕПИСКОПА МАКАРИОСА, ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КИПР И АРХИЕРЕЕВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (1955–1977)

Н. О. Пашков

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nikodimkrysko@mail.ru

В статье дана характеристика основных путей общения Архиепископа Макариоса, первого президента Кипра и архиереев Русской Православной Церкви, а также анализируется роль Московского Патриархата в дипломатических отношениях СССР и Республики Кипр. Исследуется Кипрская церковь в период ее расцвета на фоне напряженной политической борьбы Кипра за свою независимость.

Ключевые слова: Кипрская православная церковь; Русская Православная Церковь Московского Патриархата; Архиепископ Макарий Мускас; Патриарх Московский Алексей Симанский; Митрополит Никодим Ротов.

The article describes the main ways of communication between Archbishop Makarios, the first President of Cyprus and the bishops of the Russian Orthodox Church, and also analyzes the role of the Moscow Patriarchate in diplomatic relations between the USSR and the Republic of Cyprus. The Cypriot Church is explored during its heyday against the backdrop of Cyprus' intense political struggle for its independence.

Keywords: Cypriot Orthodox Church; Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate; Archbishop Macarius Muskas; Patriarch of Moscow Alexy Simansky; Metropolitan Nikodim Rotov

Архиепископ Кипрский Макариос, уникальная личность в истории христианской церкви и Кипра. Человек, который смог совместить светскую и церковную власть в многогранном двадцатом веке. Этнарх, который смог сплотить весь кипрский народ и привести его к независимости. Будущий предстоятель церкви родился 13 августа 1913 года, в 12 лет поступил гимназию и на послушание в Киккский монастырь, а по окончании гимназии принял монашеский постриг с именем Макарий и рукоположен во иеродиакона. В 1938 году иеродиакон Макариос поступает на богословский факультет Афинского университета, а также слушает лекции на юридическом факультете. В 1946 году был рукоположен в сан иеромонаха. На средства Всемирного Совета Церквей иеромонах Макариос был направлен для продолжения образования в США, в Бостонский университет. В 1948 году иеромонах Макарий получает предложение занять освободившуюся епископскую кафедру города Ларнаки, а в октябре 1950 года епископ Макарий стал

Первоиерархом Кипрской Церкви с именем Макариос III и этнархом Кипра [15, с.25]. В это время Кипрская Церковь, утратив при английской власти свои традиционные привилегии, становится оппозицией британской колониальной администрации. Когда в 1925 году британское правительство уже официально объявило Кипр своей колонией, Церковь включилась в борьбу за освобождение Кипра. Народные выступления против англичан находили поддержку Церкви, часто и руководили ими церковные деятели. Получивши независимость в 1960 году Кипр, во главе с президентом архиепископом кипрская церковь получила новый этап развития. Кипрская Церковь в период президентства Архиепископа Макариос III представляла собой: 560 приходов, около 700 священников, 8 монастырей, духовную семинарию и официальным журнал «Апостол Варнава» [16, с.1]. Являясь крупнейшим землевладельцем на острове, контролируя 10% всей обрабатываемой земли (участки, находящиеся на окраине городов или на побережье, реализовывались по высоким ценам для строительства жилых домов, гостиниц, туристических центров). В большинстве случаев церковь принимала участие в строительстве объектов туристического назначения. Архиепископия, например, имела большие акции в гостинице «Лидра Палас» (Никозия), являлась владельцем гостиницы «Эсперия» (в Фамогусте), совместно с Киккским монастырем владела гостиницей «Евагорос Корт» (Фамогуста). Например в 1972 финансовое состояние церкви на 1972 год оценивалось в сумму около 200 млн фунтов. [16, с.2–4]. По конституции Церковь имела право распоряжаться своим имуществом в соответствии церковными канонами. Церковная собственность не могла быть конфискована никем в т.ч. и государством, не подлежала обложению налогом, не подвержена какому-либо контролю со стороны государства [16, с. 5–6].

Школьная программа предусматривала уроки по «Закону Божьему». Церковь играла важную роль в решении всех вопросов гражданского состояния населения.

По конституции страны, оформление браков, разводов, регистрации рождений и смерти производилась церковью.

Русская Церковь в исследуемый период имела иное положение в СССР, чем церковь на Кипре. В послевоенный период в СССР продолжались осуществляться гонения на Церковь. Отметим, что в первую послевоенную пятилетку преследования церкви в целом уменьшились, например к началу 1945 года было открыто более двухсот церквей. [17, с.479] А уже к 1961 года из 13008 приходов осталось 11571 действующих храмов.[1, с. 38] К середине 50-х годов руководство СССР все более явно выражало свое недовольство недостаточной активностью

внешнеполитической деятельности Московского Патриархата, прежде всего ее неэффективным проникновением на Ближний Восток. [18, с. 303] И появления на политической карте новой молодой Республики, во главе которой стоит Архиепископ, открывали новые перспективы для Русской Церкви. В начале 50-х гг. Советский Союз поддержал кипрский народ в борьбе против британского колониализма. Советская идеологическая концепция «двух лагерей» – западного и социалистического – была постепенно «модернизирована» путем выделения в мире и так называемого «третьего», а именно нейтральных или «неприсоединившихся» стран, среди которых был и Кипр во главе со своим лидером. Советская дипломатия того времени, исходившая в своей политике из идеологических постулатов коммунизма, в отношениях с Кипром могла задействовать на начальном этапе, лишь «церковный коридор» – дипломатию Русской Православной Церкви Московского Патриархата. Обширные возможности межцерковных связей РПЦ в православном мире стал тем фактором, который, позволил советской дипломатии завязать отношения с Кипром. Важно отметить, что государственная власть островной республики была сосредоточенно в руках предстоятеля Церкви. Данный факт позволял сблизить позиции Советского Союза и Республики Кипр по ряду международных вопросов в максимально короткие сроки. Для Московского Патриархата данный фактор играл важную роль, а именно: кроме как укрепление своих позиций в православном мире, церковь внутри страны получала «защитный тотем», в лице президента Кипра Архиепископа Макариоса.

Взаимоотношение между архиепископом Кипра и Русской Православной Церкви прежде всего прослеживаются в официальной переписке. Настроения этих отношений хорошо видны из письма Патриарха Алексия от 4 марта 1957 года «Кипрская Апостольская Церковь дорога Русской Церкви по родственным связям Православия, а потому чада Кипрской Церкви близки нам по духу...» [3, с. 3].

Документы, находящиеся в архиве Кипрской Архиепископии, условно можно разделить на три блока.

К первому блоку относится переписка между предстоятелями церквей, патриархом Алексеем и патриархом Пименом и Архиепископом Макариосом. Условно их можно разделить на три группы. Документы первой группы отражают обсуждение межцерковные вопросы. Поводом к началу переписки стал факт присоединения к РПЦ православной церкви Чешских земель и Словакии: Московский патриарх Алексей I извещал своего «коллегу» – кипрского архиепископа Макариоса – о данном факте [6. Л. 2–3]. Москва просит предстоятеля Кипрской Архиепископии признать факт присоединения – в начале 1952 года

Макариосу пересылается копия «об устройении» уже православной церкви в Польше [7. Л. 6]. Также Московский патриарх пытается привлечь архиепископа Кипра к урегулированию проблемных вопросов на каноническом пространстве собственно Русской церкви. Он извещает Макариоса о состоянии РПЦЗ, именуя синод этой церкви «так называемым» [8. Л. 27, 28]. О необходимости всеправославной встречи [9. Л. 132].

Вторая группа писем содержит информацию о политических процессах и событиях того времени: о событиях в городе Стамбуле 6 сентября 1955 года [10. Л. 51] и в Вьетнаме [11. Л. 207–211], о информировании Московского патриарха о деятельности британских сил безопасности на Кипре и выступлении Архиепископа Макариоса в ООН по кипрскому вопросу, и о приверженности к мирному сосуществованию и разоружению [12. Л. 68, 83].

К третьей группе относятся поздравления с христианскими праздниками и памяtnыми датами, а также взаимные приглашения посетить СССР и соответственно Кипр. Нужно отметить, что все письма набраны на печатной машине, но почти всегда подписаны собственноручно и пожеланиями, что может говорить о особом отношении к адресату.

К второму блоку документов можно отнести переписку с председателями отдела внешних церковных сношений прежде всего с митрополитом Николаем Ярушевичам и митрополитом Никодимом Ротовым. и их заместителями.

Первая группа писем содержит поздравления с церковными праздниками и краткими приветствиями с просьбой о молитве, которые можно, конечно, просто рассматривать как проявление церковного этикета, но в то же время свидетельствующие о действительно хороших межцерковных отношениях.

Вторая группа писем хранит информацию о взаимных обращениях и просьбах различного содержания. Так, например митрополит Николай Ярушевич в одном из обращений к Макариосу просит отправить фото Архиепископа, а во втором письме благодарил за переданные добрые слова через общего друга писателя И.Г. Эренбурга. [13. Л. 63] В письмах, адресованных митрополитом Никодимом Архиепископу Макариосу, прежде всего содержатся просьбы о приеме паломников, а также направлении клирика Кипрской Православной Церкви обучения в Ленинградскую Духовную Академию [14, Л. 70]. Большое количество писем содержит информацию о деятельности Всемирного совета Церквей, а также визитах делегаций Московского Патриархата на о. Кипр и представителей Кипрских иерархов в пределы Русской Церкви.

И наконец третий блок документов, самый малочисленный, содержит переписку с архиереями РПЦ прежде всего митрополитом Таллинским Алексием (Ридигер), митрополитом Минским Антонием (Мельниковым), митрополитом Киевским Филаретом (Денисенко), митрополитом Ювналием (Поляковым), митрополитом Минским Филаретом Вахромеевым), а также епископом Ставропольским Антонием, епископом Саратовским Пименом, епископом Курским Хризостомом, В письмах хранится информация о деталях паломничества, поздравления с Пасхой и Рождеством, с Днем независимости Кипра, а также с юбилеем Предстоятеля Кипрской Церкви. Стоит отметить, что Архиепископ Макариос отвечая на все письма всегда свидетельствовал о своей поддержке Русской Церкви в лице адресата не только как глава Кипрской Архиепископии, но и как президент Республики Кипр. Хочется отметить один интересный момент. что все письма от архиереев Русской Церкви были на русском языке, ответ Архиепископа на греческом, но только письма митрополита Минского Антония были на английском языке.

Особо стоит отметить опыт общения между главой Кипра и русскими архиереями во время официальных визитах делегаций. В период с 14 по 25 октября 1967 года на острове Кипр находился архиепископ Дмитровский Филарет (в составе делегации общества «СССР-Кипр») и епископ Ювналий (в составе спец. туристической группы). Также с неофициальным визитом в конце ноября 1970 г. посетившие Святую Землю паломники Русской Православной Церкви во главе с митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом на обратном пути побывали на Кипре по приглашению Архиепископа Макария. С 2 по 9 июня 1971 Архиепископ Макариос, находился в Советском Союзе по приглашению Президиума Верховного Совета СССР [14, с. 1].

О первом визите делегации Русской Церкви на остров Кипр, остановимся более подробно. Первая делегация Русской Православной Церкви посетила Республику Кипр по приглашению Архиепископа Макариоса с 18 мая по 2 июня 1967 год. В состав делегации вошли: митрополит Ленинградский и Ладужский Никодим (глава делегации), архиепископ Минский и Белорусский Антоний, епископ Дмитриевский и ректор Московской Духовной Академии Филарет, епископ Подольский Герман, протодиакон Глебов, аспирант Скобей и секретарь делегации Федюшкин В.Г. [5, Л. 1] Отметим, что делегацию в аэропорту встречал сам президент Кипра Архиепископ Макариос, что говорит о важности визита, (если рассматривать хронику визитов, то глава церкви не когда не встречает представителей других церквей). В дни пребывания на

Кипре делегация смогла совершить многочисленные поездки по острову, посетить ряд городов, поселков, исторических мест, монастырей, церквей. Во всех городах, кроме Кирении, где руководство церкви стоит в оппозиции к предстоятелю, членов делегации встречали теплым приемом, как со стороны церковных служителей, так и со стороны населения и властей [5, Л. 3]. Опять же нужно заметить, что ряде поездок делегацию сопровождал Архиепископ. Богослужение, возглавляемое Архиепископом Макариосом в сослужении с митрополитом Никодимом, транслировалась по радио и местному телевидению. Об этом путешествии сохранились очень подробные воспоминания в дневнике митрополита Антония (Мельникова) одного из членов делегации. Яркая передача атмосферы тех дней свидетельствует приветственное слова митрополита Ленинградского Никодима, произнесенном им в храме Благовещения – Фанеромени в Никосии по окончании литургии в воскресенье 21 мая 1967 года и обращенном к Архиепископу Макарию, он отметил, что счастлив быть «гостем Святой Кипрской Православной Церкви. Церковь, возглавляемая Вашим Блаженством, вносит свой достойный вклад на всеправославных встречах в решение важных церковных проблем нашего времени. Сегодня мы, посланцы Русской Православной Церкви, испытываем великую духовную радость, ибо встречаемся лицом к лицу со Святейшей Церковью Кипра и ее Блаженнейшим Предстоятелем, которого почитают сердечно вся наша Церковь и весь народ нашей страны и желают Вашему Блаженству и всему народу Республики Кипр свободы и независимости и процветания во всем» [2].

В честь делегации за время ее пребывания на острове был дан ряд официальных приемов и обедов. В день прибытия, делегация присутствовала на обеде в архиепископском дворце.

В первый день митрополит Никодим вручил Архиепископу Макариосу приглашение от патриарха Московского посетить СССР, предстоятель Кипрской Церкви в беседе дал понять, что ему было бы удобней приехать в Советский Союз не только как глава церкви, но и как президент страны.

22 мая президент Кипра дал в честь делегации завтрак в президентском дворце. На завтраке, помимо священнослужителей присутствовали председатель парламента, члены правительства, видные государственные деятели Кипра, а также сотрудники посольства СССР. Во время завтрака президент Макариос и глава делегации митрополит Никодим обменялись речами.

25 мая глава церкви дал завтрак в честь делегации на президентской даче в горах Троодос. 29 мая состоялся большой прием в посольстве

СССР. 30 мая президент Макариос устроил прием в президентском дворце. 23 мая в городе Фамагусте от имени мэра города в честь делегации был дан завтрак. [5, Л. 7].

Цели Московской Патриархии на кипрском направлении изначально не могли быть амбициозными. В геополитическом отношении, несмотря на стремления СССР, средиземноморский регион оставался для него закрытым. Позже, к 60-м гг. XX века, Советский Союз «увидит» для себя в политическом и союзническом отношении Египет и Сирию. Турция, Греция, Кипр, Израиль, Иордания – все эти страны Ближнего Востока (в определенном понимании как «поствизантийского пространство») были прямо или косвенно связаны с Западом разветвленной системой экономических, военных, дипломатических и культурных связей.

Поэтому и цели советской дипломатии в регионе были совершенно другими – укрепить отношения Московского Патриарха и Кипрского Архиепископа, тем самым отдалив последнего от Константинопольского Патриархата, поднять авторитет Русской Церкви в ближневосточном регионе, показав тем самым «капиталистическому западу», что через применение разных способов и средств активной дипломатии доказательства религиозной свободы в Союзе.

Библиографические ссылки

1. Федотов А. Русская Православная Церковь 1943-2000 гг. Внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам центральной России) / А. Федотов. – Иваново., 2005. – 136 с.
2. Дневник митрополита Антония Мельникова. // Архив Санкт-Петербургской митрополии. — Л. 5–7
3. Журнал Московской Патриархии. – 1957. – № 3.
4. Известия. — 01.06.1971. — стр.1.
5. О пребывании делегации РПЦ на Кипре// Архив Внешней политики Российской Федерации. Фонд. Референтура Кипра.Опись8, Папка 115, Дело 130 — Л. 1–10.
6. Письмо патриарха Московского Алексия к архиепископу Кипрскому Макарию от 18.12.1951 // Архив Кипрской Архиепископии. Фонд. Архип. Макарий переписка с РПЦ. — Т. 1. — Л. 2–3.
7. Письмо патриарха Московского Алексия к архиепископу Кипрскому Макарию от 24.10.1954 // Архив Кипрской Архиепископии. Фонд. Архип. Макарий переписка с РПЦ. — Т. 1. — Л.6.
8. Письмо председателя ОВЦС РПЦ к архиепископу Кипрскому Макарию от 24.10.1952 // Архив Кипрской Архиепископии. Фонд. Архип. Макарий переписка с РПЦ. — Т. 1. — Л. 27, 28.
9. Письмо патриарха Московского Алексия к архиепископу Кипрскому Макарию от 20.09.1969// Архив Кипрской Архиепископии. Фонд. Архип. Макарий переписка с РПЦ. — Т. 2. — Л. 130–132.

10. Письмо патриарха Московского Алексия к архиепископу Кипрскому Макарию от 20.09.1955// Архив Кипрской Архиепископии. Фонд. Архип. Макарий переписка с РПЦ. — Т. 1. — Л. 51.

11. Обращение патриарха Московского Алексия по поводу современного положения во Вьетнаме от 31.12.1965// Архив Кипрской Архиепископии. Фонд. Архип. Макарий переписка с РПЦ. — Т. 1. — Л. 207–212.

12. Письмо архиепископа Кипрского Макария патриарху Московскому Алексию к от 8.08.1957// Архив Кипрской Архиепископии. Фонд. Архип. Макарий переписка с РПЦ. — Т. 1. — Л. 68-83.

13. Письмо председателя ОВЦС РПЦ к архиепископу Кипрскому Макарию от 18.07.1957 // Архив Кипрской Архиепископии. Фонд. Архип. Макарий переписка с РПЦ. — Т. 1. — Л. 63.

14. Письмо председателя ОВЦС РПЦ к архиепископу Кипрскому Макарию от 23.10.1968 // Архив Кипрской Архиепископии. Фонд. Архип. Макарий переписка с РПЦ. — Т. 2. — Л. 70.

15. Погребенко Д. Жизнь и деятельность Архиепископа Новой Юстинианы и всего Кипра Макариоса. Первого Президента Республики Кипр.: диплом. работа — Жировичи, 1999. — 83 с.

16. Роль Кипрской Православной Церкви в современной политической жизни// Архив Внешней политики Российской Федерации. Фонд. Референтура Кипра.Опись13, Папка 125, Дело 125— Л. 5–14.

17. Цыпин, В. История русской православной церкви: синодальный и новейший периоды (1700–2005) / прот. В. Цыпин. – М.: Изд-во Срет. монастыря, 2006. – 815 с

18. Шкаровский, М. В. Русская Православная церковь в XX веке / М. В. Шкаровский . – М.: Вече, 2010. – 478с.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

БЕЛОРУССКАЯ ИНДОЕВРОПЕИСТИКА: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. А. Прохоров

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, prokhorov@bsu.by

В статье показано, что развитие индоевропейских исследований на белорусских землях прошло два этапа. В 19 веке появилось много отличных лингвистов-самоучек, которые внесли значительный вклад в знакомство европейцев с творчеством и культурой ряда индоевропейских народов. Во второй половине XX века произошло становление собственно белорусской школы, которая представлена рядом ярких ученых и которая развивается в начале XXI века в университетах суверенной Республики Беларусь. Кафедра истории Древнего мира и средневековья БГУ играет ключевую роль в развитии индоевропейских исследований на данном этапе развития белорусской науки.

Ключевые слова: индоевропеистика; историография; кафедра истории древнего мира и средних веков БГУ.

The article shows that the development of Indo-European studies in the Belarusian lands has passed through two stages. In the 19th century, many excellent self-taught linguists appeared, who made a significant contribution to the acquaintance of Europeans with the works and culture of a number of Indo-European peoples. In the second half of the twentieth century, the formation of the Belarusian school proper took place, which is represented by a number of bright scientists, and which develops at the beginning of the XXI century in universities of the sovereign Republic of Belarus. The Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of BSU plays a key role in the development of Indo-European studies at this stage of the development of Belarusian science.

Keywords: Indo-European studies; historiography; the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of BSU.

Индоевропеистика, как наука по изучению родственной группы языков, появилась в лингвистике в конце XVIII в. и скоро получила широкую популярность как один из важнейших разделов сравнительно-исторического языкознания. Более того, зародившись в лингвистике, индоевропеистика быстро распространилась на другие области научного знания – историю, археологию, антропологию и т. д., что делает эту отрасль науки сложной и часто противоречивой. Тем не менее, ее успехи

на протяжении последних столетий признаны и впечатляют. Знакомство европейцев с культурой Индии стало основой для европейских ученых провести сравнительное изучение языков Европы и Индии, что отразило и название – индоевропейские исследования.

Первый шаг был сделан теперь знаменитым английским администратором Ост-Индской компании и лингвистом Уильямом Джонсом в 1786 г., который указал на родство географически удаленных языков. Определенной суммой достижений стала книга немецкого исследователя фон Шлегеля «О языке и мудрости индийцев» (1808 г.). Она вызвала широкое обсуждение в среде научной общественности и возник интерес к индоевропеистике как к самостоятельной области знания.

В XIX в. индоевропейские исследования приобрели популярность и во многих европейских университетах появились яркие специалисты в сравнительном индоевропейском языкознании. Языкознание делало огромные успехи в развитии сравнительно-исторического метода. В 1868 г. выдающийся лингвист Август Шлейхер написал басню на реконструированном им праиндоевропейском языке, конечно, с еще несовершенной реконструкцией. Однако, это способствовало новому подъему интереса. На волне этой популярности резко расширилось количество изучаемых языков. Среди наших земляков оказалось немало увлеченных и талантливых лингвистов.

Сенковский Юзеф Юлиан (1800–1858). На территории современных белорусских земель на тот момент не существовало классического университета. Центром академической грамотности для выходцев с белорусских земель оставался в начале XIX в. Виленский университет в бывшей столице Великого княжества Литовского.

Именно здесь получил образование Юзеф Юлиан (Осип Иванович) Сенковский (1800–1858), родившийся в имении Антокаль около Вильни в шляхетской семье. После учебы в Минском коллегиуме (Rhetorum Collegium Minscensis) с основательной филологической подготовкой [1, с. XVII–XVIII], его движение в науку было стремительным и многообещающим. Он учился в Виленском университете и был учеником Иоахима Лелевеля, одного из основоположников курса всеобщей истории в этом университете. Сенковский был другом молодого Адама Мицкевича и хорошо знал плеяду ярких интеллектуалов того времени из образовательных центров на территории бывшего ВКЛ. В университете Юзеф Сенковский, будучи еще совсем юным человеком, тем не менее, обратил на себя внимание блестящими знаниями языков, и, прежде всего, ближневосточных: турецкий, арабский и другие. Среди них был язык индоевропейской группы – иранский.

Преподаватели университета организовали сбор денег для поездки талантливого студента в страны Ближнего Востока для практического освоения изученных им языков. На эти деньги Сенковский предпринял длительное двухлетнее путешествие по Турции, Сирии, Египту и Эфиопии в 1819–1821 гг. [2].

Возвратившись из поездки, Юзеф Сенковский должен был позаботиться о выборе места работы. Ему было сделано несколько лестных предложений. Он предпочел Санкт-Петербургский Императорский университет. Сенковскому на тот момент было только 22 года и, чтобы присвоить ему звание профессора, ему приписали 2 года [3, с. 21]. С 1822 по 1847 гг. Юзеф Сенковский работал ординарным профессором по арабской и турецкой словесности. Кроме этих языков он преподавал и индоевропейский – иранский [4]. Поистине поразительна широта охвата изучаемых Сенковским тем. Не оставляя совершенствования языков и культуры Ближнего Востока, уже в Петербурге Юзеф Сенковский выучил китайский, манчжурский, корейский и тибетский языки, изучал историю Золотой Орды, переводил скандинавские саги, работал и по русской и славянской истории. Еще во время своего путешествия по Ближнему Востоку Юзеф Сенковский настолько хорошо овладел иранским языком, что переводил с персидского мистическую поэзию Хафиза [5, с. XXVI]. Важным вкладом стал его перевод с персидского языка на русский значительной части «Тарих-и Муким-Хани» Мухаммеда Юсуфа Мунши. Это историческое произведение посвящено описанию Балха и Бухары, политическим взаимоотношениям Средней Азии и Ирана в начале XVIII в. Список этого произведения был подарен руководителю русского посольства в 1820–1821 гг. бухарским эмиром [6, с. 255]. Участник посольства Е.К. Мейендорф передал рукопись Юзефу Сенковскому. Тот перевел в качестве обучающего пособия для студентов значительные отрывки этого произведения с большой пояснительной запиской на французском языке. Это был первый перевод «Тарих-и Муким-Хани» на европейский язык и долгое время именно на его основе европейские историки черпали свои знания об этом регионе [6, с. 255].

Когда в ходе войны с Персией русские войска в начале 1828 г. заняли Ардебиль, по предложению Юзефа Сенковского на имя императора Николая I местная знаменитая библиотека с персидскими и арабскими рукописями, собранная шахом Аббасом Великим, была перевезена в Петербург [6, с. 283]. Это был первый подобный случай в ходе военных кампаний России на Востоке.

В ходе своей научной карьеры Сенковский быстро стал член-корреспондентом Русской Императорской Академии Наук, доктором

Краковского университета, членом Азиатского общества в Лондоне, членом общества любителей наук в Варшаве.

В ходе проведения ревизии белорусских школ в 1826 г. Юзеф Сенковский высказал твердое убеждение в необходимости организации светского школьного образования вместо церковно-монашеского [7, с. 28–29]. Однако вскоре произошел решительный перелом в жизни ученого.

В 1831 г. было подавлено восстание с целью возродить Речь Посполитую. Многие знакомые Сенковского по Виленскому университету попали под следствие. Его учитель и друг Иоахим Лелевель после участия в повстанческом Народном правительстве покинул Варшаву.

Хоть Сенковский никоим образом не высказывал свои симпатии к восстанию, тем не менее, он навсегда попал в разряд неблагонадежных. За ним было организовано негласное, хоть открыто не проявлявшееся наблюдение. Одновременно, патриоты освободительного движения также не простили Юзефу Сенковскому разрыв с родиной, отход от научной и интеллектуальной жизни в пределах бывшей Речи Посполитой [5, с. XVI; 7, с. 23–33]. Моральный удар от этих событий был столь силен, что Сенковский хоть и продолжал преподавать в университете и вести научные исследования, но это перестало быть основной целью его жизни. Он резко изменил направление деятельности и с головой ушел в журналистику, основал журнал «Библиотека для чтения», а себе вскоре взял псевдоним «барон Брамбеус». Журнал печатал научно-популярные статьи по самым разным сферам науки, став одним из самых читаемых у интеллигенции Российской империи. Дом четы Сенковских стал важной культурной гостиной русской столицы. Русское общество высоко ценило деятельность Сенковского. Произведения «барона Бромбеуса» пользовались исключительной популярностью у российских читателей. С другой стороны, он так никогда и не стал частью этого общества. Неоднократно в его адрес звучали жесткие характеристики и замечания со стороны русских ученых, особенно в отношении его нежелания писать свои труды исключительно на русском языке [8]. Тем не менее, наш соотечественник Юзеф Сенковский внес значительный вклад в развитие российского и мирового востоковедения. Деятельность Юзефа Сенковского, набравшая такую популярность в свою эпоху, была подробно исследована известным русским писателем и публицистом Вениамином Кавериним, как яркое явление русской культурной жизни XIX в.

Ходзько-Борейко Александр Леонардович (1804–1891). Александр Леонардович Ходзько (Ходзько-Борейко) родился в деревне Кривичи,

которая сейчас относится к Мядельскому району. Его отец – Ян Ходзько-Борейко – был писателем и достаточно широко известным общественным деятелем на территории бывшего Великого Княжества Литовского.

Учился Александр в Виленском университете в 1820–1823 гг. Теплые дружеские отношения связывали его с Адамом Мицкевичем, тем более, что Александр Ходзько впоследствии немало издал и литературных, в том числе переведенных произведений Ближнего Востока. Будучи членом общества филаретов, Александр Ходзько был арестован и это предопределило его расставание с Виленским университетом. После освобождения ему было предписано не покидать Санкт-Петербург. Это позволило ему уже в 1824 г. продолжить филологическое образование в Институте востоковедения, изучая персидский и арабский языки. Сразу после окончания Института в 1829 г. он был принят на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел Российской империи.

В 1830 г. Александр Ходзько был направлен вначале переводчиком в русскую дипломатическую миссию в Иране и скоро начал движение по службе. На долгое десятилетие его судьба оказалась связана с этой страной.

Особенно много времени он провел в Гиляне – области, имеющей древнюю культуру и населенную многими народами. Как русский консул он много путешествовал по региону. Современники писали, что он посетил многие районы Северного Ирана первым из европейцев. Он прекрасно описал древние традиции поклонения огню в Баку, которые сохранились еще от зороастрийской древности.

Но его интерес оказался значительно шире. Он начал внимательно изучать языки и культуру многих народов региона, до этого практически неизвестных европейским ученым. Конечно, важное место в его описаниях занимали иранцы. Среди этих народов были и носители индоевропейских языков, как, например, талыши и гилянцы. Ходзько познакомил европейцев с авторскими переводами на польский, русский, французский, английский языки с иранского, талышского, туркменского, мазандеранского, гилянского, калмыцкого, ногайского языков. Он первым в Европе перевел стихи великого туркменского поэта Махтумкули.

Покинув в 1841 г. Иран, Александр Ходзько скоро переехал в Париж. Некоторое время он работал уже во французском МИДе. Скоро он ушел преподавать, правда, его желание получить место в Парижской школе восточных языков не исполнилось. В Париже возобновились его дружеские отношения с Адамом Мицкевичем. Оба преподавали на

кафедре славянских языков и литературы в Коллеж де Франс. Ходзько работал здесь профессором с 1857 по 1883 гг. и именно на это время пришлась большая часть его издательской деятельности. В 1852 г. вышла его «Грамматика персидского языка» на французском языке (переиздана в 1883 г.) [9]. Собранные Александром Ходзько материалы хранятся в Национальной библиотеке в Париже.

Александр Ходзько был принят в члены Английского Королевского Азиатского общества и Общества лингвистов в Париже.

Коссович Каэтан Андреевич (1814–1883). Каэтан Коссович родился в 1814 г. в Полоцке, а в 1824–1830 гг. он учился в Полоцком высшем пиарском училище. Интересно, что именно сюда приезжал с ревизией белорусских школ Юзеф Сенковский в 1826 г. Когда же в 1830 г. училище закрыли, то не имевшему денег Коссовичу пришлось пешком идти в Витебск, чтобы продолжить образование в Витебской базилианской гимназии. Показав немалые способности в обучении, Коссович был направлен от Белорусского учебного округа учиться в Московский университет за казенный счет [10].

После окончания в 1836 г. первого (словесного) отделения философского факультета Московского университета Каэтан Коссович хорошо знал несколько древних языков: древнегреческий, латынь, древнееврейский. Кроме этого он свободно владел европейскими языками: английским, итальянским, испанским, чешским, литовским. Тогда же он начал изучать персидский и арабский языки. О Коссовиче говорили, что он изучал языки, «как едят калачи». Подчеркивая способности и ученую настойчивость Каэтана Коссовича, необходимо обратить внимание, что еврейский язык он выучил самостоятельно еще в Витебске.

В полной мере его лингвистические способности и настойчивость проявились при изучении одного из древнейших индоевропейских языков – санскрита. В студенческие годы в Москве Каэтан Коссович получил от одного из своих старых витебских друзей Максимилиана Маркса, купленную им около Сухоревской башни на книжном «развале» объемную книгу с неизвестной и загадочной письменностью [11, с. 617]. Это был сборник Пуран, изданный в Калькутте Азиатским обществом, основанным еще Уильямом Джонсом. Коссович приложил все усилия и самостоятельно освоил санскрит, язык древнеиндийских ариев, который только постепенно становился известен в Европе. Неоценимую помощь оказал санскритский словарь Хораса Вильсона, изданный в 1819 г. в Калькутте. Зная о невероятной способности Коссовича к языкам, его подарил Алексей Степанович Хомяков, поэт и один из знаменитых славянофилов. Хомяков также способствовал знакомству Коссовича с

работами ведущих санскритологов того времени – Франца Боппа, Кристиана Лассена, Хораса Вильсона [12, с. 12].

Ценно мнение великого русского востоковеда академика Федора Ипполитовича Щербатского: «Изучение санскрита началось в России в начале 40-х гг. XIX в. Первым учителем был Коссович» [13, р. 81].

Коссович знаменит как своими новаторскими, часто не только для России, авторскими переводами с санскрита, такими как «Наль и Дамаянти», «Сказание о Вадьядгаре Джимутавагане», «Васантазена», «Багавад-Гита», и, конечно, прекрасным компендиумом древнеперсидских надписей эпохи Ахеменидов [14].

Каэтан Андреевич Коссович удостоился признания в научном мире. Он стал членом Парижского и Лондонского азиатских обществ, Восточного общества Германии. Российское правительство наградило его орденом Владимира 3-й степени, Анны 1-й степени, Станислава 1-й и 2-й степеней. Также он кавалер персидского ордена Льва и Солнца 1-й степени. Некролог Каэтану Коссовичу написал известный российский востоковед Василий Васильевич Григорьев, ученик Юзефа Сенковского [11, с. 605]. Советский писатель Валентин Пикуль посвятил Коссовичу отдельный рассказ «Тайный советник».

Яркий белорусский хеттолог, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ Геннадий Иосифович Довгяло посвятил Каэтану Коссовичу свой пространный биографический очерк [12]. Очевидным образом он прочерчивал истоки белорусской науки, гордясь высокой одаренностью лучших уроженцев страны.

Индоевропеистика в белорусской национальной науке. С 1921 г. с образования в послевоенном Минске Белорусского государственного университета начинается развитие собственно белорусских высших учебных заведений. Появляются собственные школы историков, археологов, лингвистов. Однако в довоенный период среди специалистов БГУ не оказалось исследователей по индоевропеистике. Слишком важной на тот момент задачей было создание собственной национальной школы изучения белорусского языка, белорусской культуры и истории. А белорусоведение, как самостоятельная научная дисциплина, еще не стало фактором индоевропейского дискурса, хотя культурная традиция белорусского народа, как сейчас признано, один из важных факторов изучения индоевропейских древностей, так как во многом сохранила зримые черты индоевропейской архаики. Зато с восстановлением БГУ после Великой Отечественной войны отчетливо проявился интерес к индоевропейским исследованиям.

Мартынов Виктор Владимирович (1924–2013). Виктор Мартынов родился в 1924 г. в Одессе. Поступил в Одесский университет он уже

после Великой Отечественной войны, которую прошел пехотинцем [15, с. 8]. В 1948 г. Виктор Мартынов окончил филологический факультет Одесского университета. С 1960 г. он начал свою длительную и плодотворную работу в Минске в Институте языкознания АН БССР и на филологическом факультете БГУ. В 1962–1990 гг. он заведовал отделом общего и славянского языкознания в Институте языкознания. В 1990 г. Виктор Владимирович стал заслуженным деятелем науки БССР.

Толчком, который вызвал интерес у тогда еще молодого исследователя к проблеме славяно-германского языкового взаимодействия, стал тот факт, что у германцев и у славян на фразеологическом уровне «добиваться успеха» выражается понятием «обрабатывать землю». В результате это предопределило тему его докторской диссертации «Славяногерманское лексическое взаимодействие древнейшей поры: к проблеме прародины славян», которую он защитил в 1969 г.

Классический индоевропейский дискурс, но прежде всего на основе славянского и белорусского материала, и его введения в мировую индоевропеистику характерен для исследований Виктора Владимировича во все периоды его творчества. Многообразны исследования о взаимодействии славянских языков с другими индоевропейскими языками [16].

Виктор Мартынов создал немало прекрасных этимологических эссе по многим белорусским лексемам. Это итог его исследовательской и редакторской работы над проектом большого этимологического словаря белорусского языка [17]. Этимологические исследования всегда были одним из столпов индоевропеистики, что, безусловно, создает научную основательность в трудах Виктора Мартынова.

Профессор Мартынов стал лингвистом-исследователем новой генерации. В круг его интересов вошли не только традиционные формы лингвистического дискурса. Он возглавил научно-исследовательский центр «Семантика», в котором велись одни из наиболее активных в Советском Союзе исследований использования языковых матриц в применении к современным на тот момент компьютерным системам.

Это направление исследований не является чем-то необычным для лингвистов, работавших в направлении индоевропейских древностей. Широкий охват лингвистического материала и стремление к использованию методов его структуризации совершенно естественным образом именно индоевропейцев привели во второй половине XX в. к поискам в нарождавшейся системе компьютерных исследований, которые на тот момент часто видели как создание искусственного интеллекта. Именно новейшие на тот момент новаторские компьютерные

разработки давали возможность по-новому посмотреть на структуры языка. Виктор Владимирович определил свои задачи в информатизационной среде: «Чтобы добиться результата в этом направлении, которое обычно ассоциируется с искусственным интеллектом, необходимо эффективное семантическое кодирование, поскольку ограниченный естественный язык, которым сейчас пользуются, неопределеннозначен» [18, с. 5]. Итогом этой работы также стали многочисленные монографии [19].

Довгяло Геннадий Иосифович (1935–2002). Родился Геннадий Довгяло в городе Минске. Учился на историческом факультете БГУ в 1952–1957 гг. Специализируясь на кафедре истории древнего мира и средних веков, где к тому времени уже существовала основанная еще академиком Николаем Михайловичем Никольским научная школа по изучению древности и востоковедения, Геннадий Иосифович увлекся востоковедением. Предметом его исследований стало хеттское государство, недавно представшее перед ученым миром после расшифровки хеттской клинописи из архивов в Богазкёе.

Хеттскую клинопись уже профессионально Геннадий Иосифович изучал в аспирантуре Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Его руководителем был академик Михаил Михайлович Дьяконов. Затем уже на протяжении дальнейшей научной карьеры Геннадий Иосифович стажировался в Государственном Эрмитаже под руководством Бориса Борисовича Пиотровского, затем в Москве в Институте востоковедения у Михаила Александровича Коростовцева, а после этого в ГДР в Берлине у профессора Эвелин Кленгель-Брандт.

Хеттология в тот период выдвинулась на передний план в индоевропеистике, так как это оказался самый древний исторически зафиксированный письменный индоевропейский язык. Геннадий Довгяло исследовал феномен царской власти у хеттов, его специфику, ритуально-религиозное значение. Через становление института царской власти он стремился показать процесс формирования государственности. Для советской науки это было не совсем обычная методика, так как в советской школе постулировалось выведение государственности из социально-экономических процессов. В 1965 г. была защищена кандидатская диссертация «Возникновение царской власти у хеттов (на материале хеттских клинописных источников)». По этой же теме вышли и две основные монографии ученого: «К истории возникновения государства. На материале хеттских клинописных текстов» и «Становление идеологии раннеклассового общества (на материале клинописных текстов)» [20].

Безусловно, можно говорить о том, что на историческом факультете БГУ благодаря деятельности Геннадия Иосифовича Довгяло возникла школа индоевропейских исследований. Все его ученики пошли разными путями в своих научных исследованиях, однако всех их объединяет тот широкий кругозор индоевропейской проблематики, который был привит им Геннадием Иосифовичем.

Перзашкевич Олег Валерьевич (родился в 1969 г.). Очень плодотворно работает ученик Г.И. Довгяло – доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Олег Валерьевич Перзашкевич. Предмет его исследований при защите кандидатской диссертации в 2000 г. «Варна брахманов в социальной структуре ригведийского общества» является классическим для индоевропеистики. Разбирая древнейшие свидетельства Вед, Олег Валерьевич ведет разбор структуры арийского общества, этническую самоидентификацию арийских племен, а также исследует древнюю историю Индии. Уже традиционно сложилось, что в данном случае сравнительно-историческая индоевропейская перспектива является важным фактором научной верификации. Например, исследования структуры общества индийских ариев всегда имели самую широкую индоевропейскую перспективу, так как с начала индоевропейских изысканий обсуждение системы социальной структуры и этнического самосознания у различных индоевропейских народов как прямой итог существования единой калки еще для периода древнейшей индоевропейской общности являлось одним из ключевых вопросов. Множество статей в отечественной и зарубежной литературе посвящено главным темам исследований [21]. Обобщающим исследованием Олега Валерьевича стала монография «Ригведийское жречество» [22], в которой последовательно изложены все важнейшие аспекты структуры и обязанностей жрецов разных статусов в обществе ариев. Олег Валерьевич безусловно ведущий санскритолог современной Беларуси. Он является членом многих ассоциаций санскритологов и постоянно сотрудничает со Всемирной Ассоциацией Ведийских исследований (World Association for Vedic Studies; WAVES); Организацией изучения наследия и развития Сарасвати со штаб-квартирой в Штате Харьяна, Индия (Haryana Saraswati Heritage Development Board; HSHDB); Международной Организацией Развития Образования, подразделение ЮНЕСКО со штаб квартирой в Дели, Индия (International Organization for Educational Development; IOED). Ежегодно он принимает участие в представительных международных конференциях санскритологов. В 2006 г. Олег Валерьевич стал обладателем специальной награды Всемирной Ассоциации Ведийских Исследований за большой вклад в развитие современной санскритологии.

Отдельно следует отметить большую, плодотворную общественную работу с Белорусским обществом дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Этим признана его работа на родине, как яркого и многогранного ученого-исследователя. Олег Валерьевич является членом правления обществ дружбы «Беларусь – Индия» и «Беларусь – Иран».

Важным «отголоском» индоевропейских исследований Олега Валерьевича стала серия статей о сравнительной терминологии Библии Франциска Скорины с Библиями того времени из Центральной и Западной Европы [23]. Здесь в полном объеме была презентована сравнительно-историческая и лингвистическая методики, столь характерные для индоевропейских исследований. Для славянских исследований это является немаловажным примером методических наработок индоевропейцев для исследований уже средневековых текстов.

Гурко Александр Викторович (родился в 1964 г.); Гурко (Верещагина) Александра Владимировна (родилась в 1961 г.). Еще одним учеником Г. И. Довгяло, под руководством которого была написана дипломную работу на историческом факультете, является ныне доктор исторических наук, профессор Гурко Александр Викторович. Целый ряд его первых статей были посвящены именно индоевропейской тематике, как, например, «Об отголосках древнеиндоевропейского культа огня в белорусской свадебной обрядности», «Да пытання аб рэштках варнавай стратыфікацыі ў традыцыйнай культуры беларусаў» и другие [24]. Они уже вышли в соавторстве с Верещагиной Александрой Владимировной, которая теперь хорошо известна в белорусской науке как Гурко (Верещагина). Она также окончила исторический факультет БГУ.

Далее Александр Викторович связал свою судьбу с аспирантурой Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Республики Беларусь. Специфика его научных интересов связана с исследованием индийской религиозной традиции, но с учетом ее влияния на современную религиозную жизнь в Республике Беларусь. Александру Викторовичу прекрасно удалось соединить изучение древних корней индуистской религиозной системы и сугубую актуальность современной ситуации для нашей страны. Защищенная в 1993 г. кандидатская диссертация «Вайшнавизм и его особенности в Беларуси» стала основой для докторской диссертации «Новые религии в Республике Беларусь: этнологическое исследование», защищенной в 2004 г. Обе работы позднее стали основой для выпуска ряда монографических исследований [25]. Александра Владимировна много

писала о белорусских религиозных традициях, а некоторые издания стали презентационными, как, например, «Христианские праздники, обряды и таинства в Беларуси» [26]. Оба представителя этой научной семьи стали профессорами.

Безусловно, что в данном случае, прежде всего, разобрано развитие индоевропейских исследований белорусскими учеными по общей индоевропеистике. Но важным фактором индоевропейских исследований в белорусской науке и в мировой беларусистике с конца 70-х гг. XX в. стали исследования собственно белорусской культурной традиции, как важной составной и неотрывной части широкой индоевропейской культурной традиции. Ранее белорусские материалы привлекались как база данных для исследований зарубежных ученых, как, например, исследований Ханса Краэ о древнеевропейской ономастике, или при создании сравнительных моделей индоевропейской картины мира советскими учеными Вячеславом Всеволодовичем Ивановым и Владимиром Николаевичем Топоровым. Теперь же появились работы белорусских лингвистов, историков, этнологов, которые стремятся использовать достижения индоевропеистики для исследования белорусской культурной традиции. Часто эти исследования проходили на широком фоне общеславянских и славяно-балтских взаимодействий. В данном случае белорусская культурная традиция стала представляться как самостоятельный фактор индоевропейских исследований.

Как один из примеров комплексного подхода к изучению белорусской традиции на широком фоне индоевропеистики можно привести выход энциклопедических изданий «Беларуская міфалогія», а затем «Міфалогія беларусаў» [27]. Не так давно в рамках разработки «обобщенной системы этнофилософии» предложенной Институтом философии НАН Беларуси вышел прекрасный сборник «Трошкі бліжэй да Сонца, трошкі далей ад Месяца: беларуская народная філасофія» [28]. Безусловно, данное направление индоевропейских изысканий, которое десятилетие назад активно развивалось в белорусской науке, сейчас ожидает своего отдельного историографического экскурса.

Безусловно, очень хорошо видно, что развитие индоевропейских исследований на белорусских землях прошло два этапа. В XIX в. появилось много прекрасных лингвистов-самоучек, которые внесли немалый вклад в знакомство европейцев с произведениями и культурой ряда индоевропейских народов. Во второй половине XX в. произошло становление собственно белорусской школы, которая представлена рядом ярких ученых, и которая развивается в начале XXI в. в университетах суверенной Республики Беларусь. И, конечно, хочется отметить ту ключевую роль, которую играет кафедра истории древнего

мира и средних веков БГУ в развитии индоевропейских исследований на этом этапе развития белорусской науки.

Библиографические ссылки

1. Савельев П. О жизни и трудах О.И. Сенковского // Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). Т. 1. СПб, 1858.

2. Сенковский О.И. Отрывки из Путешествий по Египту, Нубии и Верхней Эфиопии; Сенковский О.И. Воспоминания о Путешествии в Нубию и Сирию // Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). Т. 1. СПб, 1858.

3. Каверин В. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М., 1966.

4. Кстати, сам Сенковский писал из Петербурга Иоахиму Лелевелю о плохой подготовке преподавателей в Санкт-Петербургском университете в сравнении с Виленским университетом. Это не удивительно, ведь как раз перед приходом в Санкт-Петербургский университет Сенковского, там совсем недавно прошли цензорные чистки среди профессуры. Профессор В. Григорьев пишет, что на место уволенных не были приняты достойные, а единственным исключением был именно Юзеф Сенковский (Григорьев В.В. Императорский С.Петербургский Университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб, 1870. С. 42.).

5. Савельев П. О жизни и трудах О.И. Сенковского // Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). Т. 1. СПб, 1858.

6. Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.

7. Каверин В. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М., 1966.

8. Якубовский А.Ю. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. // Mode of access: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/journals/OIRV_1_1953_04_yakubovsky.pdf; date of access 12.10.2023)

9. Chodzko A. Grammaire de la langue persane. Paris, 1852 (1883).

10. Подробнее: Прохоров А.А. Каэтан Андреевич Коссович (1814-1883) — первый санскритолог белорусских земель // Великое культурное наследие Индии и Беларусь. К 75-летию Пакта Рериха. Материалы межд. науч.-практ. конференции. Минск, 17 сент. 2010 г. Минск, 2011.

11. Маркс М. Каэтан Андреевич Коссович // Русская старина, 1886, Т. 52, № 12.

12. Даўгяла Г.І. К.А. Касовіч: вядомы і незнаёмы. Мінск, 1994.

13. Stcherbatsky Th. The «Dharmas» of the Buddhists and the «Gunās» of the Sāṅkhyas // Indian Historical Quarterly. 1934. Vol. 10.

14. Inscriptiones Palaeo-Persicae Achaemenidarum. СПб., 1872.

15. Руденко Е., Гордей А. О Викторе Владимировиче Мартынове // Мартынаў В. Выбраныя працы. Минск, 2009.

16. Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры: к проблеме прародины славян. Минск, 1963; Мартынов В.В. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968; Мартынов В. В. Балто-славяно-италийские изоглоссы. Минск, 1978; Мартынов В.В. Язык в пространстве времени. К проблеме глоттогенеза славян. М., 1983 (2004); Мартынаў В. У. Прападзіма славян. Лінгвістычная верыфікацыя. Мінск, 1998; Мартынаў В.

Выбраныя працы. Мінск, 2009.

17. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мн., 1978–1991. Т. 1–7.

18. Мартынов В. В. Предисловие // Мартынаў В. Выбраныя працы. Мн., 2009.

19. Мартынов В.В. Кибернетика, семиотика, лингвистика. Минск, 1966; Мартынов В.В. Семиологические основы информатики. Минск, 1974; Мартынов В.В. Категории языка: семиологический аспект. М., 1982; Мартынов В.В. Принцип объективной семантической классификации. Реализационный аспект функционирования языка. Минск, 1995; Мартынов В.В. Основы семантического кодирования. Опыт представления и преобразования знаний. Минск, 2001.

20. Довгяло Г.И. К истории возникновения государства. На материале хеттских клинописных текстов. Минск, 1965; Довгяло Г.И. Становление идеологии раннеклассового общества (на материале клинописных текстов). Минск, 1980.

21. Некоторые работы: Перзашкевич О.В. К вопросу о триадах у ариев (на материале RV VIII 35) // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы стагоддзяў. Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 65-годдзю заснавання гістарычнага факультэта БДУ. Мн., 2000. С. 338–341; Perzashkevich O. Rig Vedic Varna. A Social Concept // The Hindu Renaissance. Vol. IV, No. II. 2006. P. 25–29; Perzashkevich O. Chapter 13. Ancient Leadership Model, the Rigvedic Purohita // Astronomical Dating of Events & Select Vignettes from Indian History. Volume I. Pleasanton, Indic Studies Foundation, 2008. P. 157–165; Перзашкевич О.В. К вопросу varNa в ригведийской космологии // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. 2010. Выпуск 8. С. 542–547; Перзашкевич О.В. О возможности использования данных пуран для исследований ригведийского общества // Лістападаўскія сустрэчы – XIII. Матэрыялы міжнарод. навуковай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М.М. Нікольскага і У.М. Перцава. Мінск: БДУ, 2019. С. 3–6; Перзашкевич А.В. Рывгведыйскае грамадства і гісторыя (класічная індыйская традыцыя) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. Вып. 19: в 3-х ч. 2019. Часть 1. С.17–25.

22. Перзашкевич О.В. Ригведийское жречество. Мн., 2014.

23. Перзашкевич О.В. К вопросу о gOy (εθνος) как самоидентификации в Чешской Библии 1506 г. и Библии Ф. Скорины (на материале Пятикнижия Моисеева) // Журнал БГУ. История. 2017. №2. С. 18–26; Перзашкевич О.В. К вопросу о влиянии Библии Веклиффа на ранние чешские переводы Библии (на материале Псалтыри) // Beatitudo non est virtutis praemium, sed ipsa virtus: материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию юбилею профессора В.А. Федосика. Мн.: БГУ, 2021. С. 210–218.

24. Гурко А.В., Верещагина А.В. Об отголосках древнеиндоевропейского культа огня в белорусской свадебной обрядности // Царква і культура народаў ВКЛ і Беларусі: Матэрыялы Міжнароднай канферэнцыі / ГрДУ імя Я. Купалы, Беларускі дзяржаўны музей гісторыі рэлігіі. Гродна, 1991. С. 417–424; Гурко А.В., Верашчагіна А.У. Да пытання аб рэканструкцыі старажытна беларускіх уяўленняў аб ачышчальнай функцыі агню на падставе старажытных індаеўрапейскіх касмалагічных міфаў // Царква і культура народаў ВКЛ і Беларусі: Матэрыялы Міжн. канф. Гродна, 1992. / ГрДУ імя Я.Купалы, Беларускі дзяржаўны музей гісторыі рэлігіі. С. 417–426; Верещагина А.В., Гурко А.В. К опыту реконструкции древнебелорусских обрядов на основе индоевропейских космологических мифов // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. / АН Беларусі. Ін-т гісторыі. БДУ. Мінск,

1993. С. 41-42; Гурко А.В., Верашчагіна А.У. Да пытання аб рэштках варнавай стратыфікацыі ў традыцыйнай культуры беларусаў // Беларусіка 6. Беларусь паміж Усходам і Захадам. Ч. 1 / Матэрыялы II Міжнароднага кангрэса беларусістаў. Мн., 1997. С. 176-180.

25. Гурко А.В. Движение вайшнавов («Харе Кришна») и его представительство в Беларуси. Минск, 1999; Гурко А.В. (в соавт.) Неоязычество на просторах Евразии. М., 2000; Гурко А.В. Конфессиональная ситуация в Республике Беларусь: этнический и исторический аспекты. Минск, 2001; Гурко А.В. Новые религии в Республике Беларусь: этнологическое исследование. Мн., 2003; Гурко А.В. Новые религии в Республике Беларусь: генезис, эволюция, последователи. Мн., 2006.

26. Верещагіна А.В. Хрысціянскія празднікі, абряды і таінства в Беларусі. Мн., 2018.

27. Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік. Мінск: Беларусь, 2004 і 2006; Міфалогія беларусаў. Энцыклапедычны слоўнік. Мінск: Беларусь, 2011.

28. Трошкі бліжэй да Сонца, трошкі далей ад Месяца: беларуская народная філасофія / Т.В. Валодзіна [і інш.]. Мн., 2021.

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ МЕНТАЛЬНОСТЕЙ И «НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА»

Е. Д. Смирнова

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Smirnova@bsu.by

Статья посвящена основным достижениям историографии XX в. – исторической антропологии, истории ментальностей и «новой исторической науке».

Ключевые слова: историческая антропология; история ментальностей; «новая историческая наука»; историография.

The article is devoted to the main achievements of the historiography of the XX century. – historical anthropology, the history of mentalities and the “new historical science”.

Keywords: historical anthropology; history of mentalities; “new historical science”; historiography.

Историк подобен сказочному людоеду: где пахнет человечиною, там, он знает, его ждёт добыча

Марк Блок

История повседневности и материальной культуры в среде западных ученых осмысливается в тесной связи с исторической **антропологией** и «**новой исторической наукой**» [24, с. 416]. Профессор **К. Майер** назвал изучение «*истории повседневности*» *наряду с развитием социальной истории, исторической антропологии и изучением ментальности* одним из главных достижений послевоенной историографии [22, с. 193].

В 60–90-е гг. XX в. в исторической среде, прежде всего французской, получила заметное развитие так называемая ***La Nouvelle Histoire*** – «новая историческая наука». Её основы были заложены в 1930-е гг. талантливыми французскими учеными Марком Блоком и Люсьеном Февром. Создатели «Анналов» призвали к обновлению истории. Они предложили отказаться от традиционной событийной историографии, от науки «**ножниц и клея**» и призвали исследователей повернуться **лицом к жизни**, воскресить **жизнь людей прошлого** во всей их полноте и сложности, **создать целостное представление о людях «из плоти и крови»**. Для этого они предлагали использовать данные других наук. «Новая историческая наука» изначально несла «**антропологический заряд**». М. Блок и Л. Февр создали не просто журнал (что произошло в

Страсбурге, Франция), но, по-существу, возглавили целое *направление* в исторической науке, основали *новую школу*, в рамках которой были выработаны новые представления об историческом процессе. «**История – это наука о человеке в прошлом**», — заявил Люсьен Февр. *Человек* был объявлен *главным мерилom*, вне человека история не существует и не может существовать. **Общество** предполагалось рассматривать как целостную систему, в которой существует строгая подчиненность **социальных структур**.

Накануне II мировой войны Марк Блок опубликовал свой эпохальный труд «Феодальное общество» (1939–1940 гг.), о котором Поль Вейн очень удачно сказал, что «*это самая значительная историческая книга нашего века*» [8, Р. 31]. В центре внимания Блока – европейский феодализм и феодальное общество, характерными чертами которого являлись социальные связи между отдельными человеческими группами и классами. Как заметил Ж. Ле Гофф, М. Блок может по праву считаться основоположником исторической антропологии. [11, с.12, 53].

Во второй половине 1950-х – начале 60-х гг. во французской историографии произошло *второе* рождение «*новой исторической науки*», а во французскую медиевистику пришло *новое поколение* историков школы «Анналов»: **Жорж Дюби, Робер Фосье, Ги Буа** и др. Среди которых, самой заметной фигурой являлся профессор Коллеж де Франс, член Французской академии Ж. Дюби. Началось «триумфальное шествие» школы «Анналов». Она получила финансовую поддержку от правительства и частных фондов (Рокфеллера. Форда). После Второй мировой войны главой школы «Анналов» стал Люсьен Февр, профессор ведущего образовательного учреждения Франции Коллеж де Франс. В 1947 г. он возглавил VI секцию Практической школы высших исследований (позже превратилась в самостоятельное учреждение – Высшую школу социальных исследований) и одновременно находился во главе журнала «Анналы» (до 1956 г.). После его смерти VI секцию и журнал возглавил **Фернан Бродель**, по инициативе и под руководством которого в 1962 г. был создан **Дом наук о человеке** (Maison des sciences de l'homme), представляющий собой комплексный научный и информационный центр, включивший в себя несколько исследовательских институтов. VI секция стимулировала в первую очередь области знания, которые не получили широкого развития в Сорбонне, – этнологии, социологии, антропологии, и др. наук, но главное место в ней отводилось истории. Предполагалось, что именно она должна стать *интегрированной* наукой, основой наук о человеке.

Деятельность *второго поколения* школы «Анналов» тесно связана с именем Фернана Броделя (1902–1985), который стал общепризнанным

лидером направления после М. Блока и Л.Февра. Бродель знал и того, и другого, встречался с ними в Париже в 30-е гг., сотрудничал с «Анналами». Но началась война, он ушел на фронт и попал в плен. 5 лет с 1940 по 1945 гг. он провел в концлагерях, где не прекращал интеллектуальную жизнь. В 1949 г. Бродель стал заведующим кафедрой современной цивилизации в Коллеж де Франс и, с середины 1950-х гг. фактически олицетворял *второе поколение* анналистов.

На медиевистов этого поколения сильное воздействие оказала *история ментальностей*, т.е. то, что М. Блок называл «способом чувствовать и мыслить».

Инициаторами изучения истории ментальностей стали Жорж Дюби и Робер Мандру. Они ввели в сферу исторических исследований понятие «ментальность», под которой Ж. Дюби понимал *систему образов и представлений*, различную у разных **социальных групп и страт.** «Ментальность – говорит итальянский историк Карло Гинзбург, – то общее, что было между Цезарем и самым последним солдатом его легионов, святым Людовиком и крестьянином, который пахал его землю, Христофором Колумбом и матросами на его каравеллах».

Знаком академического признания этого направления явилась статья Ж. Дюби «История ментальностей» в энциклопедическом справочнике «История и ее методы» (1961 г.) [6, Р. 917–966].

К изучению «мыслей и чувств» Средневековья в 1960-х и особенно в 1970-х гг. примкнули *Жак Ле Гофф, М.Ферро, Андре Бюргьер, Филипп Арьес, Эммануэль Ле Руа-Ладюри* и другие историки так называемого **третьего** поколения школы «Анналов». В научный оборот медиевистов вошли такие понятия, как «*история ментальностей*», а также, вероятно, под влиянием К.Леви-Строса, «*историческая антропология*».

1970-е годы ознаменовались изменением ориентации исторической науки во Франции. В «Анналах» был избран новый, коллективный директорат – Ж. Ле Гофф, Э.Ле Руа Ладюри, М.Ферро (так называемый «триумvirат»). Ф. Бродель по-прежнему номинально остался у руководства, но по духу «Анналы» стали для него чужими. В 1968 г. Ф. Броделя отстранили от руководства. Главная причина быстрой популярности нового подхода состояла, естественно, в разочаровании экономической историей. Как отмечал Ле Гофф, **ментальность** стала своеобразным противовесом против бестелесных социально-экономических механизмов. О **соотношении истории антропологии и истории ментальностей** еще и сегодня высказываются разные мнения: **одна это наука или две?** Впрочем, никто не сомневается в их тесной связи [23, С. 109–110]. За пределами Франции многие исследователи,

пристально следившие за эволюцией школы «Анналов», склонны были считать, что речь идет об одном и том же направлении. Такого мнения придерживались в 70-х – начале 80-х гг. немецкие историки (Вольф Лепениес, М. Эрбе и др.), подчеркивавшие, ссылаясь на опыт французской историографии, что главной задачей исторической антропологии является изучение менталитета.

«Историческая антропология» как *особая дисциплина* впервые появилась на страницах авторитетного энциклопедического издания «Новая историческая наука» в статье Андре Бюргера [5, Р. 37–61.]. В 1974 г. в трехтомнике «Изучать историю» [7] такой рубрики еще не было. В своей статье Андре Бюргер утверждал, что благодаря школе «Анналов» историческая антропология не родилась впервые, а лишь возродилась, поскольку предтечами этого направления можно считать историка конца XVIII в. Леграна д’Осси, задумавшего когда-то многотомную «Историю частной жизни французов» (вышли лишь три тома «Истории питания»), а позже – французского историка Жюль Мишле, выделявшегося на фоне позитивистской историографии. В своем очерке А.Бюргер говорит в основном о Франции, хотя историческая антропология возникла к этому времени и в других странах Европы (Великобритании, Германии, США, России). Позже свое понимание исторической антропологии А. Бюргер уточнил в статье, написанной для «Словаря исторических наук» (1986 г.).

В 70-е гг. дискуссии об исторической антропологии прошли и в Германии. Рассматривая историю как социальную науку (*historische Sozialwissenschaft*), Институт исторической антропологии во Фрайбурге, расширил рамки истории «в антропологическом направлении», члены геттингенского кружка (Ханс Медик, Альф Людтке и др.) в 80-х гг. избрали в качестве ориентира социальную и культурную антропологию (этнологию). В марте 1983 г. в университете Дюссельдорфа был проведен коллоквиум, по материалам которого был подготовлен сборник «Историческая антропология. Человек в истории» (1984), в котором Йохен Мартин назвал задачей исторической антропологии «изучение истории человека в его целостности».

В Германии понятие исторической антропологии не обозначает какое-то одно направление, а скорее, имеет собирательное значение, объединяя ряд родственных подходов и направлений: история повседневности, микроистория, история менталитета, история культуры и т. д. Этот плюрализм нашел отражение в журнале «Историческая антропология: Культура. Общество. Повседневность», выходящем с 1993 г. в издательстве «Бойлау» под редакцией Р. ван Дюльмена, А. Людтке, Х. Медика и М. Миттерауэра. [16, с. 88].

Популярности исторической антропологии в её французском варианте на постсоветском пространстве немало способствовали статьи и книги Арона Яковлевича Гуревича (1924–2006), а также изданные на русском языке работы *мастеров исторической антропологии*: Марка Блока [11; 12], Жака Ле Гоффа [17; 18; 19; 20], Филиппа Арьеса [2; 3; 4; 9; 10], Ле Руа Ладюри [21].

В 1984 г. А. Я. Гуревич едва ли не первым познакомил научную общественность с термином «историческая антропология». В 1993 г. в книге о школе «Анналов» он написал о «перерастании» истории ментальностей в историческую антропологию, «нацеленную на реконструкцию картин мира» [15, с. 293]. Надо признать, что сами французские историки дали повод к подобным интерпретациям, т.к. они не предприняли попыток как-то разграничить два родственных направления.

Жак Ле Гофф, тем не менее, заметил, что историческая антропология объемлет все достижения “Новой исторической науки”, объединяя изучение менталитета, материальной жизни, повседневности вокруг понятия антропологии. «Ментальность же ограничена сферой автоматических форм сознания и поведения» [15, с. 297].

«Новая историческая наука» во Франции и третье поколение школы «Анналов» достигли наибольших успехов в изучении истории Средних веков и раннего Нового времени. Вышли трехтомный сборник «Изучать историю» под редакцией П. Нора и Ж. Ле Гоффа (1974), коллективная энциклопедия «Новая историческая наука» (1977).

Диалог с антропологами помог историкам существенно *расширить проблематику* своих исследований, включив в нее новые темы (жизнь, смерть, болезни, возрастные периоды (детство, молодость, старость) и т.д.) [13, с. 36–38; 14, с. 71–78].

А. Бюргьер назвал **основные** направления исторической антропологии: биологическая/физическая антропология (история тела, восприятие жизни и смерти, сексуальных отношений и т. д.); экономическая; социальная; культурная и политическая антропология. [1, Р. 52–60]. Среди основных работ этого периода можно выделить историко- антропологические исследования Ж.Ле Гоффа, Ж.Дюби, Ж.Делюмо, Ф.Арьеса, М.Вовелля и др.). Другой вариант понимания исторической антропологии представлен итальянскими (К. Гинзбург, Дж. Леви, С. Черутти и др.), американскими (Н. З. Дэвис), немецкими (Х. Медик, Ю. Шлюмбом) исследователями. В этой версии историческая антропология предстает как одно из направлений социальной истории. **В целом третье поколение Школы «Анналов» рассматривает историческую антропологию как «новую историческую науку».**

Историческая антропология практически превратилась в синоним «новой исторической науки». Произошло очеловечивание истории: вместо истории торговли стали говорить об изучении истории купцов, вместо аграрной истории – об **истории крестьян**, вместо истории капитализма — **истории банкиров и ростовщиков**.

К концу XX в. исследовательское поле «новой исторической науки» было расширено, она была представлена целым *спектром течений* (история частной жизни, история ментальностей, история женщин, история семьи, история сексуальности и любви, история болезней, история смерти, детства, старости и т.д.

В наше время весь этот **комплекс** дисциплин и переплетающихся между собой направлений называют *историко-антропологическим*. В широком смысле слова историческую антропологию можно считать *современной* версией «**новой исторической науки**». Сейчас в лоно «новой исторической науки» возвращена новая экономическая и **новая социальная история**.

Правда, подобно *импрессионистам*, призвавшим в свое время французских художников оставить мастерские ради пленэра, медиевисты обращаются к наблюдению **социальных групп** и экономических структур через другую *призму* – *призму истории повседневности*. История повседневной жизни человека представляет собой своеобразный способ изучения экономической и социальной жизни Средневековья [23, с. 110].

Библиографический список

1. Anthropologie historique // Dictionnaire des sciences historiques / Sous la dir. de A. Burguière. P.: PUF, 1986. - P. 52–60.
2. Ariés, Ph. L'enfant et la vie familiale. / Ph. Ariés. – P.: Seuil, 1973. – 316 p.
3. Ariés, Ph. L'homme devant la mort. / Ph. Ariés. – P.: Seuil, 1977. – 642 p.
4. Ariés, Ph. L'histoire des mentalités / Ph. Ariés // La Nouvelle histoire / Sous la dir. de J. Le Goff, R. Chartier, J.Revel. – P.: Retz-C.E.P.L, 1978. - 574 p.
5. Burguiere, A. L'anthropologie historique / A. Burguiere // La nouvelle histoire.-- P.: Gallimard, 1978.-- P. 37–61.
6. Duby, G. Histoire des mentalités. / G. Duby // Histoire et ses méthodes/ Sous la dir. de Ch.Samaran.-- P.: Gallimard, 1961. – P. 917–966.
7. Faire de l'histoire / Sous la dir. de J. Le Goff et P.Nora [Vol.] I—III. -- P.: Gallimard, 1974 – 231 p., 253 p., 283 p.
8. Veyne P. Comment on écrit l'histoire.—P.: Seuil, «L'Univers historique», 1971. - P. 31.
9. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти. / Ф. Арьес. М., 1992. – 526 с.
10. Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Ф. Арьес. Екатеринбург, 1999. – 416 с.

11. Блок, М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / М. Блок . – М., 1998. – 712 с.
12. Блок, М. Феодальное общество / М. Блок / Пер. с франц. М.Ю. Кожевниковой. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 504 с.
13. Гуревич, А.Я. Этнология и история в современной французской медиевистике / А.Я. Гуревич // Советская этнография. – 1984. – № 5. – С. 36–38.
14. Гуревич, А.Я. Историческая антропология: проблемы социальной и культурной истории / А.Я. Гуревич // Вестник АН СССР. -- 1989.-- № 7.-- С. 71—78.
15. Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». / А.Я. Гуревич. – М.: Индрик, 1993. – 328 с.
16. Кром, М.М. Историческая антропология. 2-е изд., испр., доп./ М.М. Кром – СПб: «Дмитрий Буланин», 2004. – 168 с.
17. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. М., 1992. – 373 с.
18. Ле Гофф, Ж. Другое Средневековья: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. – 328 с.
19. Ле Гофф, Ж. Средневековый мир воображаемого / Ж. Ле Гофф. М., 2001. – 439 с.
20. Ле Гофф, Ж. Интеллектуалы в Средние века / Ж. Ле Гофф. СПб., 2003. – 160 с.
21. Ле Руа Ладюри, Э. Монтайю, окситанская деревня (1294—1324) / Э. Ле Руа Ладюри. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001. – 544 с.
22. Оболенская, С.В. «История повседневности» в историографии ФРГ / С.В. Оболенская // Одиссей: Человек в истории. – М., 1990. – С. 182–198.
23. Смирнова, Е.Д. Французская медиевистика 1960–1990-х годов: практика новейших исследований / Е.Д. Смирнова // Вытокі гістарычнай навукі БДУ. – Мн.: БДУ, 2005. – С. 109–110.
24. Ястребицкая, А.Д. Средневековая культура и город в новой исторической науке / А.Д. Ястребицкая. – М.: Интерпракс, 1995. – 416 с.

ПЕРЕВОД АЛЬ-БИРУНИ НА АРАБСКИЙ ЯЗЫК «ЙОГАСУТР» ПАТАНДЖАЛИ

Т. В. Шахзад

Минск

В статье исследуется перевод «Йогасутр» Патанджали, сделанный аль-Бируни с санскрита на арабский язык. Патанджала была адаптирована для понимания ее мусульманами и содержит сведения о религии индийцев. Для перевода индийских источников аль-Бируни пробует создать свою систему передачи индийских звуков при помощи арабской графики. В статье выделяются факторы, которые повлияли на перевод «Йогасутр».

Ключевые слова: аль-Бируни; «Йогасутры» Патанджали; индийская философия; ислам и индуизм.

In the article is devoted to translate of Yogasutra of Patanjali made by al-Biruni from Sanskrit into Arabic. «Kitab Batanjali» was adopted to be comprehended by the Muslims and contains information about the religion of the Indians. To translate Indian sources, al-Biruni tries to create his own system for the transmission Indian sounds using Arabic graphics. In the article indicate the factors that influenced the translation of Yogasutras.

Keywords: al-Biruni; Yogasutras of Patanjali; Indian Philosophy; Islam and Hinduism.

Йога – философская традиция Индии, связанная с основополагающими принципами философии санкхьи [1]. В IV–V вв. был создан базовый текст йоги – «Йогасутры», автором которой считается Патанджали. «Йогасутры» состоят из четырех разделов. В разделе 1 йога определяется как «преодоление колебаний сознания», результатом чего должно быть «установление в себе» духовного начала – пуруши. В разделе 2 излагается учение об аффектах сознания (клеши) – основного препятствия на пути к «освобождению», о карме (как результате аффектов), а также четырехчастная модель: страдание, причина страданий, избавление от него и средства этого избавления. В разделе 3 рассматриваются три высшие стадии йогических практик – удержание сознания в одной точке, ступень созерцания и концентрация. Основное содержание этого раздела составляет подробное перечисление тех оккультных «сверхсил» (вибхути), которых рекомендуется достигать различными применениями концентрации сознания к различным сферам микро- и макрокосмоса. В 4 разделе рассматривается происхождение «сверхспособностей», карма и ее латентные «следы». Текст завершается характеристиками конечного освобождения пуруши [2].

Аль-Бируни (973 – 1048 г. или около 1050 г.) – среднеазиатский ученый-энциклопедист, один из величайших интеллектуалов своего времени на востоке исламского мира. Он является автором множества трудов по математике, астрономии, геодезии, минералогии, истории, географии и другим наукам. Свои труды ученый писал в основном на арабском языке [3]. С 1017 г. аль-Бируни служил при дворе Газневидов.

Махмуд Газневи совершил несколько военных походов в Индию. Достижения султана как молота неверных распространялись по всем землям вплоть до Багдада. Однако цели Махмуда были вполне «земными»: подчинение региона и получение богатств. Индийские правители становились данниками султана. Таким образом Махмуду было проще держать завоеванные регионы Индии под контролем. В ином случае понадобилась бы огромная армия для постоянного сдерживания населения [4].

Для того, чтобы управлять территориями, необходима была поддержка не только в лице местной знати, но и среди населения. В период правления Махмуда Газневи предпринимаются попытки подчинить себе покоренные народы не только путем силы, но и путем диалога, что выражалось в использовании не только языка правителей, но и языка покоренного народа.

Известно, что во время походов в Индию Махмуда Газневи сопровождали ученые, служившие при его дворе. Одним из них был аль-Бируни. В таких условиях ученый ближе познакомился с индийской культурой, религией, философией, наукой. Он сделал перевод с санскрита на арабский «Йогасутр» Панатджали и написал «Индию» – произведение, содержащее этнографические, географические сведения об Индии, а также сведения по хронологии, математике, астрономии и астрологии индийцев.

В 1020 г. аль-Бируни делает свой перевод «Йогасутр» Патанджали на арабский язык – «Kitab Batanjali» («Патанджала») [5, с. 263]. Э. Захау транскрибирует заглавие перевода аль-Бируни как Patañjali, полагая, что долгота в первом слоге ошибочно обозначена переписчиком [6, с. 257]. В Индии аль-Бируни имеет в виду заглавие книги, а не имя автора [7, с. 543]. Н. Вердон и Ф. Маас указывают, что термин *pātañjal* используется и как название книги, и как имя автора [8, с. 286–287]. Рукопись перевода была обнаружена в 1922 г. Л. Масиньоном в Стамбуле [9, с. 302]. И. Хауер и Г. Риттер отмечают, что рукопись читается с большим трудом, переписана небрежно, иногда без диакритических точек [7, с. 23]. Арабский текст перевода опубликован Г. Риттером в 1956 г. [6].

Данное произведение посвящено теме освобождения души от оков тела. Книга разделена на 4 части, соответствующие делению «Йогасутр»

Патанджали, и написана в виде диалога [3]. Каждая часть посвящена отдельной теме. В первой части рассматриваются вопросы о взаимодействии души с телом и их сущности. Здесь описываются три метода контроля разума: обычное действие; интеллектуальная аскеза; преданность.

Они соответствуют трем этапам индуистской йоги, разработанным в ряде индийских трактатов, включая «Бхагаватгиту»: *kriya* или *karma-yoga*, *jnana-yoga*, *bhakti-yoga* [3].

Вторая часть описывает внимание к дисциплине, необходимое для достижения самореализации. Адепт должен постепенно отделить себя от чувственного восприятия, следуя семи уровням развития, которые включают четыре внешних и три внутренних уровня подготовки [3]. Список следующих сутр, которые находят соответствие в арабском переводе «Патанджалы» аль-Бируни: 1–18, 19, 20–31, 33–40, 42–49, 52–55.

Сутры 32, 41, 50, 51 не находят соответствия в переводе [10, с. 522].

В третьей части описывается восьмиступенчатая система йоги. Соответствие можно найти следующим сутрам: 1–4, 5, 6–7, 10–11, 14, 16–21, 21a, 22–32, 34–55. Здесь космологические описания аль-Бируни отличаются от тех, которые содержатся в доступных комментариях к «Йогасутре» и другим санскритским текстам [11, с. 258].

В четвертой части можно идентифицировать следующие сутры 1–16; 18–19; 23(24); 25(26)–27(28); 29(30)–33(34). В тексте содержатся комментарии к 22(23) сутре, но не сама сутра. Сутры 17(18), 20(21); 22(23); 24(25); 28(29) отсутствуют в переводе [12, с. 265]. Здесь аль-Бируни уточняет пять средств, с помощью которых *siddhis* (необычные проявления, как физические, так и ментальные) может быть получен. Он заканчивает свой перевод заключением, подытоживающим основную цель Патанджали – подтвердить принципы переселения душ и уникальность и преимущества аскетизма [3].

Изучая перевод аль-Бируни, следует учитывать некоторые аспекты:

1. Ученый поставил перед собой задачу передать индийские религиозные и философские концепции, которые были сформулированы во времена Гуптов, вероятно, как указывают Ф. Маас и Н. Вердон, между 325 и 425 г. н. э. [8, с. 321], или, как указывает М. Козах, между 100 и 500 г. н. э. [13, с. 39–40]. М. Козах отмечает, что Патанджали кодифицировал идеи и практики йоги, которые были созданы на протяжении нескольких столетий до Патанджали [13, с. 40]. Сделать перевод было необходимо так, чтобы его могли понять мусульмане XI в., которые не были знакомы ни с культурой индийцев, ни с их религиозными и философскими течениями. Арабский перевод

обнаруживает попытку приблизить работу как можно ближе к мышлению мусульманских читателей [9, с. 307].

2. Ко времени аль-Бируни не существовало разработанной терминологии, с помощью которой можно было передать термины «Йогасутр». Это прослеживается в подборе терминологии и переложении индийских философских взглядов на положения, основанные на Аристотелевой и течениях мусульманской мысли [9, с. 307]. Приходилось искать варианты в арабском языке либо интерпретировать написанное и услышанное, чтобы сделать перевод понятным для читателя.

Например:

– аль-Бируни переводит «īśvara» как «allah» в вопросах 12, 13, 16, 21 [8, с. 325];

– в сутре 2.33–4 выражение *vitarka-bādhane* переводится как «в исключении вещей сомнительных». Аль-Бируни передает его как «если вещи известны в их противоположностях и различиях» [9, с. 306].

– выражение *pratipaksa-bhavanam* традиционно означает «культивирование противоположных сил». Например, всякий раз, когда в уме йога возникают такие эмоции, как гнев, он должен «взрастить» его противоположность, такую как универсальное сострадание, как противоядие на отрицательные эмоции. Аль-Бируни использует выражение «есть действие противоположного» [9, с. 306];

– в сутре 2.6 аль-Бируни *vikalpa* «ложное представление (на основе языковых символов)» переводит как «недоказанное мнение» [9, с. 306];

– неправильное восприятие аль-Бируни комментариев к сутре 2.12 о карме. Здесь описывается знаменитая история о том, как брахман занял место Индры и позже был превращен в змею. Аль-Бируни меняет местами героев и по-другому преподносит историю, где Индра якобы совершил прелюбодеяние с женой брахмана и за это был превращен в змею [9, с. 306];

– понимает термин *kriyā-yoga* как «ритуальное действие», а не как «действие» в общем [10, с. 530];

– понимает *grārti* как «восприятие чувствами» и «способность знать», а не «способность достигнуть любого места» [11, с. 258].

В первой главе «Индии» (произведение было закончено около 1030 г.) аль-Бируни описывает те трудности, с которыми ему пришлось столкнуться при изучении индийского языка и записи индийских слов. Ученый указывает, что индийский язык похож на арабский тем, что одно слово может иметь несколько значений [7, с. 64]. Причина этого в метрической системе, согласно которой написаны индийские тексты. Это приводит к вынужденному многословию и, соответственно, к

многозначности слов [7, с. 65]. Также аль-Бируни отмечает, что язык, на котором индийцы говорят в повседневной жизни отличается от языка, на котором написаны книги. Можно предположить, что те, кто объяснял аль-Бируни текст «Йогасутр», мог делать это на понятном рассказчику языке, что в свою очередь могло приводить к искажению изначальной информации.

Аль-Бируни указывает, что он столкнулся с трудностями при записи звуков индийского языка, для чего ему понадобилось преобразовывать арабское письмо под фонетический строй арабского. Также он сетует на то, что часто встречаются слова с тремя согласными без гласных, из-за чего эти слова трудно произносить; и на переписчиков, которые не внимательны и мало заботятся о точности в книгах [7, с. 65]. Неизвестно каким текстом «Йогасутр» пользовался ученый. В комментариях по-разному трактовались некоторые положения «Йогасутр». Известно, что аль-Бируни пользовался помощью брахманов и пандитов [14, с. 86–87]. Это также могло повлиять на арабский перевод «Йогасутр», так как нам неизвестно к какой школе относились помощники аль-Бируни. Следовательно, в «Kitab Batañjal» могла попасть интерпретация сутр индийцами, которые объясняли аль-Бируни написанное в «Йогасутрах».

Версии по поводу того, что лежит в основе перевода аль-Бируни, различны. Оригинал данного произведения не известен. Ш. Пинес и Т. Гельблум предполагают, что при написании своего произведения аль-Бируни мог использовать следующие комментарии и субкомментарии к «Йогасутрам»: Вьяса «Йогабхашья» и субкомментарии к тексту; Шанкара Бхагаватпада «Виварана» (8 в.); Вакаспати Мишра «Таттваваишаради» и субкомментарии; Рагхавананда Сарасвати «Патанджаларахасья»; Харихарананда Аранья «Бхасвати»; Виджнянабхикшу «Йогаварттика» (комментарии к «Йогасутре» и части Вьяса «Йогабхашья»); Нагеша Бхатта «Бхашьякчаякхьявритти»; Нагоджи Бхатта «Патанджалайогасутра вритти»; Бходжараджа «Раджамартанда» и субкомментарии; Кришнаваллабхакарья «Кирана»; Бхаваганеша «Прадипика»; Ананта «Йогакандрика»; Садашивендра Сарасвати «Йогасудхакара»; Нараяна Тиртха «Йогасиддхантакандрика»; Баладева Мишра «Йогапрадипика»; Кришнаваллабхакарья «Бхашья»; Рамананда Сарасвати «Манипрабха»; Бхавадева Йогасутравритти [10, с. 529; 11, с. 266].

Ф. Маас и Н. Вердон считают, что основным источником аль-Бируни была Патанджалайогашастра [8, с. 287].

В двух местах аль-Бируни дает неточные ссылки на комментатора. В одной из них неточный текст *lārñāṣ* Г. Риттер предлагает читать как *lvaṣ*, читаемые как Вьяса, автор Йогабхашья [8, с. 185; 9, с. 302]. Однако

в «Индии» аль-Бируни все время транскрибирует имя Вьяса, используя арабскую букву s, а не ş. В некоторых случаях малое количество цитат находят соответствие в Веда-Вьяса [9, с. 304]. Ш. Пинес и Т. Гельблом считают, что комментарии, которыми пользовался аль-Бируни, были составлены на более ранний текст «Йогасутр», в который еще не были сделаны вставки [9, с. 304–305].

Гарбе предполагал, что таковым являются текст «Йогасутры», переведенный вместе с комментарием Бходжи «Раджамартанда» [9, с. 303]. Э. Захау указывал, что различия между этими произведениями и «Патанджалой» аль-Бируни значительны [6, с. 264]. Больше сходства он усматривал с комментариями Вьясы к «Йогасутрам» (в первом издании своей работы Гарбе также предположил их тождество). Но и с этим произведением имеются большие расхождения, на что указал Хауэр [7, с. 547].

С. Н. Дасгупта отмечает, что идеи Патанджали в книге, переведенной аль-Бируни, претерпели определенные изменения. Он считает, что это произведение было создано значительно позднее «Йогасутр» Патанджали. Дасгупта предполагал, что автором ее мог быть другой Патанджали, а именно автор «Патанджалатантры», и, что именно книгу, переведенную аль-Бируни, и ее автора упоминают Вьяса в своем комментарии на «Йогасутры» (III, 44) и Чакрапани в комментарии на Чараку, написанном в эпоху аль-Бируни [7, с. 547]. Также перевод аль-Бируни в некоторых местах имеет безошибочное сходство с Йогабхашья Ведавьясы и с субкомментариями Вакаспати-мисра. Но это сходство может быть объяснено естественными заимствованиями из общей традиции [9, с. 303].

В Индии аль-Бируни поместил обширные цитаты из сделанного им перевода «Патанджалы». Однако и здесь возникают разногласия: хотя изданный текст перевода полнее по сравнению с обильными цитатами из него, но часто текстуально отличается от них [7, с. 23].

А.Б. Халидов и В.Г. Эрман, сравнив цитаты из «Патанджалы» с текстом «Йогасутр», пишут о неидентичности этих двух произведений. В предисловии к «Индии» они отмечают, что «Йогасутры» уделяют определению существования бога лишь несколько сжатых афоризмов: «Бог есть особый дух, не затронутый страданием, действием или плодом (действия). В нем (остается) непревзойденным зерно всезнания. Он же, неограниченный во времени, – учитель древних. Святое слово (аум) – его обозначение» [7, с. 547–548]. А в книге «Патанджала» «понятие бога возрастает в значении, и оно становится главным предметом изучения и религиозного стремления. «Патанджала», цитируемая аль-Бируни, подробно формулирует концепцию бога в духе веданты и вводит

понятие Брахмы и вопрос о его отношении к Ишваре» [7, с. 27]. Аль-Бируни представил свой перевод в виде диалога: вопрос-ответ. Ш. Пинес и Т. Гельблум в своей работе предположили, что форма изложения, которую представил аль-Бируни, может являться структурой оригинального санскритского комментария [9, с. 303]. Можно предположить, что, выбрав в оригинале комментария случайные вопросы и совместив их с сутрами, аль-Бируни далее систематизировал эту форму в серию вопросов и ответов. Аль-Бируни старался приблизить текст произведения к пониманию мусульманских читателей. Однако до сих пор не представляется возможным установить текст, которым пользовался ученый, так как перевод находит соответствие во многих индийских философских произведениях.

«Kitab Batanjali» не является дословным переводом. Аль-Бируни адаптировал идеи «Йогасутр» для своих читателей. Р.В. Пеху пишет: «Арабский текст Бируни настолько ориентирован на читателя, что практически лишен всякой «индийской» или научной специфики, которая, к слову сказать, часто в переводах является непреодолимым препятствием к восприятию исходного текста и его духовному воздействию на читателя» [15]. Однако произведение оказалось сложным для понимания и не пользовалось популярностью, так как в источниках поздних периодов перевод аль-Бируни не цитируется и не упоминается. Аль-Бируни пишет, что сделал данный перевод для того, чтобы показать во что верят индийцы и то, что скрыто в их книгах. [16, с. 199–200].

О причинах создания данного перевода можно лишь предполагать. Среди причин создания данного перевода можно выделить политический (это подтверждается и надписями на монетах, находившихся в обращении на территории Индии, подчиненной Махмуду Газневи) и культурный аспекты. Данными территориями необходимо было управлять, и делать это проще, когда правителя поддерживает население. Для выстраивания конструктивного диалога необходимо понимать оппонента (в данном случае индийцев). А для этого важно знать особенности культуры, религии, образа их жизни, постараться показать общее, что может способствовать сближению двух культур. В данном случае «Патанджалу» можно рассматривать как своего рода инструкцию, помогающую понять индийцев и найти точки соприкосновения с ними.

Библиографические ссылки

1. Шохин, В.К. Йога / В.К. Шохин // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0178ce6e3d380e697f161178>. – Дата доступа: 29.10.2023.

2. Шохин, В.К. Йога-сутра / В.К. Шохин // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH593ea65944146c8097d259>.

– Дата доступа: 29.10.2023.

3. Bosworth, C.E. Bīrūnī, Abū Rayhān / C.E. Bosworth // Encyclopedia Iranica [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.iranicaonline.org/articles/biruni-abu-rayhan-index>. – Date of access: 29.10.2023.

4. Bosworth, C.E. Ghaznavids / C.E. Bosworth // Encyclopedia Iranica [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.iranicaonline.org/articles/ghaznavids>. – Date of access: 29.10.2023.

5. Kozah, M. The Epilogue of al-Bīrūnī's Kitāb Bātanjal / M. Kozah // *Orientalia Lavaniensia Analecta. 'Abbasid Studies. Occasional Papers of the School of 'Abbasid Studies*. Cambridge, 6 – 10 July, 2002. Edited by James E. Montgomery. – Cambridge, 2002. – P. 263 – 276.

6. Alberuni's India. An Account of the Religion, Philosophy, Literature, Geography, Chronology, Astronomy, Customs, Laws and Astrology of India about A.D. 1030. An English Edition, with Notes and Indices // E. Sachau. – V. 1. – London, 1888. – 468 p.

7. Бируни. Индия / Бируни. – М., 1995. – 727с.

8. Maas, Ph., Verdon, N. (2018). Chapter 7: On al-Bīrūnī's Kitāb Pātāṅgal and the Pātāṅjalayogaśāstra: Historical and Contemporary Perspectives / Ph. Maas. N. Verdon // *Yoga in Transformation* [Electronic resource]. – Mode of access: <https://doi.org/10.14220/9783737008624.283>. – Date of access: 29.10.2023.

9. Shlomo Pines, Tuvia Gelblum. Al-Biruni's Arabic Version of Patañjali's Yogasutra: a Translation of his First Chapter and Comparison with Related Sanskrit Texts / Shlomo Pines, Tuvia Gelblum // *BSO AS*, XXIX, 2 – Cambridge, 1966 – P.302 – 325.

10. Shlomo Pines, Tuvia Gelblum. Al-Biruni's Arabic Version of Patañjali's Yogasutra: a Translation of his Second Chapter and Comparison with Related Texts / Shlomo Pines, Tuvia Gelblum // *BSO AS*, XL, 3 – Cambridge, 1977 – P.522 – 549.

11. Shlomo Pines, Tuvia Gelblum. Al-Biruni's Arabic Version of Patañjali's Yogasutra: a Translation of his Third Chapter and Comparison with Related Texts / Shlomo Pines, Tuvia Gelblum // *BSO AS*, XLVI, 2 – Cambridge, 1983 – P.258 – 304.

12. Shlomo Pines, Tuvia Gelblum. Al-Biruni's Arabic Version of Patañjali's Yogasutra: a Translation of his Fourth Chapter and Comparison with Related Texts / Shlomo Pines, Tuvia Gelblum // *BSO AS*, LII, 2 – Cambridge, 1991 – P.265 – 305.

13. Kozah, M. The Birth of Indology as an Islamic Science: Al-Biruni Treatise on Yoga Psychology / M. Kozah. – Boston: Brill, 2015. – 238 p. – (Islamic philosophy, theology, and science: text and studies ; v. 97).

14. Chatterji, S. K. Al-Biruni and Sanskrit / S. K. Chatterji // *Al-Biruni Commemoration Volume*. – Calcutta, 1951. – P. 83 – 100.

15. Псху, Р.В. К вопросу о переводческой стратегии аль-Бируни: кратко об арабском переводе санскритского текста «Йога-сутр» Патанджали / Р.В. Псху // *Ислам в современном мире* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2022-18-1-105-116>. – Дата доступа: 29.10.2023.

16. Ritter H. Al-Bīrūnī's übersetzung des Yoga-Sūtra des Patañjali / H. Ritter // *Oriens*. – V. 9(2). – Brill, 1956. – P. 165–200.

МАГИСТРЫ И СТУДЕНТЫ

РАЗБОЙНИЧЕСТВО В ИУДЕЕ

В. А. Бейзер

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, bevzer.bsu@gmail.com*

Статья посвящена анализу разбойничества и социального протеста в Иудее. В период с 64 г. до н.э. до начала Иудейской войны разбойники представляли собой серьезную угрозу для жителей региона. О широком распространении этого явления свидетельствуют тексты Иосифа Флавия, Страбона, Плиния Старшего, а также археологические находки.

Ключевые слова: разбойники; бандитизм; восстание; преступность; социальный протест.

The article deals with the robbery and social protest in Judea. In the period from 64 BC to the beginning of the Jewish War, robbers were a serious threat in the region. The widespread of this phenomenon is attested by Josephus, Strabo, Pliny the Elder, as well as archaeological finds.

Keywords: robbers; banditry; rebellion; crime; social protest, leistai.

С момента начала римского вторжения в Сирию, Ливан и Палестину при Помпее Великом в 64 г. до н.э. и до начала Иудейской войны, история региона была отмечена постоянными беспорядками. Страбон следующим образом описывал эти земли: «Все горные части занимают итуреи и арабы – все разбойники; напротив, жители равнин — земледельцы. Разбойники притесняют земледельцев, и последнее вынуждены обращаться за помощью в разные стороны. Опорными пунктами разбойникам служат укрепления. Так, например, обитатели Ливана занимают на вершине горы Синну и Боррамы, и другие подобные укрепления, внизу же у них Ботрис и Гигард, приморские пещеры и укрепления, воздвигнуты на Феупросопоне... Отсюда разбойники совершали набеги на Библ и на следующий за ним город Берит» [6, с. 816].

Описанный Иосифом Флавием и другими историками размах разбойничьего движения превосходил все мыслимые границы. В бандах участвовали сотни и даже тысячи людей, разбойники имели убежища в пещерах и вели вооруженную борьбу против государственной власти.

После смерти Ирода в 4 г. до н.э. вся страна погрузилась в хаос. В Перее нашелся некий Симон, царский раб, который собрал вокруг себя огромную толпу, во главе которой рыскал по дорогам, сжег царский дворец в Иерихоне и вместе с ним множество великолепных вилл. Простой пастух Афронгей вместе с четырьмя своими братьями также собрали большие силы, с которыми они опустошили значительную часть страны. По словам Иосифа Флавия, разбойники убивали преимущественно римлян и царских солдат, но не щадили также и иудеев, особенно, если те попадались им в руки вместе с добычей [5, с. 45]. В конечном итоге восстание было подавлено Квинтилием Варом, римским наместником Сирии, который вторгся с двумя легионами, разорил Галилею и Иудею, а затем двинулся на Иерусалим. Жители столицы поспешили открыть ему ворота без боя, после чего Вар установил вокруг города 2000 крестов, на которых распял захваченных в плен бунтовщиков [5, с. 45]. Эта неудавшаяся революция представляла собой сплав мятежей городской бедноты и распространенного на периферии разбойничьего движения. 70 лет спустя бандитские шайки являлись одной из важных движущих сил Иудейского восстания.

Можно сказать, что повсеместная преступность в лице разбойников, банд грабителей и воров была характерной чертой повседневной жизни в Иудее к концу периода Второго Храма. Римское вмешательство усугубляло ситуацию. Даже изменение статуса Палестины, в 6 г. н.э. перешедшей под контроль римских наместников, никак не способствовало стабильности на этой земле. Постоянно возникали конфликты между римлянами и евреями на религиозной почве. Помимо этого, ситуацию в регионе усугубляла система двойного налогообложения по отношению к иудейским крестьянам (им приходилось платить не только Храму, но и римским чиновникам). Борьба за власть внутри еврейской правящей верхушки сопровождалась конфликтами между социальной элитой и зависимыми от нее слоями населения. Временами столкновения между эллинизированными и неэллинизированными общинами угрожали мирному сосуществованию, особенно в городах. Группы религиозных фанатиков ожидали апокалиптического конца этого мира и начала грядущего лучшего – те самые условия, которые породили христианство как одно из мессианских движений.

Иисус из Назарета рассматривался иудейскими и римскими властями как разбойник (*leistes*), и был распят между двумя другими разбойниками (*leistai*). Для своих последователей он был царем, для своих противников – обычным преступником. Его случай – приравнивание к *leistes* – показывает, что в случае с *leistai* Иудеи мы

имеем дело не с обычными бандами разбойников. Повстанцы, революционеры и все, кто отказался от защиты, действуя в рамках закона, чтобы вести борьбу за политические идеалы, должны были при необходимости идти путем бандитов и разбойников. В своем исследовании социальных отношений в Иудее накануне Иудейского восстания Ричард Хорсли предполагает, что «еврейское восстание против римского господства может быть самым ярким и хорошо засвидетельствованным примером крупного крестьянского восстания, которому предшествовали и которым частично руководили разбойники» [3, с. 11]. Для объяснения своей точки зрения, Хорсли прибегает к использованию концепции «социального бандитизма», предложенную Эриком Хобсбаумом.

Согласно теории Хобсбаума, питательной средой для появления «социального бандитизма», является аграрное общество, находящееся на стадии перехода от традиционной организации к более сложной государственной структуре с дифференцированной социальной иерархией. Здесь социальный бандитизм развивается среди крестьянства как форма протеста против условий жизни, ставших невыносимыми из-за чрезмерного налогообложения, произвола властей и других форм несправедливости. В отличие от обычных преступников, социальные бандиты не являются аутсайдерами, а пользуются доверием, уважением, защитой и иногда активной поддержкой крестьянской общины, из которой они вышли. Деятельность бандитских группировок локализована в определенной местности. Их банды в большинстве своем состоят не более чем из 10–20 человек. Помимо борьбы за возвращение к традиционным порядкам, которые возводятся в идеал, у бандитов нет никакой конкретной программы реформ и никакого чувства идентичности. В частности, они не разрабатывают ничего направленного на насильственное упразднение или изменение существующих условий правления. Социальные бандиты – это случайные, авантюрные налетчики. Согласно теории Хобсбаума, революционные движения – те, которые направлены на насильственное свержение существующего порядка – возникают позже. Социальный бандитизм – более ранняя стадия того же исторического процесса.

Хобсбаум разработал свою модель на основе современных примеров. Чтобы установить ее для более ранних периодов, он по большей части использовал легенды и баллады, в которых, по его мнению, содержались подлинные свидетельства исторических разбойников. Хорсли, просто приняв предпосылку Хобсбаума, утверждает: «Когда Иосиф обвиняет в войне разбойников, он не просто бросает уничижительные эпитеты. Он описывает реальных бандитов» [3,

с. 35]. Однако критики теории социального бандитизма не согласны с тем, что Хобсбаум предложил достаточные доказательства того, что его бандиты были историческими личностями [8]. А. Блок предлагает особенно острую критику этой модели: «Социальный бандит, как его концептуализировал и описал Хобсбаум, является конструкцией, стереотипом или плодом человеческого воображения. Хотя такие конструкции могут не соответствовать реальным условиям, они психологически реальны, поскольку представляют фундаментальные чаяния людей, в данном случае крестьян» [1, с.18]. Исходя из этого, мы должны скорректировать модель следующим образом: социальные бандиты — это не исторические фигуры, а плод воображения. Хотя они вполне могут быть основаны на исторических бандитах, это те, кого легендарная традиция превратила в народных героев. Их истории — это идеальные представления о свободе и справедливости. Несомненно, местные традиции превратили в таких героев ряд еврейских повстанцев. Однако мы почти не встречаем их в трудах Иосифа, которые являются единственным источником по этим событиям. Не имея баллад и народных преданий, фиксирующих взгляды низших слоев, и полагаясь только на автора из высших слоев, писавшего для читателей своего социального положения, мы не можем сказать больше о наличии или отсутствии социального бандитизма в период Иудейского восстания.

Библиографические ссылки

1. Blok, A. *The Peasant and the Brigand: Social Banditry Reconsidered* / A. Blok. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009. – 503 p.
2. Grunewald, Th. *Bandits in the Roman Empire* / Th. Grunewald. – London-New York : Routledge, 2004. – 244 p.
3. Horsley, R.A. *Jesus and the Spiral of Violence: Popular Jewish Resistance in Roman Palestine* / R.A. Horsley. – Minneapolis: Fortress, 1993. – 425 p.
4. Лившиц, Г.М. *Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима* / Г.М. Лившиц. – Минск: БГУ, 1957. – 438 с.
5. Плиний Старший. *Естественная история* / Плиний Старший [пер. лат. Н.А. Никеев; П.И. Петренко; Г.С. Беньковская]. – М. : МГУ, 2015 – 197 с.
6. Страбон. *География* / Страбон [пер. др. греч. Г.А. Стратановского]. — М. : Наука, 1964. – 957 с.
7. Флавий Иосиф. *Иудейская война* / Флавий Иосиф. – Минск : БГУ, 1991. – 511 с.
8. Хобсбаум, Э. *Бандиты* / Э. Хобсбаум. – Москва, 2020. – 224 с.

НАМЕСТНИК И ПРОКУРАТОР: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ПРОВИНЦИАЛЬНОМ УРОВНЕ

А. Д. Спирида

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, artur.spiryda.01@mail.ru*

Статья рассматривает вопрос взаимодействия наместников имперских провинций и императорских прокураторов на уровне отдельных провинций. В ходе исследования рассмотрены виды прокураторов и наместников, их полномочия и место иерархии. На основе просопографических и эпиграфических источников даётся обоснование тезису о подчинённости прокураторов наместникам провинций Римской империи.

Ключевые слова: Древний Рим; император; прокуратор; наместник; государственное управление; провинции; судебная власть; фиск.

This article examines the issue of interaction between the governors of the imperial provinces and the imperial procurators at the level of individual provinces. In the course of the study, the types of procurators and governors, their powers and the place of hierarchy are considered. On the basis of prosopographic and epigraphic sources the thesis of the subordination of procurators to the governors of the provinces of the Roman Empire is substantiated.

Keywords: Ancient Rome; emperor; procurator; governor; public administration; provinces; judiciary; fiscal.

В римском гражданском праве термин прокуратор (*procurator*) эквивалентен современному поверенному. В римских знатных семьях так назывались доверенные вольноотпущенники, управлявшие господскими имениями, или выполнявшие при своем господине другие вспомогательные службы. При Юлиях-Клавдиях прокураторы занимались управлением огромным имуществом императорской семьи в Италии и провинциях. Они управляли принадлежавшими императору имениями, собирали арендную плату и причитавшиеся ему налоги, выступали от его имени в судах, выполняли обязанности придворных секретарей и т.д. Эти лично зависимые от императора функционеры образовывали костяк будущей государственной администрации. Важным аспектом процесса оформления императорской власти в Риме в I – III веках является формирование управляемого прокураторами административного аппарата и оформление круга полномочий его функционеров. Эта проблема находится в центре рассмотрения представленного сообщения.

Изучением прокураторов на императорской службе занимались немногие. Главной публикацией по этой теме до сих пор является работа Ганса-Георга Пфлаума «*Les procurateurs equestres sous le Haut-empire Romain*», фундаментальный труд, исследующий реформы государственного управления, связанные с появлением императорской администрации и расширением ее структуры, иерархию прокураторских должностей и отдельные этапы прокураторской карьеры, а также просопографию известных нам по надписям прокураторов, включая список из 263 имен лиц, занимавших эту должность в период между I и III веками [1]. Другим важнейшими работами по теме являются труд Эрика Бирли «*The equestrian officers in the Roman army*», рассматривавшего прокураторскую службу в контексте всаднической карьеры императорского времени [2]. Специальными работами являются монография Питера Бранта «*Principes and Equites*» [3]; Демужена «*L'ordre équestre sous les Julio-Claudiens*» [4]. Вопросы взаимоотношения прокураторской и военной карьеры, роли прокураторов в качестве командующих военным флотом посвящены работы Михаила Житомского «*Praefectus classis. The commanders of the Roman imperial navy during the Principate*» [5]; Пет Сазерн «*The Roman Army. A Social and Institutional History*» [6]; и, особенно Мишеля Редде «*Mare Nostrum: les infrastructures, le dispositif et l'histoire de la marine militaire sous l'empire romain*» [7].

В строгом смысле слова прокураторы первоначально являлись личными слугами императора, которым он делегировал выполнение различных обязанностей, связанных с ведением его домашних дел, но также и общественных обязанностей (*ministeria principatus*). Таким образом прокураторы, как исполняющие обязанности управляющих делами императора в Риме и в провинциях, оказались встроены в систему государственного управления. Ничто не демонстрирует суть происходящих изменений лучше кадрового состава и источника рекрутирования административного аппарата принцепса. Если в период правления Юлиев-Клавдиев обязанности прокураторов, как и в других римских знатных семьях, выполняли императорские вольноотпущенники, то уже при Флавиях на прокураторские должности впервые стали назначать лиц всаднического происхождения (Suet. Dom. 7, 2; Plin. Paneg. 42, 3; 49, 1; 83, 1; Tac. Hist. 1, 76). Это изменение является результатом признания возросшего значения администрации принцепса в системе политических институтов Римской империи. Анализ просопографии показывает, что уже к середине II в. всадники на императорской службе полностью вытеснили вольноотпущенников с наиболее ответственных постов.

Нельзя не упомянуть и о тех целях, что побуждали всадников ими становиться. Многие из них стремились к материальной выгоде, подразумеваемой отпращиванием прокураторской должности. Тацит писал: «(Анней) Мела, ... римский всадник senatorского ранга... рожденный от тех же родителей что и Галлион и Сенека, воздерживался от поиска соответствующих почестей из честолюбия, а напротив, желал быть пусть и простым римским всадником, но равным по силе консулу. Он также считал, что кратчайший путь к обогащению — это управление делами принцепса, прокуратуры» (Тас. Ann., XVI. 17). Мелу можно характеризовать как практичного человека – он одним из первых среди римских всадников осознал, что сенаторы обладают лишь тенью той власти, что доступна всадникам, способным занимать должности прокураторов. Фронтон (Fronto ad Anton. Pium. 10) указывает те же причины, что и Тацит, считая прокураторскую должность лучшим выбором для делового человека [1, p. 166].

Количество прокураторов постоянно увеличивалось: при Августе их было 25, при Нероне – 45, при Домициане – 62, при Траяне – 80, при Септимии Севере – 163 [1, p.66]. Сама администрация принцепса также непрерывно разрасталась. Постепенно формировалась сложная структура различных служб и должностей, между которыми действовали отношения иерархии. В середине II в. существовало четыре основные административные структуры: финансовое ведомство, занимавшееся сбором налогов в императорскую казну и контролировавшее военные расходы, ведомство дипломатической и служебной переписки, ведомство прошений на имя императора, судебное ведомство. Все должности в соответствии с получаемым жалованием делились на несколько разрядов. Прокураторы, управлявшие императорским имуществом, собиравшие налоги или осуществлявшие административные функции, получали жалование 60 000 сестерциев в год. Главы основных административных и финансовых ведомств, прокураторы, исполнявшие обязанности наместников в небольших провинциях, получали 100 000 сестерциев в год. Главы столичных префектур, а также префекты флота получали 200 000 сестерциев в год. Таким образом, параллельно постепенному укреплению императорской власти, прокуратура из личной службы императору постепенно стала превращаться в общегосударственное учреждение [8, S.103].

Эти процессы трансформации происходили как в Риме, центре империи и резиденции ее правителя, так и в провинциях. Здесь они создавали проблемы согласования полномочий наместников провинций и императорских прокураторов. Система управления провинциями императорского времени сложилась в результате договора о

распределении провинций между Августом и сенатом в 27 г. до н.э. Десять самых старых и полностью замиренных провинций находились под управлением сената, который, как и в республиканскую эпоху, посылал туда бывших консулов и преторов, осуществлявших функции наместника на протяжении года. Семь пограничных провинций, на территории которых стояли военные гарнизоны, перешли под власть Августа и управлялись от его имени легатами или наместниками из числа доверенных сенаторов, т.н. *legati Augusti pro praetore*, *legati praetorii* или просто *legati*. Все новосозданные провинции, как правило, также отходили под управление императора. Легаты консульского ранга (*legati consulares*) управляли большими провинциями с двумя и более легионами, легаты преторского ранга (*legati praetorii*) провинциями с одним легионом. Египет, а также ряд мелких провинций управлялись префектами всаднического происхождения, которые также назначались императором.

Наместник императорской провинции командовал размещенными на подчиненной ему территории войсками, вел военные действия от имени императора, заключал перемирие с противником, распределял среди солдат захваченную добычу. Кроме того, он осуществлял юрисдикцию на территории провинции в отношении проживавших здесь римских граждан, а также в отношении переданных на его рассмотрение тяжб между гражданами и провинциальным населением. Он имел право возбуждать судебный процесс по представленному ему иску, председательствовать в суде, передавать дело на рассмотрение третейских судей, в том числе иностранных, или выносить приговор самостоятельно, осуществлять наказания в отношении осужденных, а также отпускать на волю рабов. Основные решения наместник должен был принимать лично, его помощниками и заместителями на местах являлись легаты и квесторы, часто эти должности занимали его родственники, друзья или приближенные. Роль административного персонала выполняли вольноотпущенники, слуги и рабы, привезенные из Рима. Их численность, как правило, не превышала нескольких десятков человек [9, с. 488].

Первоначальные полномочия, которыми обладал в провинции прокуратор Цезаря, хорошо определены словами императора Тиберия о том, что «права его прокуратора распространяются только на его рабов и личную собственность» (*Tac. Ann. IV, 15*). Случай, по которому были произнесены эти слова, относится к обвинению в превышении полномочий, выдвинутому провинциалами против Луцилия Капитона, прокуратора Азии. Тиберий не стал покрывать обвиняемого и решительно отмежевался от действий. В результате тот был осужден. Со

временем стало ясно, что императорских порученцев оказалось невозможно ограничить теми пределами власти, которые таким образом указал Тиберий. Между ними и сенатскими или иными властями в провинциях возникали конфликты и споры. Как кажется, прокураторы изначально были наделены императором полномочиями разрешать в провинции споры, возникающие в связи с исполнением его финансовых обязанностей. Трактую это право расширительно, они нередко вторгались в область ответственности сопредельных должностных лиц, что и порождало коллизии, известные по данным источников.

Относительно неплохо нам известен порядок, принятый для провинции Иудеи. Подчинённость действовавших на территории провинции прокураторов императорским наместникам более высокого ранга следует из следующих слов Тацита: «Управление Сирией поручается Гаю Цестию Галлу, ее военные силы – Корбулону... Тетрархам, царям, префектам и прокураторам...отдается письменное распоряжение повиноваться приказаниям Корбулона» (Тас. Ann. XV, 25). Легат Сирии свободно вмешивался в дела Иудеи в случаях возникновения там чрезвычайных ситуаций. Наместник Сирии Квирий, например, принимал самое активное участие в организации новой провинции (Jos. Ant. XVIII. 1.1, 2. 1). Имели место случаи, когда правители Сирии даже привлекали к судебной ответственности иудейских прокураторов. Так было с Понтием Пилатом, Феликсом и Куманом (Jos. Ant. XVIII. 4. 2; XX. 5.3-6.2; ВJ. II. 12. 2-7; Тас. Ann. XII. 54). В ситуации длительного отсутствия прокуратора в провинции, легат Сирии Вителлий выполнял обязанности правителя Иудеи и провел ряд мер целью разрядить здесь политическую напряженность (Jos. Ant. XVIII. 4. 3). Таким образом, можно утверждать, что наместник Сирии в I веке осуществлял высший надзор за властями провинции Иудеи.

С другой стороны, мы едва ли можем сомневаться в том, что прокураторы Иудеи действительно обладали судебными полномочиями. Наиболее известным примером реализации этих полномочий является суд над Иисусом, произведённый Понтием Пилатом [10, с. 142-146]. Как правило, император в такого рода вопросах держал сторону своего доверенного человека. Так, по словам Тацита, Клавдий утверждал, что «судебные решения, которые будут приняты его прокураторами [в провинциях], должны выполняться с такой же неукоснительностью, как если бы их принял он сам» (Тас. Ann. XII, 60). У сената он также добивался утверждения решений, принятых его прокураторами в провинции (Suet. Claud. XII). Таким образом явочным порядком в провинциях формировался порядок, впоследствии ставший нормативным.

Библиографические ссылки

1. Pflaum, H.-G. Les procurateurs équestres sous le Haut-empire Romain. / H.-G. Pflaum // Paris, Adrien Maisonneuve, 1950. – 357 p.
2. Birley E. Roman Britain and the Roman Army. / E. Birley // Kendal, Titus Wilson & son LTD, 1953. – 212 p.
3. Brunt, P.A. Princeps and Equites. / Brunt, P.A. // The Journal of Roman Studies, vol. 73: 1983. – P. 42–75.
4. Demougin, S. L'ordre équestre sous les Julio-Claudiens. / Rome, École Française de Rome, 1988. – 923 p.
5. Żyromski, M. Praefectus classis. The commanders of the Roman imperial navy during the Principate. Poznań, Wyd. Instytutu Nauk Politycznych i Dziennikarstwa Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu, 2001, – 157 p.
6. Southern, P. The Roman Army. A Social and Institutional History. Oxford: Oxford University Press, 2007. – 383 p.
7. Reddé, M. Mare Nostrum: les infrastructures, le dispositif et l'histoire de la marine militaire sous l'empire romain (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome CCLX). Rome, École Française de Rome, 1986. – 737 p.
8. Marquardt, J. Römische Staatsverwaltung. / Marquardt J. New York: Arno Press, 1975. – 538 S.
9. Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.-Л. Издательство Академии Наук СССР, 1949. – 688 с.
10. Ельницкий Л. А. Кесарийская надпись Понтия Пилата и ее историческое значение / Вестник древней истории. 3(93). М., 1965. – С. 142–146.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ФРАНКСКОЙ ИМПЕРИИ (МАЙНЦСКИЙ СОБОР 829 г.)

М. А. Гудень

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, empereurdoccident@gmail.com*

Церковные соборы играли крайне важную роль во Франкской империи: на них решались различные вопросы вероучения, принимались канонические постановления, которые были обязательными для всех христиан государства, и даже рассматривались отдельные внутрицерковные споры. Одной из таких тяжб стало дело саксонского монаха Готшалка, который выдвинул обвинения против своего аббата Рабана Мавра в неправомерном постриге на Майнцском соборе 829 г. и по решению собравшихся там епископов был освобождён от монашеских обетов. Этот случай важен как для церковной, так и для социальной истории. С одной стороны, он является уникальным примером тяжбы между аббатом и одним из его монахов, который позволяет нам воочию взглянуть на механизмы работы епископского суда. С другой — данное разбирательство подняло насущные вопросы того времени, связанные с отсутствием во Франкской империи единого законодательства. Как должны судиться между собой различные народы, живущие в ней по своим собственным законам? Должен ли вообще существовать сам принцип персонального действия права в христианской империи, которая претендует на римское наследие? Наконец, должен ли в её судебной системе мирской закон превалировать над божественным или же основным источником права должна считаться библейская традиция?

Ключевые слова: церковный собор; Готшалк; Рабан Мавр; Фульда; Франкская империя; *Liber de oblatione puerorum*; Саксонская правда.

Synods played a crucial role in the Frankish Empire. It was there that various theological matters were decided, canonical decrees, which had binding force for all Christians in the state, enacted, and even internal disputes within the Church addressed. One such lawsuit arose with the case of the Saxon monk Gottschalk, who accused his abbot Hrabanus Maurus of unlawfully tonsuring him at the Synod of Mainz in 829. As a result of the decision made by the assembled bishops, Gottschalk was absolved from his monastic vows. This case is significant not only for church history but also for social history. On the one hand, it is a unique example of a lawsuit between an abbot and one of his monks, providing us with insights into the workings of an episcopal court. On the other — this litigation raised pressing issues of the time related to the absence of unified legislation in the Frankish Empire. How should different peoples living within its borders according to their own laws resolve their lawsuits? Should there even be a principle of the personality of the law in the Christian Empire that claims Roman heritage? Finally, should secular law prevail over divine law in its judicial system, or should the biblical tradition be considered as primary source of the law?

Keywords: synod; Gottschalk; Hrabanus Maurus; Fulda; Frankish Empire; Liber de oblatione puerorum, Lex Saxonum.

Майнцкий собор 829 г. был одним из четырёх церковных соборов, созванных в июне того года по приказу императора Людовика Благочестивого, чтобы найти и исправить всё то, что противоречило «божественному правилу и власти» в укладе мирян и особенно в «нравах, образе жизни и деяниях» клира [2, р. 2]. Поскольку собор не оставил после себя каких-либо канонических постановлений, нам был бы известен лишь сам факт его проведения, если бы монах из Фульды Готшалк, «сын саксонского графа Берна», не выдвинул обвинения против своего аббата Рабана Мавра, «утверждая, что он и подневольно был пострижен, и насильно предан им монашеской жизни». После того, как «дело было рассмотрено согласно божественному и людскому праву с прилежным усердием» собравшимися в базилике св. Альбана пятью архиепископами (включая принимающего собор архиепископа Майнцкого Отгара), 24 епископами, четырьмя хореепископами и шестью аббатами, «было найдено, что тот, кто выдвинул обвинение, должен быть освобождён от канонической власти». Таким образом, Готшалк «посредством этого их решения был возвращён к отцовской свободе» [5, р. 530].

Не смирившийся с таким итогом разбирательства Рабан Мавр прибегнул к праву прямой апелляции к монарху по всем тяжбам, которое было даровано Фульде как королевскому аббатству в 774 г. Готшалк же решил воспользоваться этой возможностью, чтобы попытаться вернуть себе утраченное наследство, оставшееся в собственности Фульды. Таким образом, точку в деле саксонского монаха должен был поставить сам Людовик Благочестивый на имперском собрании в Вормсе, намеченном на август 829 г. [5, р. 529–530; 10, S. 107–110; 11, р. 128–136; 15, р. 603–605].

Чтобы склонить императора на свою сторону Рабан Мавр посвятил ему трактат, известный как «Книга об облации отроков» («*Liber de oblatione puerorum*»), в котором аббат Фульды попытался парировать аргументы Готшалка, убедившие собравшихся в Майнце епископов даровать саксонскому монаху свободу [8, col. 419–440]. Готшалк в свою очередь нашёл для себя союзника внутри Фульды – монаха Гаттона, который сам впоследствии стал аббатом этого монастыря. Как Рабан Мавр, так и Гаттон перед предстоящим собранием в Вормсе постарались заручиться поддержкой Отгара, о чём свидетельствуют их письма к архиепископу, которые известны по фрагментам утраченной переписки Фульды, напечатанным в XVI в. в Магдебургских центуриях под

руководством Маттиаса Флациуса [5, р. 519–20, 529–30]. «Книга об облации отроков» и извлечения из адресованных Отгару писем Рабана Мавра и Гаттона – два главных источника по истории Майнцкого собора 829 г. Так какие же аргументы привёл там Готшалк, чтобы освободиться от своих монашеских обетов? Чтобы ответить на этот вопрос нам нужно подробнее разобрать жизнь саксонского монаха до Майнцкого собора 829 г., а также его происхождение.

Готшалк родился в самом начале IX в. в знатной семье: его отцом был саксонский граф Берн, а матерью, по всей видимости, франкская аристократка по имени Либа. После смерти графа Берна Готшалк был пожертвован Фульде в качестве облата, скорее всего, по воле своей матери и без согласия родственников отца [11, р. 114–120]. Юный сакс упоминается как послушник в двух списках монахов Фульды, составленных в 822 и 825/6 гг. в аббатство Рабана Мавра. В следующий раз Готшалк появляется в списке тех, кто был отправлен в 827/8 гг. для обучения в другой, сравнимый с Фульдой по значимости интеллектуальный центр – монастырь Рейхенау, уже как полноценный монах. Таким образом, Готшалк принёс монашеские обеты где-то между 825/6 и 827/8 гг., что, как он сам вскоре будет утверждать, произошло против его воли [11, р. 44]. Согласно письму Гаттона к Отгару главным аргументом, который саксонский монах привёл для возвращения своей свободы на Майнцком соборе 829 г. стал именно тот факт, что его постриг произошёл по принуждению со стороны Рабана Мавра [5, р. 529–530].

Проблема подневольного пострига была крайне актуальной как для всего каролингского мира в целом, так и для Фульды в частности. Так, в 812 г. из-за разногласий со своим аббатом Ратгаром, которого Рабан Мавр характеризовал как чёрстоного и жестокого, братия Фульды обратилась к Карлу Великому за арбитражем [6, р. 31]. Монахи представили императору свои претензии к Ратгару в форме жалобы, известной как «Молящая книжка» («*Supplex libellus*»), одним из требований которой было: «Чтобы никто силой ни принуждался стать монахом, и ни постригался в клир, будь он свободным или рабом, потому что такие [люди], принятые в монастырь, являются творцами злодеяний и исполнителями пороков» [4, р. 549].

В капитуляриях и канонических постановлениях церковных соборов времён правления Карла Великого и Людовика Благочестивого также затрагивался подневольный постриг. Например, в 811 г. Карл Великий в одном из своих капитуляриев задавался следующими риторическими вопросами: «В каком каноне или в каком уставе какого-либо святого отца было постановлено, что кто-либо подневольный должен

становиться клириком или монахом, в каком месте Христос предписал или какой апостол провозгласил, что из нежелающих, и подневольных, и подлых лиц должна составляться община или каноников, или монахов в церкви?» [1, р. 163].

Спустя 2 года собравшиеся в Майнце епископы, шестеро из которых в 829 г. здесь же будут рассматривать дело Готшалька, постановили, что «эти постриженные без их воли, которые до сих пор были найдены в мирском или монашеском состоянии, если они свободны, должны оставаться такими, и впредь следует остерегаться, чтобы никто не был пострижен, если не в совершеннолетия и не по собственной воле или не с разрешения своего господина» [14, р. 267].

Несмотря на это, в совместном постановлении епископов, которое обобщало решения всех пяти созванных в 813 г. соборов, разрешался постриг детей с согласия их родителей или опекунов. Если же он совершался без получения такового или совершеннолетний постригался против своей воли, но жалоба императору, его посланнику или местному епископу не была подана в течении 3 лет после принесения монашеских обетов, их нельзя было расторгнуть. При подаче жалобы в установленный срок совершивший неправомерный постриг был, однако, обязан компенсировать родителям причинённый ущерб. За ними также оставалось решение о том, должен ли в таком случае их ребёнок соблюдать монашеские обеты дальше, вне зависимости от возраста последнего [14, р. 298–299]. В капитуляриях Людовика Благочестивого 818–819 гг. подтверждалось, что ребёнок не может быть пострижен без согласия родителей, но разрешалось ему самому определить свою судьбу и получить компенсацию, если до подачи жалобы он успел стать совершеннолетним [1, р. 278, 285; 3, р. 60–63].

Именно на данное законодательство мог сослаться на Майнцском соборе 829 г. саксонский монах, который, видимо, как раз успел подать жалобу о своём неправомерном постриге в установленный для этого трёхлетний срок. Тем не менее, сила такого аргумента в любом случае была бы весьма сомнительной, учитывая тот факт, что Готшальк был пожертвован Фульде в качестве облата (так назывался переданный родителями в монастырь ребёнок).

С точки зрения каролингского права это было абсолютно законно, а постановления Второго Ахенского собора 817 г. предписывали, чтобы «отец и мать приносили отрока к алтарю во время облации и составляли за него петицию в присутствии мирских свидетелей, которую в сознательном возрасте и сам отрок должен подтвердить» [1, р. 346]. То, что облат должен был подтвердить петицию родителей в сознательном возрасте, не означает, что у него была свобода выбора в отношении

принесения монашеских обетов [3, р. 63–64]. Так, в образце самой петиции, основанном на 59 главе устава св. Бенедикта и, по всей видимости, принятом на всё том же Втором Ахенском соборе, родитель должен был торжественно заявить следующее: «Поэтому я передаю в присутствии свидетелей этого нашего сына под тем-то именем готового жить согласно уставу, так что с этого дня уже не дозволено тому сбросить ярмо устава из-под шеи, но пусть он скорее верно осознает, что он должен блюсти порядки этого устава и с благодарным сердцем сражаться за Господа вместе с остальными» [9, col. 906–907].

Ахенские соборы 816–817 гг. были частью охватившего в то время каролингский мир движения за реформу монашеской жизни, в ходе которого устав св. Бенедикта стал обязательным для всех обителей во Франкской империи. Видные каролингские реформаторы и комментаторы устава, такие как Бенедикт Анианский, Смарагд Сен-Мишельский и Хильдемар Корбийский единодушно поддерживали св. Бенедикта в том, что облат не мог нарушить клятву своих родителей [3, р. 68–73].

Таким образом, подневольный постриг Готшалька вряд ли мог быть достаточным основанием для того, чтобы освободить его от монашеских обетов. Тем не менее, насильственный характер пострига мог послужить Готшальку основанием для того, чтобы потребовать причитающуюся ему по закону компенсацию от Рабана Мавра. Так, согласно «Саксонской правде» хватание за волосы, которое вполне могло произойти, если Готшальк был пострижен насильно, влекло за собой компенсацию в 120 солидов [13, S. 18].

Собравшиеся в базилике св. Альбана епископы, однако, решили уберечь Рабана Мавра от унижения, связанного с выплатой компенсации Готшальку, и постановили, что «если так будет угодно аббату, пусть концом их спора между ними будет клятва того и его родственников... если он [Рабан Мавр], однако, не пожелает требовать ту клятву, тот [Готшальк] пусть не ищет возмещение своей несправедливости, но только обладает законной свободой» [5, р. 530; 6, р. 38–39]. Вернёмся теперь к вопросу о том, почему Готшальк всё же был освобождён от своих монашеских обетов.

На наш взгляд, наиболее веским аргументом саксонского монаха для обретения свободы был неправомерный характер самой облации. Дело в том, что при её совершении среди подписавших петицию свидетелей согласно саксонскому обычаю должны были обязательно присутствовать саксы. Однако, как мы узнаём из «Книги об облации отроков», вместо этого петицию засвидетельствовали только франки – родственники Готшалька со стороны матери, что указывает на её

ключевую роль в принятии решения об облации сына. Саксонская родня Готшалька, уязвлённая тем, что её мнение при этом было проигнорировано, стала главным защитником своего сородича на Майнцском соборе 829 г. [11, p. 116–120].

Рабан Мавр описывает позицию, которую отстаивали родственники Готшалька по отцовской линии, следующим образом: «Поскольку они в самом деле услышали, что каноническая облация в отношении отроков младшего возраста должна подтверждаться правомочными свидетелями... они искусно аргументируют, что никому не дозволено призывать свидетелей для подтверждения истинности христианской религии, если не из своего собственного народа... Например, они говорят, что над саксом никто из франков или римлян, или из какого-либо другого народа не может быть свидетелем, если сам он не сакс, даже если среди своих считается знатным по рождению и порядочным по образу жизни. Ибо они говорят, что закон их народа не может позволить, чтобы человек другого народа был призван в свидетели в нарушение закона их свободы» [8, col. 431].

Похоже, что защитники Готшалька в данном случае ссылались на правовой обычай, который нашёл отражение в 39 главе «Саксонской правды», в которой утверждается следующее: «Кто обманом через клятву хочет лишить собственности другого, пусть будет побеждён двумя или тремя правомочными свидетелями из той же области, и если свидетелей будет больше, то это ещё лучше» [13, S. 27]. По всей видимости, данная глава подразумевает, что при отчуждении имущества свидетелями имели право выступать исключительно соотечественники собственника.

Таким образом, эта норма саксонского права могла быть применена в случае Готшалька, так как петиция, составленная при совершении облации, лишала его отцовского наследства и, следовательно, должна была быть засвидетельствована саксами.

Тот факт, что саксонская родня Готшалька отказалась признавать франков правомочными свидетелями, разгневал Рабана Мавра. Он не преминул напомнить своим противникам о превосходстве франков как богоизбранного народа над покорёнными саксами, которых они обратили в христианство, что может рассматриваться как пример идей о франкской исключительности: «...какая есть причина сообразно Богу или сообразно людям, чтобы более низкие по добродетели и достоинству отвергали превосходящих себя и более выдающихся, и презирая, отбрасывали как недостойных любого почтения тех, кому им надлежало быть подвластными. Ибо кто, живущий в этой стране, не знает, что франки были в вере Христовой и религии раньше саксов, которых сами

впоследствии подчинили своей власти силой оружия и, сделавшись превосходящими... обратили в веру Христову. Но сейчас некоторыми вождями из этого народа... они неблагодарно отвергаются, а также недостойно отбрасываются против закона неба и против закона суда, чтобы не могли быть свидетелями истины» [8, col. 432].

Далее аббат Фульды ставит под сомнение сам принцип персонального действия права, приводя в пример римскую и персидскую империи, где единые законы распространялись на всю территорию государства: «Истории в самом деле рассказывают, что вся Азия, помещённая под сто двадцатью сатрапами, подчинялась законам персов. Также все народы были таким образом подвержены власти римлян цензом и чувством сообразно указам императоров по различным провинциям в свои времена, и быть записанным в римское гражданство считалось большим достоинством, а также почестью у всех народностей» [8, col. 432]. В письме к Отгару Рабан Мавр резюмировал свою позицию относительно сохранения собственных правовых обычаев у различных народов Франкской империи в следующем тезисе: «В разнообразии племён не должно быть различия, ибо едина католическая церковь, распространённая по всему миру, и любой из верующих является сыном света, поскольку является сыном Бога» [5, p. 520].

Аббат Фульды был далеко не единственным церковным деятелем, кто выступал за унификацию права во Франкской империи [10, p. 114–115]. Архиепископ Лионский Агобард около 820 г. написал письмо Людовику Благочестивому, в котором жаловался на то, что «единству божественного дела» в его государстве мешает «такое разнообразие законов, что оно сохраняется не только в отдельных областях или городах, но даже во многих домах» [5, p. 159].

Данная ситуация часто приводила к анекдотическим случаям, когда могло оказаться так, что «вместе идут или сидят пять человек, и ни один из них снаружи в преходящих вещах не имеет общий закон с другим, хотя внутри в вечных вещах они удерживаются одним законом Христа» [5, p. 159]. И несмотря на то, что все они могли быть христианами, как утверждал Агобард, «если внезапно выпадет на долю кого-то из них самих разбирательство в судах, не сможет иметь никакого свидетеля из своих дражайших товарищей, с которыми вместе шагает» [5, p. 159].

Архиепископ Лионский развивает свой тезис, высказывая императору следующие соображения: «Однако мне, вашему слуге, хотя последнему, однако верному, кажется неуместным, что христианин о христианине и посредством этого брат о брате не может давать свидетельские показания... По этой причине в самом деле случается, что справедливому человеку не позволяется свидетельствовать над

несправедливым, поскольку они придерживаются разных законов согласно миру, в то время как должны придерживаться одного закона согласно Богу» [5, р. 160].

Агобард затем наглядно демонстрирует какими проблемами было чревато ограничение круга правомочных свидетелей соотечественниками того, в отношении кого они давали свои показания, на примере применения одного из многих действовавших во Франкской империи сводов законов – «Бургундской правды»: «Какая польза в том, чтобы из-за закона, который называют [законом] Гундобада, автором которого был человек еретический и яро враждебный по отношению к католической вере (люди этого закона очень немногочисленны), даже другому доброму христианину нельзя было свидетельствовать над ним? Из этого возникает крайне абсурдная ситуация, что если кто-то из них совершит какое-либо зло в собрании народа или даже на публичном рынке, он не обвиняется свидетелями, но ему позволено принести ложную клятву, как будто бы не было тех, кто мог бы знать правду. Здесь явно видно, что этот проклятый закон является пагубным» [5, р. 160].

Примечательно, что «Бургундская правда» в своей 60 главе содержит правовую норму схожую с той, на которую вероятно ссылались саксонские родичи Готшалка, доказывая неправомочность франкских свидетелей при совершении его облации: «Кроме того, если после этого какой-либо варвар захочет завещать или подарить [что-либо], римский или варварский обычай должен соблюдаться, если хочет, чтобы то, что он совершит, имело какое-то [подобие] крепости, то есть пусть то, что он захочет даровать кому угодно будет скреплено законными письменными документами, или по крайней мере пусть то, что он захочет отпустить или подарить вступит в силу посредством свидетельства пяти местных и перейдет в собственность того, кому вещь была передана» [12, р. 92].

Процедура покупки недвижимого имущества регламентируется в 99 главе «Бургундской правды» и вновь предполагает наличие местных свидетелей: «Если кто приобрел раба, или поле, или виноградник, или угодье, либо дом построенный в каком угодно месте, приказываем, чтобы терял плату, если [покупка] не была засвидетельствована или письменно заверена; по крайней мере, если сам письменный документ не был подписан или снабжен печатью семью или пятью постоянно пребывающими в том месте свидетелями» [12, р. 113].

Таким образом, наша реконструкция правового обычая, согласно которому при отчуждении имущества свидетелями имели право выступать исключительно соотечественники собственника,

произведённая на основе 39 главы «Саксонской правды», подкрепляется сравнением с другим германским сводом законов.

Защитники Готшалка ставили под вопрос не только законность отсутствия саксонских свидетелей при совершении его облации, но и, по всей видимости, право матери распоряжаться судьбой и наследством своего несовершеннолетнего сына. На примере родителей саксонского монаха мы воочию можем наблюдать, к каким сложностям могла привести ситуация, когда в одном доме жили по двум разным законам. Так, 42 глава «Саксонской правды» гласит: «Кто мёртвый оставит жену, пусть опекунство примет его сын, которого он имел от другой жены, если же по воле случая таковой будет отсутствовать, то – брат умершего, если же и брата не будет – то ближайший родственник из его рода» [13, S. 28].

Однако, согласно франкскому обычаю, вдова возвращалась в свою семью, и мать Готшалка, которая была франкой, после смерти его отца скорее всего отправилась обратно к своим родственникам [1, р. 293]. Но это вовсе не означает, что Готшалк, живший по нормам саксонского права, должен был последовать за своей матерью. Напротив, судя по всему, ему надлежало остаться с родственниками покойного графа Берна, и только они могли принимать решение о будущем Готшалка.

На этот саксонский обычай Рабан Мавр отвечает ветхозаветным примером пророчицы Анны, подчёркивая тот факт, что она сама приняла решение отдать сына Богу: «Я бы хотел знать, что бы сказали эти ненавистники и противники обычая регулярной облации об этой жертве, которая практически идентична регулярной облации, которую блаженный отец Бенедикт утвердил в своём уставе: поскольку, как он приказывает там родителям приносить своих маленьких сыновей с подношением и петицией Богу рядом с алтарём, так и здесь эта святая и пророчица Анна пожертвовала своего маленького сына с подношением из муки и других видов, которые упоминаются в Книге Царей, пред священником Ели в Скинию Господню. Разве они полагают, что Анна сделала это, побуждённая духом гордыни, когда, как если бы была в собственной власти, она без совета или повеления мужа, ещё до зачатия ребенка, прежде всего принесла обет Богу? Затем после его рождения, хоть и с согласия ее мужа, она сама уверенно пожертвовала его Господу и прилежно изложила свой обет в присутствии священника Ели» [8, col. 427–428].

Сразу после рассказа об Анне аббат Фульды пытается обесценить правовой аргумент своих противников: «С другой стороны, если мирской закон должен так сильно господствовать в богослужении, что никому не дозволено преступать его на службе Христа, как творец всего

хорошего и самый внимательный блюститель справедливости не подтвердил это своим свидетельством и не предоставил всем явное суждение своей воли?» [8, col. 428]. Упоминание Рабаном Мавром мирского закона в связи с ветхозаветным примером Анны свидетельствует о том, что право матери Готшалка отдать сына в монастырь действительно оспаривалось его саксонской роднёй.

На протяжении всей «Книги об облации отроков» красной нитью проходит идея о том, что божественный закон должен превалировать над мирским. Уже в самом начале трактата Рабан Мавр следующим образом обличает стремление своих противников следовать букве закона в отношении обычая детской облации: «Бесстыжие выдумщики ложных догматов в самом деле напыщенно говорят, что родителям не дозволено передавать своих маленьких сыновей для служения Богу и что не подобает свободному человеку делать рабом свободнорождённого сына, желая навязать человеческий закон Богу и пытаться подчинить властителя всего человеческим постановлениям» [8, col. 419–420].

Далее по тексту аббат Фульды прибегает к своему излюбленному методу аргументации, приводя ветхозаветный пример жертвоприношения Исаака, чтобы показать божественное происхождение обычая детской облации, которое выводит его из-под действия мирского закона: «Что на это ответят несносные защитники истиной свободы и пустословы против Бога? Неужели скажут, что этот патриарх несправедливо поступил, потому что по повелению пожертвовал Богу единственного сына и наследника, рождённого от свободной жены? Или будут доказывать, что это Бог нечестивости, потому что заставил совершить сыноубийство своего верного почитателя? Или скорее, не является ли большей несправедливостью мнение тех, кто предпочитает мирской и временный закон божественному и вечному, который правит всем и устраивает всё своим кивком?» [8, col. 423].

С точки зрения Рабана Мавра петиция, подписанная при совершении облации Готшалка, была полностью законной, а его защитники, которые отрицали это, не могут считаться благонадёжными, так как они выступают против божественного закона: «Однако, неудивительно, что те, кто чувствуют то, что противоположно божественным устоям, не соблюдают надлежащим образом договоры людского соглашения; ибо, ошибаясь и вводя в заблуждение, они становятся виновными в глазах Бога и достойными порицания в глазах людей» [8, col. 432].

Аббат Фульды также предупреждает своих противников о последствиях нарушения обета перед Богом: «Этими и схожими

свидетельствами Писания мы обучаемся, чтобы не забывали возвращать обет, который приносим Богу, потому что Господь не будет считать невиновным того, кто не боится его обманывать. Но какое горе! Некоторые, недооценивая завет, в который они вступают с Богом, неблагодарно полностью отвергают [его], как если бы без опасности он мог быть расторгнут, и ища дружбы этого мира, не боятся стать врагами Бога. Ибо, кто хочет быть другом мира сего, тот становится врагом Бога» [8, col. 434]. Посыл Рабана Мавра весьма понятен: тот, кто, опираясь на мирской закон, осмелится разорвать обет с Богом, станет его врагом.

Идеи о примате божественного закона над мирским и неразрывности монашеских обетов хорошо резонировали с имперской повесткой того времени. После поражений, которые франки потерпели в 827 г. от рук мусульман в Испанской марке, Людовик Благочестивый серьёзно озаботился тем, чтобы заручиться божественной поддержкой [6, p. 26]. Публичное письмо, которое сопровождало указ о созыве в 829 г. четырёх церковных соборов, открывалось следующим обращением императора к своим поданным: «Мы полагаем, что вы припоминаете, как в этом году по совету священников и других наших верующих мы приказали соблюдать общий пост по всему нашему королевству и умолять Бога со всем благоговением, чтобы смилостивился над нами и показал нам, в чём мы больше всего задели его, и чтобы соблаговолил даровать нам спокойное время для нашего необходимого исправления» [2, p. 4].

Нам остаётся только догадываться, подействовали ли доводы Рабана Мавра на Людовика Благочестивого, и какое решение тот принял на имперском собрании в Wormse. Впрочем, несмотря на обретение свободы по решению Майнцкого собора 829 г., в последующие годы Готшалк упоминается исключительно как монах. Поэтому, кажется вероятным, что император решил не испытывать божественное терпение и восстановил монашеские обеты Готшалка. Такой итог разбирательства не должен вызывать удивления, ведь Рабан Мавр, как явствует из фрагментов переписки Фульды, обсуждал дело саксонского монаха с архикапелланом Гильдуином и мог заполучить в лице этого приближённого Людовика Благочестивого влиятельного ходатая.

Саксонскому монаху, однако, было даровано право покинуть Фульду и выбрать себе другую обитель, в обмен на что ему пришлось оставить своё отцовское наследство, о чём Готшалк жалуется в письме, адресованном архиепископу Реймскому Эббону в 831 г.: «Итак, в качестве проклятия вашего слуги, имущество моего родителя сейчас раздаётся многим, и не только чужим, но также моим [родственникам]» [7, p. 44].

С другой стороны, Рабан Мавр в письме к Отгару в защиту претензий Фульды на наследство Готшалька подчёркивал, что «владения этого монастыря, как вы знаете, являются господской собственностью, которая досталась господину-императору по наследственному праву из отцовского наследства, поэтому мы боимся потерять что-либо оттуда» [5, pp. 519–520]. Несмотря на то, что Гаттон также обратился к архиепископу с просьбой поспособствовать возвращению утраченного наследства Готшалька, Отгар, похоже, встал на сторону Рабана Мавра [5, p. 530].

В своём письме к Людовику Благочестивому Агобард утверждает, что решения церковных соборов должны иметь большую силу, чем правовые обычаи различных народов Франкской империи: «Это говорится не для того, чтобы все постановления епископских соборов без разбора принимались с тем же доверием, что и [постановления] Никейского, Халкидонского и других всеобщих соборов, созванных и принятых согласием всего мира. Но потому, что с надлежащим почтением и должным благоговением из-за насущных вопросов, решения которых не находятся в этих всеобщих [соборах], вера должна применяться к ним; и будет лучше каждому следовать их власти, чем собственному усмотрению; и без некоторой боли не может пройти, когда решения многих и святых, а также католических [мужей] не исполняются, а закон одного еретика короля Гудобада соблюдается внимательно, как будто данный Богом» [5, p. 163].

Несмотря на это, нормы саксонского права несомненно были значимыми для епископов, которые руководствовались ими на Майнцском соборе 829 г. при рассмотрении дела Готшалька. Решение церковного собора, однако, могло быть пересмотрено императором, который был высшей судебной инстанцией в государстве. Людовик Благочестивый в отличие от собравшихся в Майнце епископов, видимо, предпочитал нарушить мирской закон, чем преступить божественный. Таким образом, в деле Готшалька библейская традиция была негласно признана основным источником права во Франкской империи.

Библиографические ссылки

1. Boretius, A. *Capitularia regum Francorum* : in 2 vol. – Hannover, 1883–1897. – Vol. 1. – 1883. – 462 p.
2. Boretius, A. *Capitularia regum Francorum* : in 2 vol. – Hannover, 1883–1897. – Vol. 2. – 1897. – 726 p.
3. de Jong, M. *In Samuel's Image: Child Oblation in the Early Medieval West* / M. de Jong. – Leiden ; New York ; Köln : E.J. Brill, 1996. – 360 p.
4. Dümmler, E. *Epistolae Karolini Aevi* : in 6 vol. – Berlin, 1892–2018. – Vol. 2. –

1895. – 639 p.

5. Dümmler, E. *Epistolae Karolini Aevi* : in 6 vol. – Berlin, 1892–2018. – Vol. 3. – 1899. – 679 p.

6. Gillis, M.B. *Heresy and Dissent in the Carolingian Empire: The Case of Gottschalk of Orbais* / M.B. Gillis. – Oxford, 2017. – 304 p.

7. Lambot, C. *Lettre inédite de Godescalc d'Orbais* / C. Lambot // *Revue Bénédictine*. – 1958. – Vol. 68, Iss. 1–2. – P. 41–51.

8. *Rabani Mauri Fuldensis abbatis et Moguntini archiepiscopi opera omnia* : in 6 vol. – Paris, 1852–1864. – Vol. 1. – 1864. – 1164 col.

9. *Smaragdi abbatis monasterii Sancti Michaelis Viridunensis opera omnia*. – Paris, 1865. – 1140 col.

10. Patzold, S. *Hraban, Gottschalk und der Traktat De oblatione puerorum* / S. Patzold // *Raban Maur et son temps*. – Turnhout, 2010. – S. 105–118.

11. Pez , W. *Le virus de l'erreur: la controverse carolingienne sur la double pr determination: essai d'histoire sociale* / W. Pez . – Turnhout : Brepols Publishers n.v., 2017. – 565 p.

12. von Salis, L.R. *Leges Burgundionum* / ed.: L.R. von Salis. – Hannover : Hahnsche Buchhandlung, 1892. – 188 p.

13. von Schwerin, C.F. *Leges Saxonum und Lex Thuringorum* / hrsg.: C.F. von Schwerin. – Hannover ; Leipzig : Hahnsche Buchhandlung, 1918. – 75 S.

14. Werminghoff, A. *Concilia aevi Karolini* : in 2 pt. / ed.: A. Werminghoff. – Hannover; Leipzig, 1906–1908. – Pt. 1. – 1906. – P. 1–466.

15. Werminghoff, A. *Concilia aevi Karolini* : in 2 pt. / ed.: A. Werminghoff. – Hannover; Leipzig, 1906–1908. – Pt. 2. – 1908. – P. 467–1015.

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ХРОНИК ФРУАССАРА

Н. А. Закрочинский

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nikitazakrochinskiy02@mail.ru

В статье автор анализирует развитие англоязычной историографии по проблематике хроник Жана Фруассара. Выделяются три этапа развития с последующими характеристиками периодов изучения хроникального наследия Жана Фруассара. Автор подчёркивает скачкообразность интересов к Фруассару и его хроникам, малочисленных крупных обобщающих работ, а также рассмотрение Фруассара в научных предпочтениях исследователей как второстепенной и вспомогательной темы, которая часто стоит на втором и третьем планах. Также сравнительно недавно использование хроник каноника из Шиме как источника по истории Англии XIV в.

Ключевые слова: Жан Фруассар; историография; Англия XIV в.; источниковедение; Годфрид Кроенен.

The author analyzes the development of English-language historiography on the problems of the chronicles of Jean Froissart in the article. There are three stages of development with subsequent characteristics of the periods of study of the chronicle heritage of Jean Froissart. The author emphasizes the discontinuity of interests in Froissart and his chronicles, the small number of major generalizing works, as well as the consideration of Froissart in the scientific preferences of researchers as a secondary and auxiliary topic, which often stands on the second and third planes. Also, the chronicles of the Canon of Time were relatively recently used as a source for the history of England in the XIV century.

Keywords: Jean Froissart; historiography; England of the XIV century; source studies; Godfried Croenen.

Хроники Фруассара открылись для английского читателя с 20-х гг. XVI в., когда совершается полноценный перевод всего труда Джоном Буршье. Будучи дипломатом и канцлером он в 1521 г. начинает переводить наследие хрониста, которое успешно печатается и публикуется при поддержке Генриха VIII. На протяжении раннего нового времени не фиксируются научные изыскания англичан по поводу личности самого Фруассара и его труда. Однако уже в XVIII в. французский просветитель Жан-Батист де Ла Курн делает попытки писать очерки как и по биографии самого хрониста, так и, в целом, дать характеристику самому источнику, начиная от его атрибуции и заканчивая попытками проследить разночтение некоторых манускриптов, имевшихся в библиотеках Франции [10]. В начале XIX в.

английским дворянином Томасом Джонсом по совместительству любителем-переводчиком было предпринято редактирование перевода лорда Буршье, что и привело к очередной публикации Фруассара на английском языке. И в первом томе Томас Джонс вставляет переведённые им очерки де Ла Курна, которые и были главными для английского пространства первыми исследованиями хрониста из Валансьенна. Однако с конца XIX в. начинается массовое переиздание переводов Фруассара в Британской империи, где уже академические работники, а не любители начинают подходить к изучению личности хрониста и его труда. Причинами данного поворота можно назвать исследования бельгийских историков середины XIX в, которые подтолкнули научное сообщество на исследования хроник, а также дали более взвешенную публикацию источника уже с научным аппаратом для исследователя. Нельзя забывать и окончательное становление Британии как колониальной империи, где она в своей идеологии искала себе идеал государства и монарха. Одним из таких примеров нам показывает Фруассар, который видит идеального короля в лице Эдуарда III. Потому для англичан было крайне важно искать апологетов в лице таких хронистов, к тому же, который начинал карьеру на Британских островах и имел огромнейшие контакты, к примеру, с литературной элитой Англии в лице Джоффри Чосера.

На момент рубежа XIX-XX вв. комплексных исследований в Англии не имелось, первые примеры таких изысканий имеют место в предисловиях к изданиям хроники. Это мы можем считать первым этапом в развитии англоязычной историографии, который выразился в написании таких очерков к изданиям английского перевода Фруассара. Точкой старта, когда начинаются данный процесс, это издание Фруассара 1895 г., где мы сталкиваемся с предисловием классического филолога Джорджа Маколей. Его областью избирается собственно вопрос английского перевода Джона Буршье и его личности. Языковед начинается обрисовывать сам род Буршье, представителей которых упоминал и Фруассар. Переходя к личности переводчика, то Маколей подчёркивает, что у него до этого имелись переводы, потому имелся опыт трансляции из европейских знаков в английский крупных сочинений. Проводя критику перевода, автор очерка отмечает как и сильные, так и слабые стороны. К последним стоит отнести: грамматические ошибки имён собственных и пунктуацию. Причины этого коренятся в использовании только одного манускрипта без сравнения иных примеров. Маколей в своей критике доходит до того, что лорд и вовсе не знал звучания современному ему французского языка. Потому это в переводе приводило к огромнейшему числу

недопониманий. Автор очерка доходит до того, что грамматический стиль и вовсе безнадёжный ввиду инверсий, несогласования глаголов с подлежащими. Однако имелись и сильные стороны первого перевода на английский: т.к. Джон Буршьё был человеком королевского двора, то он сумел уловить стиль Фруассара. Канцлер при переводе смог войти в дух той эпохи, которую передавал хронист, и транслировал уже его в своём переводе через эмоциональную и экспрессивную манеру. Подспорьем для успешного в стилистическом плане перевода являлось и его происхождение: прадедом его был Томас Вудсток, являвшийся одним из важных лиц в нарративе Фруассара, потому и его родственники могли передавать через устную традицию определённую информацию. Также Джон Буршьё с 1520 г. являлся королевским наместником в Кале, который часто фигурирует в связи с боевыми действиями в хронике. Поэтому для лорда имелось огромное поле для исследования по поводу аутентичности передаваемой информацией Фруассаром [14].

Следующим автором предисловия к переизданию Фруассара 1901 г. является шотландский литературовед Уильям Кер. Он уже затрагивает более широко английскую литературу позднего средневековья и раннего нового времени. Обращаясь вначале к Джон Буршьё, то он ставит его продолжателем традиций Чосера и Мелори как интерпретаторов в Англии французской куртуазной литературы. Автор предисловия заостряет внимание исключительно на фигуре переводчика-канцлера и его главных переводах, где отмечает достижения в области грамматики и стилистики текстов. Уильям Кер не заостряет внимание на недостатках перевода Буршьё. Обстоятельства минусов работы + заключались в самом французском тексте, язык которого гораздо лучше, чем английский, неумелости печатника, но и имелась объективная причина – пренебрежение историческими названиями. Однако Кер отмечает, что величие и успех Фруассара определялись искусным использованием старофранцузского языка, который придавал читателю чувство пафоса и переживаний за описанных героев. На момент начала XX в. ставится проблема о первоначальной потерянной поэтической хронике, которую преподносил в начале 1360-х гг. Фруассар королеве Филиппе. Уильям Кер уже усмотрел один оборот, который был некорректно переведён Джоном Буршьё, что и привело к спору в научном пространстве. Содержание той хроники, по мнению Кера, велось вокруг битвы при Пуатье. Последовательно автор очерка раскрывает и всех патронов и их связи между хронистом. Интересно, что автор видит истоки изменения первой книги хроник в поездке в Ортез. А не декаденс, который пришёл в голову хрониста ввиду кризисов последних десятилетий XIV в. Однако будучи англичанином автор признаёт, что свержение Ричарда также

сподвигло на пересмотр хроники. Не обходит стороной Уильям Кер и личность Жан Ле Беля, трудами которого пользовался Фруассар для написания первой книги. Автор подчёркивает для нас, что каноник из Шиме огромное количество раз цензурировал свою хронику ввиду того, что он не может подтверждать те или иные события, которые наблюдал Ле Бель. Теперь научное сообщество придаёт Фруассару ореол хрониста рыцарского сословия, который выражал их идеал. В то же время признаётся его способ красочно и эмоционально передавать события [13].

Уже следующая крупная работа для англоязычного пространства является монография профессора Ширса «Фруассар, хронист и поэт», изданная в 1930 г. С этого момента можно говорить о втором этапе развитии историографии, где уже от предисловий формируются самостоятельные работы, которые посвящаются личности Фруассара и его труду. Однако в это время работы появляются не систематичны, в 1960-е гг. они и вовсе появляются в юбилейные даты литературной карьеры хрониста. Автор акцентирует внимание, что любовь хрониста к рыцарским романам сыграло одну из ролей в создании его эпопеи. Ширс вслед за Уильямом Кером уделяет обязательное внимание его поэтическим трудам ввиду того, что они раскрывают его принципы историописания. Для Фруассара факты не только фундамент нарратива, но и источник произведения искусства, которые он описывает. Ширс считает, что Фруассар для своего времени был крайне современным человеком, которого отличал субъективизм, рациональность и даже циничность во взглядах. Отмечается, что по отношению к церкви его взгляды независимы. Автор монографии не соглашается с тем, что с последующим изменением своего мецената хроника изменяла своё отношение к тому или иному покровителю. Как раз наоборот, нарратив Фруассара становился всё более и более сильным в доказательной базе [17].

Далее на полвека в англоязычном дискурсе прекращаются крупные исследования по тематике Фруассара. Однако существуют несколько работ, которые стоят нашего внимания. Статья Норманда Картьера 1961 г. «Потерянная хроника» поднимает проблему содержания и формы работы, которая была подарена Фруассаром королеве Филиппе и считается первым крупным литературным трудом хрониста, но утраченным [3]. Основной задачей автор видел для себя изучение этимологии выражения «писать стихи и сочинять», где последнее могло интерпретировать по отношению к прозаическому тексту. Изучая контекст использования этих слов в других произведениях Фруассара, Картьер пришёл к выводу, что хроника была рифмованной. Наполнение

труда включает в себя с одной стороны компиляцию «Правдивых хроник» Ле Бея, а также собственные сведения о начальном этапе Столетней войны. Интересным направлением для изучения личности Фруассара являлось также в 60-е гг. изучение его путешествий, в частности в работах Диверса – это Шотландия. В своих статьях он составляет итинерарий хрониста, список аристократов, которые были посещены им. К тому же автор активно использует и поэмы хрониста, в частности Мелиадор, которые раскрывают уже личные ощущения каноника из Шиме по отношению к местному населению. Фруассар как и иные средневековые хронисты не проявляет интерес к местной топографии. В то же время его главные герои в лице крупных феодалов входят в общую канву интересов хрониста, где он отмечает радостно их гостеприимность. Если характеризовать сельское население, то для Фруассара оно дикое и невероятное бедное. Однако автор видит и тенденциозность хрониста при описании шотландских войск, которое было полностью вдохновлено у Ле Бея [12].

Следующим крупным прорывом для английского читателя является проведённый симпозиум под руководством Джона Палмера в 1981 г., итогом которого являлся выпуск сборника статей, посвящённых уже на различную тематику. С этого момента мы можем говорить о третьем этапе развития англоязычной историографии, когда уже расширяется крайне широко ареал учёных, исследующих проблематику Фруассара. К примеру, работы Палмера и Джорджа Диллера посвящаются редакциям первой книги Фруассара. Глава симпозиума утверждает, что несколько версий создавались после 1390 г. и сам хронист рассматривал их не как замену предыдущего труда, а доступные альтернативы, которые были одинаково достоверны в версиях событий. Также Палмер отмечает, что начинается пересмотр труда Фруассара. Ведь историки наконец стали отмечать авторский взгляд хрониста на ряд событий XIV в., что позволяет по-новому оценить прошедшие политические конфликты. Где в пример глава симпозиума ставит борьбу Ричарда II с парламентом. А идея Диллера и вовсе становилась революционной, ибо он считает, что Фруассар не сам создавал свою хронику, а диктовал текст уже писцу. Однако новаторство в рассмотрении хрониста на этом не заканчивается. Высказывается суждение, что Фруассар и вовсе придумывал факты, чтобы усилить правдоподобие своего повествования, а также писал то, что точно могло заинтересовать его целевую аудиторию. Причины этих таились в нескольких пунктах: очевидцы, которые были проинтервьюированы, часто обладали неточными и тенденциозными воспоминаниями, а, возможно, и дурачили его. У Фруассара не было доступа к дипломатическим и административным документам. Хронист

также никогда не являлся свидетелем сражений [16].

Поворот, вызванный Палмером, привёл к активному использованию работы Фруассара для исследования собственно уже истории средневековой Англии. Это также является одной из характеристик нового этапа развития историографии. К примеру, Джорж Стоу рассматривает образ Ричарда II через хроники Фруассара. Он делит хронологически развитие этого образа на три этапа: 1377-1388; 1389-1396; 1397–1400. В первом периоде активно постулируется тема зависимости молодого монарха от глупых фаворитов, что приводит королевство в кризисы. Следующий период характеризуется вниманием к положительным чертам, когда бескровно была завоёвана Ирландия и заключён мир между Францией и Англией. В заключительном периоде Фруассар вновь возвращается к пессимизму насчёт Ричарда, переходящего в прямую критику его политических решений, а также излишней доверчивости к советникам. А попытки короля обратиться к помощи какому-нибудь сословию всё больше его отдаляло от населения, что и привело к свержению [21].

Сила симпозиума Палмера была ошеломляющей ввиду чего резко возрастает интерес в Европе к тематике Фруассара. Работы отходят от классического подхода оценки труда хрониста со стороны его стилистических, словесных качеств. Теперь исследователи начинают подходить к более пристальному чтению хроник [11], чтобы увидеть определённый символический смысл, зашифрованный среди строк. Одним из таких представителей стоит отметить Питера Айнсворта, преподающего в университете Шеффилда. Его труд «Жан Фруассар и ткань истории: правда, миф и фикция в хрониках», опубликованная в 1990 г., стремится посмотреть на опус хрониста в лице прозаического дискурса. Цель автора монографии и предопределила исходные точки исследования в данной работе: в первую очередь, Айнсворт обращается к проблеме – что для Фруассара означает «писать историю». Профессор выделяет следующие основные категории – беспристрастность, метод интервьюирования и использование прозаической формы. Далее исследование обращается к нетривиальным сюжетам Фруассара в лице поездки в Беарн и нахождении хрониста при дворе Гастона Феба. Данные сюжеты важны для нас как способы изучения собственных ощущений и чувств хрониста по поводу главного объекта, который он описывает. Айнсворт раскладывает весь нарратив Фруассара о жизни в Ортезе на многочисленные рассказы, где хронист используется ряд метонимий, которые связывают ряд сюжетов семьи графа Феба. Уже последней тематикой профессора является одной из малоисследованных для английской историографии: постановка вопроса о причинах и целях

создания Римского манускрипта и переписывания истории Фруассаром. Данный манускрипт, повествующий о событиях 1325-1350 гг. создавался уже с учётом политических реалий 1390-х гг., свидетелем которых был каноник из Шиме. А Эдуарда III в изображении хрониста становится наивысшим примером рыцарского поведения, к которому должны все стремиться [2].

Ещё из трудов, посвящённых наследию Фруассара, можно назвать сборник статей «Фруассар через жанры», который являлся результатом коллоквиума 2-5 ноября 1995 г. в Амхёрсте. Секция, которая была посвящена хроникам Фруассара, рассмотрела, к примеру, тезис Айнсворта о том, что хроника составлялась не только на основе устной информации, но и на базе ранее сделанных заметок в лице восковых табличек. Тот же Чарльз Вуд делает акцент, что устные источники, которыми пользуется Фруассар, отражают взгляды и установки покровителей хрониста. Также поднимался вопрос о иллюстрациях первой книги хрониста, где выделяются два блока миниатюр, авторами которых являлись семьи из Парижа и Фландрии. И если первая была ответственна профранцузской партией, то вторая проанглийской [15].

Рубеж веков ознаменовал наступление в историческую науку полноценно уже нового инструментария в лице компьютерных технологий [1]. Это не могло не обойти и наследие Фруассара, где примером синтеза нескольких дисциплин является проект The Online Froissart. Главными выразителями новых подходов являются Айнсфорт и Годфрид Кроенен из университета Ливерпуля. Область исследований последнего историка крайне широкая по отношению к хронисту. Теперь научное сообщество обращается не столько к собственному труду, сколько к обширному наследию, которое осталось в результате многочисленных копирований [4, р. 7] и производств данных хроник среди европейской аристократии. Для Кроенена объектом исследования будут выступать парижские библиотекари, которые начали составлять первые копии хроник на заказ, а впоследствии и сумели распространить данный труд как во Францию, так и во Фландрию и Англию. Профессор пристально прослеживает все этапы создания книги, начиная от получения аванса и заканчивая работами подрядчиков для Пьера де Лифоля, одного из крупнейших парижских библиотекарей [9]. Кроенен для себя удивительно подмечает, что среди первых англичан, которые владели хроникой Фруассара были юристы, к примеру, как Томас Урsvик или Томас Кебелл, жившие в конце XV в [8]. Вопросы источниковедения для профессора будут всегда стоять на первоочередном месте, потому и истоки стиля написания, сюжетов Фруассаром привели к попытке сравнения его хроники и труда

Гальберта из Брюгге [5], жившего в XII в. Для обоих литераторов тема родины-Фландрии будет оставаться всегда актуальной и сопутствующие ей политические конфликты. Кроенен находит множество параллелей, которые затронули историки, ведь в центре внимания становится граф Фландрии, против которого восстали жители страны. Темы переодевания как способа спасения аристократа, сжигания в домах как средство наказания людей являлись общими для обоих хронистов. Автор статьи отмечает, что для Фруассара такие моральные качества как хитрость, двуличие, жестокость поощряются уроженцем Валансьенна, а классические рыцарские добродетели и вовсе критикуются. Данные сведения позволяют пересмотреть классическое представление о Фруассаре как хронисте.

Параллельно с междисциплинарными исследованиями в англоязычном дискурсе появляются и классические работы по изучению Фруассара. Одной из новых черт для развития историографии – защита докторских работ, посвящённых определённым аспектам хроник Фруассара. Исследовательница Кристал Скорге в своей докторской «Идеалы и ценности в хрониках Жанна Фруассара» (2006 г.) желает выяснить: действительно ли прославляет писатель рыцарские добродетели в описании военных кампании и крупных феодалов или, следуя взгляду Айнсворта, взгляды уроженца Валансьенна трансформировались? Находясь в поисках хроникального идеального человека, автор утверждает, что для Фруассара эта личность должна примирить в себе традиционные идеалы рыцарства и куртуазности вместе с здравым смыслом, стратегическим мышлением и владением тактическими навыками. Скорге соглашается со своими предшественниками по более прагматичному подходу хронисту в четвёртой книге хроник и Римском манускрипте, однако она привержена идеи о эклектичной натуре Фруассара и его системе ценностей и идеалов. Исследовательница считает, что хроники косвенно, однако являются маркером изменения ментальности средневековой аристократии к концу XIV в. Что и определяло, по её мнению, большую распространённость труда хронист среди европейских элит. Важным аспектом, который мог бы более глубоко раскрыть вопрос о лучшем человеке в глазах Фруассара, является Ричард II и его свержение. Кристал Скорге видит амбивалентность по отношению к внуку Эдуарда III. С одной стороны, хронист признаёт: для того, чтобы утвердиться среди рыцарства требовалась проявлять воинственные амбиции и участвовать в военных конфликтах и сражениях, что не выполнялось Ричардом и как следствие привело его к поражению. В то же время хронист не может не симпатизировать миру, который установил Лондон

с Парижем, а также поворот военной политики не только в сторону Франции, но и Шотландии, а также тому, что завоевание Ирландии осуществилось почти что бескровно. Заключая свой труд, Скорге говорит, что тексты на подобие хроник Фруассара должно были объяснять сложные и эклектичные идеалы, которые имелись среди европейского рыцарства в позднем средневековье [18].

Ещё одна докторская, которая вобрала в себя дискурс региональной истории через средневековую историография, создана Павлиной Солей в 2014 г. из Оксфордского университета. Труд под названием «Создание истории/рассказа: Гасконь в хрониках Жана Фруассара» ставит своей целью изучить репрезентацию данного региона в всём нарративе хрониста. Образ данной земли и их жителей согласуется как с первой книгой, так и уже последними главами всей эпопеи Фруассара. Он изображает Гасконь как перефирию, однако она имеет характеристики куртуазного и цивилизованного центра Европы в лице Англии и Франции. Это выражается в том, что для гасконцев самым желанным являются любовь и доход. А отдельные описываемые фигуры хронистом ещё более усиливают данный портрет. К примеру, взятые Фруассаром Гастон Феб и принц Аквитании одновременно в себе воплощают черты романтических героев, жестоких политиков и прагматиков. Автор не соглашается с довыдами французских историографов Фруассара, которые видят первую и третью книгу совершенно различными видами работ хронист. Наоборот она считает, что третья и четвёртые книги являются продолжением логической эволюции первых двух, особенно рассматривая стилистические параллели в историях, которые упоминали Гасконь в первой и третьей книгах [19, 20].

В заключении можем говорить, что развитие англоязычной историографии по хроникам Фруассара происходит скачкообразным образом. Можно выделить собственно три этапа развития историографии: с конца XIX в. до 1930-х гг., которые характеризуется в большей степени филологическим интересом к труду Фруассара и его переводу на английский язык, потому работы ограничиваются очерками к изданий переводов. Второй этап: с 1930-х гг. до 1980-х гг. уже является прорывом для развития исследований Фруассара, когда уже происходит источниковедческий анализ хроник, однако работы немногочисленны и появляются к юбилеям вехам жизни хрониста, также отсутствие крупных обобщающих работ негативно сказывается на популярности темы. Третий этап, который начался с проведением симпозиума Палмера, характеризуется качественно новым этапом развития исследований. Междисциплинарный подход в особенности при привлечении компьютерных технологий выразился в компьютерном

источниковедении Годфрида Кроенена и Питера Айнсфорта. Также появляются впервые защита докторских по хроникам Фруассара. Сами англичане используют хронику для потребностей в изучении средневековой Англии XIV в. Однако последние 10 лет мы не видим какие-либо крупные достижения в области хроник Фруассара, для большинства исследователей Фруассар является не основной тематикой, а дополнительной, которая просто входит в больший кластер проблемы, которую рассматривает тот или иной историк. Также малое количество собственно англоязычных монографий, посвящённых Фруассара, так и остаётся на минимуме в большинстве своём всё научное наследие расплывается во множестве статей, которые рассматриваются мелкие элементы того или иного аспекта.

Библиографические ссылки

1. Ainsworth, P. Jean Froissart : a sixcentenary reappraisal / P. Ainsworth // *French Studies*. – 2005. – Vol. 59. – p. 364 – 372.
2. Ainsworth, P. Jean Froissart and the fabric of history: truth, myth and fiction in the *Chroniques* / Peter F. Ainsworth. – Oxford : Clarendon press, 1990. – 329 p.
3. Cartier, N. R. The Lost Chronicle / N. R. Cartier // *Speculum*. - 1961. – Vol. 36. – p. 424 – 434.
4. Croenen, G. A 'Refound' Manuscript of Froissart Revisited: Newberry MS f. 37 // *French Studies Bulletin*. 2010. - Vol. 31, Issue 116. - p. 56-60.
5. Croenen, G. Chronicles of Revolt: Galbert of Bruges's 'De multro' and Jean Froissart's 'Chronique de Flandre' / Galbert of Bruges and Flemish Historiography // ed. by J. Rider, A. Murray. Washington, 2012. - Part Four, chapter 11. - p. 240–260.
6. Croenen, G. Heroes and anti-heroes in Book II of Jean Froissart's *Chroniques* // *Publications du Centre Européen d'Etudes Bourguignonnes*. - 2011. - Vol. 41. – P. 7–14.
7. Croenen, G. Jean Froissart, *Chroniques* [Amiens version, Abridged version, B/C version] / The Battle of Crécy: A Casebook // ed. by M. Livingston, K. Devries. Liverpool, 2015. - p. 396–411.
8. Croenen, G. The reception of Froissart's writings in England: the evidence of the manuscripts / *Language and Culture in Medieval Britain. The French of England, c. 1100–c. 1500* // ed. by J. Wogan-Browne, M. Kowaleski. York Medieval Press, 2009. - P. 409–419.
9. Croenen, G., Rouse M. Pierre de Liffol and the Manuscripts of Froissart's *Chroniques* // *Medieval and Renaissance Studies*. - 2002. - Vol. 33. - P. 261–292.
10. De La Curne De St. Palaye, M. *Memoirs of the life of Froissart with an essay on his works, and a criticism on his history* / Translated from the French by Thomas Johnes / M. De La Curne De St. Palaye // London: Printed by Nichols and son, Red Lion Passage, Fleet Street, And Sold by J. White, Fleet Street. – 1801. – 213 p.
11. Defaux, J. From the court of Hainault to the court of England: the example of Jean Froissart / J. Defaux // *War, government and power in late medieval France* / ed. Chr. Allmand. – Liverpool University Press, 2000. - p. 1 – 20.
12. Diverres, A. H. Jean Froissart's Journey to Scotland / A. H. Diverres // *Forum for*

Modern Language Studies. – Vol. 1. – p. 54 – 63.

13. Froissart, J. *The Chronicle of Froissart translated out of French by Sir John Bourchier Lord Berners with an Introduction by William Paton Ker*. Vol. 1 / J. Froissart. – London: Long Acre, 1901. – p. 9 – 85.

14. Froissart, J. *The Chronicles of Froissart translated by John Bourchier, Lord Berners edited and reduced into one volume by G. C. Macaulay* / J. Froissart. – London: Macmillan and CO. – 1895. – p. 5 – 24.

15. Maddox, D. *Froissart across the Genres* / D. Maddox, S. Sturm-Maddox. – Gainesville: University of Florida Press, 1999. – 257 p.

16. Palmer, J. J. N. *Froissart: Historian* / J. J. N. Palmer. – Totowa, N. J.: Rowman and Littlefield or Boydell Press, 1981. – 203 p.

17. Shears, F. S. *Froissart, Chronicles and Poet* / F. S. Shears. – London: George Routledge and Sons, 1930. – 244 p.

18. Skorge, K. *Ideals and values in Jean Froissart's* / K. Skorge. – Bergen: university of Bergen, 2006. – 219 p.

19. Souleau, P. *Performing Self and (Self-)Representation(s): Froissart's Identities in Le Voyage en Béarn and in Alexandre Dumas's Le Bâtard de Mauléon and Monseigneur Gaston Phœbus* / P. Souleau // *Performing Medieval Text*. – 2017. – Chapter 8. – p. 108 – 121.

20. Souleau, P. *Writing (Hi)story: Gascony in Jean Froissart's Chroniques* / P. Souleau. – Merton College: university of Oxford, 2014. – 214 p.

21. Stow, G. B. *Richard II in Jean Froissart's Chroniques* / G. B. Stow // *Journal of Medieval History*. – 1985. – Vol. 11. – p. 333 – 345.